

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07854615 1

INDEX

Handwritten signature or mark.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Полевымъ.

Man kann, was man will —
Man will, was man kann. . . .

Охсенитирнъ.

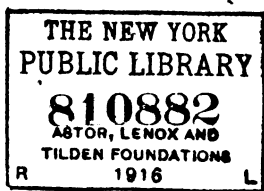
ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

~~~~~

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

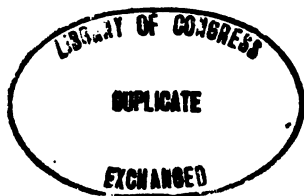
1827.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Москва, Сентября 28 го дня, 1827 года.

Цензоръ Серебѣй Аксаковъ.

NOV 18 1827
LIBRARY
Y. N. P. L.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ЧАСТЬ XVII.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

I. НАУКИ И ИСКУСТВА.

II. КРИТИКА.

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Нѣсколько мыслей о Лекенъ и Театральномъ Искусствѣ.

(Сог. Талъмъ.)

Я совсѣмъ не думаю быть писателемъ; все мое ученіе направлено было къ моему искусству; цѣль сего искусства: въ одно время доставить удовольствіе и дать урокъ. Трагедія и комедія, одна живописью добродѣтелей и пресупущеній, другая изображеніемъ спранныстей и пороковъ, занимающъ, заставляющъ смѣяться и въ то же время исправляющъ и обучающъ. Общники великихъ писателей, актеры болѣе нежели переводчики ихъ: переводчикъ ничего не прибавляетъ къ мыслямъ переводимаго имъ писателя, актеръ, вѣрно становась на мѣсто представляемаго лица, долженъ пополнить мысль автора, котораго онъ исполняетъ. Одно изъ великихъ несчастій въ нашемъ искусствѣ есть то, что оно, такъ сказать, умираетъ съ нами; между тѣмъ, всѣ дру-

Ч. XVII. No 17.

А

гіе артисты оставляютъ памятниками свои произведенія. Когда актеръ сошелъ со сцены, талантъ его существуетъ только въ воспоминаніи тѣхъ, кто его видѣлъ и слышалъ. Это должно придасть цѣны сочиненіямъ, размышленіямъ, урокамъ, оставленнымъ великими актерами. Сочиненія ихъ могутъ быть еще полезнѣе, если они объяснены, оспорены актерами, приобретающими нынѣшніе успѣхи.

Ободряясь придами - семи дѣшнее опытносью и продолжительными успѣхами, изъ коихъ иные, можетъ быть, были и заслуженные, думаю, что могу оповѣстись на сіи размышленія. Надѣюсь, что въ сей увѣренности читатель не увидитъ ни излишняго самолюбія, ни ложной скромности.

У Лекена не было учителя; всякій актеръ долженъ быть самъ себѣ наставникомъ. Если въ немъ самомъ нѣтъ способностей, необходимыхъ для выраженія страстей, для живописи характеровъ, то ихъ не могутъ дать ему совѣты цѣлаго свѣта; гению не выучиваются: эща творческая способность родится съ нами. Но если актеръ одаренъ ею, то совѣты людей, наѣленныхъ вкусомъ, могутъ его руководствовать, и какъ въ искусствѣ читать стихи есть, нѣкоторымъ образомъ, техническая часть, есть извѣстные правила, которыя можно себѣ предписать, то уроки актера совершеннаго, вводящаго

человѣка, имѣющаго зародыщъ таланта, въ тайны общественной опасности, могутъ много избавить отъ хода ощущенью, ученья и потерн времени.

Лекенъ, при самомъ вступленіи на свое поприще имѣлъ величайшіе успѣхи; его дебюты продолжались семнадцать мѣсяцовъ. Однажды онъ игралъ при Дворѣ, въ присутствіи Людовика XV, и Король, по окончаніи пьесы, сказалъ: «Этотъ человѣкъ заставилъ меня плакать, а я никогда, кажется, не плачу.» Такое знаменитое свидѣтельство доставило ему мѣсто въ числѣ актеровъ Французскихъ. Не явившись еще на ихъ театрѣ, онъ уже приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность на театрахъ общественныхъ; тамъ увидѣлъ его и замѣтилъ въ первый разъ Вольтеръ, тамъ началась связь Лекена съ симъ великимъ писателемъ. Подробности сей эпохи его жизни можно видѣть въ повѣствованіи, написанномъ имъ самимъ.

Тогдашняя система декламации была родъ какого-то псалмопѣнія, печальная мелодія, начавшаяся съ рожденія театра (*).

(*) Здѣсь, можетъ быть, ксати сказать о несообразности слова: *декламация*, служащаго къ выраженію искусства актера. Это слово, кажется, означаетъ нѣчто другое, а не естественную способность выраженія; представляешь собою конаніе какой-то условной выразительности, употребленія которой

Лекенъ, прошивъ воли подвергшись влиянію примера, чувствовалъ необходимость избавившись отъ этого однозвучнаго пѣнія и сбросить съ себя правила приличія, оуфренявшія его пламенный геній, готовый развернуться; не смотря на принужденіе, останавливавшее его, въ чтеніи Лекена въ первый разъ услышали въ театръ истинные звуки природы. Исполненная чувствительности сильной и глубокой, пламени, сожигающаго и общительнаго, его игра, сначала бурная и не-

---

восходить върѣшно до того времени, когда трагедію дѣйствительно пѣли. Я увѣренъ, что это слово часто давало ложное направленіе ученію молодыхъ актеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, декламировать, значить говорить надушо; слѣдовательно декламаторское искусство есть искусство говорить шакъ, какъ не говорить. Къ тому-же, мнѣ кажется, странно употреблять для означенія искусства слово, которое также употребляютъ кришкунъ сіе искусство. Я бы очень затруднился, если бы надобно было замѣнить сіе выраженіе другимъ, пріятнѣйшимъ.

Играть трагедію скорѣе означаетъ забаву, чѣмъ искусство; *читать* (dire) трагедію, кажется мнѣ, слово холодное и выражающее простое *прознесеніе* (débit), безъ дѣйствія. Англичане употребляютъ многія слова, лучше выражающія сію мысль: *to perform tragedy*, исполнять (exécuter) трагедію, *to act a part*, дѣйствовать въ роли (agir un rôle). У насъ есть существительное: *актеръ*, но нѣтъ глагола, должствующаго выражать идею приведенія въ дѣйствіе, идею исполненія.

управляемая законами опыта, правилась юношесству, увлеченному пылкостью его игры, жаром его произнесения, и еще больше, возмущенными звуками голоса, глубоко трагического. Любители старинного псалмопѣнія, вѣрные своимъ стариннымъ удивленіямъ, жестоко критиковали его и называли *быкомъ*. Они не находили въ немъ этой повздорительной и пышной декламации, этого поющего и спускающего выговора, гдѣ глубокое почтеніе въ цезурѣ и рифмѣ заставляло стихъ падать въ правильный кадансъ. Въ его поступи, движеніяхъ, *жесткахъ*, положеніяхъ, не было этого благородства, этой пріятности, прадѣдовскихъ, составлявшихъ тогда *прекраснаго актера* (*le bel acteur*) и преподававшихся Марселями своего времени, показывавшими ученикамъ тайны красоты мѣнуэта. Лекенъ, простой плебей, вырванный изъ мастерской золотыхъ дѣлъ, правда, не былъ воспитанъ на жолѣняхъ Королеви, какъ должны-бы, по мнѣнію Барона, воспитываться актеры; но природа, лучшая наставница, сама позаботилась открытъ ему свои тайныства.

Со временемъ, Лекенъ достигъ того, что исправлялъ всѣ несообразности, сначала необходимо брошенные на игру его неопытностію. Онъ научился укрощать свой жаръ и расчислялъ движенія онаго; однакожь не осмѣлился, съ самаго начала, совершенно оставивъ развѣренное пѣніе,

почитавшееся тогда прелестнымъ идеаломъ декламаторскаго искусства, котораго актеръ не забывалъ даже въ жару срастей. Дъвица Клеронъ, Гранваль и другіе современные актеры садовали, также какъ и онъ, системою сей декламациа, пышной и съ крѣпкими удареніями, которую они застали утвердившеюся. Даже въ обществѣ ввели они эпоху торжественный тонъ, занятой ими въ театрѣ: какъ будто опадали опыткинушь онъ него! Но въ Лекенъ эта пышность, эта приправа, эта торжественность не были замѣсны при игрѣ исполненной жара, при патетическихъ, или ужасныхъ, посправившихъ всѣ души-звукахъ его голоса. Одна дъвица Дюмениль безъ принужденія садовала всѣмъ порывамъ природы, непокоренной искусствомъ. Подобно Лекену, одаренная драгоценною и рѣдкою способностью — живо ощущать сраспы своихъ лицъ — и глубокою чувствительностью, сею основою истиннаго таланта, она безъ правилъ и безъ искусства предавалась всѣмъ волненіямъ души своей. Нечувствительная къ красотама приличія, спрашась холода расчешовъ, она неспособна была подвергнуться игу привычки и примѣра, и за то, хотя всегда удивительная, сколько должна была выдержать кришикъ! Сколько поводовъ къ зависти подавала она своей соперницѣ, впрочемъ великой актрисѣ, но игра которой, совершенно расчи-

сленная и разбѣренная, и потная дотлама-
ція, больше нравились защитникамъ спа-
рой системы. Зависѣть оумѣлилась сказа-
ть даже, что безыскусственная непринужден-
ность, какой предавалась дѣвица Дюме-
ниль, была дѣйствіемъ пьянаго состоянія!
Ничтожная клевета, незаслуживающая
даже труда опровергать оную!

Желая нравиться публикѣ, приучен-
ной съ самаго рожденія театру къ сему
пышному псалмопѣнію, могли-ли актеры
того времени, и даже самъ Лекенъ, охва-
живавшійся на нововведенія слишкомъ смѣ-
лая, желать, однимъ порывомъ, безъ по-
средствующихъ степеней, приблизиться
къ природѣ, великой, возвышенной, но
простой, истинной? Успѣхъ въ сихъ поку-
шеніяхъ, слишкомъ быстрыхъ, былъ-бы
очень сомнителенъ; при нихъ актеры под-
вергались слишкомъ большимъ опасностямъ
и имъ казалось лучше оставаться на из-
битой дорогѣ, нежели пускались въ укло-
ненія. Непріязни, осужденія, испыты-
ваемые дѣвицею Дюмениль, утѣшали
ихъ; они удивлялись ей и не смѣли подра-
жать ея дерзости. Сія правила приличія
плагошѣли иногда на плакатахъ во всѣхъ
родахъ. Какъ же утѣшались-бы опъ нихъ
актеры болѣе нежели писатели? Не ви-
димъ-ли величайшихъ писателей, сгибаю-
щихся подъ вліяніемъ своего времени? И
даже самъ Расинъ, великій Расинъ, развѣ не
часто забывался, въ семъ отношеніи, вы-

сокошъ своего тенія? Многіе изъ героевъ его носятъ на себѣ оппечашокъ *любезности* (*de la galanterie*) вѣка Людовика XIV, а не оппечашокъ своего времени. Вольперъ, въ своемъ *Храмѣ Вкуса*, облачаетъ сей недоспашокъ, въ сужденіи равно умномъ и справедливомъ. Въ Андромахѣ, въ этой удивительной пьесѣ, Ореспъ и Пиладъ, копорыхъ дружба вошла въ пословицу, поспавлены не на одну доску. Ореспъ говоритъ Пиладу *мы*, а шопъ почпипшело величаетъ своего друга *seigneur* и никогда не оппосишся къ нему иначе, какъ съ словомъ *вы*. Тогда наперсникъ не соблюлъ бы приличій театральныхъ, если-бы обращаясь къ главному лицу, говорилъ *ты*. Можешъ бышь, въ семъ странномъ различіи виновашъ актеръ, назначенный въ ролю Ореспы, тогда какъ Расинъ давалъ свою пьесу: можешъ бышь онъ былъ возмущенъ такою простотою въ обхожденіи со стороны друга, копорого Авторъ почелъ необходимымъ низвести до второклассной степени наперсника. Безъ сомнѣнія, актеры, по примѣру сущестшвеннаго міра, и въ театрѣ очень много уважали свои мнимыя степени и были между собою сплоги въ разсужденіи приличій и эпикета.

Также, это вліяніе современныхъ нравовъ особенно чувствшительно въ Британикѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ роли Нерона. Сначала, Неронъ описываетъ Нарциссу любовь свою къ Юнію, красками, опи-

крывающими душу огненную и порочную. Въ этой любви есть какой-то примѣсъ буйства и рождающагося звѣрства. Слезы, крикъ, ужасъ юной Принцессы, ночью выхваченной изъ ея жилища, влекомой передъ него солдатами, посреди воинскаго убранства и факеловъ : вопль какое зрѣлище горести и насилья пѣняетъ Нерона и увеличиваетъ его любовь. Онъ, нѣкоторымъ образомъ, наслаждается горестью, украшающею Юнію въ глазахъ его :

J'aimais jusqu'à ses pleurs que je faisais répandre.
 Доселѣ все взято изъ природы и извѣстнаго характера Нерона; но въ слѣдующемъ явленіи, гдѣ Неронъ и Юнія, въ немъ уже не та необузданная любовь, разстроивающая всѣ чувства : въ Неронѣ можно признать любезничество, опличавшее Дворъ Людовика XIV :

*Pourquoi, de cette gloire exclus jusqu'à ce jour,
 M'avez-vous, sans pitié, relégué dans ma cour ?*

*En vain de ce présent ils m'auraient honoré,
 Si votre coeur devait en être séparé ;
 Si tant de soins ne sont adoucis par vos charmes ;
 Si, tandis que je donne aux veilles, aux alarmes ,
 Des jours toujours à plaindre et toujours enviés
 Je ne vais quelquefois respirer à vos pieds.*

Это явленіе, къ концу опять принимающее свой настоящій цвѣтъ, сначала чрезвычайно трудно для игры. Тутъ оппѣнокъ сладкаго жеманства холодитъ акше-

ра; еспрасшное движеніе, сначала данное роль Нерона, необузданность его желаній, его смущеніе, его беспорядокъ, такъ хорошо выраженные въ предшесшвующемъ явленіи, кажешся, вдругъ какъ-бы прекращающіяся. Они могли бытъ замѣнены только простыми выраженіемъ собственнаго удержанія, естественнаго, невольнаго, часто налагаемаго на самую жесточайшую спрасть видомъ робкой и беззащитной добродѣтели; но Неронъ эптошь, стошь необузданный, что его ничто уже не въ состояніи удержашъ, вдругъ начинаетъ говорить языкомъ придворнаго любезника. Во время Людовика Четырнадцатаго, когда не осмѣливались нарушить законовъ любезности, когда Дворъ бралъ образецъ съ Монарха, славившагося пріятнымъ умѣньемъ приближашся къ женщинамъ, и въ псеапрѣ не поперцали-бы, что-бы какой нибудь государь говорилъ своей любовницѣ иначе, нежели самъ ихъ Монархъ. Для разговора съ женщинами всегда надобны были изящные пріемы (*de belles manières*) и Расинъ подумалъ-бы что нарушилъ всѣ приличія, показавъ Нерона, въ разговорѣ съ Юніею, обуреваемымъ швѣмъ же огнемъ, упоеніемъ и разстройствомъ, какъ въ предшесшвующемъ явленіи: такой языкъ слишкомъ оскорбилъ-бы уши, привыкшія къ нѣжному языку спадень (*au doux langage de ruelles*).

Вкусъ къ изящнымъ приѣмамъ являлся тогда въ самыхъ прагматическихъ положеніяхъ, и даже при видѣ смерти. Ифигенія Расинова отказывается отъ пособій Ахиллеса и своей матери, и кажется совсемъ не чувствующей движенія, неизбежнаго въ молодой дѣвушкѣ, идущей на смерть. Эврипиду не нужно было наблюдать подобныхъ приличій и онъ очень ошерегся, не одаривъ своей Ифигеніи такою поддѣльнымъ преданностью; напрошивъ, Расинъ подумалъ-бы что унижилъ свою, заставивъ ее спрашивать смерти. Во время владычества эпикеша, Принцесса всегда должна была поддерживать свое достоинство, даже въ тѣ минуты, когда природа всего болѣе оказываетъ свои права. Въ семъ случаѣ великій геній еще долженъ былъ покориться могуществу принятыхъ понятий.

Этому же должно приписать малый успѣхъ наряда во время Лекена. Безъ сомнѣнія, онъ почиалъ вѣрность наряда очень важнымъ предметомъ: это видно даже изъ того, что онъ употреблялъ всѣ усилія сдѣлать его не такъ смѣшнымъ, какъ то было въ его время. Дѣйствительно, истина одѣянія, также какъ и декораций, усугубляетъ театральное очарованіе, переноситъ зритель въ тошъ вѣкъ и страну, когда и гдѣ жили представляемые лица. Эта вѣрность даетъ самому актеру средства сообщать особенную діагнозію каждому представляемому ли-

цу. Но, сверхъ того, гораздо важнѣйшая причина заставляла меня смолчать на актеровъ, пренебрегающихъ сою важною частію ихъ искусства, какъ на истинно виновныхъ. Театръ долженъ представлять юношамъ, нѣкоторымъ образомъ, курсъ живой Исторіи; но эта небрежность не обезображиваетъ-ли ее въ глазахъ ихъ? Не значить-ли это сообщать имъ совершенно ложныя свѣдѣнія объ обычаяхъ народовъ и лицахъ, оживляемыхъ трагедіею? Я самъ очень помню, что въ юности моей, читая Исторію, я всегда воображалъ царей и героевъ такъ какъ видѣлъ ихъ въ театрѣ. Байрда я представлялъ себѣ пріятно одѣтымъ, въ плащъ цвѣта серны, безъ бороды, напудреннымъ, завитымъ какъ щеголя осьмнадцатаго вѣка. Цезарь являлся мнѣ затянутымъ въ прелестное платье изъ бѣлаго атласа, съ развѣвающимися волосами, собранными въ узлы съ лентами. Если иногда актеръ приближался нарядомъ къ древнему одѣнію, то скрывалъ простому онаго подъ издѣланнымъ смѣшного шипья, и я думалъ, что ткани бархатныя и шелковыя столь-же общи въ Афинахъ и Римѣ, какъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Лекенъ только опасаюся успѣлъ изгнать тогдашніе смѣшныя театральныя наряды, но не могъ ввести такихъ, какіе должно было употреблять въ театрѣ. Въ то время эта часть знанія была совершенно неизвѣстна даже

живописцамъ. Статуи, древнія рукописи украшенныя миниатюрами, памятники, существовали какъ и нынѣ, но съ ними не совѣтовался. Это было время Буше и Ванлоо, ужасно боявшихся слѣдовать примѣру Рафаэля и Пуссена въ расположеніи драпировки. Уже въ то время, когда явился нашъ славный Давидъ, тогда, одушевленные имъ живописцы и ваятели, и особенно молодые люди, занялись сими изысканіями. Я былъ въ дружбѣ съ большею частью изъ нихъ; чувствовалъ всю пользу, какую можетъ принести театру это изученіе, и занялся имъ съ необыкновеннымъ жаромъ. Я сдѣлался живописцомъ по своему. Много препятствій и предразсудковъ надобно мнѣ было побѣдить, и не столько со стороны публики, какъ со стороны актеровъ; но наконецъ успѣхъ увѣнчалъ мои усилія, и не боясь осужденія въ тщеславіи, могу сказать, что мой примѣръ имѣлъ большое вліяніе на всѣ театры Европейскіе. Лекенъ не могъ-бы преодолѣть столькохъ затрудненій: не пришло еще время. Могъ-ли онъ отважиться выйдя на сцену съ голыми руками, въ древней обуви, въ волосахъ безъ пудры, въ плащѣ съ длинною драпировкою и въ льняной одеждѣ? Осмѣлился-ли бы онъ до такой степени оскорбить приличія времени? Этотъ суровый нарядъ показался-бы тогда одѣяніемъ очень неприличнымъ и особенно очень мало благопристойнымъ. Лекенъ

сдѣлалъ все что только могъ сдѣлать, и театръ обязанъ ему признательностью. Онъ сдѣлалъ первый шагъ, и то, на что онъ опьянѣлъ, побудило насъ опьянѣвать далѣе.

Актеры безпрестанно должны подражать своимъ образцомъ природу; она должна быть постояннымъ предметомъ ихъ изученій. Лекенъ чувствовалъ, что блестящія краски Поэзіи служили къ тому, чтобы придать болѣе величія и величія красотахъ природы. Онъ зналъ, что въ обществѣ, люди, глубоко взволнованные сильными страстями, угнетенные сильными горестями, или жестоко возмущенные великими политическими выгодами, говорятъ, правда, языкомъ болѣе возвышеннымъ, болѣе идеальнымъ, но что сей языкъ все таки принадлежитъ природѣ. Слѣдовательно, эта благородная, одушевленная, возвышенная, но вѣтшъ и протая природѣ, должна быть предметомъ постоянныхъ изученій актера и поэта; Лекенъ могъ найти въ самыхъ сочиненіяхъ вѣнскихъ сценъ примѣры сего величія безъ надутости. Въ самомъ дѣлѣ, въ ихъ образцовыхъ произведеніяхъ, самыя возвышенныя выраженія суть также и самыя протыя.

Я часто слышу въ обществѣ, что люди, впрочемъ очень образованные, говорятъ будто-бы трагедія находится не въ природѣ: эта мысль, повторяемая безъ раз-

мышленія , распространяется , и кончит-
ся тѣмъ , что ее примутъ за истину.
Свѣтскіе люди , занятые совсѣмъ другими
предметами , не изучиваютъ глубоко всѣхъ
движеній страстей ; они судятъ легковѣрно ;
къ тому , дурные авторы и актеры , невни-
мательно занимающіеся своимъ искусствомъ ,
укрѣпляютъ это заблужденіе. Конечно , по-
нятіе ихъ о трагедіи , слогъ однихъ и игра
другихъ не могутъ освободить отъ сей лож-
ной мысли. Но пусть разсмотримъ большую
часть политическихъ или страстныхъ
лицъ Корнея и Расина. Какъ часто языкъ
ихъ простъ и вмѣстѣ возвышенъ ! Въ слогѣ
Вольтера самолюбіе поэта часто явнѣе ;
но какое патетическое и истинное выра-
женіе у него , когда онъ объявитъ страстью !
Вѣрно , въ изящныхъ сценахъ сихъ великихъ
поэтовъ находятся не небрежность и не-
радивость народнаго разговора : нѣтъ , это
простосердечный языкъ , это возвы-
шенное , но вѣрное выраженіе самой при-
роды. Пусть разсмотримъ , во всѣхъ
отношеніяхъ , завязку и развязку *Венце-
слава* , пятое дѣйствіе *Родогуны* , *Цинны* ,
роль стараго Горациа , сцены Агамемнона
и Ахиллеса , роли Іоада , Эдипа , обоихъ
Брутовъ , Цезаря , роли Федры , Андромахи ,
Гермионы , и проч. — Вызываю сказать :
можно-ли вложить въ уста ихъ языкъ бо-
лѣ естественный и истинный ? Опними-
те риѳу , и всѣ сіи лица не иначе загово-
рили-бы въ существенномъ быту.

Тоже являютъ намъ нѣкоторыя актеры, прославившіе Французскую сцену: Лекенъ, дѣвица Дюмениль, Моле, Монвель. Только вѣрнымъ подражаніемъ истинному доставили они просвѣщенной націи наслажденіе живыми волненіями и послѣ нихъ еще существующими въ воспоминаніи. Слѣдовательно, образцовыя сочиненія однихъ и дарованіе другихъ неоспоримо доказываютъ, что трагедія не такъ удалена отъ природы, какъ воображаютъ себѣ, и что единая беспалаантность придавала нѣкошорый вѣсь противоположному мнѣнію.

Впрочемъ, надобно сказать, что изъ множества актеровъ всѣхъ странъ, весьма немногіе разыскивали сію истину. Однакожь Мольеръ и, еще прежде него, Шекспиръ, оставили превосходные уроки актерамъ своего времени. У перваго, въ его *Impromptu de Versailles*, находимъ, какъ онъ осмѣиваетъ актеровъ de l'hôtel de Bourgogne, за жеманство и надупость ихъ произнесенія.

«Такъ это-то по вашему называется «читать стихи? Что за шутовство! Надобно выражаться надменно. Послушайте . . . Видите-ли это положеніе? Тупъ, «хорошенько удержите голосъ на послѣднемъ стихѣ. Вотъ что выманиваетъ одобреніе и шворитъ театральную суматоху!» — Но, М. Г., мнѣ кажется, что Король, разсуждая наединѣ съ своимъ капитаномъ гвардіи, долженъ говорить болѣе *человѣчески* (un peu plus humainement) и не при-

нимать такого сверхъестественнаго тона. — »Ты не понимаешь этого: попробуй читать такъ, какъ ты читаешь теперь: увидишь, вырвется-ли у когонибудь хоть одно: ахъ!« и проч. Скапень говорить въ *Fourberies*: »Погоди! приложи руку къ боку, выпяли глаза понеистовѣе и вступай театральнымъ королемъ.«

Кажется, по мнѣнію самого Мольера, актеры не вѣрили, что Короли на сценѣ должны ходить и говорить также какъ всѣ люди.

Шекспиръ, во время болѣе отдаленное, когда театръ едва выходилъ изъ младенчества, влагаешь въ уста Гамлета превосходные совѣты актерамъ: »Передайте этотъ разговоръ такъ, какъ я произнесъ его передъ вами: легко и естественно; но если вы усилите голосъ и заревете, какъ многіе изъ нашихъ актеровъ, то лучше мнѣ заспавить какогонибудь городского крикуна прокричать стихи мои. О, ничто не терзаетъ мнѣ душу столько, какъ человѣкъ, до немѣстности здоровый, выражающій страсть свою восклицаніями и криками, отъ которыхъ прещаютъ уши у толпы; а ей только крикъ и нуженъ. Я-бы желалъ посѣчь того театральнаго Ирода, кто хочетъ перещеголять самого Ирода яростью. Но не будьте и слишкомъ холодны: пусть разсудокъ служить вамъ вождемъ: соразмѣряйте дѣйствіе съ словомъ и слово съ дѣйствіемъ; наблюдайте, чинобы невыйдти изъ приличій природы,

потому, что все удаляющееся отъ этого правила удаляется отъ цѣли драматическаго представленія, состоящаго въ томъ, чтобы, нѣкоторымъ образомъ, природѣ представить зеркало, добродѣтели показывать истинныя черты ея, смѣшному сходный съ нимъ образъ, и каждому вкусу, каждой эпохѣ времени, форму ея и оппечатонокъ. Если эта живопись усидена или ослаблена, ею будутъ упиваться невѣжды, но людей разсудительныхъ она оскорбитъ, а ихъ мнѣніе для васъ должно быть всегда дороже мнѣнія толпы. О! есть актеры: я видѣлъ ихъ игру, слышалъ, какъ увеличенно хвалили ихъ, а у нихъ, чтобы не сказать хуже, не было приемовъ ни христіанскихъ, ни языческихъ, ни человѣческихъ: они надувались и горлопанили такъ ужасно, что ихъ можно было почесать изображеніями идоловъ, грубо обтесанными руками низшихъ подмасперьевъ природы: такъ скверно они подражали человѣку.»

Какимъ-же образомъ, не смотря на предупрежденія сихъ двухъ великихъ артистовъ, и безъ сомнѣнія противъ мнѣнія многихъ другихъ изъ ихъ современниковъ, ложная система напыщенной декламации водворилась на большемъ числѣ Европейскихъ театровъ и была провозглашена такъ, какъ единое основаніе театральнаго подражанія? Доказательство, что истину во всѣхъ искусствахъ всего труднѣе найти и достигнуть. Спасающа Минервы суще-

ствуетъ въ кускѣ мрамора ; одинъ рѣзецъ Фидія можеть ее раскрыть. Эпа способностъ есть даръ очень немногихъ актеровъ; между тѣмъ посредственностъ многочисленнѣе : она сотворила законъ , и со временемъ , утвердила ложное подражаніе своей слабости , какъ единственнѣй образецъ для подражанія.

(Оконч. въ 19-й книжкѣ.)

II. КРИТИКА.

Замѣчанія на статью: Coup-d'oeil sur l'histoire de la langue slave et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie (Взглядъ на исторію Славянскаго языка и постепенный ходъ просвѣщенія и литературы въ Россіи).

Ученый подвижъ Г-на Адріана Бальби , заслуживъ благосклонный пріемъ въ Европѣ , заслуживаетъ и отъ насъ , какъ народа , желающаго въ вѣжливости и образованности не отстать отъ другихъ , пріемъ благосклонный и вниманіе признательное. Мы говоримъ о книгѣ , изданн. Г-мъ Бальби (Парижъ 1826 г.) , подъ названіемъ : *Atlas ethnographique du globe , ou classification des peuples anciens et modernes d'après leurs langues* (*Этнографическій атласъ земнаго шара или распределение древнихъ и новыхъ народовъ по ихъ языкамъ*). Сія книга состоитъ изъ 42 таблицъ , тѣлыми буквами напеча-

танныхъ, на большихъ полулистахъ и листахъ : 36 таблицъ представляютъ общія раздѣленія и подраздѣленія всѣхъ извѣстныхъ , бывшихъ и существующихъ нынѣ, языковъ и нарѣчій, съ замѣчаніями о сущности , распространеніи , раздѣленіи и нынѣшнемъ состояніи каждаго изъ нихъ. За тѣмъ на пяти таблицахъ представленъ небольшой сравнительный *Полиглотическій* Словарь , т. е. собраніе нѣсколькихъ словъ , почти на 700 языкахъ и нарѣчіяхъ , сравнительно. Къ Атласу Г-на Бальби принадлежитъ особенное *Введеніе*, состоящее изъ книги, подъ названіемъ : *Introduction à l'Atlas ethnograph. du globe* (CXLIИ и 415 стр. in 8). Здѣсь Авторъ , послѣ объясненія о Лингвистикѣ , правилахъ ея и трудахъ своихъ предшественниковъ, входитъ въ разысканія о сущности языковъ вообще, графическихкихъ соотношеніяхъ всѣхъ народовъ, причинахъ классификаціи, принятой имъ въ Атласѣ, и разныхъ подробностяхъ, не вошедшихъ въ Атласъ. Читатели послѣ сего могутъ сами судить, какъ полезно сочиненіе Г-на Бальби для географовъ, историковъ и филологовъ. Разумѣется, что Г-нъ Бальби долженъ былъ имѣть множество матеріаловъ и соопрудниковъ; выборъ того и другаго дѣло весьма большое : на немъ основана вся ученая важность труда , ибо при всемъ уваженіи , какое можно имѣть къ Автору , мы знаемъ, что невозможно одному человѣку быть знакокомъ всѣхъ языковъ. И съ сей стороны Г. Бальби заслуживаетъ величайшую благодарность: онъ былъ вспомошествоемъ извѣснѣйшими учеными людьми и путешественниками , пользовался богатыми пособіями , какія только дѣятельная жизнь наукъ и знаній въ Парижѣ

можетъ доставить (*). Теперь, трудъ Авшора конченъ: онъ сдѣлалъ, что могъ. Для признанія труда его классическимъ долженъ начаться трудъ кришановъ: и въ Европѣ онъ начатъ; о книгѣ Г-на Бальби мы читали уже нѣсколько рецензій и анти-рецензій.

Вообще, въ тѣхъ ученыхъ трудахъ, коими изобилуютъ въ наше время Французская, Нѣмецкая и Англійская Литтературы, которые являются подъ именемъ атласовъ, картъ, таблицъ историческихъ и проч. и въ объемѣ своемъ касаются всего свѣта, должно давать голосъ и намъ Рускимъ. Причинъ тутъ много. Кромѣ того, что пора намъ принимать дѣлительнѣйшее участіе въ занятіяхъ нашихъ Европейскихъ собратій, должно согласиться, что они такъ мало знаютъ насъ, по большей части такое невѣрное имѣютъ понятіе почти обо всемъ, что касается не только Руси, но и вообще Славянскихъ народовъ, что мы обязаны вступаться за себя и соплеменниковъ нашихъ и указывать иноплеменнымъ ихъ ошибки и недоразумѣнія. Они и не подумаютъ за это сердиться; напротивъ, будутъ намъ благодарны, и въ этомъ убѣждаетъ насъ то, съ какимъ жаромъ хватаютъ въ Европѣ все, что касается до Россіи, съ какимъ уваженіемъ начинаютъ смотрѣть на Россію во всѣхъ отношеніяхъ. Нѣчего жаловаться: будь только мы

(*) Г-ну Бальби помогали въ трудахъ его между прочимъ: Агубъ, Шези, Шамполіонъ, Деппингъ, Дюперре, Фрейсине, Газе, В. и А. Гумбольдты, Жомаръ, Жоберъ, Клапротъ, Крузе, Малшебрѣнъ, Аб. Ремюза, Сень-Мартенъ и проч.

словоохотны, не отставай отъ другихъ и возьми себя за правило въ литературѣ и ученыхъ занятіяхъ щепетность, послѣ чего не все иностранное будетъ намъ казаться вредомъ и враньемъ и не отъ всего родимаго будемъ мы кричать съ удивленіемъ — иностранцы готовы принять насъ съ распростертыми объятіями.

По крайней мѣрѣ Сочинитель Этнографическаго Атласа оправдываетъ слова наши. Кромѣ того, что мы, потомки Славянъ и Нордмановъ, съ своими родичами, заняли у него по праву почетное мѣсто (Таб. XIV, *Introd.* стр. 182 и слѣд.), онъ, посвящая книгу свою ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I, благоволившему принять подношеніе Автора, отдѣляетъ въ книгѣ своей особенную спашью нашей Русской Литературѣ, нашему просвѣщенію и образованію. Вниманія нашего къ книгѣ Г-на Бальби, кажется, мы ничѣмъ такъ доказать не можемъ, какъ участіемъ въ усовершенствованіи оной, о чемъ просить и чего желаетъ Г-нъ Бальби.

Критика на его Атласъ можетъ раздѣляться на двѣ части: первая *филологическая*, должна заключать сужденія ученыхъ филологовъ вообще о планѣ, расположеніи Атласа и основныхъ его частяхъ, на примѣръ: изложеніи сущности языковъ и Грамматики вообще, системахъ, по коимъ представлены въ Атласѣ языки и нарѣчія, выводахъ Автора, и проч. Другая часть можетъ назваться *лингвистическою* и ограничиться частными замѣчаніями каждаго знающаго свой родной языкъ, свои отношенія, о томъ, что особенно касается его роднаго языка и его отечества.

За критику перваго рода мы не осмысливаемся теперь, принявша, ибо Г-нъ Бальби отъ себя почти ничего не говоритъ, а при каждомъ мнѣніи собираетъ авторитеты извѣстнѣйшихъ ученыхъ людей. Замѣтимъ только, что онъ, кажется, не вполне знакомъ съ твореніями новыхъ Нѣмецкихъ филологовъ, которые могли-бы ему сказать кое-что новое и любопытное о Всеобщей Грамматицѣ. Касательно Славянъ и Руси, авторитетъ его составляютъ: Фатеръ, Шлецеръ, Добровскій, Карамзинъ и Копишаръ: имена знаменитые, авторитетъ важный. Здѣсь, если что нибудь кажется намъ не такъ, то, кромѣ того, что мы не должны винить Г-на Бальби, намъ не лѣзя и говорить просто, что то или другое несправедливо; сказать это весьма не легко. Все, съ чѣмъ не лѣзя здѣсь согласиться, должно быть еще предметомъ обширныхъ изслѣдованій, доказательствъ, можетъ быть спора, а это едва-ли было-бы совместно съ самымъ объемомъ Телеграфа, ибо можетъ вовлечь насъ въ статьи весьма огромныя. Мы предоставляемъ себѣ со временемъ отдѣльныя замѣчанія, тѣмъ болѣе, что авторитетъ Г-на Бальби въ отношеніи Славянъ и Руси есть авторитетъ вообще многихъ другихъ ученыхъ. Почти каждый изъ нихъ, начиная писать о Славянскомъ языкѣ, беретъ за Добровскаго, о Русской Исторіи, за Шлецера и Карамзина, о сродствахъ языковъ Славянскихъ съ Азіятскими, за Фатера и Клапрота. Не лѣзя-же требовать, чтобы всякій самъ занимался прилежно и отдѣльно нами, не лѣзя не сказать и того, что упомянутый авторитетъ важенъ и весьма удовлетворителенъ. Мы замѣтимъ здѣсь только, что приведенные нами Авторы, по

недостатку матеріаловъ или по времени, въ какое они писали, могли ошибаться. Ни мало не уменьшаетъ славы Карамзина, если кто нибудь, занимаясь однимъ изъ множества предметовъ, въ его *Исторіи Гос. Росс.* заключающихся, проникъ въ сей отдѣльный предметъ глубже, или славы Добровскаго, если онъ, мало зная Восточныхъ Славянъ и Русскія Древности, ошибался въ своихъ послылкахъ, которыя можешь исправить знающій сію часть лучше. Повторяемъ, что честь великаго труда всегда останется неотъемлемою честью.

И такъ, не будемъ мы здѣсь входить въ общій разборъ всего Атласа Г-на Бальби, ниже всего того, что онъ говоритъ о Славянскихъ языкахъ и Исторіи Славянъ, ибо это должно быть, какъ мы сказали, предметомъ особыхъ статей, изъ коихъ одну мы имѣемъ уже въ виду, по поводу недавно изданнаго VI-го тома, *Précis de la Géographie universelle*, Мальтебрёна, гдѣ о Славянахъ и Руси почти тоже нашли мы, что и у Г-на Бальби. Этимъ подтверждается наше мнѣніе объ однообразномъ авторитетѣ. Мы хотимъ теперь единственно разобрать въ Атласѣ Г-на Бальби (стр. 321 — 383) 8-ю главу *Вступленія*, статью совершенно отдѣльную отъ цѣлаго сочиненія и названную имъ: *Взглядъ на исторію Славянскаго языка и постепенный ходъ просвѣщенія и литературы въ Россіи.*

Руководствовало-ль въ семъ случаѣ Автора благодарность за вниманіе Россійскаго Монарха къ его книгѣ, или впрочемъ замѣтное желаніе иностранцевъ узнавать Россію, или даже тотъ духъ времени, замѣтный во всеобщемъ стремленіи народовъ

вѣдашь всѣ подробности языка, литературы и образованія каждаго изъ нихъ, по крайней мѣрѣ Г-нъ Бальби дѣлаеть намъ большую честь, посвящая Рускимъ значительное отдѣленіе въ своей книгѣ и говоря о насъ съ уваженіемъ отличнымъ. Онъ защищаетъ насъ противъ обвиненій въ варварствѣ и невѣжествѣ (стр. 184, 322, 381 и друг.). Но усердіе должно быть руководимо познаніемъ. Г-нъ Бальби насъ *уважаетъ и хвалитъ*: это дѣло рѣшенное; теперь другой вопросъ: *могъ-ли знать насъ Г-нъ Бальби?* Нѣтъ! Въ этомъ самъ Г-нъ Бальби признается. На какомъ-же авторитетѣ утверждается онъ, рассказывая довольно подробно исторію нашей литературы, нашего просвѣщенія? У насъ самихъ нечѣмъ похвастать: мы сами имѣемъ объ этомъ кой-какія весьма неудовлетворительныя историческія извѣстія. Вотъ уже лѣтъ 100, какъ мы приступили къ литературѣ Европейской, но исторіи нашей литературы у насъ нѣтъ. Г-нъ Бальби поступилъ какъ могъ лучше: онъ просилъ одного Русскаго Литератора, qui a parcouru presque toute la Russie d'Europe, et la partie occidentale de celle d'Asie, et qui, à la connaissance profonde de sa langue nationale ancienne et moderne, et de sa littérature, réunit l'avantage d'avoir été sur les lieux, et d'avoir pu juger par lui même des différences offertes par les principaux dialectes du russe, qu'il a entendu parler à Tobolsk, à Kharkhof, à Moscou, à Pétersbourg, etc. etc. Къ извѣстію, составленному симъ Русскимъ Литераторомъ, Г-нъ Бальби присовокупилъ, особыми прибавленіями, статьи Г-на Лемонта, Сочинителя предисловія къ Французскому переводу Басень Крылова, Г-на Ферюссака, Издателя Всеобщаго

Бюллетеня, Г-на Геро, сотрудника въ *Revue Encyclopédique*, Г-на Нейенкирхена, Нѣмецкаго Литшерафора, живущаго въ Петербургѣ. Хотя, по старинной аксіомѣ, *le mot ne fait rien à l'affaire*; но здѣсь мы желали-бы знать имя *Русскаго Литтератора*, положившаго основаніе спашъ о Русской Литшерашурѣ въ Апластѣ Г-на Бальби. Надобно, чтобы Г-нъ Бальби былъ очень увѣренъ въ его свѣдѣніяхъ и въ добротѣ его пособій, ручаясь за него весьма сильно (стр. 321). Къ сожалѣнію, мы видѣли въ наше время нѣсколько опытовъ извѣстій, писанныхъ нашими соотечественниками о Россіи и Русской Литшерашурѣ, появлявшихся въ иностранныхъ Журналахъ, и весьма невѣрныхъ. Даже духъ партій нашей Литшерашуры перелеталъ нѣсколько разъ за границу; случалось и то, что писатель, за неимѣніемъ похвалъ въ Россіи, Богъ знаетъ какими средствами, бывалъ расхваливаемъ въ Парижѣ или Гѣштингенѣ. Воля Г-на Бальби, а спашъ о Русской Литшерашурѣ не одною рукой вся писана: въ ней такое собраніе мнѣній старыхъ и новыхъ, справедливаго и несправедливаго, хорошаго и дурнаго, что понять не можно, какъ могъ все это написать одинъ и тотъ-же литшерафоръ. Можно подозрѣвать даже, что спашъ, оставленная у Г-на Бальби сочинителемъ, была подвергнута поправкамъ и дополненіямъ Г-на Л. Н., написавшаго замѣчанія на *Антологию Сень-Мора* въ *Mercur du XIX siècle* (77 livraiz. стр., 505 и слѣд.): и здѣсь и тамъ есть что-то похожее. Споръ, бывший нѣкогда по поводу сихъ замѣчаній, могъ бытъ поучителемъ для Г-на Бальби. Жалѣемъ, что Г-нъ Геро, которому Французская Журналистика обязана спашъями о Русской

Литтературѣ, основательно и съ познаніемъ предмета писанными, жалѣемъ, что онъ, по видимому, узналъ поздно о намѣреніи Г-на Бальби и могъ участвовать въ его предпріятіи только небольшими библіографическими прибавленіями. Но не будемъ судить безъ доказательствъ, последуемъ за Сочинителемъ *Взгляда на исторію просвѣщенія и литературы въ Россіи*, изложимъ его извѣстія и мнѣнія, и послѣ того рѣшимъ: хорошо-ли исполнилъ нашъ соотечественникъ препорученіе Г-на Бальби. Нѣсколько замѣчаній на прибавленія Г-дъ Ферюссака, Геро и Нейенкирхена заключаютъ нашу спашью. За мѣшимъ, къ чести нашего соотечественника, что онъ беретъ на отвѣтъ за всѣ свои ошибки, не слагая вины ни на кого, ибо руководствовался въ сужденіяхъ своихъ и описаніяхъ собственными мнѣніями и замѣчаніями.

Онъ *натягиваетъ съ начала*, какъ говорятъ Французы, сказываешь намъ прежде всего, что нашъ Русскій языкъ принадлежитъ къ происшедшимъ отъ Славянскаго, и упоминаетъ о различіи мнѣній филологовъ, изъ коихъ одни утверждаютъ, что *Церковный* нашъ языкъ, то есть, языкъ, на который переведены были наши церковныя книги въ IX вѣкѣ, есть коренной Славянскій, неразобцавшійся еще на нарѣчія; но что другіе филологи этому противорѣчатъ, и полагаютъ, что для перевода церковныхъ книгъ служило какое нибудь изъ Славянскихъ нарѣчій. Последнее можно почестъ доказаннымъ. Авторъ говоритъ, что *нынѣшній Сербскій* языкъ походитъ на церковный. Здѣсь онъ впадаетъ въ большую ошибку, желая подтвердить мнѣніе Аббаша Добровскаго, ибо Добровскій и за нимъ дру-

гіе филологи, изъ всѣхъ нарѣчій Славянскихъ, указывали на Сербское, только не на нынѣшній, а *древній Сербскій* языкъ, сохранившійся въ письменныхъ памятникахъ, отъ котораго Сербскій нынѣшній, разговорный, весьма разнится. Добровскій нынѣ отказывается отъ своего мнѣнія; но имѣя многія причины, мы не можемъ согласиться на его отказъ. Говоря о различіи нарѣчій собственно-Русскаго языка, Авторъ называетъ *главнѣйшимъ* (principal) Малороссійское: если онъ разумѣлъ, что Малороссійское нарѣчіе есть самое далекое отъ кореннаго Русскаго, такъ; но если-жъ онъ подразумѣвалъ обширнѣйшее по числу говорящихъ имъ, то это несправедливо, и въ такомъ случаѣ Сѣверное нарѣчіе (или Новгородское) будетъ главнѣйшимъ.

Упомянувъ о изобрѣтателяхъ Славянской азбуки Кириллѣ и Меѳодіи, Авторъ (стр. 324) объявляетъ читателямъ, что онъ преимущественно будетъ заниматься обозрѣніемъ *Изящной Словесности Русской* (belles-lettres) и только поверхностно обозрѣтъ исторію Наукъ и Искусствъ въ Россіи. Онъ излагаетъ за тѣмъ начало Россійскаго Государства, при чемъ повторены имъ извѣстные описанія великолѣпія Кіевского Двора при Владимірѣ и Ярославѣ. Замѣтимъ, что о супружествахъ дочерей Ярослава Авторъ долженъ былъ умолчать, какъ о дѣлѣ весьма сомнительномъ, тѣмъ болѣе, что на этомъ утверждены у него доказательства великаго просвѣщенія и славы Россіи въ X и XI вѣкахъ, болѣе нежели сомнительнаго въ глазахъ исторической критики. Описывая древнѣйшіе, сохранившіеся до насъ письменные памятники наши, напрасно по-

читаетъ Авторъ *Правду Русскую* сочиненіемъ Ярослава и *дѣтей его*: она, какъ означено въ ней, написана вся въ правленіе Ярослава; но по новѣйшимъ изысканіямъ и это оказывается сомнительнымъ. Не понимаемъ, почему Авторъ видитъ въ ней памятникъ языка и судебной системы, употребительныхъ въ XI вѣкѣ *во всѣхъ земляхъ, обитаемыхъ Норманами.* Надобно вспомнить, что Норманы разселились въ Италіи, Сициліи, Франціи, Англіи, и едва-ли наша Русская Правда можетъ быть памятникомъ языка и судебной системы Нормановъ, жившихъ въ помянутыхъ земляхъ. Говоря о Несторовой Лѣтописи, Авторъ сказываетъ, что она «простирается отъ начала Россіи до XII вѣка, времени смерти Нестора, но была продолжаема до XVII столѣтія, почти безъ перерыва.» Авторъ «хотѣлъ указать на древнѣйшіе памятники, достойные вниманія ученыхъ людей.» Для ученыхъ людей надобно было дѣлать сіи указанія съ ученою точностію. Несторъ, какъ полагаютъ, кончилъ въ началѣ XII вѣка (1110 годомъ, хотя это послѣ многихъ соображеній оказывается невѣрно); но Лѣтописи его начинается раздѣленіемъ земли между сынами Ноевыми, и подъ его именемъ продолжается одинаковымъ образомъ, въ одномъ замѣчательномъ спискѣ до 1224 года; въ другомъ, еще болѣе важномъ и самомъ древнѣйшемъ, до 1303 года: извѣстно, что подлинникъ *Лѣтописи Нестора* не дошелъ до насъ. Всѣ же другія лѣтописи не продолженіе *Лѣтописи Нестора*, а просто лѣтописи, писанныя каждая въ своемъ духѣ, въ разныхъ мѣстахъ, со многими одна противъ другой ошѣнками, и проч.

Упомянувъ о *Пѣснн о Полку Игоревомъ*, Авторъ говоритъ о народныхъ пѣсняхъ нашихъ. Здѣсь слѣдовало ему сказать о раздѣленіи сихъ пѣсень, ибо однѣ изъ нихъ (подобныя собраннымъ Киршею Даниловымъ) суть небольшія поэмы, отличныя отъ обыкновенныхъ пѣсень, которыя поются въ народѣ. Авторъ вдругъ переходитъ здѣсь къ Россіи послѣ освобожденія ея отъ ига Татаръ. Онъ говоритъ о маломъ вліяніи иностранцевъ на Россію въ это время и что кромѣ Новгорода вездѣ все зашло; но послѣ этого какъ странно читать (стр. 328), что при жестокостяхъ Іоанна IV *Музы убѣжали изъ Россіи*. Во первыхъ убѣжать было нѣкому, если самъ Авторъ говоритъ, что Музы и не приходили въ Россію; во вторыхъ, напрасно не разсмотрѣлъ онъ, что царствованіе Іоанна, хотя ознаменованное жестокостію, было благопріятно для просвѣщенія Россіи, по крайней мѣрѣ, благопріятнѣе въ этомъ отношеніи царствованій слабаго отца его и строгаго дѣда. Подвиги наши въ царствованіе Іоанна IV донынѣ составляютъ эпоху народныхъ преданій. При немъ учреждена была первая типографія въ Москвѣ, пріѣхали въ Россію многіе художники, медики; словомъ: Іоаннъ любилъ просвѣщеніе и науки, сколько время, въ которое жилъ онъ и его образованіе это позволяли. Карамзинъ весьма справедливо сказалъ, что жестокость Іоанна осталась въ лѣтописяхъ Исторіи, а слава въ памяти народа. — «Борисъ Годуновъ (говоритъ Авторъ) явилъ Россіи нѣсколько лучей надежды, привлекъ ко двору своему иностранныхъ ученыхъ, посылалъ молодыхъ Русскихъ дворянъ за границу учиться и даль сыну своему воспитаніе достойное его сана и высо-

каго предназначенія. Кажется, говоря объ Иоаннѣ, Авторъ увлекся въ несправедливость слухами о его жестокости, а о Годуновѣ говорилъ по слуху, полагая, что поелику Борисъ былъ государь мудрый, слѣдовательно, долженъ былъ покровительствовать наукамъ. Ему было нѣкогда думать объ этомъ, по крайней мѣрѣ, кромѣ того, что онъ призывалъ въ Россію нѣсколько ученыхъ людей, мы ничего другаго не знаемъ, не знаемъ, на чемъ основывался Авторъ говорить, что по смерти Годунова «за прекрасною зарею послѣдовала глубокая ночь». Если ночь была при Иоаннѣ, то она не прерывалась ни при Годуновѣ, ни послѣ, до Петра Великаго.

Авторъ опять впадаетъ въ ошибку, утверждая, что Царь Алексій учредилъ въ Россіи регулярныя войска. При семъ Царѣ была сдѣлана только первая попытка и весьма слабо: Петру предоставлено было совершить сія великое дѣло. Замѣчаніе Автора о вредѣ для Русскаго языка, проистекающемъ отъ вліянія Бѣлорускаго и Кіевского духовенства, послѣ присоединенія Кіева къ Россіи, несправедливо. Правда, тамошнее духовенство писало испорченнымъ Польско-Славянскимъ языкомъ (несправедливо названнымъ отъ нѣкоторыхъ писателей *Бѣлорусскимъ* нарѣчіемъ); но вліяніе сего измѣненія языка ограничилось тамошними писателями, которые составляютъ въ Исторіи Русской Литтературы особый отдѣлъ; да и не могло оно распространиться въ Россіи, ибо Свящ. Писаніе оставалось неприкосновенно (*), а духовное кра-

(*) Авторъ напрасно говоритъ (стр. 343), что церковдъ Св. Писанія претерпѣлъ множество измѣненій „отъ надлонности Русскаго духовенства сближанъ языкъ церковный

спортыіе тогда въ Россіи еще не существовало. Немногія книги, писанныя въ то время въ Великой Россіи, чужды вліянія полепизмовъ.

Авторъ говоритъ, что Симеонъ Полоцкій былъ первымъ драматическимъ писателемъ въ Россіи, и что его духовныя драмы играли при Дворѣ, Царевна Софія, сестра Царя Θεодора, и молодые вельможи и дамы, находившіяся въ ея шпашѣ. Авторъ могъ не знать, что еще при Царѣ Алексіѣ бывали при Дворѣ, и у любимца его Машѣева, театральныя представленія. Но, какъ онъ, будучи Рускій и слѣдственно зная старинныя обычаи наши, образъ стариннаго обхожденія съ женщинами въ Россіи, могъ написать, что придворныя дамы и вельможи выѣхшъ разыгрывали комедіи! Софія точно завела у себя представленіе комедій, только не при Царѣ Θεодорѣ, а въ то время, когда сама она властвовала престоламъ; и шутъ женщины ошъ мужчинъ были совершенно ошдѣлены.

Все что до сихъ поръ мы замѣчали ошибочнаго, могло произойти ошъ недоспашка пособій и неопытности Автора; но какъ оправдать его, когда онъ (стр. 329) представляешъ чипашелямъ превращ-

---

„съ собственно - Русскимъ.“ Исправлялись въ Св. Писаніи только ошибки прошивъ Греческаго подлинника, а языкъ церковный оставался въ немъ неизмѣненъ, кромѣ ореографіи. Несправедливо и то, что въ Петербургской ИМПЕРАТОРСКОЙ Вибліотекѣ хранится древнѣйшій списокъ перевода Библии, сдѣланнаго Кирилломъ и Меѡдіемъ, списанный въ 1056 г. По гѡду догадываемся, что Авторъ хотѣлъ сказать о древнѣйшемъ Новгородскомъ опискѣ Евангелія, извѣстномъ подъ именемъ *Остромирова*.

ное и совершенно несправедливое мнѣніе о величайшемъ изъ всѣхъ Государей, незабвенномъ нашемъ Петрѣ! »Взошедши на престолъ вмѣстѣ съ сесипрою своею Софіею и спаршимъ братомъ Іоанномъ, Петръ не замедлялъ освободиться отъ той и отъ другаго. Софія какъ опаснѣйшая, была заключена въ монастырь. Историки, слѣдуя правилу, что побѣжденный всегда виноватъ, можешь бышь, слишкомъ спараясь обвинять ее въ заговорахъ противъ брата. «Кромѣ того, что Петръ, низвергнувъ власть Софіи, благоговѣнно чшилъ своего старшаго брата Іоанна и царствовалъ съ нимъ вмѣстѣ, по самую смерть сего добраго Государя, какъ можетъ Авторъ оправдывать Софію въ гибельныхъ ея замыслахъ? Бунтъ стрѣльцовъ, гибель Нарышкиныхъ, смерть Машвѣева, гибель, угрожавшая драгоценной жизни Петра, гибель отъ кошорой нѣсколько разъ только чудо могло спасать его, все это сдѣлано Софіею: и Авторъ увѣряешь насъ, что историки s'empresagent peut-être trop de l'accuser de complots? Должноли такъ писать Исторію? . . . Не будемъ опровергать Автора, ни въ этомъ, ни въ другихъ мнѣніяхъ его о Петрѣ Великомъ, сказавъ, что съ грустію видимъ, какъ худо понималъ онъ Великаго Петра, Государя, кошорому примѣра Исторія не представляеть ни въ какой другой странѣ, ни въ какомъ другомъ вѣкѣ! Пусть Авторъ самъ прочитаетъ 330-ю стр. своего Обзорѣнія, гдѣ изложено, что было слѣдствіемъ трудовъ сего Монарха — и онъ согласится съ нами. Если-бы и въ самомъ дѣлѣ въ дѣлахъ Петра оказывались какіе нибудь недоспадки, то въ глазахъ иностранцовъ Рускому не должно было выстав-

лѣтъ ихъ; впрочемъ, если-бы Исторія и могла обвинить Петра, то вѣрно не за то, что мы находимъ у нашего Автора на стр. 329-й и 330-й.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

III. БИБЛЮГРАФІЯ.

1827 года.

100. *Элегіи и другія стихотворенія Дмитрія Глѣбова. Съ эпиграфомъ:*

L'art, des transports de l'âme est un foible interprète;
L'art ne fait que des vers; le coeur seul est poëte.

М. 1827 г. въ шип. Августа Семена, in 8, IV и 301 стр.

Сіе собраніе раздѣляется на нѣсколько отдѣленій: двѣ книги элегій, баллады, посланія, романсы и пѣсни, поэмы и смѣсь. Главная часть стихотвореній, здѣсь помѣщенныхъ, состоишь въ переводахъ съ уважаемыхъ Французскихъ поэтовъ: Бергшена, Легуве, Мильвуа и другихъ. Переводы вообще не безъ дословности и являютъ признаки искусства въ стихотворствѣ; но въ мѣстахъ, требующихъ бѣльшей силы и движенія, они отстаютъ отъ подлинниковъ. Французская школа у насъ теперь не въ чести: мы, какъ своевольные дѣти, вырвавшись изъ подъ надзора учительскаго, вымѣщаемъ на учителейъ ученическіе годы. Въѣ оставашся учениками не должно, но за чѣмъ предавать проклятію, бранить своихъ прежнихъ учителей, хотя въ возрастѣ размышленія и видимъ, что не во всемъ при-

мѣръ ихъ для насъ бытъ долженъ непреложень, и не все то, чему учились мы у нихъ, свято и ненарушимо. Къ чему опять исключительность? А къ тому-же, если скажешь правду, опсѣшь опъ одного подражанія, не пристаешь-ли мы къ другому? Я вовсе не Сендъ *классическаго абсолютизма* и непогрѣшимости Французскихъ поэтовъ; но между шѣмъ не понимаю: почему ушверждать, что Мильвуа не поэтъ, потому, что поэты Шиллера, Байрона, Гёте. Признаю возвышенность ихъ генія, но признаю несомнѣтельность и дарованія Мильвуа. Многіе изъ стиховъ его присвоиваются памяшью и сердцемъ: въ нихъ опзывается чувство, принадлежащее всѣмъ школамъ и равно живое подъ перомъ классическимъ и романшическимъ. Скажу болѣе: Мильвуа не рабски слѣдовалъ по сшезъ, пробитой его предшественниками: если преждевременная смерть не похитила-бы его у Французскихъ Музъ, онъ, безъ сомнѣнія, пошелъ-бы еще далѣе по влеченію собственнаго дарованія, и занималъ-бы нынѣ едва-ли не первое мѣсто въ числѣ современныхъ поэтовъ Франціи. Можно сказать, что Ламаршинъ перехитрилъ и слѣдовательно испортилъ шю, что началъ Мильвуа. У сего послѣдняго было не менѣе шой *метательности*, которою Ламаршинъ навелъ свою поэзію; но у него болѣе строгости въ слогъ, разнообразія въ приемахъ и болѣе истиннаго чувства. Кришикъ безпристрастный не подосадуешь на Г-на Глѣбова, что онъ передаетъ намъ произведенія Французскихъ стихотворцовъ, а напрошивъ поощришь его изучашъ прилежнѣ свои подлинники, если дарованіе его влечетъ избрать ихъ себѣ образцами. Пускай онъ, подобно имъ, болѣе сжимаетъ и ярче

расцѣпываетъ свой стихъ , который у него иногда блѣденъ и растянутъ. Жуковскій и Батюшковъ показали что можно и какъ должно переводить Мильвуа. Не станемъ входить въ подробный разборъ стихотвореній и вообще стихотворства Г-на Глѣбова. Скажемъ только : читатель въ книгѣ его не почерпнетъ впечатлѣній глубокихъ , ощущеній сильныхъ ; но найдетъ во многихъ мѣстахъ чувства , пріятно и вѣрно выраженные , цѣнишель искусства оцѣнить въ ней языкъ вообще чистый и правильный , стихосложеніе довольно свободное , вкусъ по большей части непогрѣшимельный, и однимъ словомъ: вольно успѣшное соблюденіе нѣкоторыхъ изъ тѣхъ неминувемыхъ условій, отъ коихъ стихотворство признано тайною, для многихъ недоступною, а для многихъ столь опасною. Ободря занятія въ переводѣ Французскихъ поэтовъ, должно совѣтовать Г-ну Глѣбову не браться за Байрона. Его переводъ превосходнаго произведенія Англійскаго Поэта можно назвать непрощительнымъ. *Сонъ*, Байрона, одно изъ твореній сего Поэта самыхъ оригинальныхъ и замѣчательныхъ : въ немъ, какъ въ зеркалѣ фантасмическомъ, отражается вся сокращенная жизнь Поэта. Одно начало перевода есть уже противорѣчіе съ подлинникомъ :

*Друзья ! внимайте гудный сонъ !
Готовьте долгое терпѣнье !*

Думалъ-ли Байронъ шутить , когда онъ готовился, такъ сказать, вылить всю свою душу, выразить исповѣдь сокровенныхъ впечатлѣній , надеждъ и страданій жизни своей столь превратной и бурной. Искать смыслъ и духъ подобныхъ , такъ сказать ,

задушевныхъ твореній великаго Поэша, есть похищеніе поэтическое.

Изданіе стихотвореній Г-на Глѣбова очень красиво и приноситъ честь, какъ вкусу и расположеніямъ Автора, такъ и изящному исполненію типографіи Г-на Семена. У насъ многіе изъ авшоровъ и издашелей не знаютъ, или не хотѣтъ знать, что есть въ литературномъ, или просто книжномъ мірѣ, законы въжливости, предписанные образованностью и общезжительностью: книга худо напечатанная есть пошупокъ неучивый.

Лс.

101. *Греганка*. Съ эпиграфомъ:

И если я не созданъ пѣшкой,
Валясья не рожденъ въ пыли,
Прошу тебя моимъ бытъ другомъ!
Песчинка можешь бытъ жемчугомъ;
Погладь меня и пощрепли.

Державинъ.

СПб. 1827 г. въ Тип. Деп. Нар. Просв. in 16,
40 стр.

Въ началѣ этой поэмы, повѣсти, или анонимки въ списокъ стихотворческихъ созданій, есть вступленіе, предисловіе, или нѣчто предварительное, въ спискахъ: должно похвалить поэша за выраженное въ нихъ чувство состраданія, съ коимъ онъ взираетъ на жребій злополучныхъ Грековъ и пожалѣть, что исполненіе не отвѣчало доброму намѣренію. Современныя событія Востока давно уже елужатъ въ Европѣ обильнымъ источникомъ вдох-

новеніямъ молодыхъ поэтовъ. Мы, какъ-то остава-
лись въ сторонѣ и не подавали поэтическаго голоса
въ пользу героевъ, оживившихъ передъ нами чудеса
древняго патріотизма. Вошъ починъ! Въ торгуютъ
продать для потѣхи, значить продать дешево,
чтобы съ легкой руки продававшъ послѣ много и съ
выгодою. Если на эти стихи смотришь и намъ въ
шаконъ отношеніи, то мы должны быть благодар-
ны Поэшу, желая, чтобы рука его была легче для
чужихъ стиховъ, чѣмъ для своихъ. Между тѣмъ
выпишемъ ихъ для повѣрки: со временемъ любопыш-
но будешь знать, какіе были у насъ первые фл-
ллиническіе стихи.

О, скоро-ль лихся христіанъ
Кровь на поляхъ родныхъ престанешъ,
И удалишся бранный станъ
Враговъ креста, и миръ наспанешъ
Для славной Греціи дѣтей?
Когда въ странѣ несчастной сей
Престанушъ плѣнницы младыя,
Пишомки Церкви Пресвятыя,
Томишь печалію себя
Въ гаремахъ варваровъ природы,
Лишась родныхъ, друзей, свободы,
И въ сердцѣ милыми горя?
Великій Богъ! дождусь-ли я,
Той древней Греціи спасенья,
Взошла откуда просвѣщенья
Для насъ прекрасная заря? —
Уже-ли братья Христіане
Потерпятъ долѣ позоръ,

Единоверцамъ намъ въ укоръ,
Гнепушъ которымъ Музульмане
Невинныхъ Греціи дѣшей,
Средь ихъ ошеческихъ полей?

Почти поже говорили Байронъ и Казимиръ Дела-
винъ, шолько иначе. Что-же дѣлать? Но вошь
и Гретанка, о которой здѣсь идеть рѣчь:
Зара любила соплеменника своего Ольдасмана; уже
согласіе родныхъ гошова было освятитъ ихъ
союзъ. Наспала война Грековъ съ припѣснише-
лами, женихъ пошелъ на брань, но неудачно: ошрядъ,
въ кошоромъ онъ дѣйствоваль, не устоялъ, и онъ по-
бѣжалъ за нимъ, или съ нимъ, а можеть и передъ
нимъ. Зара досталась въ плѣнь Турку Омару, и не
теряя времени, ошъ бездѣльи, скуки, или, какъ на-
мекаетъ она въ разсказѣ своемъ, съ досады, что
любила пруса, ошвѣчаетъ любви своего власпѣли-
ва и приживаетъ съ нимъ дочь. Жребій войны непо-
стояненъ, а особливо-же по счастью для пользы Ту-
рецкихъ: вдругъ Ольдасманъ являеться побѣдителемъ
въ гаремъ, гдѣ содержишся Зара; она сначала при-
нимаетъ его очень худо; онъ, чтообы подслужитъ-
ся ей, объявляетъ, что убилъ Омара: она пуще
сердишся; не видя успѣха въ убійствѣ соперника,
убиваетъ онъ дочь Зары и Омара, и она сно-
ва ошдается Ольдасману. Повѣсть эша, какъ вы
видише, писана не совѣмъ въ филеллиническомъ
духѣ и не въ весьма благопріятномъ свѣтѣ показы-
ваетъ намъ характеръ Гречанокъ. Предисловіе не
шо обѣщало. Новое доказательство, что предис-
ловіямъ вѣришь не можно. За шо стихи въ повѣ-

сти лучше предыдущихъ : они очень забавны. Тутъ найдете вы , что

Чалмы на спогнахъ закипѣли ,
или

Чалмы капаются въ пыли.

Эти два стиха живо напомнили мнѣ знаменитый горшокъ , кажется съ картофелемъ , который во время Пешербургскаго наводненія , попалъ изъ печи въ воду , а изъ воды въ Русскіе Журналы : они долго переливали имъ споры свои изъ пустяго въ порожнее. Еще разъ является чалма также необыкновеннымъ образомъ : Зара , исчисляя передъ Олданомъ права Омара на ея любовь , говоритъ , что когда она попала въ руки непріятелямъ :

Ужъ неистовый взоръ
Кровожадныхъ звѣрей
Ждалъ обиды моей ;
Ужъ я слышала смѣхъ
Гнусныхъ изверговъ тѣхъ.
Смертный ужасъ спыда
Обезсилѣлъ меня ,
И ругаясь злодѣй ,
На позоръ всѣхъ людей ,
Кровы съ груди сорвалъ ;
И смѣясь , показалъ
Трепещъ персей моихъ.

Но является Омаръ рыцаремъ несчастной жертвы ;
онъ ее отбиваетъ и Зара продолжаетъ рассказъ :

Я въ восторгъ перешла ;
Я его обняла

Чувствъ въ волненіи моихъ,
 Средь злодѣевъ своихъ.
 Спѣшно юноша сей
 Снявъ, *чалмою* своей
 Робко грудь мнѣ покрылъ, и проч.

Признаюсь, это новое положеніе чалмы, кажется мнѣ, еще удивительнѣе *чалмъ кипящихъ, чалмъ капающихъ въ пыли*, или горшковъ, кашающихъ по юдѣ. Не иначе, какъ собственными глазами могъ-бы я увѣриться въ истинѣ сказаннаго Гречанкою, а на слово ей не повѣрю. Чалма навела чашапелей на стихи: они не лучшіе въ своемъ родѣ; но кажется, все довольно хороши, чтобы за дальнѣйшія выписки не приниматься. Около двухъ претей поѣсти писаны чепырехъ-стопами ямбами; но съ испуга и съ печали, когда Зара узнаешь, что Омаръ въ убитъ, сбивается она на трехъ-стопные. Оплаканье выражается скороговорками. Если эпиграфъ относится къ лицу кришки, то можно сказать откровенно, что поэму подобную Гречанкѣ *погла-дить* не за что, а *потрепать* совѣстно.

Ас.

102. *Аннибалъ на развалинахъ Карфагена.*
 Драматическая поэма. Сочиненіе Д. Струйскаго. Съ эпиграфомъ: *Отъ великаго до смѣшнаго только одинъ шагъ.* СПб. 1827 г. въ шип. Н. Греча, in 8, 42 стр.

Имя Струйскаго уже извѣстно въ лѣтописяхъ вашего Стихотворства, но есть, извѣстно малому числу лихтературныхъ аншикваріевъ нашихъ. По

большой части, не говорю уже для чинашелей, и для наших писашелей, кашалогъ старинныхъ Русскихъ стихотворцовъ, заключается въ нѣсколькихъ именахъ почешныхъ. Любопытство ихъ не изыскательно и они знаютъ исторію своей ляптерашуры, какъ многіе знаютъ исторію человеческого рода, по именамъ нѣкоторыхъ счастливицовъ. Безъ сомнѣнія многіе услышатъ отъ меня въ первый разъ, что есть книга *Сотикеній Николая Струйскаго*, посвященная Екатеринѣ Великой, напечатанная въ 4-ку, въ 1790 году, и, по тогдашнему, съ ошѣнною роскошью типографическою: прекраснымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, съ зашѣйливыми виньетами, медалями. Въ этой книгѣ множество стиховъ *петатью мѣлкою убитыхъ*: элегій, пѣсень, надписей, посланій, эпиграммъ, билетцовъ, одъ и проч. Тогда разнообразный, или по крайней мѣрѣ разнообразнопредпріимчивый, Сумароковъ гнался за всѣми родами поэзіи и современники его разсыпались за нимъ по всѣмъ шопинкамъ Парнасса. Любопытные найдутъ въ собраніи Николая Струйскаго между прочимъ Эпиграму на Карла XII-го и стихи: *На смерть вѣрнаго моего Зяблова, послѣдующую въ Рузеевѣ, 1784 года, узланую мною въ Москвѣ*. Если эти стихи не доказываютъ, что Г-нъ Струйскій былъ великій поэтъ, то доказываютъ, по крайней мѣрѣ, что онъ былъ попечительный и признавательный помѣщикъ, а это также чего нибудь да стоить. Этошъ Зябловъ, служилель нашего цѣша, былъ обучень имъ живописи, подѣ руководствомъ Рокошова, знаменитаго живописца того времени и друга цѣша, былъ нѣсколько смышленъ и въ архитесктуру,

Хотя искусству былъ сему и не ученъ,
Но былъ его (или ево, сходно съ текстомъ) сни-
скашь усердьемъ привлеченъ.

Прошу позволенія выписатьъ біографическія черты
служивша, тѣмъ болѣе, что въ нихъ будутъ и
поэтическія черты господина, съ примѣсю нѣ-
сколькихъ его домашнихъ обстоятельствъ: все это,
надѣюсь, не наскучитъ читателямъ. Мы такъ ма-
ло знаемъ свою старину, мы такъ спесиво съ нею
обращаемся (и право не знаю изъ какихъ доходовъ),
что я всегда радъ изъяснить ей свидѣтельство мо-
его внимательнаго почтенія и вмѣстѣ показать,
что я не слишкомъ чванюсь тѣмъ, что многіе, съ
такою важностью и съ такимъ самодовольствіемъ,
называютъ *нынѣ*. Какъ будто въ слѣдъ за этимъ
нынѣ не придетъ *завтра*, которое также въ свою
очередь разжалуетъ наше настоящее въ давнопро-
шедшее. Вотъ что говоришь поэтъ о своемъ ар-
тистѣ доморощеномъ :

Лишь шибкую черту Бушера онъ узрѣлъ,
Къ плафонну мастерству не щетно возгорѣлъ.
Мнѣ въ родѣ сихъ трудовъ оставилъ онъ примѣты:
Въ двухъ комнатахъ верхи ево рукой одѣты.
Овальную-ль кто зрѣтъ; или мой квадратный залъ:
Всякъ скажетъ! Зябловъ здѣсь всю пышность
показалъ!
Рачитель строгихъ думъ, достойный слезъ пе-
ченья!

Спаситель моего ты былъ изобрѣтенія. . .
Премерзостнѣйшій видъ . . . то лихоимства смрадъ
Съ котормъ въ міръ свою! къ намъ дщерь, из-
рыгнувъ адъ?

Ко омерзенью въ свѣтъ что первымъ мной явленну:
 Чрезъ кинуть свою шамъ зрасть въ плафонъ ожи-
 вленну.

Къ которому свой взоръ сколь красть ни возведушь,
 Проклятіе и честь столь крашножь воздадушь!..
 Но естѣли въ Божій храмъ Царя Царей кто всхо-
 дить ;

Тотъ Бога въ существѣ присутственна находишь?
 Вездѣ съ полистры шамъ разсыпанъ, фиміамъ!

Надзоромъ подъ ево и сей созиждень храмъ.

Подобно песь мой домъ, въ которомъ обитаю ;

Я дѣло рукъ ево повсюду обрѣшаю.

Внушри! съ наружилъ что; плѣнишь коль можетъ
 взоръ :

Иль стройно обнесень какъ кажется мой дворъ !

Иль Ионической архитектуры виды ;

Раченью въ помъ ево не дѣлають обиды.

Чѣмъ стихи эти не стихи? Можно даже безъ большаго затрудненія доказать, что тушь есть очевидныя примѣты романшизма; оспаривать народность этихъ стиховъ невозможно: они крѣпостные Русскіе; мѣстныхъ красоть, кажешся, также довольно, оригинальность ихъ не подложная. Признаюсь, они для меня и прогашельны; я охотно желалъ-бы узнать, гдѣ лежишь помѣстье *Рузавка* и поклонисься памяти и памятникамъ поэта и живописца. *Смрадъ лихомства* и все что до него относится, нѣсколько темно; но вѣроятно идетъ тушь рѣчь объ аллегорической картинѣ, изобрѣтенной бариномъ, а исполненной слугою. Въ стихотвореніяхъ Г-на Спруйскаго много достается приказнымъ лихомцамъ: эшо также дѣйствіе направленія, дан-

наго Сумароковымъ, который, съ патріотическою смѣлостью напиралъ на пороки и злоупотребленія своего времени. Сумароковъ имѣлъ въ Г-нѣ Струйскомъ горячаго поклонника и усерднаго заступника. Въ его книгѣ есть *Апология къ потомству отъ Николая Струйскаго или нагертаніе о свойствахъ нрава Александра Петровича Сумарокова и о нравственныхъ его поученіяхъ*: Апология писана въ опроверженіе спашы, напечатанной въ Петербургскомъ Вѣстникѣ, 1778 года, въ которой заключается нѣсколько предосудительныхъ, хотя прочемъ и умѣренныхъ отзывовъ о характерѣ Сумарокова. При Апологии находится и Письмо къ Митрополиту Платону, котораго сравниваетъ Авторъ съ Сократомъ; Митрополитъ, благодаря его за присылку сочиненія и за вниманіе, говоритъ ему между прочимъ: *»Что надлежитъ до выхваленій, мнѣ вами приписываемыхъ, не признаю, чтобы я то заслужилъ. Трудился я въ проповѣданіи истины Евангельской, которая столько превосходитъ Сократову, сколько небо землю. Все это побоишно въ отношеніи къ духу того времени; однимъ словомъ, въ старыхъ книгахъ нашихъ болѣе исторіи, чѣмъ въ новѣйшихъ: въ сихъ послѣднихъ болѣе Метафизики. Проза Г-на Струйскаго гораздо нишеватѣе его поэзіи: она часто такъ кудрява, что я не взялся-бы давать истолкованіе каждой фразѣ; но между штыъ все можно понять, изъ множества, что онъ дорожилъ славою Сумарокова; какъ патріотъ и современникъ, съ жаромъ, если не всегда съ искусствомъ, вступался за него и наконецъ заслуживаетъ уваженіе наше, если оно не юздается единственно дарованію и успѣху. Много*

еще хотѣлось-бы мнѣ поговорить о моемъ неизвѣстномъ поэтѣ и право есть что сказать, хотя объ *Экклогѣ* къ нехранимымъ *уставѣ*, объ *Еротикахъ*, о *Кашетѣ*, о *Наставленіи хотящимъ быти петииметрами*, и о разныхъ другихъ произведеніяхъ; но надобно-же знать честь: Аннибалъ насъ и такъ давно уже ждетъ. Дайте сказать еще слово и кончу. Мнѣ въ этой книгѣ очень понравилась недомолвка въ одномъ заглавіи. Слѣдующіе стихи:

Хорошъ и твой Милонъ!

Изволька песмошрѣть, ошѣсилъ онъ

Какой поклонъ!

названы не эпиграммою, какъ прочіе стихи такого рода, а *Епиг.* Это застѣнчивое усѣченіе мило до крайности и совѣшую многимъ изъ нашихъ эпиграмматистовъ перенять его при случаѣ. И у нихъ эпиграммы часто безъ конца, какъ передомленные спирѣлы.

Отъ Г-на Струйскаго столѣтія прошедшаго, перейдемъ къ его соименнику нашего столѣтія. Только не бойшесь, любезные читатели; зная что нашъ вѣкъ гораздо быстрее на ходу, чѣмъ старый, пробѣгу съ вами наскоро новое произведение и самъ не засижусь съ *Аннибаломъ на развалинахъ Карфагена*. Каково кажется вамъ это заглавіе? Вы, можете быть, скажете, что Аннибалъ не видалъ развалинъ Карфагена, что эщотъ городъ подвергнулся роковому обрѣченію настойчиваго Катона уже въ древнюю Пуническую войну, что Аннибалъ погибъ до нее, что слѣдовательно онъ не умеръ на развалинахъ Карфагена, какъ умираешь во второй разъ: прямо насильственной смертію въ поэмѣ Г-на

Спруйского: все это такъ; по Непторин; но во первыхъ уже сказано: не всякому слуху вѣрь; во вторыхъ, въ этомъ заглавіи есть вымыселъ поэтический, а нашихъ поэтовъ именно и упрекаютъ въ бѣдности вымысла. Поэты хотѣли поощрять своихъ, на зло поварницамъ, и преобразовали жребій Аннибала по своему. Драматическая поэма раздѣлена на три отдѣленія: въ первомъ, Аннибалъ говоритъ самъ съ собою и поетъ съ супругою своею Бериссою; во второмъ: разговоръ Сципіона съ Аннибаломъ похожъ въ нѣкоторомъ отношеніи на разговоръ Триссотина съ Вадіусомъ, начатый нидриглами и конченный эпиграммами. Въ третьемъ, Аннибалъ увѣщаваетъ своихъ воиновъ идти на освобожденіе Карфагена, но воины отпѣкиваются и тѣмъ кончается, что *Аннибалъ выкидываетъ лѣтъ и поспѣшно его выкидываетъ*. Въ числѣ многихъ приемъ, употребленныхъ поэтомъ произвольно, замѣчательна одна, также по вымыслу, приема на анаграмму: *Рима и мира*. На нашемъ языкѣ, бѣдномъ приемами, можешь быть и эта попышка не лишняя.

Легко станется, что для многихъ читателей такой разборъ, какъ этотъ, который здѣсь предлагается, покажется совершенно неумѣстнымъ, нескладнымъ поверхностнымъ, и однимъ словомъ, не довольно дѣльнымъ. И такъ въ угодность имъ вошь степенное сужденіе о Драматической поэмѣ Г-на Д. Спруйского. Основаніе ея, какъ мы видѣли, несообразно съ истиною въ такомъ предметѣ, гдѣ поэту не позволено искажать событія до этой степени. Въ рѣчахъ Аннибала и Сципіона мы также не слышимъ знакомыхъ намъ героевъ древности, какъ не узнаемъ Аннибала въ развалинахъ Карфагена. Со всемъ тѣмъ, въ сѣнѣ

произведеніи розрѣшается нѣсколько хорошихъ и сильныхъ оцѣлочныхъ спиломъ, ошмыкаются нѣко- торый жаръ въ выраженіи, нѣкоторая твердость и движеніе въ суживажденіи. Однимъ словомъ, сдается что-то пошлѣе. Сбудется-ли въ другомъ про- рабѣ это, слегка назначенное предчувствіе, или нѣтъ, неизвѣстно; но на всякій случай можно по- советовать Песту поступать съ Исторіею оспо- роженіе и пошлѣе, не заснавая героевъ пере- ступать наемльшеченно шагъ: *они великаго до смѣшнаго*. Къ чему описывать Автора избранный имъ эпиграфъ? догадаешься трудно. Если же своему гердю, то, не одобровоженно. Въ древности, бѣд- ствіе великаго мазовка не было въ себѣ ничего смѣшнаго: смѣшаніе (*le ridicule*) есть горькій плодъ новѣйшей образованности. Въ паденіи Амнибала съ вершины славы вѣтъ ничего смѣшнаго, а много грознаго и поучительнаго.

Ас.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Общій взглядъ на путешествіа для откры- тій, оконченныя въ теченіе послѣднихъ годовъ и вновь предполагаемыя. Десятильній, почти не- прерывный миръ, употребленъ въ пользу наукъ, онъ своими изысканіями замѣнили или заняли вообра- женіе многихъ, вдругъ лишенное пищи. Въ то же время, когда у большей части народовъ величайше число людей направлено по всѣмъ опрасламъ чело- вѣческихъ знаній: сѣ умирившую дѣятельность, се

духъ изысканій, казався, знаменующій намъ въкъ, пріиспавшій благу, чюдотворивъ частныя средства, предъ симъ усмотрѣнныхъ имъ на зачинаніи войны. Успѣхъ Географіи и Мореплаванія, познаніе разныхъ частей земнаго шара, нами обитимаго, обратили на себя особенное и къ вниманію, и потому, для тщательнѣе разсмотрѣнія странъ, еще не совершенно намъ извѣстныхъ и достигнута въ страны вовсе намъ неиздѣомыя, дѣла предпріяты были экспедиціи, имѣвшія болѣе дѣла менѣе счастливыя послѣдствія. Подобно признаваться, что не смотря на ближайшія къ намъ успѣхи свои, Географія была далеко не на одной стѣпѣ отъ болѣею частью прочихъ знаній, и, казалось, попрежнему требовала дальнѣйшихъ пособій. Но она ежедневно обогатилась новыми, положительными открытіями; все заставляетъ предполагать, что и въ будущемъ, со всѣхъ сторонъ направленныхъ къ столькимъ различнымъ пунктамъ, доставляющимъ намъ познаніе обоихъ материковъ, имѣетъ широкое, какое только можно надѣяться при человѣческихъ средствахъ.

Періодическія сочиненія, въ свое время, сообщали дубликъ извѣстій о путешествіяхъ для открытій, предпріятыхъ въ послѣдніе годы; но, мы думаемъ сдѣлать удобное нашимъ читателямъ, представляя здѣсь полную, хотя и не въ болѣе размѣрѣ, картину водвитовъ и успѣховъ, бывшихъ въ сихъ любопытныхъ путешествіяхъ, кончъ начальники вообще отличались своею неслѣдственною и преданностію, достойною величайшихъ похвалъ.

Путешествіями Калмтана Книга около береговъ Австраліи, съ 1818 до 1821 года, прибрѣтено,

о сей нямой земли свѣдѣніи болѣе подробностей, нежели сколько могли получитьъ изъ съ самаго открытія оной. Совершенно неизвѣстная нашимъ древнимъ мореплавателямъ, Австралія въ продолженіе многихъ лѣтъ была посѣщаемъ очень мало. Путешествія Кука, Ванкувера, Флиндерса и нѣкоторыхъ другихъ, доставили намъ очень несовершенныя извѣстія о семъ обширномъ материкѣ, и только въ послѣдніе годы собрали мы о ней свѣдѣнія болѣе извѣстныя. До извѣстій Капитана Кинга, берега сѣверные, сѣверо-западные и западные, ютъ залива Аригемона до сѣверо-западнаго мыса, были совершенно неизвѣстны. Желая обозрѣть и опредѣлить положеніе оныхъ и направленіе, Капитанъ Кингъ отправился изъ Портъ-Джаксона, на купшербѣ, въ 84 тонны, *Сирентъ*, съ небольшимъ экипажемъ, состоявшимъ изъ двенадцати чело-вѣкъ. Г. Аманъ Кюннигъ, флигелъ-бошаникъ и Г. Бунгарекъ, владѣлецъ въ Портъ-Джаксонѣ, рѣшились участвовать въ сей экспедиціи, которая и отправилась къ югу, коснувшись *Двойнаго Залива* и прошла черезъ проливъ Бассъ, между Новою Голландіею и землею Ванъ-Димена. Отсюда пошедши вдоль берега, Капитанъ Кингъ останавливался на нѣсколько дней въ проливѣ Георгіи III-го, продолжалъ свое путешествіе на сѣверъ, до сѣверо-западнаго мыса, съ величайшимъ тщаніемъ опредѣляя извилины вѣсѣхъ береговъ. Съ такимъ-же вниманіемъ обозрѣлъ онъ мѣли, еще сѣвернѣе находящіеся, названныя мѣлами Роула, и острова Гоулбюрна, заливы Моунтъ-Норрисъ и Раффлесь, по сѣверному берегу. Онъ остановился въ портѣ Эссингтонѣ, между Новою Голландіею и Явою игда сно-

шенія съ флѣтомъ Малайскихъ судовъ. Экипажъ выдержалъ во время одного изъ отдыховъ своихъ на сѣверномъ берегу нападеніе толпы туземцовъ, разбойничьяго поколѣнія, столь опчаяннаго, что всякую минушу надобно было остерегаться ихъ покушеній и даже предать имъ въ жертву свои лодки. Послѣ разъѣздовъ, продолжавшихся семь мѣсяцовъ, уже въ Іюль, *Сирена* возвратилась въ Портъ-Джаксонъ, привезя изъ сего перваго плаванія многіе роды новыхъ растений, сѣмена, нѣсколько замѣчательныхъ насѣкомыхъ и множество минералогическихъ образчиковъ.

Нѣсколько мѣсяцовъ употреблено для черченія картъ пройденныхъ странъ. Въ началѣ Декабря *Сирена* снова пустилась въ море и прибыла въ землю Димена, гдѣ городъ Гобартъ и портъ Макарьи были особеннымъ предметомъ вниманія путешественниковъ. Они производили частыя сношенія съ туземцами и составили словарь ихъ языка, кажется, достойнаго обратить на себя вниманіе филологовъ. Почти два мѣсяца посвящены были симъ наблюденіямъ.

Въ Матъ 1819, Капитанъ Кингъ предпринялъ шретье путешествіе и былъ соупутствуемъ бригамъ *Леди Нельсонъ*, находившимся подъ начальствомъ Лейтенанта Окслея. Оба судна быстро обследовали восточный берегъ; но бригъ принужденъ былъ воротиться и *Сирена* одна продолжала изысканія, направляя свой путь къ сѣверу. Тушъ открыли заливъ, названный заливомъ Родда; посѣтили острова Перси и проливы и рукава, раздѣлявшіе ихъ; наконецъ пришли къ рѣкѣ Эндивоору, на сѣверо-восточной части твердой земли. Вѣроятно въ этомъ мѣстѣ, за

сорокъ девять лѣтъ Капитанъ Кукъ выгрузилъ запасы, имѣя надобность исправить свой корабль. Капитанъ Кингъ тамъ-же вышелъ на берегъ съ своими людьми, но изъ осторожности зажегъ высокую траву, покрывавшую берегъ, дабы не дать средству туземцамъ сдѣлать нечаянное нападеніе и поступить съ нимъ также какъ съ его знаменитымъ предшественникомъ. Сіи дикари чрезвычайно недовѣрчивы; они носили щипы, черные, вырѣзанные наподобіе луны. Довольно маловажное обстоятельство, въ первый дець, могло произвести жестокую ссору между ними и экипажемъ. Въ другомъ случаѣ, по всегдашней своей привычкѣ, они покусились украсть нѣкоторыя вещи, принадлежащія морякамъ и, при сопротивленіи сихъ послѣднихъ, начали бросать въ нихъ свои дрошки, къ счастью не сдѣлавшіе никакого вреда. Нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, на воздухъ, вскорѣ заставили дикихъ разсѣяться и дали время предупредить и избавить отъ ярости ихъ Г-на Кюннингама, находившагося тогда для сбора травъ и растеній въ лѣсу.

Одна лодка вошла въ рѣку Эндивоуръ, въ которой вода, на девять миль отъ устья, прѣсная и не глубокая. Окрестности, близъ моря, покрыты грубою травою и кустарникомъ, перемѣшаннымъ съ красными деревьями. Далѣе почва земли пологая и неплодная. Теченіе рѣки чрезвычайно излучисто.

Сирена продолжала идти близъ берега, отъ самаго устья Эндивоура до мыса Юрка, сѣверной оконечности Новой Голландіи, и прошла чрезъ великое число находящихся въ семь мѣстъ проливовъ и между множествомъ острововъ, подводныхъ кам-

ней и песчаныхъ мѣлей, болѣе или менѣе облитенныхъ. Наконецъ она прошла мимо сѣвернаго берега, въ противоположномъ противъ прошлогодняго направленіи. По небольшому числу рѣкъ, находящихся въ сихъ мѣстахъ, важнѣйшимъ открытіемъ сей части путешествія можно почестъ рѣку Ливерпуль. Проходя ночью мимо ея устья, экипажъ былъ вдругъ созванъ къ тревогѣ и готовъ взяться за оружіе, услыша страшные крики на берегу; но скоро узнали, что это крикъ стада птицъ, которыхъ карканье такъ походитъ на человѣческій голосъ, что легко можно ошибиться. Рѣка Ливерпуль почти въ четыре мили ширины при устьѣ своемъ, въ поднимли черезъ три лѣ выше, и такъ уменьшается постепенно въ сей пропорціи. Таковы почти всѣ рѣки въ Австраліи, и изъ сего можно заключить, что въ срединѣ ея нѣтъ горъ, служащихъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ образуются хранилища и истоки воды извѣстнаго объема.

Рыбы и земноводные многихъ родовъ, такъ сказать, кипящъ въ водахъ рѣки Ливерпуля; однакожъ аллигаторы самые огромные не бываютъ тамъ болѣе какъ около двѣнадцати фушовъ въ длину и слѣдовательно не равняюща съ обитающими въ рѣкѣ *Аллигаторовъ*. На землѣ видѣли много цапель и попугаевъ, хохлашыхъ, бѣлыхъ, и принуждены были защищаться отъ безчисленнаго множества мушкетеровъ, похожихъ на Американскихъ и столь же досадительныхъ. Въ Октябрѣ 1819 прошли мимо всего сѣвернаго берега, до мыса Лондондерри, составляющаго сѣверо-западную оконечность онаго. Приставали еще къ острову Савю, гдѣ владѣлецъ принималъ очень благосклонно Капитана Кинга и его

экипажъ; послѣ сего, *Сирена* возвратилась въ Портъ Джамсонъ.

Прежде отправления въ путь въ 1820 году, при-
нуждены были налить корабль водою, для испре-
бленія мышей и корабельныхъ таракановъ, размно-
жившихся въ немъ. Но средство сіе не было дѣй-
ствительно противъ таракановъ, потому что яйца
ихъ не истребились и они не замедлили развестись
снова. Путешествіе сіе имѣло цѣлю обзоръ нѣ-
которыхъ уже извѣстныхъ мѣстъ.

Капитанъ Кингъ занялся ближайшимъ наблюде-
ніемъ нравовъ и обычаевъ туземцовъ. Онъ узналъ
что они употребляютъ оружіе, довольно стран-
ное и болѣе опасное нежели какъ казалось-
бы по виду его. Это просто кусокъ крѣп-
каго дерева, согнутый тупымъ угломъ, имѣю-
щій отъ осьмнадцати до штринадцати дюймовъ
длины, при шрехъ толщины. Бросая его съ руки и
всегда противъ вѣтра, ему сообщаютъ круговое дви-
женіе, чрезвычайно быстрое. Стрѣлки убиваютъ имъ
кангару и другихъ животныхъ очень ловко. Тупъ-же
была ссора совсѣмъ неожиданная и за самое смѣш-
ное дѣло: экипажъ производилъ млочную мѣну съ
туземцами, и одинъ матросъ показалъ имъ небольшое
зеркальцо; они поглядѣлись въ него, другъ послѣ дру-
га, и сами себѣ показали такъ безобразны, что
разсердились на Англичанъ и въ отчаяніи броси-
лись на нихъ. Надобно было много терпѣнія и умѣ-
ренности, чтобы утишить обиженное самолюбіе ди-
карей и не довести дѣла до огнестрѣльнаго ору-
жія. Сѣмъ жили высоки и тонки; голова у нихъ квад-
ратная, волосы длинные, локонами.

Сирена не могла болѣе служить, и потому снарядили для новой экспедиціи *Дромадера*, судно во 170 тоннъ, названное *Батурстомъ*; Капитанъ Князь отправился на немъ въ Маѣ 1821 года, съ тридцатью двумя людьми экипажа. Для узнанія изъяснорыхъ мѣстъ восточнаго берега, онъ снова объѣхалъ его, и сверхъ того многіе острова, до сихъ поръ изслѣдованные очень не совершенно. На семь берегу ловили рыбу снасть, необыкновенной толщины: именно, болѣе осьмнадцати футовъ въ діаметръ, такъ, что одною рыбою, разрывавною въ куски, наполнялась бочка. Другой предметъ пріятно развлекъ мореплавателей въ ихъ трудахъ: они открыли близъ берега пещеру, достойную вниманія, состоящую изъ многихъ галлерей. Стѣны ея, изъ красной охры, были покрыты грубыми изображеніями, начерченными мѣломъ и представлявшими рыбъ, черепахъ, ящерицъ, кангару, собаку, лодки, шквы и проч. Раковины черепахъ и другіе остатки, находившіеся въ разныхъ углубленіяхъ вокругъ, показывали, что дикіе часто избирали эту странно украшенную пещеру мѣстомъ своихъ празднествъ.

Обошедши сѣверный берегъ, мимо котораго снова прошли во всемъ его протяженіи, на сѣверо-западномъ берегу увидѣли рѣку *Принца Регента*, представившую взорамъ путешественниковъ предметъ, который можно почесть феноменомъ въ сей странѣ. Это превосходный водопадъ, составленный изъ многихъ послѣдовательныхъ паденій воды и почти ста пятидесяти футовъ въ вышину.

Рѣка Принца Регенша, быстрая и опасная, въ десяти миляхъ отъ своего устья течетъ среди крутыхъ скалъ. Нѣсколько далѣе спруншея источникъ: ея свѣтлая и прозрачная вода удивительно разнилась отъ воды рѣчной, грязной и мутной, потому что приливъ восходитъ даже до этого мѣста. Впрочемъ окрестная земля совершенно безплодна. На пятнадцать миль отъ моря и при первомъ паденіи воды, нашли аллигаторовъ, пятнадцати фузовъ въ длину, головлей, морскихъ свиней и родъ небольшихъ земноводныхъ, дюймовъ въ девять: они сплывали бѣли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода не такъ глубока, въ тысячѣ направленій гонялись другъ за другомъ и, плавая съ величайшею бѣеуспѣхомъ, вдругъ исчезали, всѣ вмѣстѣ, будто волшебствомъ, закапываясь въ илъ, какъ скоро къ нимъ приближались. Они скоро появлялись опять, но движеній ихъ были такъ быстры, что только подлѣ множества покушеній удалось убить изъ нихъ двухъ или трехъ. Они углубляются въ шину посредствомъ крѣпкихъ плавающихъ перьевъ, на землѣ служащихъ имъ вмѣсто ногъ.

Въ заливѣ Ганноверскомъ, гдѣ послѣ сего выходили на берегъ, хирургъ экспедиціи Г. Моншгомери былъ опасно раненъ копьемъ, которымъ ударилъ его одинъ туземецъ въ спину. Въ наказаніе за это оскорбленіе, на другой день сдѣлали настоящее нападеніе на дикихъ. Одного изъ нихъ убили и взяли большую часть ихъ оружія и приборовъ.

Капитанъ Кингъ заходилъ къ Иль-де Франсу, гдѣ останавливался на нѣсколько дней и отправился къ юго-западному берегу Новой Голландіи. Въ

проливъ Георгія III-го экипажъ находился въ чистыхъ сношеніяхъ съ жителями страны, которые столь-же были крошечны и обходительны, какъ всѣ до сихъ поръ видѣнные жестоки и недоверчивы. Сии дикари питаются мясомъ морскихъ коровъ и ѣдятъ его сырое, самымъ отвратительнымъ образомъ. Они одѣваются въ кожи кайгару, служація имъ также сѣдалищами и постелями. Одинъ изъ нихъ, правда не безъ труда, согласился дать себя побрить и одѣть въ платье одного моряка. Они разрисовываютъ свое тѣло охрою и жиромъ морскихъ коровъ; вмѣсто украшеній носятъ попугайчьи перья и небольшія раковины, изъ которыхъ дѣлають родъ перевязи, нанизывая ихъ на высушенную кишку. Эта перевязь, обходя множество разъ вокругъ тѣла, служитъ имъ поясомъ. Кажется, они боясь моря: у нихъ нѣтъ ни одной лодки и ничего такого, что-бы показывало хотя малѣйшее понятіе о мореплаваніи. Толпа, состоявшая чело-вѣкъ изъ сорока, продала Англичанамъ почти всѣ свои оружія и приборы, отдавая каждую вещь за половину сухаря.

Напослѣдокъ изслѣдовали берегъ западный. Въ сихъ мѣстахъ путешественники много разъ замѣтили чрезвычайно удивительное дѣйствіе морскаго отраженія. Можно было сказать, что корабль находился среди пространства воды, окруженнаго скалами, деревьями и берегами, то зеленыющими, то безплодными. Эта естественная панорама слѣдовала за кораблемъ, ежеминутно перемѣняла видъ, и вдругъ, при измѣненіи температуръ, исчезала какъ декорация въ оперѣ. Безъ сомнѣнія такому-то фе-

имену должно приписать назначеніе нѣкоторыхъ земель, существующихъ только на картахъ. Замѣтили какъ особенность, стоющую обнародованія и замѣчанія, что близъ сего берега, на большей части острововъ, изъ коихъ нѣкоторые въ весьма близкомъ отъ него, разстояніи, произрашенія совсѣмъ не тѣ что на твердой землѣ.

Окончивъ свои морскія наблюденія, Капитанъ Кингъ возвратился въ Портъ-Джаксонъ, въ Апрѣлѣ 1822, и скоро отправился въ Англію, гдѣ ожидало его уваженіе соотечественниковъ за труды и непоколебимость въ усиліяхъ. Вотъ, въ немногихъ словахъ, слѣдствіе его различныхъ плаваній.

Сѣверный и сѣверо-западный берега Австраліи совершенно описаны: они могутъ быть обходимы безъ малѣйшей опасности, на протяженіи тысячи пяти-сотъ миль. Дознано, что приближеніе къ западному берегу затруднительно и имѣетъ только одну пристань: Заливъ акулъ. Въ странѣ сей находятся немного родовъ четвероногихъ, но множество родовъ птицъ. Ботаника тамошняя очень богата; привезено большое число растеній, посаженныхъ въ Королевскомъ саду Кью, и травникъ, содержащій въ себѣ болѣе пяти сотъ родовъ.

Именемъ Британскаго Правительства принято въ обладаніе, въ 1824 году, нѣсколько новыхъ пунктовъ въ Австраліи, между прочимъ въ землѣ Арнема, на мысѣ Ванъ-Димена и на островѣ Мельвилѣ, гдѣ основана колонія, обѣщающая великія выгоды. Сначала тамъ принуждены были много разъ имѣть схватки съ природными жителями, поколѣніемъ буйныхъ и воинственныхъ дикарей. Колонія состояла

изъ ста двадцати шести челоѣкъ , въ числѣ коихъ было только три женщины, и сорокъ пять изгнанниковъ. Почва и климатъ острова позволяютъ разводить тамъ всѣ произведенія Востока и особенно пряные корни. Удобная и надежная пристань находится въ самомъ выгодномъ мѣстѣ для торговли. Одинъ недостатокъ въ судоходныхъ рѣкахъ долго будетъ еще препятствовать образованію поселеній во внутренности Австраліи; но промышленность и искусства ежедневно дѣлають столь быстрые успѣхи, что и здѣсь можно надѣяться всего ошъ нихъ пособія.

Теперь Капитанъ Кингъ совершаетъ путешествіе въ другой странѣ, на двухъ военныхъ судахъ, превосходно устроенныхъ и снабженныхъ всеми инструментами, необходимыми для Физики и Астрономіи. Онъ проходитъ моря, находящіяся на полдень отъ Южной Америки. Къ этой экспедиціи подало поводъ путешествіе Капитана Ведделя, въ тѣхъ-же странахъ, который, съ двумя судами самаго малаго размѣра, не побоялся идти въ даль, по морямъ неизвѣстнымъ и презираеть всѣ опасности. Описаніе его любопытныхъ подвиговъ такъ извѣстно, что мы не считаемъ нашею обязанностью сообщать извлеченія изъ онаго. Тамъ съ удовольствіемъ видимъ надежду, что есть возможность достигнуть къ Антарктическому полюсу: въ этомъ Капитанъ Веддель основывается на столь-же точныхъ, какъ и справедливыхъ наблюденіяхъ.

Очень мало еще знаемъ мы о путешествіяхъ Капитана Оуэна, предпринятыхъ для изслѣдованія береговъ Африки и считаемыхъ въ числѣ любопыт-

длѣйшихъ путешествій, совершенныхъ въ наше время. Вотъ легкое начертаніе его плаваній и подвиговъ, продолжавшихся четыре года, съ усердіемъ и дѣятельностью неупоминимыми. Отправившись изъ Англіи, онъ заходилъ въ Лиссабонъ, къ островамъ: Мадеръ, Тенерифу, Канарскимъ, Зеленаго мыса, Троицъ, въ Ріо-Жанейро и къ Мысу Доброй Надежды. Отсюда онъ пришелъ въ заливъ Алгойскій, Делагойскій, посѣтилъ берега Святой Маріи Мадагаскарской, Мозамбикъ, и возвратился къ Мысу, зашедши въ другой разъ въ заливъ Алгойскій и Делагойскій. Много замѣчательныхъ происшествій и нѣсколько непріятныхъ случаевъ было въ продолженіе сего путешествія. Въ числѣ первыхъ можно упомянуть объ уступкѣ Королевства Темби, сдѣланной Англійскому Правительству Африканцами, прежде обладавшими сею страной. Во второе путешествіе, отправившись отъ Мыса, Капитанъ Оуэнъ посѣтилъ Алгою, Делагою, Киллимену, Инганбамъ, Софалу, Мозамбикъ, Бомбай, Маскапу, Аравійскій берегъ, Сокошору и весь берегъ Африки отъ 12° Северной широты, до 18° Южной. Оттуда онъ снова пришелъ въ Деларою и наконецъ въ Иль-де-Франсу. Этошъ длинный переходъ исполненъ множествомъ странныхъ происшествій. Древнія Королевства: Момбасъ и Мелинда, болѣе спасть теравшіяся изъ виду, были узнаны Англійскимъ Капитаномъ, который именемъ своего Правительства снова при-
нялъ ихъ во владѣніе.

Посѣдивъ отъ Иль-де-Франса, онъ изслѣдовалъ весь берегъ Мадагаскара, Юганну, Мозамбикъ, Момбасъ, Могадоксу, Зангвебаръ, западную часть остро-

ва Мадагаскара и наконецъ возвратился въ то же мѣсто, откуда вышелъ. Въ это путешествіе Англійское судно взяло въ плѣнь корабль съ неграми. Возвращаясь къ Мысу Доброй Надежды, Капитанъ Оуэнь заходилъ въ землю Наталь и успѣлъ достать полную исторію племени Кафровъ, тамъ обитающихъ. Каждый пунктъ, гдѣ останавливалась экспедиція въ продолженіе пути столь-же продолжительнаго какъ и разнообразнаго, былъ предметомъ любопытныхъ наблюденій или мѣстомъ необыкновенныхъ происшествій, придающихъ живую занимательность описанію сего путешествія, появленія котораго ожидаютъ нетерпѣливо. Послѣ сего Капитанъ Оуэнь прошелъ мимо всего берега Западной Африки.

Вотъ нѣсколько подробностей, которыя дадутъ понятіе о происшествіяхъ и обстоятельствахъ, сопровождающихъ путешествія сего рода. Нѣсколько человекъ экипажа были посланы на одной большой Киллименской лодкѣ обозрѣть теченіе рѣки Замбези. Эта небольшая экспедиція, подъ начальствомъ Лейтенанта Броуна, состояла изъ Гг. Форбеса, натуралиста, Киркъ - Патрика, лекаря, двухъ служителей и нѣсколькихъ гребцовъ. Они отправились на разсвѣтѣ и при заходѣнн солнца остановились въ Чингоалла, небольшомъ городѣ, принадлежащемъ Правителю Киллимены. На другой день перешли Архипелагъ небольшихъ острововъ, и вечеромъ прибыли въ Бокко-де Ріо, большой городъ, управляемый человекомъ, по имени Моккамбужіо, Кафрскимъ повелителемъ, довольно свободно говорив-

шимъ по-Португальски. Въ этомъ мѣстѣ песчаная отмѣль, простиравшаяся на много миль, занимала русло рѣки такъ, что не лзя было плыть, почему и принуждены взять съ лодки все необходимое для дороги. Экспедиція оставалась четыре дни въ Бокка-де Рио и продолжала путь въ паланкинахъ, которые съ поклажею и путешественниками несены были туземцами. Въ два часа прибыли къ жилищу Манголы, другаго Кафрскаго начальника, и у него ночевали. Назавтра остановились у одного Мулапра; въ слѣдующій день у Креола, оказавшаго путешественникамъ самое нѣжное вниманіе. Нездоровье Г-на Форбеса заставило ихъ остановиться въ семь мѣстѣ на двѣ недѣли. Послѣ сего они помѣстились въ четыре небольшія лодки и прибыли въ Кипангу, родъ фермы на берегахъ рѣки. Маріоно находится при слияніи Киллимены и Люциллиса. Отсюда, цѣпь небольшихъ острововъ и песчаныхъ отмѣлей пересѣкаетъ русло первой изъ сихъ двухъ рѣкъ и образуетъ изъ нея два рукава, изъ коихъ одинъ очень глубокъ до Кипанги, гдѣ сія цѣпь соединяется съ берегомъ. Въ этомъ мѣстѣ путешественники замѣтили отмѣль рѣчную, обитаемую множествомъ гиппопотамовъ. Львы, тигры и всѣ дикіе звѣри Африки водятся во множествѣ въ здѣшнихъ окрестностяхъ. Почва представляетъ, такъ сказать, одинъ необозримый лѣсъ красныхъ деревь. Маисъ, бобы и горохъ, произрастаютъ здѣсь во множествѣ; воны и особенно овцы, чрезвычайно рѣдки. Жипели почти исключительно питаются зеленью и не знаютъ иного мяса, кромѣ дичины и кабановъ. Софала на восемь дней ходьбы отъ сего мѣста.

Продолжая идти вверхъ по рѣкѣ, экспедиція, черезъ два дни по отбытіи изъ Кипанги, перешла удивительно дикое мѣстоположеніе, гдѣ не замѣтила ничего кромѣ безчисленнаго множества гиппопотамовъ. Тотчасъ послѣ этого она перебралась черезъ страну покрытую густымъ лѣсомъ. Правый берегъ Киллимены обитаемъ поколѣніями дикими и независимыми, презирающими поколѣнія противнаго берега, покорившіяся Португальцамъ.

Въ это время умеръ Г-нъ Форбесъ; тѣло его отослано было въ Сенну, для погребенія. Сопутники умершаго, продолжая свое путешествіе, скоро должны были проходить черезъ мѣста совершенно пустынные и долины болохистыя, или и совершенно покрытыя водою. Гг. Броунъ и Киркъ-Паприкъ, съ двумя служителями неграми, прожили мѣсяцъ въ Сеннѣ, занимаясь охотою или съемкою видовъ страны. Но Г-нъ Броунъ скоро сталъ жертвою сего нездороваго климата, и другъ его, послѣдній живой Европеецъ въ экспедиціи, не замедлилъ подвергнуться той-же участи.

Вотъ другой эпизодъ изъ того-же путешествія, кончившійся не менѣе горестнымъ образомъ. Въ то время какъ изслѣдывали берегъ Мадагаскара, два офицера, Бави и Парсонсъ, были посланы на лодкѣ для обозрѣнія небольшого острова. Исполнивъ порученное имъ дѣло, они позволили матросамъ отдалиться для сбора раковинъ и сами остались беречь лодку. Выходя на берегъ, они не замѣтили ни одного жителя, но вскорѣ увидѣли, что къ

нимъ приближается человекъ, съ двумя копьями. Ему позволили взять заряженное ружье, которымъ онъ дѣйствовалъ очень ловко. Удаляясь, матросы оставили его подлѣ лодки, но возвратившись черезъ полчаса, были равно изумлены и уstraшены, не видя двухъ офицеровъ. Ихъ обоихъ зарѣзали. Тѣло Г-на Парсонса найдено въ водѣ, шуазахъ въ двадцати отъ берега, а тѣло Г-на Бави въ самой лодкѣ, покрытое кровью. Ружья, само собой разумѣется, не нашли.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

Часть XVII.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

II. СМѢСЬ.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ:

Ц в ѣ т ы ,

выбранные изъ Греческой Анеалогии (*).

(Другіе отрывки сего перевода отборныхъ Греческихъ надписей, съ подлинника, были напечатаны въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* и *Полярной Звѣздѣ* 1825 года.)

П у т ь д о б р ы х ъ .

(Игисиптъ.)

Правой стезей отъ костра, вѣщающъ намъ, Ермій
крылатый .

Души творившихъ добро внизъ къ Радаманѣу ве-
дешъ .

Онымъ блаженнымъ путемъ Аристоной, сынъ Хере-
страпа ,

Плачу не внемля родныхъ; въ домъ Айдоней со-
шелъ .

(*) Издатель Телеграфа приноситъ свою чувствительную благодарность, какъ за доставленіе прекраснаго перевода съ драгоценнаго памятника Греческой Поэзіи, такъ и за вниманіе просвѣщеннаго Переводчика къ Московскому Телеграфу. Обширное вниманіе людей, достойныхъ общаго уваженія по ихъ дарованіямъ и характеру, лучшая награда журналиста и лучшее утѣшеніе его въ трудахъ и непримѣностяхъ; сопряженныхъ съ его званіемъ.

Ч. XVII. No 17.

1 *

Голосъ изъ гроба младенца.

(Македоній Ипатъ.)

Васъ я привѣствую, Матерь Земля и Матерь Иліеа!

Жизнь мнѣ одною дана; въ нѣдрахъ почію другой.

Краткій я пушъ совершилъ; но ошкуда на оный по-
ставлень,

Кто былъ въ мірѣ и чей? вы не повѣдали мнѣ.

Гробъ юноши.

(Неизвѣстный.)

Сынъ погребень здѣсь ошцомъ: не юношѣ-ль плакать
на гробѣСтарца! Природы успавъ Рокомъ жестокимъ за-
бышъ.*Гробъ Тимона.*

(Тимонъ мизантропъ.)

Здѣсь я распоргнуль оковы души, ошягченной пе-
чалью.

Злые, не знайте кто я, и смертію гибните злою!

*(Игисипъ.)*Острые колья и шерніе гробъ окружають: и ногу,
Пушникъ, швою повредашъ, если къ нему подой-
дешъ.Тимонъ лежишъ здѣсь, людей ненавистникъ. Прочь
ошъ могилы!Съ бранью, какъ хочешъ, спунай; только скорый
проходи!

Фокіоновъ Кенотафъ.

(Фалекъ.)

Чуждыхъ береговъ достигая, Фокіонъ смерть обрѣлъ
внезапно :

Корабль его не снесъ стремленья черныхъ волнъ;
Плавашель, съ ними борясь, погибъ въ пучинѣ Эгей-
ской

И вихремъ пополенъ, крушащимъ Понтъ до дна.
Гробъ сей, ему въ опчизнѣ воздвигнушый, пустьъ;
но мать Проміеа,

Какъ птица скорбная, лишенная пленцовъ,
Каждое шпро печаль изливаетъ надъ онымъ въ сше-
нанъ,

И сына тѣнь изъ мглы безвременной зоветь.

Гробъ погибшаго въ кораблекрушеніи.

(Платонъ философъ.)

Прахъ погребенъ здѣсь пловца; напрошивъ, орашая
пепель :

Морю и сушѣ равно близокъ подземный Андъ.

Ограбленный трупъ.

(Платонъ философъ.)

Тыло ты видишь пловца : примчавъ бездыханнаго къ
берегу,

Море оставило мнѣ, сжалась, послѣдній покровъ.
Хищникъ погибшаго шрупъ обнажилъ безбоязненной
дланью :

Малый прибытокъ ему былъ святошашства цѣной!

Пусть-же докровомъ моимъ онъ будетъ одѣянъ въ
Аидъ;
Съ нимъ да предстанетъ на судъ грозному пѣней
Царю!

Награжденное состраданіе.

(К а р ф и л и д ъ.)

Хипроизвиту ю уду рыба къ закинувши въ море,
Вытянулъ черепъ пловца, весь обнаженный власо въ.
Жалость въ душѣ ощутилъ: мертвецу, лишенному
тѣла,
Вырылъ безъ заслупа гробъ, памятникъ бѣднѣй
воздвигъ. . .
Роя могилу, нашелъ онъ скрытое злато. О смертный!
Будь милосердъ — и всегда примешь достойную мзду!

Немеса рядомъ съ Надеждою.

(Н е и з в ѣ с т н ы й.)

Евной воздвигнулъ здѣсь ликъ Надежды съ Немесой
рядомъ.
Что знаменуютъ? . . . »Желай! . . . »Скромень въ
желаніяхъ будь!»

Приношеніе Физу.

(М н а с а л к ъ.)

Лукъ искривленный съ колчаномъ въ твоемъ свящѣ-
лищѣ, Діміи,
Тімархъ привѣсилъ къ столбу, жертвуя ими тебѣ.
Спрѣлъ не принесъ онъ пернатыхъ: на полѣ крова-
выя битвы
Въ трупяхъ остались враговъ — грозны Арעד дары!

Отсроченная казнь.

(П а л л а д ъ.)

Вешхую спѣну опорою избравъ, повѣшвуютъ, убійца
 Сву предавался; но вдругъ. Сѣраписъ взорамъ
 предсталъ,

Гибель ему прорицая: «О ты, здѣсь лежащій небрежно,
 »Встань, для покоя спѣши лучшаго мѣста искать!»
 Въ ужасъ оный ошпрянулъ. И вслѣдъ за бѣгущимъ,
 мгновенно

Вешхое зданье ваясь, долу обрушилось все.
 Радостно жершву богамъ спасенный приноситъ за
 благость,
 Мня, что на гнусныхъ убійцъ онымъ вриятно
 взирать!

Сѣраписъ снова ему въ ночномъ явился видѣнны,
 Грозно вѣщая: «Тебѣ-ль благости ждять отъ бо-
 готъ!

»Нынѣ ты мною спасенъ; но смерти избѣгнулъ без-
 бѣдной:

»Скоро позорную жизнь кончишь, злодѣй, на
 крестѣ!»

Спартакскій борецъ.

(Д а м а г и т ъ.)

Я не Мессенскій борецъ; не въ Аргосѣ древнемъ
 родился;

Спарта ошчизна моя, Спарта, подвижниковъ мать.
 Пусть за искусство вѣнчаютъ другихъ: но я (какъ
 прилично

Лакедемона сынамъ) въ силѣ побѣды нищу.

Залцб, морскимб псомб гонимый.

(Германикъ Кезарь.)

Псомъ я исторгнушъ изъ челюсти пса. На сушѣ и
 въ морѣ
 Нѣтъ спасенья: враги злою намъ смертью грозятъ.
 Гдѣ укрываться отъ нихъ? уже-ли въ горнемъ вѣирѣ?
 Ахъ, и на тверди небесъ встрѣшимъ мы звѣз-
 даго пса!

Еротб пастухомб.

(Миринъ.)

Тирсисъ, пріявшій отъ Нимфъ храненье на пажити
 спада,
 Тирсисъ, кто съ Паномъ-бы могъ въ бой на сви-
 рѣли вступишь,
 Въ полдень заснулъ, отягченный виномъ, подъ сос-
 ной тѣнистой:
 Смотритъ за стадомъ Ерошъ, посохъ въ ру-
 ченку схвативъ.
 Нимфы, о Нимфы, будите скорѣй пастуха -
 звѣроловца!
 Хищнымъ въ добычу волкамъ преданъ малюшка
 Ерошъ.

Киприда на поморіи.

(Анипа.)

Роща Кипридина здѣсь. Надъ моремъ внесенна богиня
 Съ берега привѣтно глядитъ въ зеркало свѣтлое
 водъ;

Даруешь пущь благоспѣшный пловцамъ. И Понть
 предъ кумиромъ
 Съ робостью волны смирилъ, горней дивясь кра-
 сотъ.

Къ истукану Афродиты въ Книдѣ.

(Неизвѣстный.)

Въ Книдійскихъ рощахъ узрѣвъ Киприда Киприду,
 вскричала :
 «Боги! гдѣ могъ Праксипелъ видѣть нагую меня!»

Могущество Ерота.

(Палладъ.)

Нѣтъ на Еротѣ покрова; ни лукъ, ни горящія стрѣлы
 Нѣжныхъ рамень не шягчаютъ; взоры улыбка живишь.
 Ликъ сей не тщетно представленъ съ цвѣткомъ въ
 рукъ и дельфиномъ :
 Суши державу и водъ оный являешь символъ.

Фидіевъ Зевсѣ.

(Филиппъ Θεσσαλονικскій.)

Зевсѣ-ли на землю сошелъ, и тебѣ явилъ свой
 безсмертный
 Образъ ? или ты самъ видѣлъ его въ небесахъ ?

Къ Мироновѣй кравѣ.

(Неизвѣстный.)

Далѣ спадо держи, о пастухъ ! да Мíрона краву,
 Вмѣстѣ съ своими смѣшавъ, въ поле не стогнишь
 ошселя.

(Леонидъ Таренскій.)

Міронъ не создалъ меня: изъ среды пасомага спада
Съ поля похитивши, здѣсь къ камню навѣкъ
приковаль.

(Аншипатръ Сидонскій.)

Прочь отъ меня, шелець! не мычи у подножья на-
прасно:

Дивный ваятель млека въ мѣдны сосцы не вложилъ.

(Димитрій Виѣнскій.)

Міронъ къ подножью мешалъ прикрѣпидъ. Но па-
стыри часпо
Камнями мечущъ въ меня, думая къ спаду при-
гнашь.

Коза; кормящая волка.

(Неизвѣстный.)

Хищнаго волка невольно кормлю своими сосцами;
Тщетно противлюсь: меня нудишь безумный па-
стухъ.
Мною воспитанный звѣрь врагомъ жесточайшимъ
мнѣ будетъ.
Сердца, рожденного злымъ, благость не можешь
смягчить!

В р е м я,

истукаѣ Лисипповѣ.

(Посидиппъ.)

Гдѣ изваявшій тебѣ рѣденье? — »Въ Сикіонѣ.« —
Какъ имя? — »Лисиппъ.« —

Кто ты, истуканъ? — »Время, владыка всего.« —
 Что ты на перстахъ идешь? — »Бѣгомъ я свой
 путь совершаю.« —

Крылья за чѣмъ на ногахъ? — »Быстрыйъ явля-
 ютъ мой бѣгъ.« —

Сталь изощренную вижу въ рукъ. . . — »Она зна-
 менуетъ : —

»Время, какъ острая саль, губишь земные
 цвѣты.« —

Вьюшь зачѣмъ власы на лицо? — »Пусть, всяръ-
 шаясь со мною,

»Ловятъ скорѣе за нихъ.« — Чшо-же нѣтъ сзади
 власовъ? —

»Смертный! не медля лови, пока я мчусь предъ
 тобою : —

»Послѣ не можешь меня, сколь ни желай, воз-
 вращать.« —

Мудрый художникъ тебѣ почто изваялъ? — »О
 прохожій!

»Вамъ въ поученье : и съ тѣмъ ликъ мой предъ
 храмомъ воздвигъ.«

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

Голосъ изъ гроба младенца. — *Илмеа*, *Или-оія*, богиня присутствовавшая при родахъ: Римляне называли ее *Луциною*.

Гробъ Тимона. Для совершеннаго разумнѣн- сихъ двухъ надписей нужно прочиташъ остроумный разговоръ *Лукиановъ*: *Тимонъ мизантропъ*. Тамъ описаны жизнь и болѣзнь сего славнаго человѣконена- вистника.

Фокіоновъ Кенотафъ. Здѣсь 1-й и 5-й стихи двойные: въ каждомъ прибавлены три хоря къ строкъ дактилической четырехстопной; 3-й и 7-й обыкновенные ексаметры; а прочіе — шестистоп- ные ямбы, иногда замѣняющіе пеншаметры въ древ- нихъ надписяхъ.

Немеса рядомъ съ *Надеждою*. *Нѣмеса* или *Немесиды*, богиня мѣры и обузданія (по выраже- нію Гердера), не мститъ смертнымъ, не преслѣ- дуетъ и не мучитъ ихъ, подобно *Атти* и *Евмени- дамъ*. Она предупреждаетъ неправду и гонитъ прочъ зависть: не терпитъ излишества и высокомерія, и гдѣ примѣтитъ ихъ, тамъ обращаетъ мгновенно колесо счастья.

Отсроченная казнь. *Сараписъ* или *Сера- писъ*, богъ древнихъ Египтянъ. Нравоученіе, содержащееся въ сей надписи, прекрасно выражено *Гроціемъ* въ Латинскомъ двусиціи:

Non est ista salus, facili quod morte negatum
Defungi: crux est poena parata tibi.

Спартанскій борецъ. Аргивяне славилась въ борьбѣ искусствомъ; напрошивъ того Спаршанцы пренебрегали онымъ. См. *Плутарха II.* 233: «Лакедемоняне не даютъ борцамъ учителей (гимнастовъ), дабы возбудишь соревнованіе не въ искусствѣ, а въ добродѣтели.»

Еротъ пастухомъ. Вѣроятно какая нибудь картина подала стихотворцу первую мысль къ сей надписи. Прекрасную часть Греческой Анеологии (говоритъ Гердеръ) составляютъ надписи къ разнымъ произведеніямъ Изящныхъ Искусствъ: и сіи описки столь выразительны, что въ нихъ часто Поэтъ по видимому состязается съ Художникомъ. Но состязанія нѣтъ: первый слѣдуетъ за вторымъ, остроумно описывая его твореніе, или изъясняя по чувству, которое въ зрителѣ хотѣлъ возбудишь Художникъ.

Киприда на поморіи. Афродита, рожденная изъ морскихъ волнъ, покровительствовала мореходцовъ. Посему-то Горацій (I, Ода III) молишь ее о сохраненіи корабля Виргиліева, а Парисъ хвалится ея помощію въ любви и въ плаваніи (Овидій, Ироид. XVI. 20). — см. 4. Tibi rident aequora ponti, говоритъ Лукрецій, I. 8.

Время, истуканъ Лисипповъ. Древніе часто упоминають о семъ изваяніи, представлявшемъ *Время* или *Слугай*. Подробное описаніе онаго находимъ въ *Каллистратѣ*, гл. VI.

Заколдованный домъ.

*Повѣсть, взятая изъ рукописей Доктора
Дидриха фанъ-Нейккербоккера (*).*

Недалеко отъ стариннаго городка Мангапшое, еще за немного лѣтъ, былъ старыи домъ, въ ребячествѣ моемъ извѣстный въ сосѣдствѣ подъ именемъ *Заколдованнаго дома*. Это былъ одинъ изъ весьма немногихъ остатковъ зодчества старинныхъ Голландскихъ поселенцовъ и видно въ старое время, былъ это въ домъ зданіе значительное. Онъ состоялъ изъ главнаго корпуса и двухъ флигелей, у которыхъ края кровель были сдѣланы лѣсенкой. Все построено было, частью изъ дерева, частью изъ Голландскихъ кирпичиковъ, ко-

---

(*) Сочиненіе Ирвинга Вашингтона. Имя Никкербоккера выдуманно: подъ симъ именемъ рассказываетъ Ирвингъ преданія. Американскія, были и небылицы. Докторъ Никкербоккеръ является у него въ *Sketch book*, гдѣ передаетъ читателямъ, въ *Похожденіяхъ Ритъ-фанъ-Винкля*, остроумное изображеніе прежняго и нынѣшняго состоянія Соединенныхъ Штатовъ. *The haunted house*, другую повѣсть Никкербоккера, которая кажется намъ однимъ изъ превосходнѣйшихъ сочиненій Ирвинга, мы теперь сообщаемъ читателямъ нашимъ. Она помѣщена Ирвингомъ въ *Bracebridge hall*, продолженіи *Sketch book*. Въ послѣдствіи надѣемся познакомить читателей съ *Исторіею Нью-Йорка*, выданною Ирвингомъ также подъ именемъ Никкербоккера, и въ которой талантъ Автора развивается въ полномъ блескѣ. *F.*

порые приваживали съ собою почтенные переселенцы изъ Голландіи, пока открыли ни пайну, что и въ другихъ мѣстахъ можно дѣлать кирпичи. Далеко отъ дороги; юзреди широкаго поля, стоялъ Заколдованный домъ; аллея изъ спарыхъ акацій вела къ нему; нѣкошорыя изъ деревьевъ оной были поражены молніею и два или три дерева сломлены вѣтромъ. Нѣсколько аблоней разсѣянно росли по полю; еще видны были слѣды, что путь когда-то наводился огородъ; но забора уже не было, огородныя распенія исчезли, или росли задичавшія, и болѣе было дурныхъ, нежели полезныхъ травъ. Тамъ и здѣсь росли еще кусты розъ, также одичавшихъ, и подсолнечники пробивались между шерновникомъ, печально повѣсивъ свои головки, какъ будто горюя объ окружавшемъ ихъ опустошеніи. Частъ крышки спараго дома упала, окошки были разбины, двери выломаны, заколочены досками, и два ржавые флюгера, на концахъ дома, производили страшный скрипъ, повертываясь кругомъ, хотя всегда показывали невѣрно. Наружность всего мѣста была печальна, уныла и въ хорошее время; но въ ненастную погоду, свистъ вѣтра вокругъ вѣшкаго, спараго строенія, скрипъ флюгеровъ, хлопанье и спуканье немногихъ уцѣлѣвшихъ оконничныхъ ставней, все это казалось такъ дико и производило такое дѣйствіе, что сосѣдніе жители всегда съ тре-

пешкомъ называли старый домъ собира-
 щемъ привидѣній. Я хорошо помню эти
 старые хоромыны, и не забываю еще, какъ
 много разъ, веселый, беззаботный ша-
 лунъ, я бродилъ вокругъ ихъ, съ нѣсколь-
 кими школьными товарищами, въ воскрес-
 ные дни послѣ обѣда, когда мы отправля-
 лись на добычу въ запустѣлый огоро-
 дъ. Тамъ росло одно дерево, подлѣ самого дома,
 съ прекрасными, вкусными плодами; но
 это было заколдованное мѣсто, и мы
 столько слышали о немъ страшныхъ
 рассказовъ, что боялись и приближаться
 туда. Иногда, осмѣливаясь мы, подходи-
 ли ближе къ Гесперидской нашей яблони,
 уставивъ глаза на домъ и бросая робкіе
 взгляды на разбитыя его окна; но только
 что были мы гоповы наградишь себя за
 отвагу, восклицаніе кого нибудь изъ на-
 шей гурьбы, или нечаянный шумъ, приво-
 дили насъ въ ужасъ: мы опростыю бѣжа-
 ли прочь и считали себя безопасными
 только тогда, когда выбѣгали на дорогу.
 Тутъ рассказывали мы другъ другу мно-
 жество страшныхъ подробностей о нечѣ-
 стныхъ крикахъ и столахъ, нами слышан-
 ныхъ, или какой-то безобразной рожи, не-
 чаянно выглянувшей на насъ въ окошко
 старого дома. Мало помалу перестали мы
 ходить въ уединенное это мѣсто, и толь-
 ко, останавливаясь отъ него подальше, бросали
 на крышку дома камешки: какое-то ужа-
 сающее удовольствіе чувствовали мы, слы-

ша сплутъ камешковъ, падавшіе на кровлю, или разбиравшихъ иногда ошашки звонкихъ спесколъ въ окошкахъ.

Преданіе объ основаніи этого дома было потеряно во мракъ, покрывающемъ первые періоды исторіи Мангапшойской области, подъ властію Ихъ Высокомочій Генеральныхъ Штаповъ. Иные говорили, что это былъ деревенскій домъ Вильгельма Кефта, болѣе извѣстнаго подъ именемъ *тудака*, одного изъ Голландскихъ Губернаторовъ Новаго Амстердама; другіе рассказывали, что домъ построенъ былъ морскимъ капитаномъ, который служилъ съ Фанъ - Тромпомъ, и обойденный чиномъ, оставилъ службу съ досады, сдѣлался философомъ по неволѣ и перенесъ все свои богатства въ Мангапшое, такъ, что могъ жить здѣсь, какъ хотѣлъ и смѣяться надъ цѣлымъ свѣтомъ. Причины запустѣнія дома были также испочникомъ споровъ. Одни говорили, будто онъ принадлежалъ правительству и потому брошенъ, что поправка его стоила болѣе того, что приносила онъ пользы; но болѣе общій, и слѣдовательно, болѣе достоверный разсказъ былъ тотъ, что домъ посѣщали привидѣнія и люди спокойно не могли жить въ немъ. Тѣмъ несомнительнѣе было это, что множество разсказовъ подтверждали общее мнѣніе: всякая старушка въ соседствѣ могла рассказать ихъ, по крайней мѣрѣ, десятка два. Былъ еще одинъ сл-

дой Негръ, жившій неподалеку отъ Зако-
дованнаго дома, и онъ могъ насказать о
немъ цѣлую книгу исторій, изъ коихъ
большая часть случилась съ нимъ самимъ.
Помню, что я и школьные товарищи мои
много разъ оспамавливали его и просили
рассказать намъ чтонибудь. Старикъ
жилъ въ хижинѣ, на небольшомъ клочкѣ
земли, засаженной картофелемъ и Индѣй-
скимъ пшеномъ: все это подарилъ ему при
опыускѣ на волю бывшій господинъ его.
Онъ подходилъ бывало къ намъ, съ заспу-
помъ въ рукахъ, когда мы усаживались, какъ
спая ласпочекъ, на оспашкахъ палисадни-
ка, и въ шихомъ сумракѣ лѣшняго вечера
рассказывалъ намъ такіа спрашныя ис-
торіи и такъ спрашно ворочалъ припомъ
бѣлками своихъ глазъ, что мы ужасались
даже шороха нашихъ шаговъ, когда возвра-
щались послѣ того домой въ шемношѣ.

Бѣдный старшій Помни! Много уже
лѣтъ прошло, какъ онъ умеръ и отпра-
вился въ общество привидѣній, о кото-
рыхъ такъ любилъ рассказывать. Его схо-
ронили въ уголокъ его собственнаго неболь-
шаго поля; плугъ часто проходилъ послѣ
того по его могилѣ, уравнивалъ ее съ оспаль-
нымъ полемъ: и никто не думаетъ уже бо-
лье о старомъ Негрѣ. Нечаянно бродилъ я въ
сосѣдствѣ его жилища, много лѣтъ спустя,
когда былъ уже взрослымъ человекомъ, и на-
брелъ на толпу кумушекъ, разсуждающихъ
надъ черепомъ, котораго желѣзо плуга

вырыло изъ земли. Онъ утвердили наконецъ, что это была черепъ человека, когда-то шутъ убишаго, и рассказывая о немъ, вспомнили кой-какія преданія о Заколдованномъ домѣ. Я узналъ черепъ бѣднаго Помпи, но почелъ за лучшее молчать, уважая наслажденіе людей, рассказывающихъ и слушающихъ повѣсти о мершвецахъ и привидѣніяхъ; послѣ схоронилъ я снова кости моего стараго друга, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ не потревожатъ рука человека. Когда сидѣлъ я на травѣ и смотрѣлъ на это погребеніе, продолжительный разговоръ завязался у меня съ однимъ старымъ сосѣднимъ дворяниномъ, Джономъ Юсією Фан-дер-Мееромъ, веселымъ говорунимъ, всю жизнь свою посвятившимъ на слушанье и рассказыванье новостей своей области. Онъ вспомнилъ стараго Помпи и его рассказы о Заколдованномъ домѣ; но увѣрялъ, что можетъ рассказать мнѣ исторію, слышанную всѣхъ стѣхъ, какія Помпи бывало рассказывалъ. Видя нетерпѣливое любопытство мое слушать его, онъ сѣлъ подлѣ меня на траву и рассказъ мнѣ слѣдующую повѣсть. Постарался-бы я передать вамъ ее, сколько возможно, даже собственными его словами; но тому уже прошло много лѣтъ, старъ я сталъ и память моя сдѣлалась плоха. Но если не могу ручаться за слова, по крайней мѣрѣ, точно и вѣрно передамъ вамъ самыя обещательствѣ.

Въ старыя времена, въ области Нью-Йоркской, когда еще спрадала она подъ тиранскою властью Англійскаго Губернатора Лорда Корнбюри, простиравшаго жестокоствъ свою къ Голландскимъ переселенцамъ сей области до того, что безъ особеннаго позволенія губернаторскаго не дозволялось ихъ *Доминусалъ*, или школьнымъ учителямъ, молишься на своемъ родномъ языкъ, въ тѣ времена, въ красивомъ и еще несгаромъ городкѣ Мангашпое, жила почтенная спарушка, извѣстная подъ именемъ Госпожи Гейлигеръ. Она осталась вдовою послѣ Голландскаго моряка, неожиданно умершаго отъ лихорадки, приставшей къ нему въ то время, когда онъ хорошо поработалъ и потомъ еще лучше покушалъ, при всеобщемъ смятеніи Мангашпойскихъ обитателей, въ страхъ бросившихся укрѣплять свой городокъ отъ нападενія небольшого Французскаго корсара. Это было въ 1705 г. — Мужъ оставилъ ей немного денегъ и сына, одно дитя, пережившее всѣхъ другихъ. Доброй женщиной была надобна большая бережливость, чтобы сводить концы съ концами и сохранять припомъ приличную наружность. Впрочемъ, такъ какъ супругъ ея палъ жертвою ревности своей ко благу общему, то всѣми единогласно признано было, что *вдовѣ надобно дать что нибудь*, и въ надеждѣ на это *что нибудь*, она кое-какъ прожила много лѣтъ. Всѣ о ней жалѣли, всѣ говори-

ли много добраго, а это и помогало ей надѣяться.

Она жила въ маленькомъ домикѣ, на маленькой улицѣ, называемой *Садовою*, вѣроятно потому, что тутъ когда-то былъ садъ. Между тѣмъ нужды ея всякій годъ становились больше, а голосъ публики: *«дать что нибудь вдовѣ»*, становился годъ отъ году тише, и она принуждена была наконецъ сама дѣлать что нибудь для себя и пособлять себѣ какими нибудь средствами поддерживать свою независимость, весьма угрожаемую нуждами.

Живучи въ торговомъ городѣ, она за нѣда немного духа промышленности и рѣшилась пускать свои небольшія денжки въ большую лопшерею торговли. Вдругъ иногда, къ великому удивленію всей улицы, являлось передъ ея окошками множество разбѣсныхъ спаканчиковъ, нѣкоторые съ сахарными лепешками, другіе съ пряничными сухариками; иногда-же и еще болѣе, разныхъ сортовъ пироги, и ячменные сахарники, и Голландскія куклы, и деревянные лошадки, съ тамъ и слѣмъ раскладенными книжечками; отъ времени до времени являлись у нее мотки нитокъ или нѣсколько фунтовъ свѣчь. У дверей дома сидѣлъ котъ доброй старушки, скромное, важное животное; казалось, онъ мѣрлялъ шаги cadaго проходящаго и крипиковалъ его походку. Отъ времени до времени, выпягивалъ онъ свою шею и гла-

дѣлъ съ внезапнымъ любопытствомъ, желая видѣть, что дѣлается на другой сторонѣ улицы; но если, случайно какая нибудь лѣнивая, бродящая собака подходила и оказывалась неучпивою . . . фыркъ! брысь! . . . шерсть у коша щепинилась, онъ мурчалъ и лапы его были выпянуты и топовы. Онъ также казался раздраженнымъ тогда, какъ спарая и некрасивая дѣва, когда видѣть она приближеніе какого нибудь неучпиваго проказника.

Хотя добрая спарушка принуждена была прибѣгать къ такимъ смиреннымъ средствамъ существованія, но всегда сохраняла она чувство наслѣдственной гордости, происходя отъ знаменитыхъ Фанъ-Дер-Шпигелей Амстердамскихъ; фамильный гербъ былъ у нее написанъ и расписанъ красками надъ каминомъ. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ бѣдняки весьма уважали ее; домъ ея былъ точно мѣстomъ сборища спарушекъ изъ всего сосѣдства. Онъ заходили къ Госпожѣ Гейлигеръ, будто мимоходомъ, въ зимніе вечера, когда она сидя на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ передъ камелькомъ вязала чулки, кошъ ея мурныкалъ по другую сторону, а чайникъ шипѣлъ на огонькѣ передъ нею. Добрыя кумушки оспивались у нее весь вечеръ. Тупѣе, всегда было почетное мѣсто Питеру Грудну (иначе называемому Питеромъ долгимъ, а еще иначе Питеромъ долгоногимъ), писарю и ключарю небольшой Люшеранской церкви,

старому другу хозяйки и совершенному оракулу ея вечернихъ собраній передъ огонькомъ. Даже и самый *Доминусъ* не пренебрегалъ, онъ времени до времени, заходящъ къ ней, поговорить о состояніи души ея и выпить рюмку особенно пригошовленной доброй наспойки. Впрочемъ, онъ никогда не упускалъ посѣщать ее въ новый годъ и желать ей новаго счастья; добрая спарушка, жемного щцеславная на нѣжнорыхъ пункпахъ, спѣшила въ такомъ случаѣ вручить ему пирогъ, огромныйшій изъ всѣхъ пироговъ, какіе у нее тогда были испечены.

Я сказалъ, что у нее былъ сынъ. Это дѣти преклонныхъ лѣтъ ея едва-ли могло назваться утѣшеніемъ матери, пошому что *Дольфъ Гейлигеръ* изъ всѣхъ шалуновъ былъ самый негодный шалунъ. Не лѣзя было сказать, что онъ злой мальчишка; но онъ казался источникомъ шалостей и проказъ и блисталъ шѣмъ оспроуміемъ, которымъ восхищаются въ дѣтияхъ богатыхъ людей и которое ненавидящъ въ дѣтияхъ бѣдняковъ. Безпрестанно попадался онъ въ шалостяхъ; мать его безпрестанно слышала жалобы на разныя шутки, какими угодно было ему забавляться; безпрестанно присылали къ ней счета о разбитыхъ имъ окнахъ; словомъ: еще не было *Дольфу* четырнадцати лѣтъ, какъ все сосѣдство рѣшило, что онъ „злая собака, самая злая собака въ цѣлой улицѣ.“ Даже,

одниъ сестрѣ, старый дворянинъ, съ сухимъ лицомъ и хорьковыми глазами, одѣтый въ платье цвѣта винныхъ дрожжей, зашелъ слишкомъ далеко, и лично увѣрялъ Госпожу Гейлигеръ, что сынъ ея, рано или поздно, попадется на висѣлицу.

Не смотря на все это, добрая старушка любила своего сына. Казалось, что она любила его шѣмъ болѣе, чѣмъ хуже онъ становился, и что онъ шѣмъ болѣе приходилъ къ ней въ милость, чѣмъ болѣе уменьшалась къ нему милость всѣхъ знакомыхъ. Матери вообще легкомысленны, вообще созданіе слишкомъ любящее: разсуждая, трудно разувѣрить ихъ въ этомъ случаѣ, и впрочемъ, у бѣдной старушки сынъ былъ все, что любило ее въ здѣшнемъ мірѣ, и потому легко угадать, что она глухими ушами слушала своихъ добрыхъ друзей, смаравшихся доказать ей, что Дольфъ долженъ дошались до веревки.

Надобно отдать справедливость Дольфу, что онъ горячо привязанъ былъ къ своей матери. Онъ никогда не хотѣлъ бы причинять ей горести и когда что нибудь бывало напроказничаетъ, стояло бѣдной матери поглядѣть на него молчаливо и печально, то на сердцѣ его становилось горько и тяжело. Но онъ былъ вѣтренъ и ни за что въ свѣтѣ не могъ противиться первому искушенію на шалость или проказы. Исправный въ ученѣхъ, когда хотѣлъ быть прилежнымъ,

онъ всегда оставался дурнымъ ученикомъ и съ лѣнивыми товарищами и съ бродягами школы онъправлялся раззорять птички гнѣзды, воровать въ огородахъ и купаться въ Гудзоновой рѣкѣ.

Такимъ-то побытомъ росъ и выросъ Дольфъ и сдѣлался крѣпкій, спатный юноша. Тогда мать его стала очень задумываться, что съ нимъ дѣлать, или какъ поставить его на такую дорогу, чтобы онъ могъ самъ для себя чтонибудь сдѣлать; о немъ прошла вездѣ уже такая слава, что по охотѣ едва-ли ктонибудь подумалъ-бы занять его у себя чѣмънибудь.

Много разсужденій держано объ этомъ съ Пиперомъ-Грудпомъ, писаремъ и ключаремъ, бывшимъ у нее первымъ совѣтникомъ. Пиперь былъ также затрудненъ, какъ она сама, потому что мнѣнiе его о Дольфѣ было очень невыгодно и онъ думалъ, что изъ Дольфа ничего путнаго не выйдетъ. Когда-то вздумалось было ему послать Дольфа погулять по морямъ: средотвo, которое можно было употребить только въ случаѣ самомъ крайнемъ; но госпожа Гейлигеръ слышавъ объ этомъ не захотѣла: она не могла и подумать расстаться съ своимъ Дольфомъ. Въпть однажды сидѣла она передъ камелькомъ и вязала чулки въ большомъ раздумьѣ, какъ вдругъ ключарь вошелъ къ ней съ необыкновенною живостью и веселостью. Онъ явился прямо съ похоронъ: хоронили маль-

чика Дольфовыхъ лѣтъ, жившаго въ наукѣ у славнаго Нѣмецкаго Доктора и умершаго отъ чахотки. Правда, шептали въ народѣ, будто покойникъ доведенъ былъ до гроба тѣмъ, что Докторъ дѣлалъ надъ нимъ разные опыты врачебнаго веществословія, заставляя его опиваться микстуры и принимая вновь изобрѣшенные порошки и пилюли. Впрочемъ, вѣрояно это было злорѣчіе, и Пиперъ Грудшъ всему этому не вѣрилъ. Если-бы доспавало у насъ времени пофилософствовать, то кспаша, любопытный былъ-бы однакожъ предметъ для изслѣдованій, почему докторскія семейства бывають шакъ сухощавы и скелетны, а семьи мясниковъ шакія плотныя и краснощокія.

Пиперъ Грудшъ, какъ уже сказалъ я, вошелъ въ домъ Г-жи Гейлигеръ съ необыкновенною веселостію. Онъ еще полонъ былъ яркою мыслью, которая пришла ему въ голову во время похоронъ и отъ кошорой невольнo улыбался онъ, когда бросали землю въ могилу Докторскаго ученика. Ему вздумалось, что если мѣсто покойника теперь оспаешся незанятое, то оно можетъ быть мѣстомъ для Дольфа. У мальчика есть дарованія: онъ можетъ полочъ въ игоши и бѣгать по городу съ порученіями Доктора, не хуже всякаго другаго, а чего-жъ болѣе шребовать отъ ученика?

Предположенія мудраго Питера показались мащери Дольфа благодѣшнымъ видѣніемъ. Она мысленно видѣла уже своего сына съ просѣью подлѣ носа, звонкомъ на дверяхъ и съ большими буквами: Д. М. въ концѣ имени, словомъ: однимъ изъ важнѣйшихъ особъ въ городѣ.

Однажды рѣшенное, скоро было исполнено. Ключарь имѣлъ нѣкоторое вліяніе на умъ Доктора. Оба они спалкивались даже своими занятіями: одинъ лечилъ, другой хоронилъ людей, и въ первое за тѣмъ утро Питеръ Грудшъ позвалъ съ собою нашего шалуна, одѣтаго въ воскресное платьѣ, и повелъ его на экзаменъ къ Доктору Карлу, Людовику Нейпергаузену.

Они заспали Доктора сидящимъ въ огромныхъ креслахъ, въ углу его библіотеки или лабораторіи, съ огромною Нѣмецкою книгою, передъ нимъ лежавшею. Это былъ невысокій, круглый человѣчекъ, съ угрюмымъ, овальнымъ лицомъ, которое казалось еще болѣе угрюмымъ опѣ чернаго бархатнаго колпака. Красноватый носъ его немного походилъ на очко червоннаго шуза и украшенъ былъ огромными очками, которыя на обихъ сторонахъ важнаго лица его казались круглыми окошечками.

Дольфъ ощутилъ благоговѣйный трепетъ, представъ предъ ученаго мужа и озираясь вокругъ съ дѣтскимъ изумленіемъ.

емъ на все находившееся въ хранилищѣ зна-
ній, показавшейся ему пещерою волшеб-
ника. По срединѣ стоялъ съ грифоновы-
ми ножками столъ, а на немъ поста-
влены были яготъ съ пестикомъ, чаша,
чашки, горшки и свѣтлые аптекарскіе
вѣсы. Въ одномъ концѣ комнаты видѣнъ
былъ шкафъ для платья, обращенный
Докторомъ въ хранилище для травъ и мик-
стуръ. Противъ него, на стѣнахъ висѣли:
Докторова шляпа, шапка и палка съ золо-
тымъ набалдашникомъ, представляющимъ
человѣческій черепъ. На каминѣ поставле-
ны были спклянки съ змѣями, ящерицами
и препаратами въ спиртѣ. Еще шкафъ, у
котораго дверцы были опломаны, на
трехъ полкахъ заключалъ такое собраніе
книгъ и между ними нѣсколько такихъ ог-
ромныхъ фоліантовъ, что Дольфъ до того
времени ничего подобнаго не видывалъ.
Впрочемъ, книги не замѣщали всего шкафа
и Докторская ключница заняла остальное
банками съ пикюлями и конфектами, а
между ужасными инструментами лечеб-
ной науки она навѣшала цѣлыя нитки кра-
снаго перцу, тщательно сберегаемаго на
сѣмена.

Питеръ-Грудтъ и его protégé были при-
няты съ великою важностію и гордостію
Докторомъ, ибо онъ былъ истинный му-
рецъ, небольшого роста, но значительная
особа, и никогда не смѣялся. Онъ осмош-
рѣлъ Дольфа съ ногъ до головы и кругомъ

сквозь свои очки и сердце бѣднаго мальчика препептало, когда два огромные стеклянные кружка устремлены были на него, какъ два полные мѣсяца. Докторъ выслушалъ все, что Питеръ Грудтъ высказывалъ въ пользу своего молодого кандидата и потомъ помочивъ концемъ своего языка большой палецъ, началъ попихоньку перебирать, листъ за листомъ, страницы огромной черной книги, передъ нимъ лежавшей. Наконецъ, послѣ многихъ *хмб!* и *гуиб!* послѣ попиранья подбородка и всего мѣшканья и размышленья, съ коими мудрый человекъ приступаетъ къ исполненію того, что имъ рѣшено съ самаго начала, Докторъ благоволилъ принять молодца въ ученики, согласился дать у себя квартиру, пищу, одѣвать его и направлять въ наукъ цѣленія, за что все Дольфъ долженъ былъ служить ему до двадцати перваго года своего возраста.

И такъ, нашъ герой вдругъ, изъ шалуна мальчишки, бѣгавшаго по улицамъ безъ дѣла, преобразился въ студента Медицины и прилежно началъ толочь въ игонн подъ руководствомъ ученаго Доктора Карла, Людовика Нейпергаузена. Какое счастье для его доброй старой матери! Она восхищалась, воображая, что сынъ ея возстановитъ нѣкогда славу предковъ и когда нибудь рядомъ станеть ходитъ съ адвокатомъ, жившимъ прошивъ нее въ обшир-

номъ домѣ и — кто знаетъ? — можетъ бытъ, съ самымъ *Домипусомъ*!

Докторъ Нейпергаузенъ былъ родомъ изъ Палашинаша Нѣмецкаго, откуда выѣхавъ съ многими земляками ошправился онъ въ Англію, избѣгая преслѣдованій нѣкоторыхъ секшаторовъ, съ которыми заспорилъ. Онъ находился въ числѣ трехъ тысячъ Нѣмцовъ, удалившихся изъ Англіи, въ 1710 году, подъ покровительствомъ Губернатора Голландскихъ заселеній въ Америкѣ, Гуншера. Гдѣ учился Докторъ, какъ приобрѣлъ познанія Медицинскія и гдѣ получилъ свои дипломы, нынѣ объяснить весьма трудно, потому что и при жизни его никто этого не зналъ. То извѣстно только по преданію, что его глубокія свѣдѣнія и тайныя познанія были предметомъ всеобщей молвы и удивленія жителей дальнихъ и ближнихъ областей.

Образъ леченія былъ у него совершенно отличный отъ образа леченія всѣхъ другихъ медиковъ и состоялъ изъ таинственныхъ смѣшеній лекарствъ; только ему одному извѣстныхъ, въ приговлѣніи и разложеніи коихъ, какъ онъ говаривалъ, всегда должно руководствоваться созерцаніемъ планетъ. Высокое мнѣніе о знаніяхъ Доктора было такъ утверждено, особенно между Нѣмецкими и Голландскими обитателями, что къ нему бѣгали во всѣхъ отчаянныхъ случаяхъ. Онъ былъ одинъ изъ шѣхъ чудныхъ вра-

чей, которые изумляют неожиданными, удивительными изцѣленіями, когда больной объявленъ неизцѣальнымъ отъ всѣхъ врачей обыкновенныхъ, послѣ чего, въ случаѣ смерти, Докторъ имѣетъ право сказать, что больной слишкомъ долго непопадался въ его руки и отъ того умираетъ. Докторова библіотека была предметомъ разговоровъ всего сосѣдства, могу сказать, всего города. Добрые Мангапшойцы съ почтеніемъ смотрѣли на челоуѣка, прочитавшаго при полки книгъ, на коихъ многія книги были толще всякой видѣнной. Много было споровъ между членами совѣта небольшой Лютеранской кирхи о томъ, кто мудрейшій и ученѣйшій челоуѣкъ, Докторъ или Доминусъ? Многіе изъ почитателей Доктора дошли даже до того, что объявили, будто онъ зналъ — болѣе чѣмъ самый Губернаторъ! Словомъ: рѣшено было всѣми, что нѣтъ предѣловъ знаніямъ Доктора.

Когда Дольфъ принятъ былъ въ семью Доктора, то по праву наслѣдства получилъ во владѣніе жилище своего предшественника, чердакъ, подъ круною кровлею Голландскаго дома, куда дождь падалъ сквозь крышу, молнія свѣтила сквозь щели, въперъ въ ненастное время разгуливалъ на свободѣ, и гдѣ цѣлыя спада голодныхъ крысъ скакали кругомъ, не боясь мышелововъ и осправы.

Дольфъ скоро по уши засѣлъ въ ученіе Медицины, будучи упрямъ, послѣ обѣда и ночью занявъ кашаньемъ пилюль, пропусканьемъ тинктуръ или толченьемъ въ иготи, въ одномъ углу лабораторіи, когда Докторъ сидѣлъ въ другомъ углу, гдѣ обыкновенно сидѣлъ онъ, когда нѣчего было ему дѣлать въ другомъ мѣстѣ, или когда принималъ онъ своихъ посѣпипелей, или когда въ своемъ упреннемъ нарядѣ и бархатной шапкѣ хотѣлъ углубиться въ содержаніе какого нибудь толстаго Фоліанта. Правда, что однозвучное спужанье Дольфовой иготи, или, можешь быть, усыпляющее жужжанье мухъ убаюкивали и погружали ученаго мужа въ глубокой сонъ, но очки его никогда не спали и постоянно успремлены были на книгу.

Жила еще одна особа въ домѣ Доктора, которой Дольфъ обязанъ былъ особеннымъ почтеніемъ. Хошя и холостякъ, и чело-вѣкъ столь великаго достоинства и важности, Докторъ былъ однакожь, какъ и многіе другіе ученые люди, подвластенъ женскому владычеству. Онъ совершенно покорялся могуществу своей ключницы, скупой, хлопопливой, вздорливой домоводки, всегда ходившей въ маленькомъ, кругломъ, тепломъ Нѣмецкомъ чепчикѣ, съ ужасною связкою ключей, бряцающихъ на поясѣ безконечной ея поясницы. Фрау Илзе сопровождала Доктора въ его многообразныхъ переселеніяхъ изъ Германіи въ Англію и

изъ Англіи въ Америку, сберегала хозяйство и его самого, поглаживая его насковою ручкою, хоша желѣзною ручкою управляла всѣми оспальными домашними. Какъ приобрѣла она власть надъ Докторомъ, право, я не умѣю располковать вамъ. Былъ правда слухъ . . . но чего не злословилъ народъ сначала въка? Кпо располкуешь, какимъ образомъ женщины умѣютъ поворочить все на свой ладъ? Мужъ, кое-когда все еще можетъ быть господиномъ въ своемъ домѣ, но кпо видалъ колосняка, у котораго ключница не управляла-бы самовласшно?

Впрочемъ, власть Фрау Илзе не ограничивалась Докторскимъ домомъ. Она была одна изъ шѣхъ любопытныхъ кумушекъ, которыя знаютъ дѣла другихъ лучше самихъ хозяевъ, и у которыхъ всезрящіе глаза и всеговорящіе языки дѣлаются ужасомъ сосѣдства.

Ничто, едва промелькнувшее въ соблазнъ другимъ, не избѣгало вѣдѣнія Фрау Илзе. У нее была куча знакомыхъ, безпрестанно посѣщавшихъ, съ драгоценными вязеницами новостей, ея маленькую приемную; но, иногда выслушивала она цѣлую книгу тайныхъ сплетней, распыривъ вполонину двери на улицу, и пожирала рассказы какой нибудь болтливой кумушки, забывъ что на дворѣ шрескучій Декабрьскій морозъ.

Съ такимъ Докторомъ и съ такою ключницею Доктора, нѣчего сказать, Дольфу лѣниться было нѣкогда. Фрау Илзе ходила въ ключахъ, говоря ясные : держалъ все за ключами, и можно было околѣть съ голоду оскорбивъ ее ; но Дольфу изученіи характера Фрау Илзе казалось труднымъ изученію всякой Медицины. Когда не было дѣла въ лабораторіи, онъ долженъ былъ бѣгать туда и сюда за ея препорученіями, а по воскресеньямъ ходилъ за нею въ кирху и изъ кирхи, съ книжкою. Сколько разъ бѣдный проводникъ принужденъ былъ стоять дрожа отъ холода, дуть въ иззябшіе пальцы и отогрѣвать свой носъ, когда Фрау Илзе, сполкнувшись съ какими-нибудь кумушками, грѣлась движеніемъ немолкающаго языка и перзала чью-нибудь добрую славу.

При всѣхъ такихъ удобствѣхъ, Дольфъ сдѣлалъ весьма небольшіе успѣхи въ наукѣ. Впрочемъ тутъ ужъ конечно не Докторъ былъ виноватъ, потому что ученикъ кипѣлъ въ работѣ съ утра до вечера, какъ въ смоль, то спуща въ игошъ, то бѣгая по городу съ микстурами и пилюлями, и если чужъ Дольфъ лѣнился въ исправленіи должности, Докторъ начиналъ сердиться, бранился и гнѣвно спрашивалъ : какимъ-же образомъ думаешь онъ выучиться, если не будешь занимать прилежаніе? Дѣло обстояло въ томъ, что у Дольфа все еще оставались старыя замашки къ лѣности.

жалостями, какими означено было его ребячество, и казалось, что эти замашки укрепились съ лѣтами и приобретали новыя силы, когда имъ поперечили и прошивались. Дольфъ становился упрямѣе и наконецъ потерялъ благосклонность Доктора и его ключницы.

Въ это время Докторъ шелъ въ гору, прославлялся и богачѣлъ. Онъ сдѣлался кобенно знаменитъ леченіемъ такихъ болезней, кошорыхъ не найдемъ въ Лечебникахъ; на примѣръ: онъ чудесно исцѣлялъ многихъ спарухъ и молодыхъ дѣвушекъ ить порчи, спрашной болѣзни, въ былое время сильнѣе свирѣпсывовавшей въ Американскихъ обласяхъ, нежели нынѣ водяная болѣзнь. Онъ совершенно вылечилъ одну плотную деревенскую дѣвушку, которая была до того испорчена, что чувствовала, какъ у нее ходили по всему телу иголки, а это почиталось уже неизлѣльной степенью болѣзни. Люди поговаривали также между собою, шопотомъ, что Докторъ обладалъ еще важною тайной приворачивающихъ порошковъ, и что довольно было ему занятія изцѣлять множество больныхъ, приходившихъ къ нему въ такихъ случаяхъ! Это составляло тайную часть его практики, при чемъ, какъ говорится, онъ *ѣлъ пироги съ грибами, а держалъ языкъ за зубами*. Когда такіе ворые люди прихаживали къ Доктору на консультацію, Дольфъ долженъ былъ ос-

павлять лабораторію, и только сквозь замочную щелочку смотрѣлъ онъ на таинственное леченіе.

Богатѣя, Докторъ началъ расширять свои владѣнія и посматривать впередъ, на то время, когда онъ, какъ и другіе великіе люди, можетъ удалиться на покой въ сельское жилище: въ этомъ предположеніи купилъ онъ себѣ ферму, или, какъ говорилось, дачу. Тамъ прежде жило одно богатое семейство, съ нѣсколькихъ лѣтъ оставившее свое мѣстопребываніе и уѣхавшее въ Голландію. Большой опустѣлый домъ стоялъ посреди Докторовой дачи и по нѣкоторымъ особеннымъ причинамъ извѣстенъ былъ подъ именемъ *Заколдованнаго дома*. По этакимъ-ли причинамъ, или по тому, что домъ былъ великъ и вѣкъ, Докторъ находилъ невозможнымъ отдать его въ наемъ, и чтобы домъ совсѣмъ не развалился, пока самому хозяину можно будетъ въ него переселиться, Докторъ помѣстилъ деревенскаго мужика съ семействомъ въ одномъ изъ флигелей, условясь съ нимъ, что онъ долженъ за то изъ части обрабатывать землю.

Тогда-то Докторъ почувствовалъ все величіе сельскаго помѣщика. Въ немъ была частица гордости Нѣмецкихъ помѣщиковъ и онъ началъ смотрѣть на себя, какъ на владѣльца недвижимой собственности. Вдругъ началъ онъ жаловаться на усталость отъ трудовъ и часто отпавлялъ

ся за городъ »посмотрѣвъ свое хозяйство.« Эти маленькія поѣздки сопровождались шумомъ и величіемъ, имѣвшими необыкновенное дѣйствіе на всѣхъ сосѣдей. Кривая лошадь Доктора стояла передъ домомъ его, топая ногами и обмахивая хвостомъ мухъ, до отъѣзда за цѣлый часъ. После того выносили и прилаживали Докторское сѣдло; потомъ черезъ нѣсколько времени выпаскивали его свернутый плащъ и укрѣпляли за сѣдломъ, а наконецъ выходили съ зонтикомъ и прикрѣпляли его подлѣ сѣдла. Между тѣмъ толпа общипанныхъ мальчишекъ собиралась вокругъ и все замѣчала съ удивленіемъ. Тутъ являлся наконецъ самъ наѣздникъ - Докторъ, въ огромныхъ сапожищахъ выше колѣнъ и въ трехугольной низенькой шляпѣ. Будучи невысокій, толстый человѣчекъ, онъ долго лѣзъ на сѣдло и вскарабкавшись, еще долѣе уравнивалъ спремена и укладывался въ сѣдлѣ, а между тѣмъ вполне наслаждался изумленіемъ и ропозѣйствомъ зрителей. Поѣхавши, останавливался онъ посреди улицы и ворочался два, три раза назадъ отдавая разные приказы, на которые ключница откликалась ему изъ дверей, Дольфъ изъ ученой комнаты, Негръ работникъ изъ погреба и служанка съ чердака. За всѣмъ тѣмъ, обыкновенно оставалось еще нѣсколько вопросовъ и домашніе кричали ему вслѣдъ даже и тогда, какъ онъ заворачивалъ уже за уголъ.

Все сосѣдство бывало взволновано такими величественнымъ зрѣлищемъ. Баночникъ оставлялъ свои шилья и колодки, цырюльникъ выглядывалъ изъ окошка, съ полуобритую бородою; всѣ двери отворялись, отовсюду показывались головы, и отъ одного конца улицы до другаго раздавались одни торжественныя восклицанія: «Докторъ ѣдетъ въ свое помѣстье!»

Золотые бывали эти часы для Дольфа! Только что Докторъ изъ глазъ, въ спорону игошь и песникъ, береги лабораторію кто хочетъ и Докторскій ученикъ бѣжалъ изъ дому за шалостями.

Надобно признаться, что Дольфъ, чѣмъ болѣе росъ, тѣмъ болѣе, казалось, попадалъ на прекрасную дорогу, по которой легко могъ онъ дойти до исполненія предвѣщаній сараго дворянина въ плащѣ цвѣта винныхъ дрожжей. Онъ сдѣлался участникомъ всякихъ праздничныхъ веселостей и вечернихъ забѣчествъ, словомъ: всѣхъ родовъ шалостей и удалыхъ походовъ.

Ничто такъ безпокойно, какъ герой на маленькой лѣсенкѣ, или лучше сказать герой въ маленькомъ городкѣ. Вскорѣ Дольфъ сдѣлался ужасомъ мирныхъ жителей, добрыхъ хозяекъ, старыхъ обитателей Мангапшое, всѣхъ кто не терпѣлъ шума и не любилъ шалостей. Старушки смотрѣли на него, какъ на негодяя, прятали дочекъ, когда онъ приближался и указывали на него пальцами своими сыновьямъ. Ни

кто не смотрѣлъ на него съ уваженіемъ, кромѣ городскихъ шалуновъ, которыхъ привлекалъ онъ къ себѣ своимъ разгульнымъ живьемъ и добрымъ поваренствомъ, и Негровъ, которые на всякаго гуляку смотрѣли какъ на человека высшаго званія. Даже и добрый Питеръ Грудшъ, почишавшій себя нѣкоторымъ образомъ за покровишеля Дольфова, начиналъ въ немъ опчаяваться и сомнительно покачивалъ головою, прихлебывая ежевичную наливку, копорою Фрау Илзе подчивала его, вычитывая всѣ жалобы свои на Дольфа.

Но мать еще не могла разлюбить его, не смотря на все, что ни дѣлало ея милое дитя. Она не унывала, слушая рассказы объ его похожденияхъ, которыми угощали ее безпрестанно добрые друзья. Правда, не было ей радости, какою наслаждаются богатые люди, слыша только однѣ похвалы своимъ дѣтиямъ; но зато всѣ жалобы казались ей какими-то нападками на Дольфа, и послѣ каждого рассказа онъ казался ей лучше прежняго. Она любовалась, какъ онъ выросалъ, спановился бравымъ молодцомъ и смотрѣла на него съ тайною гордостью родительскаго сердца. Первое желаніе ея было, чтобы Дольфъ являлся вездѣ одѣтый щегольски, и всѣ деньжонки ея шли на карманные расходы Дольфа и красивое его платье. Она смотрѣла вслѣдъ за нимъ изъ окошка, когда онъ, лихо разодѣтый, молодецкою

поступью шелъ по улицѣ и сердце ея хотѣло выпрыгнуть отъ радости. Когда однажды Питеръ Грудтъ въ воскресное утро, пораженный щегольской вышупкою Дольфа, сказалъ ей: «какъ-бы кто ни говорилъ, а Дольфъ лихой молодецъ!» — слезы радости показались на глазахъ спарушки. «Ахъ, сосѣдъ, сосѣдъ!» сказала она, «пусть говорятъ что хотятъ, а бѣдный мой Дольфъ, право, опередитъ другихъ!»

Между тѣмъ Дольфу было почти двадцать одинъ годъ и время его ученія Медицины приближалось къ окончанію. Признаться надобно впрочемъ, что онъ зналъ Медицину немного лучше того, какъ въ первый разъ вступилъ въ Докторскую лабораторію. Можешь быть, это происходило и не отъ недостатка способностей, ибо онъ доказывалъ свои дарованія успѣхами во многихъ познаніяхъ, коими успѣвалъ мимоходомъ учиться. Онъ былъ лучший стрѣлокъ въ городѣ и выигрывалъ всѣхъ святочныхъ гусей и Индійскихъ пѣшуховъ (*); отличнo ѣздилъ верхомъ, славно боролся, славно прыгалъ, изрядно игралъ на скрипкѣ, плавалъ какъ рыба и былъ первый мастеръ играть въ кегли и шары.

Всѣ сіи совершенства однакожь мало доставляли благосклонности отъ Докто-

(*) Народная забава у Американцовъ: стрѣлять о свашкахъ въ гуся или Индійскаго пѣшука. Попавшій беретъ себѣ пшцу, при чемъ бываетъ много веселья, шуму и закладовъ. *Перев.*

ра Нипергаузена, который пѣмъ брюзгливѣе и несноснѣе становился, чѣмъ ближе подходилъ срокъ ученію Дольфа. Фрау Илзе безпрестанно находила какую нибудь причину поднимать страшную бурю надъ головою ученика и рѣдко проходила встрѣча съ Дольфомъ, чтобы языкъ ея не произонилъ ему шумнаго набата, такъ, что наконецъ брянчанье ключей, возвыщавшее приближеніе Фрау Илзе, было все равно, какъ для зрителей въ театрѣ свистокъ суффлёра повѣсткою приближающейся грозовой тучи. Не смотря на все это, добрый нравъ Дольфа заставлялъ его сносить домашнюю тираннію безъ всякаго возмущенія. Явно было, что Докторъ и его ключница готовились безъ всякаго спасибо вышлкать бѣднаго ученика за порогъ, какъ только кончится срокъ его ученья. Этотъ манеръ не разъ случалось Доктору удачно употреблять съ бесполезными учениками.

Надобно прибавить, что маленькій Докторъ сдѣлался еще болѣе сердитымъ, раздражительнымъ, въ слѣдствіе различныхъ заботъ и досадъ, копорыя накликали на себя своимъ помѣшьемъ. Доктора безпрестанно превозжили слухи и рассказы, вездѣ разносимые объ его старомъ деревенскомъ домѣ и ему сдѣлалось весьма затруднительнымъ дѣломъ, удерживать своего поселенца-крестьянина съ семьей, не смотря на то, что они жили даромъ. Каждый

разъ, когда Докторъ приѣзжалъ на свою дачу, жильцы и сосѣди надѣдали ему какою нибудь свѣжею жалобою о нелѣпыхъ крикахъ или спрашныхъ явленіяхъ, пугавшихъ обитателей дачи въ самую полночь; опъ этого Докторъ вхалъ домой съ кислымъ, сердичнымъ лицомъ и разсѣвалъ свою досаду только перебранивши всѣхъ своихъ домашнихъ. Невыгоды помѣшья касались и кошелька его и гордости. Ему грозила совершенная потеря доходовъ опъ его владѣнія, и припомъ, что за радость была ему владѣть такимъ домомъ, въ которомъ, кромѣ домовыхъ и мертвецовъ ничего не хотѣлъ жить!

Впрочемъ, добрые люди замѣтили, что Докторъ, какъ ни сердился, но самъ никогда не оспавался ночевать въ своемъ домѣ; еще болѣе, что онъ даже никогда не замѣшкивался на дачѣ до темной ночи, но скорехонько убирался въ городъ, лишь только летучія мыши начинали порхать въ сумракѣ. Дѣло просто было въ томъ, что Докторъ, 'во глубинѣ души, не могъ не вѣрить домовымъ и мертвецамъ', проживъ большую часть лѣтъ своихъ въ такой землѣ, гдѣ ихъ большое изобиліе. Шла рѣчь между народомъ, что Докторъ, будучи еще ребенкомъ, своими глазами видѣлъ лѣшаго на Гарцовскихъ горахъ, въ Германіи.

Наконецъ, мученія Доктора дошли до послѣдней крайности. Однимъ ушромъ, когда онъ сидѣлъ за столтою книгою, въ сво-

емъ ученомъ кабинетѣ , или лабораторіи , его испоргнулъ изъ сладкой дремоты нечаянный крикъ и шумъ ключницы.

»Надобно это чѣмъ нибудь кончить !« кричала она , входя въ комнату . »Вонъ , Клаусъ Гопперъ явился со всѣмъ добромъ и живомомъ съ дачи и божится , что ни за что въ свѣтъ не пойдетъ суда болѣе . Вся семья его перебѣсилась ; въ послѣднюю ночь вокругъ этого бѣсова жилища былъ такой шумъ и сшукъ , что никто не могъ заснуть ни на одну минуту .«

— Donner und Blitzen (вскричалъ съ досадою Докторъ) ! Или у тебя не о чемъ больше говорить , какъ только объ этомъ домѣ ? Что за дураки : даютъ себя мышамъ и крысамъ пугать и выгонять изъ хорошей квартиры !

»Да , да , крысамъ !« вскричала Фрау Илзе , значительно покачивая головою и оскорбляясь тѣмъ , что Докторъ не вѣритъ рассказамъ о мертвецахъ . »Тупъ что-то поболѣе крысъ и мышей ! Всѣ сосѣди одно говорятъ о домѣ и видали тамъ виды . Питеръ Грудтъ сказывалъ мнѣ , что хозяева , которые продали домъ и уѣхали въ Голландію , намекали кое-кому странные дѣла и говорили , что рады сбытъ съ рукъ свои хоромы , въ которыхъ ни одинъ человекъ не уживется .«

— Питеръ Грудтъ твой дуракъ , старая баба ! закричалъ Докторъ сердито . Я увѣренъ , что онъ набилъ голову этому

народу своими разсказаніями. Вошъ почно также болталъ онъ о какомъ-то домовомъ, который будто-бы ходилъ на колокольную, когда самъ Питеръ полѣнился пойдти и ударить въ набашъ, въ холодную ночь, какъ загорѣлось у Германа Бринкгергофа. — Пошли ко мнѣ Клауса!

Явился Клаусъ Гопперъ: простой деревенскій мужикъ, испуганный пѣмъ, что его позвали въ ученую комнату господина Доктора Ниппергаузена и отъ того совершенно смѣшавшійся, когда ему вѣрно было разсказать подробно и обстоятельно о причинѣ его страха. Онъ стоялъ, перебирая свою шляпу, переступалъ, то на шу, то на другую ногу, поглядывая изъ подлобья, то на Доктора, то на человѣческій черепъ, лежавшій на шкафѣ и, какъ ему показалось, скалившій на него зубы.

Докторъ употребилъ всѣ средства убѣдить Клауса возвратиться на дачу; но все было напрасно. Тотъ стоялъ упорно въ своемъ рѣшеніи, и на множество доказательствъ и увѣщаній, повторялъ одинъ и тотъ-же крашкій отвѣтъ: *Ich can nicht Mynheer!*

Есть пословица: *маленькій горшокъ скорѣй закипитъ* (little pot and soon hot); терпѣніе Доктора истощалось; упрямый отказъ Клауса Гоппера казался ему бунтомъ, возмущеніемъ; Докторъ разгорячился, зашумѣлъ, посыпалась брань и Клаусъ — давай Богъ ноги!

Когда приближалъ онъ въ комнату Фрау Илзе, тамъ собрались уже Питеръ Грудтъ и нѣсколько другихъ вѣрующихъ въ привидѣнія и готовыхъ слушать его. Тогда Клаусъ вознаградилъ себя за принужденіе въ комнату Доктора и высыпалъ цѣлыя исторіи о Заколдованномъ домѣ, изумившія всѣхъ слушателей. Ключница повѣрила-бы всему ужъ за то одно, что Докторъ такъ неучтиво принялъ ея извѣстія. Питеръ Грудтъ все подтверждалъ своими рассказами о чудесныхъ преданіяхъ изъ временъ первыхъ Голландскихъ поселенцовъ въ Америкѣ, повѣстью о Бѣсовомъ камнѣ, о морскомъ разбойникѣ, повѣшенномъ на Гиббетовомъ островѣ и долго болтавшемся на воздухѣ, когда уже и слѣдовъ висѣлицы не было, о пѣни Губернатора Лейслера, повѣшеннаго за измѣну и по ночамъ бродившаго по крѣпости и въ домѣ губернаторскомъ. Говорливые себе сѣдники разошлись нагружившись самыми страшными рассказами. Ключарь выгрузилъ свои рассказы въ совѣтѣ приходскихъ старшинъ, бывшемъ въ тотъ-же самый день; кухарка забыла свою кухню и все утро пробыла и проговорила у колодца, куда отправилась за водою и гдѣ было сборное мѣсто кухарокъ и служанокъ, сносившихъ со всего города вѣсти. Въ нѣсколько часовъ весь городъ заговорилъ о Заколдованномъ домѣ. Одни утверждали, что Клаусъ Гопперъ лично видѣлъ

памъ самого домовато дѣдушку; другіе по-
впоряли, что весь домъ набитъ былъ вы-
ходцами съ того свѣша, которыхъ Док-
торъ отправилъ шуда своими микстура-
ми, и что пошому-то онъ самъ не осмѣли-
вался жить въ Заколдованномъ домѣ.

Какъ бѣсился Докторъ, слыша и зная все
это! Онъ грозилъ мщеніемъ тому, кто ос-
мѣлился унижать достоинство его владѣній
нелѣпыми бреднями; горько жаловался,
что его безславятъ, рассказывая глупыя
сказки; но въ тайнѣ рѣшался наконецъ
позвать Доминуса и черезъ него поста-
раться освободить домъ свой отъ безо-
пкойныхъ гостей. Какъ-же велика была его
радость, когда среди шума и досады,
Дольфъ выпунилъ впередъ и спокойно
предложилъ, что онъ хочетъ ночевать въ
Заколдованномъ домѣ. Дольфъ слышалъ всѣ
рассказы Клауса Гонпера и Питера Груд-
та; онъ искалъ приключеній, любилъ чу-
десное и его воображеніе разыгралось отъ
слышанныхъ странныхъ испорій. При-
томъ ему такъ надѣло житье у Доктора и
раннее вставанье поутру, что онъ восхи-
щался, думая, какъ будетъ онъ самъ госпо-
динъ въ цѣломъ домѣ, хошя-бы домъ по-
лонъ былъ домовыми. Предложеніе приня-
то охотно; условились, что Дольфъ от-
правится на спражу въ эту-же самую
ночь. Одного просилъ онъ; скрыйте его
предпріятіе отъ машери! Дольфъ зналъ,
что добрая спарушка не уснетъ всю ночь,

когда провѣдаетъ, что сынъ ея отпра-
вился на войну съ мершвецами.

Наступила ночь; начали снаряжать
Дольфа на его опасное предпріятіе. Спа-
рая Нетрипянка, кухарка, единственный
другъ его въ цѣломъ домѣ, приготовила
ему въ дорогу кое-что поужинашь и ноч-
ную свѣчку, а потомъ повѣсила ему на
шею какую-то ладанку, подаренную ей
Африканскимъ колдуномъ, за самое вѣрное
средство прошивъ злыхъ духовъ. Дольфа
сопровождали Докторъ и Питеръ Грудъ,
согласившійся идти съ нимъ до Заколдо-
ванного дома и оставивъ его въ добромъ
здоровьи. Ночь была темная, хоть глазъ
выколи, когда трое странствователей
приблизились къ ужасному мѣсту. Ключ-
чаръ шелъ впереди и свѣпилъ; но въ ака-
ційной аллеѣ, свѣтъ фонаря, перебѣгавшій
съ куста на кустъ и съ дерева на дерево,
часто заславлялъ безстрашнаго Питера
шрепетами и пияшиями на своихъ пова-
рищей. Докторъ, держась за Дольфову ру-
ку, замѣчалъ только, что дорога была
скользка и неровна. Едва было не обратились
всѣ они въ бѣгство, когда лепучая мышь
пропорхнула мимо фонаря, въ то время,
какъ шучи жуковъ, около деревьевъ, и ля-
гушка, въ ближнемъ прудѣ, соопавляли не-
чальное, усыпишельное пѣнопѣніе.

Дверь въ домъ отворилась съ такимъ
скрыпомъ, что Докторъ поблѣднѣлъ.
Странствователи вошли въ большія сѣни,

какія обыкновенно бывають въ загородныхъ домахъ Американцовъ и въ теплое время служатъ имъ комнапою для общаго семейнаго сбора. Отсюда поднялись они по широкой лѣспницѣ, кошорая скрипѣла и пищала подѣ ихъ ногами и у кошорой каждая ступенька издавала особенный звукъ, точно какъ струны на клавикордахъ. Лѣспница привела къ другимъ свѣнямъ, во впоромъ эшажѣ, изъ кошорыхъ всѣ вошли въ комнапу, гдѣ Дольфу опредѣлено было ночевать. Комнапа была большая и нѣкогда, какъ замѣшно, хорошо меблированная и съ закрытыми спавнями; но какъ спавни большою часпкію были изломаны, то вѣтеръ свободно разгуливалъ въ комнапѣ. Видно было по всему, что это была та комнапа, кошорую Голландскія хозяйки называютъ *главною спальнею*, гдѣ спавняютъ лучшую мебель и гдѣ почти никогда и никто не спитъ. Великолѣпіе этой спальни было постигнуто полнымъ разрушеніемъ. Тутъ валялись только обломки мебели; по срединѣ стоялъ сосновый столъ, а подлѣ него огромныя кресла, все это, вѣроятно, современное поспроенію дома. Каминъ въ комнапѣ былъ большой и сдѣланъ изъ Голландскихъ изразцовъ, съ разными изображеніями, но нѣкошорые изъ нихъ выпали и завалили полъ камина. Ключарь засвѣшилъ свѣчку и Докторъ боязливо оглядывая комнапу, увѣщавалъ Дольфа не робѣть, бышь швердымъ, какъ

вдругъ раздался въ казинѣ шумъ, какъ будто тамъ спорили и дрались: ключарь обезпамятивъ отъ ужаса, бросился бѣжать съ своимъ фонаремъ, докаторы на немъ, испуганно закрывали и замищали подъ ихъ ногами и умножили страхъ бѣгущихъ. Они захлокнули за собою дверь на улицу и Дольфъ слышалъ, какъ стѣнчали они по аллеѣ, какъ шорохъ шаговъ ихъ пропадалъ въ отдаленіи. Что Дольфъ не присоединился къ ихъ поспѣшному уходу, можетъ быть произошло отъ того, что онъ былъ похрабрѣе своихъ товарищей, или что открывъ причину, какъ ужаса въ лапоткинскомъ гнѣздѣ, упавшемъ въ каминъ сквозъ трубу.

Теперь Дольфъ оставленъ былъ одинъ одинёхонекъ, сонелъ внизъ, рбесопавалъ себя внизъ, что заперъ вышнюю дверь на крюкъ и на засовъ; осмотрѣвъ заперты ли всѣ другіе входы, и возвратившись въ свою опустошенную комнату. Здѣсь вынулъ онъ изъ корзинки запасъ, положенный въ нее доброю старою кухаркою, поужиналъ, заперъ ключемъ свою комнату, и наконецъ легъ на пюфъ, разостланный въ одномъ углу. Ночь была тиха и спокойна; ничто не прерывало глубокой тишины, кромѣ чирканья овертка, въ дальней комнатѣ. Свѣчка, стоявшая на серединѣ соснового стола, бросала самый слабый свѣтъ, едва освѣщая комнату и рисуя на стѣнахъ не-

ровныя тѣни отъ платья Дольфова, брошеннаго имъ на спинку одного стула.

При всей бодрости Дольфа, было что-то оштрапное въ зрѣлищѣ опустошенія, его окружавшаго, и онъ почувствовалъ, что смѣлость его уменьшается, когда поглядѣлъ на свою бѣдную постель и хорошо осмелѣвъ въ комнату. Онъ началъ думать о прежней своей безопасности, о томъ, что ждетъ его впереди, глубоко вздыхая отъ времени до времени, когда вспоминалъ припомъ о доброй старой машинѣ своей. Тишина и мракъ ночи невольно наводили мрачныя думы на самую безстрашную душу. Но, воть! Дольфъ чувствуетъ, Дольфъ слышитъ. . . . Точно: внизу кто-то ходитъ! Дольфъ слушаетъ и ясно различаетъ шаги по лѣстницѣ: кто-то тяжело, ровно спускается по ступенькамъ: *тукъ, тукъ, тукъ!* Это была явно походка какого-то тяжелаго существа; но какъ оно могло зайдти въ домъ, не сдѣлавъ ни малѣйшаго шума? Дольфъ самъ осматривалъ все входы и былъ увѣренъ, что все заперто. Онъ думаетъ — а шаги приближаются: *тукъ, тукъ, тукъ!* Явно, что подходящее существо не воръ, не разбойникъ: оно спускается такъ свободно, такъ небрежно и тяжело; воръ крался-бы иначе, тихо, осторожно. Но воть ужъ шаги слышны на верху лѣстницы; они идутъ по верхнему этажу, опзываясь въ шикомъ обширномъ зданіи: самый свер-

чокъ прекратилъ свой унылый напѣвъ: ничто не развлекаетъ ужасающаго, {стука шаговъ. Дверь въ Дольфову комнату, запертая изнутри, тихо, медленно отворяется сама собою: шаги вступаютъ въ комнату, хотя ничего и никого не видно. Шаги идутъ по комнатѣ, тихо, но явно увеличиваясь: *тукъ, тукъ, тукъ*! Но то, что производило спукъ этотъ, было невидимо. Дольфъ прошираетъ свои глаза, смощишь изъ всѣхъ силъ; онъ можетъ видѣть всѣ уголки въ полуосвященной своей комнатѣ: все пусто, ничего не видно. . . Но онъ явно слышитъ таинственные шаги, расхаживающіе кругомъ по комнатѣ. Вдругъ они не слышны: прежняя тишина и молчаніе! Ужасное что-то было въ этомъ невидимомъ посвщеніи, такъ, что все спрашное - *видимое* не могло - бы произвести подобнаго страха. Тутъ было что-то неопредѣленное, необыкновенное. Дольфъ слышалъ, какъ сердце его колопилось въ ребры, холодный потъ выступилъ у него на лбу и нѣсколько минутъ состояніе его было неизобразимо. . . .

(До слѣд. книжки.)

II. С М Ъ С Ъ.

Отрывки писемъ изъ Парижа.

... Журналы Французскіе ограничиваются нынѣ толками о прибывшемъ сюда изъ Египта *Жирафѣ*. Вниманіе публики обратилось еще на дикихъ, приѣхавшихъ сюда съ береговъ Миссисипи или Миссури (одинъ Журналистъ сказалъ вчера: *Les chats ne les aiment qu'à demi, parce qu'ils sont demi-souris (de Missouti)*). Съ утра до вечера непреходимая толпа стоитъ подъ окнами сихъ дикарей, хотя одинъ изъ нихъ, въ первый день прибытія своего, не очень благосклонно попомчивалъ толпу любопытныхъ. Учтивые Парижане, покричавъ немного утихли и продолжаютъ толпиться подъ окошками ихъ. Я видѣлъ дикарей сихъ въ театрѣ, гдѣ они пили за здоровье публики, привѣтствовавшей ихъ сильнѣйшими рукоплесканіями.

Французская Литтература мало обогащается новыми произведеніями, особенно Поэзія совершенно увядаетъ; нѣсколько стиховъ, самыхъ посредственныхъ, въ пользу Грековъ, произведенія доселѣ никому неизвѣстныхъ стихотворцовъ, составляютъ поблекшій репертуаръ Французскаго Парнасса. Вкус публики рѣшительно остановился на Запискахъ (*Mémoires*); назову замѣчательнѣйшія: 1-е, *Уврара* бывший Генералъ - Интендантъ Французской арміи, содержась въ шюрмѣ за разныя взятки и начеты на досугъ издаетъ свои Записки; первая часть вышла и любопытна по сношеніямъ Уврара съ замѣчательнѣйшими особами политическаго міра; сверху

шого, писавши съ большимъ талантомъ. 2-е *Mémoires du C- te de Beaussat, Préfet du Palais de Napoléon*. Если кто любопытенъ знать, какъ застра-
 каля, обѣдалъ и ужиналъ бывший Императоръ Фран-
 цузовъ, тогь можетъ въ сей книгѣ почерпнуть
 подробныя свѣдѣнія по сему предмету; есть, нѣко-
 торые отрывки довольно занимательные, но вообще
 книга отбывается куднею. — 3-е *Mémoires d'une*
contemporaine. Какая-то женщина, бывшая, по
 словамъ ея, свидѣтельницею значительнѣйшихъ со-
 бытій нашего вѣка, съ ребяческимъ чистосердеч-
 емъ разсказываетъ все свои любовныя и другія по-
 хожденія, называя по именамъ всехъ людей, съ ко-
 ными она была въ тѣсныхъ связяхъ; многіе изъ нихъ
 нынѣ устарѣли и занимають первыя мѣста въ го-
 сударствѣ; современница безъ жалости открываетъ
 заблужденія и шалости ихъ молодости. Хотя она
 и утверждаетъ, что перомъ ея управляла женщина,
 но я не очень вѣрю ея разсказамъ; болѣе-же всего воз-
 буджаетъ мое сомнѣніе описаніе ея происхожденія: она
 называетъ себя Венгеркою и говоритъ, что происхо-
 дитъ отъ знаменитой фамиліи, что она дочь *Графа*
Толстаго и ближайшая родственница многихъ Поль-
 скихъ Старосовъ, что она была за мужемъ за Голланд-
 цомъ фонъ М. — Не взирая на все это, книга имѣетъ
 большой успѣхъ. — На Французскомъ театрѣ по-
 явилась новая пьеса подъ заглавіемъ: *Emilio ou la*
folle. Марсъ играетъ въ ней съ неописаннымъ совер-
 шенствомъ: она ужасна и неподражаема! Особенно
 въ послѣднемъ дѣйствіи, признаюсь, волосы мои не
 разъ становились дыбомъ и я мѣлъ отъ ужаса при
 видѣ Марсъ, въ образѣ бѣшеной женщины. Если-бъ
 мнѣ предложили нарочно ѣхать изъ Москвы въ Па-

ршишь съ тѣмъ, чтобы только видѣть дѣвицу Марси
въ этой пьесѣ и возвратиться назадъ, я поспѣ-
шь согласился.

Я. Т.

Литературныя извѣстія.

Вотъ замѣчательныя новости изъ иностран-
ныхъ журналовъ. »Съ удовольствіемъ узнали мы,« на-
шумъ въ одной Англійской газетѣ, »вѣроятно и чи-
тавшемъ также съ удовольствіемъ узнаюшъ еще насъ,
что В. Скоттъ, занимаясь огромнымъ историче-
скимъ сочиненіемъ своимъ, для отдыха, продолжалъ
и кончилъ новый романъ оной, конемъ начнется осѣ-
бенный отдѣлъ его романовъ, подъ названіемъ : *Ко-
монетскія Лѣтописи* (the Chronicles of the Canova-
gate). Романъ будетъ изданъ въ Октябрѣ сего года
и вѣроятно выстъ съ нимъ выданъ будетъ еще
другой романъ В. Скотта, подъ названіемъ: *Дѣдуш-
кины повѣсти* (Tales of Grandfather), коего содер-
жаніе взято изъ Шотландской Исторіи.»

Одинъ молодой Французъ, живущій въ Веймартъ,
вышеть слѣдующее о славномъ Гёте. »Великому
Поэту Германіи совершилось нынѣ 80 лѣтъ ; но я
видѣлъ его нѣсколько разъ въ домашнемъ кругѣ и по
нѣскольку часовъ слушалъ, какъ Гёте говорить, со-
единяя съ опытнымъ и необыкновеннымъ умомъ
старца убѣдительное краснорѣчіе и жаръ юноши.
Гёте, съ сѣдыми волосами и въ бѣломъ, какъ снѣгъ,
плафрокѣ своемъ, окруженный внучатами, играющи-
ми съ нимъ, похожъ на древняго Патріарха. Онъ
многое рассказывалъ намъ о томъ, что *сдѣлалъ* до-
нынѣ и что *хотѣлъ сдѣлать*. Легко замѣшлите, чье

Гёте дорожитъ своимъ славою; не хочетъ поскорблѣть, потому, что въ то же время видишь, какъ отдаешь онъ оправдывать другимъ. Онъ рассказываетъ съ чувствомъ о Шидлеръ; съ почтениемъ говоритъ о Дарюппенъ и Мольтеръ; удивляется Гётелинъ; мануишь чинишь пѣсню Беранже и знаешь все, даже Парижскіе поделки нынѣшнія. — Я читалъ въ рукописи новое, необыкновенное твореніе Гёте, которое скоро будетъ напечатано; онъ началъ его; будучи 77 лѣтъ; это дополненіе къ *Фаусту*, которое самъ Гёте называетъ фантазмагорією, и нѣтъ кажется, это сочиненіе непереводаемо. Между страннымъ и темнымъ, какая глубокость и поэзія! Не могу сказать вамъ, что это такое: отъ осады Трои до паденія Миссолунги, Греческая Мифологія, средніе вѣки, Байронъ — все находится ушъ: это видѣніе великой, самобытной души!» —

Журналистика.

У насъ являются отъ времени до времени жалобы на изобиліе Журналовъ. Приводя въ доказательство довольно прозаическіе стихи:

... Вижу я въ странѣ моей родной,
Журналовъ тысячи, а книги ни одной,

жалобщики утверждаютъ, что бѣдные *Журналы* Русскіе виноваты въ неурожаѣ книгъ на почвѣ отечественной Литтературы. Основательно-ли это говорится? Всего назсе выходитъ теперь въ Россіи *шесть* литтературныхъ журналовъ, и нѣтъ не исполнѣ литтературные (всѣ же другіе опредѣлены

на службу совершенно по какой-нибудь отдельной части науки и искусства, и по существу своему мыслями и литературой не могут); во всяком, на два оригинальных сшащя, вѣрно, восемь переводныхъ; спрашивается: какое-же мнѣнiе жалобщиковъ о Литтературахъ нашихъ; когда такое угрожающее поприще журнальное полагается сими главною причиною паденiя Литтературы (если только была чему падать)? Можно-бы поспорить съ ними по томъ: точно-ли Журналы вредятъ успѣхамъ Литтературы. Но дѣло не въ этомъ спорѣ; мы сказали о Русскихъ журналахъ мелькомъ, и хотимъ поговорить совсѣмъ о другомъ.

Если есть гдѣ раздолье Журналистикѣ, то это въ Англіи. По вѣрному счету, въ концѣ прошлаго года, въ Лондонѣ и Эдинбургѣ, главныхъ пунктахъ Англійской Журналистики, издавалось болѣе сорока Газетъ и до ста пятидесяти Журналовъ, на нѣсколькихъ языкахъ. Это покажется для насъ неимовернымъ; но между тѣмъ совершенная правда. На Газеты въ Англіи употреблялось еженедѣльно, въ 1826 г., 570,000 листовъ; надобно припомнить, что листы Англійскихъ Газетъ вдвое болѣе Французскихъ и нашихъ Русскихъ, печатаются въ 4—5 колоннъ, самымъ мѣлкимъ шрифтомъ и что съ нихъ берется большая пошлина; но каковъ-же расходъ на Газеты, когда Перри, Издатель *Утренней Лѣтописи* (*Morning Chronicle*) продалъ, въ 1819 году, право на изданіе сей Газеты за 100 т. ф. ст. (2,500,000 рублей)! Впрочемъ, Газеты, гдѣ пишутъ о политикѣ и всякой всячинѣ, гдѣ находясь извѣстія обо всемъ, начиная съ тайнъ всего свѣта, до послѣдней драки на Лондонскихъ ули-

цахъ, читаются всѣми, и не диво, если послѣдній по денщикъ въ Англіи отдаетъ трудовой пенсъ свой за листокъ Газеты; количество и сбытъ Журналовъ Англійскихъ кажутся намъ болѣе удивительны. Надо-бно-бъ быть худа съ Англійской Литтературой, если Журналы почто-вредятъ литтературѣ; но въ Англіи она цѣнится и благоденствуетъ, а журналы, сдѣ-лавшись общественною потребностію, находятъ себѣ многочисленныхъ читателей. Вотъ краткій обзоръ Англійской Журналистики за 1826-й годъ. Извѣстія выбираемъ мы большею частію изъ Журналовъ Франц. и Нѣмецкихъ, ибо Англійскихъ Журналовъ до нынѣ до насъ доходитъ немного, вѣроятно, по безмѣрной дороговизнѣ ихъ (*). Въ Англіи они не слишкомъ дороги, но перевозка набиваетъ цѣну.

Всѣ Англійскіе Журналы вообще можно раздѣ-лять, по времени изданія ихъ, на три части: одни выходятъ *черезъ три мѣсяца*; другіе *каждый мѣ-сяць*; третьи *каждую недѣлю*. По содержанію своему дѣлятся они: на журналы, *посвящаемые одному какому-либо предмету* и на *политическо-литтературные или критическіе*.

Поговоримъ о послѣднихъ: они гораздо важнѣе и народнѣе первыхъ и кругъ читателей ихъ обшир-нѣе и многообразнѣе. Всего болѣе придаетъ имъ живости ихъ взаимная оппозиція. Извѣстны двѣ пар-тіи, давнѣе раздѣляющія политиковъ Англіи на *Ви-говъ* и *Тори*; сіи партіи находятъ себѣ поборни-

---

(*) Вотъ цѣны нѣкоторыхъ Газетъ Англійскихъ въ Москвѣ, съ выпискою черезъ почту: The Courier 750; The new Times 750; British Press 700; Evening Mail 400; The Globe 700; The Morning Herald 700; The Observer 400; The Statesman 700; The Sun 700.

ковъ въ равныхъ Журналахъ, жарко спорить и пишуть. Насколько Журналовъ держать неутрализовать; есть и другія частныя измѣненія. Политическое направленіе описывается въ либеральномъ духѣ почти каждаго Ангійскаго Журнала.

Изъ всѣхъ заслужившихъ болѣе другихъ славы и уваженія должно почестъ первымъ извѣстное *Эдмбургское обозрѣніе* (*The Edinburgh Review*). Оно выходитъ въ Эдмбургѣ, черезъ три мѣсяца, книжками, листовъ въ 15. Его началъ Джефферсъ съ товарищами; въ 1804 г. — Въ 1817 году расходилось его 12,000 Экземпляровъ; теперь расходится болѣе 15,000. Въ Обществѣ, издающемъ Журналъ сей, всегда участвовали главнѣйшіе *Виги*, и нынѣ участвуютъ въ немъ Брумъ, Макинтошъ и многіе славные писатели Англіи. Книжки состоятъ изъ большихъ рецензій и, рѣдко, статей о политикѣ, Политической Экономіи, и т. п. — Книгъ въ рецензій входить немного; но разнообразіе выбора и особенный образъ критики, особенный способъ писать статьи о книгахъ, раздвигая объемъ позрѣнія на сущность предмета и удаляя подробности, даетъ Журналу великую важность. Полное собраніе *Эдм. обозрѣнія* драгоцѣнно, и первые годы его донынѣ нѣсколько разъ были перепечатаны. Журналъ спрашенъ своимъ ученымъ критическимъ трибуналомъ и его не могло уронить даже грозное перо Байрона, когда Издатели опозвались невыгодно о первыхъ сочиненіяхъ Поэта. Направленіе *Эд. обозр.* обращено было прежде явно къ сторонѣ Виговъ или конституціонной; но со времени принятія должности главнаго Редактора Макъ-Колокомъ, извѣстными сочиненіями своими о

Политической Экономии, Журналъ въ политикѣ сдѣ-
 лался умѣреннымъ. — Джеффри, человекъ неуспе-
 шливый, вспыльчивый, самъ былъ причиною появле-
 ния сильнаго Литературно - Политическаго про-
 тивника. The Quarterly Review, составился въ 1812
 году, когда одинъ изъ сотрудниковъ Edinb. Rev.
 Джибфордъ, поссорился съ Эдинбургскою редак-
 ціею и рѣшился основать опидѣльный журналъ,
 совершенно предавшійся партіи Торъ, или Ари-
 стократической. Сей Журналъ съ тѣхъ поръ
 выходитъ въ Лондонѣ, огромными китками,
 также четыре раза въ годъ, и вообще въ распо-
 ложеніи и образѣ статей совершенно сходно съ
 своимъ родоначальникомъ Обзорѣемъ Эдинбургскимъ;
 однь рецензіи составляютъ и здѣсь всю сущность.
 Джибфорда смѣнилъ въ редакціи Колериджъ, извѣ-
 стный врагъ Байрона и смиранный Поэтъ. Нынѣ
 главный Редакторъ, зять В. Скотта, Докиардъ.
 Вѣстѣ съ нимъ работаютъ придворный Поэтъ
 Сутей, Кракеръ, Мильманъ и многіе другіе извѣ-
 стные люди. Число подписчиковъ простирается до
 12,000. Кришика и голосъ сего изданія уважаются
 въ Англіи, хотя иногда аристократизмъ дѣйст-
 вуетъ сильно на Издателей. Все старое, все фео-
 дальное находитъ себѣ сильную защиту въ Quar-
 terly Review, для котораго, слова: иностранное и
 новое, синонимы худаго и негоднаго.

На такомъ - же почвѣ планъ и расположеніи,
 какъ Эдинбургское и Лондонское Обзорѣнія, осно-
 валось въ 1824 году, по всѣмъ догадкамъ подъ по-
 правительствомъ Каннинга, совершенный против-
 никъ того и другаго Журнала, Вестминстерское
 Обзорѣніе (Westminster Review), къ которому при-

совокуплялись сильные реформаторы Английской Политики и Литературы: Бенджамъ, Милль, Боулингъ, Пласъ и проч. Самъ Каннингъ писалъ по нѣскольку статей въ годъ для сего Журнала, и потому славнымъ политическаго содержанія въ семъ журналѣ почитался Англичанами почти полуофициальными.

Вотъ три главные апшета Английской Журналистики. На нихъ обращено всеобщее вниманіе Англіи; появленія ихъ книжечекъ трепещутъ поэты и прозаики, жаждутъ министры, члены Парламента, ученые люди, простые читатели. Нѣсколько тысячъ экземпляровъ ихъ разлетается по всему свѣту, отъ Бенгала до Канады и отъ Архангельска до Новой Голландіи. Всѣ другіе соотечественники сихъ великановъ на журнальномъ поприщѣ, или слишкомъ новы, или меркнули передъ блескомъ Журнальнаго триумвирата Великобританіи. Но часто управляемые духомъ партій, при соперника входятъ въ споры и впадаютъ въ противорѣчія. Разумѣется, что просвѣщенные читатели знаютъ, чему въ нихъ вѣрить: они покупали Байроновы поэмы, хотя ихъ бранило Эдмб. обозрѣніе, и восхищались Каннингомъ, хотя Quarterly Review отпускало на него колкія стрѣлы. Нѣсколько разъ было однакожь предпринималось противопоставить всемъ тремъ Обозрѣніямъ, диктаторствующимъ въ литературѣ и политикѣ Английской, сильную оппозицію истины. Индійскіе мудрецы говорили, что истина сидитъ въ какомъ-то колодцѣ, а Греческіе поэты заставляли ее давнымъ-давно улетать въ Элизій; по крайней мѣрѣ всѣ покушенія оппозиціи во имя истины, въ этомъ случаѣ, донинѣ были неудачны: *безпристрастные*

Журналы казались бездѣшны, сухи и вялы для Англичанъ всѣхъ партій и умирали недолговѣчныя. Такъ, въ 1826 г., скончалось *Европейское обозрѣніе* (*The European Review*), которое издавалось сначала каждый мѣсяць, а потомъ объявило себя *лики Висомъ, ни Тери, ни Радикаломъ*, сдѣлалось трехъ-мѣсячнымъ и умерло за немнѣнымъ подписчиковъ. Больше надѣющіяся на успѣхъ начатаго Обществомъ молодыхъ Литтераторовъ, въ прошломъ году: *The Quarterly metropolitan Magazine*, въ которомъ Издаватели рѣшились не спускаться ни одному пристрастію, ни одному несправедливому мнѣнію. Съ первой книжки они указали *Quarterly Review* на его излишнее пристрастіе ко всему Англійскому и неуваженіе ко всему иностранному и *Блаксвудскому Магазину* (о которомъ мы скажемъ послѣ), на его бравчивость и личности. Впрочемъ, по началу судить трудно.

Другіе трехъ-мѣсячныя журналы, предназначенныя Политикъ и Литтературъ, суть: *The Representative Review* (изд. въ Лондонѣ съ 1823 года), *Журналъ прошедшаго*, какъ называющъ его другіе Журналы. Мысль Издавателей: указывать на все старое, достойное вниманія и забытое. Говорящъ, что много любопытнаго въ забытомъ показываютъ Издаватели; но прочитавъ заглавія тѣхъ книгъ, о которыхъ почли они заблаго надпомнить читателямъ въ 14-ти книж., вышедшихъ по 1827 годъ, какъ-то сомнѣваешься въ этомъ. — *Британское Обозрѣніе* (*The British Review*) и *The Quarterly Magazine*, Лондонскіе Журналы, предназначенныя, какъ и три главныя Обозрѣнія, Литтературъ и Политикъ и *Альбомъ* (*The Album*), долженствовавшій вмѣщать въ себѣ

Полиптику между сказокъ, басенъ, стиховъ и рецензій, были въ немилости публики съ самаго появленія и оба послѣдніе Журнала уже погибли въ дѣтскомъ возрастѣ; Британское обозрѣніе еще держится, но слабо. Издатели смѣхъ Журналовъ люди совсѣмъ неизвѣстные и Журналы нѣмѣ были опдичены. Наконецъ, еще недавно явился новый трехъ-мѣсячный Журналъ, который можетъ понравиться страннымъ планомъ. Издатели собираютъ всѣ брошюры и отдѣльно напечатанныя небольшія политическія сочиненія, рѣчи и проч., и шутъ являющіяся на сцену Бурдешъ, Прадтъ, Брумъ, Б. Констанъ, Шамобрианъ, Курье и проч. и проч. Имя Журналу дано сообразно содержанію: *The Pamphleteer* (*Памфлетёръ*).

Выходцы изъ Испаніи и изъ Южной Америки нѣсколько разъ принимались въ Англіи издавать Журналы на своемъ родномъ языкѣ, и съ 1826 года образовали наконецъ два трехъ-мѣсячные: *El Repertorio Americano* (Американское собраніе) и *Correo literario y politico de Londres* (Литературн. и политическ. Лондонскій Вѣстникъ). Они помѣщаютъ въ нихъ собственныя сочиненія, стихи и прозу, переводы избранныхъ Франц. и Англійскихъ статей, полиптику и проч.

(Будетъ продолженіе.)

Журнальный сищикъ.

П а р и ж с к і я м о д ы (*).

La plus renommée des danseuses du Ranelagh avait dernièrement dans les cheveux des paquerettes bleues à très-longue tige. Ces fleurs étaient placées entre les hautes boucles qui formaient le noeud d'Apollon. La robe, en mousseline anglaise, à raies blanc sur blanc, n'avait dans sa partie inférieure, qu'un ourlet; mais le corsage à gerbe était bordé d'un volant. Un large poignet à cinq boutons fermait des manches longues en tulle, froncées sur l'avant-bras.

Beaucoup de jeunes personnes avaient des roses, ou des reines-marguerites sur les cheveux; d'autres, de la tubéreuse ou du jasmin d'Espagne monté en guirlande. Presque toutes portaient de grosses touffes de cheveux noigés sur les tempes. Il faut excepter quelques étrangères, en cheveux lisses sur le front, et à l'enfant par derrière.

Les robes étaient presque toutes blanches ou couleur de rose; quelques unes étaient bleues, quelques autres jaunes.

De très-jolies femmes, des toilettes extrêmement fraîches, les plus beaux cachemires, les plumets renoués de la plus grande dimension, des canezous de tulle brodé en reprises, des mantilles à bouts carrés brodées au plumetis et à palmes de cachemire en coton blanc; des chapeaux ornés de fleurs volumineuses et de coques de rubans accolés; des robes de gros de Naples avec biais retroussé et dentelé en haut; voilà ce qu'offrait Tivoli le 7 septembre. Comme pour servir de pendant au manteau de la dernière fête extraordinaire, une dame, en rose vif de la tête aux pieds, avait un boa de martre.

На послѣднемъ балѣ въ Раннелэгъ, знаменитѣйшая танцовщица сего собранія явилась съ голубыми маргаритками на головѣ, укрѣпленными на весьма длинныхъ спелебелкахъ. Цвѣты сіи были рас-

(*) До 13 Сентября (н. с.) 1827 г.

положены между высокими буклями, составлявшими узелъ Аполлоновъ. Платье изъ Англійской кисеи, съ бѣлыми по бѣлому полосами, внизу было обшито просто; но корсажъ платья, сдѣланный снопомъ (*à gerbe*), обшитъ былъ воланомъ. Длинные, тюлевые рукава, съ неровными складками (*roncesbes*) на передней части рукъ были заснегнуты пятью пуговицами, составлявшими широкое запястье.

У многихъ молодыхъ особъ были на головахъ розы, или Королевины астры; у нѣкоторыхъ туберозы, или Испанскій жасминъ, гирлядою. Почти у всѣхъ волосы на вискахъ были большими пучками, какъ сѣтъ набѣлными. Только у нѣкоторыхъ иностранныхъ дамъ волосы напередѣ головы были причесаны гладко, а назадъ *à l'enfant*.

Цвѣта платьевъ были главные: бѣлый и розовый; немногія платья замѣчены голубымъ и желтымъ.

Парижскій Издапель Моднаго Журнала, говоря о праздникѣ въ Тиволи, начинаетъ комплиментомъ гостямъ: »На гулянь въ Тиволи, 7 Сентября, мы видѣли прелестныхъ дамъ, новѣйшіе наряды, самыя красивыя шали, крученые плюмажи величайшаго размѣра, канезу изъ тюля, вышитыяго уступами; манпильи съ четвероугольными концами, вышитыя бѣлою хлопчатною бумагою, въ видѣ перьевъ и шалевыхъ узоровъ; шляпки, украшенныя огромными цвѣтами и пучками соединенныхъ лентъ (*assolés*), платья гроденаплевые съ подогнутымъ косякомъ, зубчатымъ въ верху. Какъ-бы для сообразности съ платьемъ, замѣченнымъ на послѣднемъ праздникѣ, одна дама, вся въ яркорозовомъ нарядѣ, была сверхъ того въ шумаковомъ боа.

На приложенной картинкѣ:

Креповая шляпка, украшенная перьями и газовыми лентами. Кисейное платье, украшенное воланами и тюлевыми прошивками. Поясъ изъ ленты.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ И ИСКУСТВА.

---

*Пьемонтская кампанія Французовъ,
въ 1796 году (*).*

*(Отрывокъ изъ Исторіи Наполеона,
сочинен. В. Скоптомб.)*

Самъ Наполеонъ замѣтилъ, что нѣтъ въ свѣтѣ странъ, у коихъ естественныя предѣлы были-бы опредѣлены съ большею точностью, какъ предѣлы Италіи. Альпійскія горы кажутся оцѣломъ, воздвигнутымъ самою природою; исполненными буквами, кажется, она начерпала на нихъ: »Здѣсь остановится честолубіе!«. Между тѣмъ, это прозябаніе горъ не могло удержать Римлянъ, перешедшихъ его громить свѣтъ, и со временъ Аннибала оно всегда оказывалось недоспащочнымъ

(*) Статья присланная, за которую Издатель Телеграфа поставилъ долгомъ благодарить Г-на Переводчика.

для защиты Италіи отъ нападеній. Французы, въ эпоху нами описываемую, дѣйствительно говорили объ Альпахъ, какъ объ естественныхъ предѣлахъ Италіи, для того, что-бы имѣть право объявить частію своихъ владѣній все, что находится на западъ отъ сихъ горъ; но они не думали почитать Альпы предѣломъ, когда дѣло шло о захватеніи земель отъ государствъ, на сей границъ, или за нею находившихся. Французы провозглашали законъ естественныхъ предѣловъ, какъ неопровержимое правило, когда былъ онъ въ пользу Франціи, и никогда не позволяли ссылаться на него вопреки ихъ выгодамъ.

Въ войнахъ революціонныхъ удача сраженій измѣнялась, отъ времени до времени, въ сосѣдствѣ Альповъ, сихъ важныхъ оплошовъ Италіи. Король Сардинскій имѣлъ въ своей власпи почти всѣ крѣпкія мѣста, повелѣвавшія дефилеями. Это заставляло говорить, что Король носитъ ключи Альпійскихъ горъ на своемъ поясѣ. Онъ потерѣялъ, правда, Савойское Герцогство и Графство Ниццу въ послѣднюю кампанію; но стоялъ еще противъ Французовъ съ значительнымъ войскомъ и былъ подкрѣпленъ могущимъ союзникомъ, Императоромъ Австрійскимъ, всегда бдительными очами надзиравшимъ за богатою и прекрасною частію своихъ владѣній, простиравшихся на сѣверъ Италіи. Такимъ образомъ, границы Піемонта были закрыты

сильнымъ Австро - Сардинскимъ войскомъ, могшимъ противостать впаденію Французскаго войска, котораго Наполеонъ объявленъ былъ главнымъ начальникомъ. Войска Неаполитанскія также присовокуплены были къ силамъ союзниковъ, такъ, что число ихъ вообще далеко превосходило Французскія силы; но большая часть, составляя гарнизоны, заперлась по такимъ мѣстамъ, коихъ не лзя было оставить.

Можно вообразить горячность, съ какою полководецъ, едва-ли имѣвшій двадцать шесть лѣтъ отъ роду, двинулся на независимое поприще славы и завоеваній, полный довѣренности къ самому себѣ и съ совершеннымъ знаніемъ страны, приобретеннымъ въ то время, когда своимъ искуснымъ планомъ военныхъ дѣйствій онъ далъ возможность Генералу Дюморбіону прогнать Австрійцовъ и завладѣть ущельями Тенды и Саорджю и проходами въ Высшихъ Альпахъ. Подвиги Бонапарте до сихъ поръ производимы были подъ начальствомъ другихъ: онъ располагалъ осадю Тулона, но къ заслугамъ Дюгомы отнесено было взятіе сей крѣпости; достоинства Дюморбіона, какъ мы уже говорили, приписаны всѣмъ преимуществамъ, полученнымъ въ Піемонтѣ, и даже, въ день 13 Вандеміора, видимыя заслуги Бонапарте остались второстепенными, помраченныя офиціальнымъ званіемъ Барраса, бывшаго тогда главнымъ начальникомъ. Но если су-

ждено было Наполеону сорвать нѣсколько лавровъ въ Италіи, сіи лавры должны были принадлежать ему одному: какъ радостно билось честноелюбивое сердце этого чловѣка, идущаго на сѣхъ условіяхъ ищаща опасностей! Съ какимъ жаромъ проницательный умъ его долженъ былъ обдумывать и готовить средства успѣховъ.

Бонапарте особенно надѣялся на систему шактики, до того времени неизвѣстную, или по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ испытанную въ маломъ видѣ и весьма несовершенно. Здѣсь будетъ къ тому останавившись и дашь общее понятіе о началахъ военнаго искусства, который хотѣлъ онъ употребить въ дѣйствіе.

Народы въ дикомъ состояніи, ведя безпрерывную войну, всегда составляли себѣ особенный образъ военныхъ дѣйствій, приспособленный къ землѣ, ими обитаемой и оружію, ими употребляемому. Обитатели Сѣверной Америки бывають спрашенъ своимъ ружьемъ, употребляя его, какъ опрылокъ. Онъ залегаетъ въ неприступныхъ лѣсахъ и истощаетъ всѣ хитрости нерегулярной войны, заводя въ обманъ непріятеля. Арабы, или Скифы, рассыпали по своимъ степямъ конныя войска, спараясь, какъ будто шучею, обхвативъ непріятеля и истребивъ его своими нечаянными нападеніями, быстрыми опустошеніями; неожиданнымъ маневромъ соединясь вновь, опустошая страну. По-

ругъ непріятеля, ошбивая обозы, они, въ
торымъ образомъ, приводили въ дѣйстви-
е войны, приличный народу, пре-
сходному своей легкою конницею.

Первый вѣкъ образованности бываеи
еже благопріятенъ успѣхамъ войны. По-
срѣ того, какъ народъ успѣваетъ въ по-
уствахъ, плодахъ мира, и какъ характеръ
юина переснаетъ быть совершенно не-
опдѣльнымъ отъ характера мирнаго гра-
жданина, система естественной тактики
переснаетъ быть употребляема, и когда
впаденія чужеземцовъ, или междоусобныхъ
войны, призываютъ жителей къ оружію,
они стараются только встрѣшнть своихъ
непріятелей, ринуться на нихъ и предать
обстоятельства сраженія превосходству
силы, храбрости или числа. Можемъ ви-
дѣть примѣръ въ междоусобной войнѣ,
бывшей въ Англіи, гдѣ люди обѣихъ пар-
тій сражались почти въ каждой области
Королевства, безъ всякихъ соображеній, не
думая соединяться, поддерживая себя
взаимно и дѣйствовать такимъ образомъ,
чтобы изъ опдѣльныхъ отрядовъ ихъ об-
разовалось войско, превосходящее непріа-
телей силами. По крайней мѣрѣ, все то,
на что покушались въ семъ родѣ дѣйствій,
было производимо по самымъ грубымъ
планамъ, ибо въ иномъ сраженіи, часть
войска, одержавшая нѣкоторое преимуще-
ство, преслѣдовала своего непріятеля,
сколько могла, не пользуясь своими успѣ-

жизни и не поддерживал своих соратниковъ, еще непобѣдившихъ непріятеля, такъ, что иногда главный корпусъ одной и той же арміи бѣжалъ разбитый, въ то время, когда одно изъ крыльевъ его побѣдоносно преслѣдовало непріятеля, дрогнувшаго отъ первой атаки.

Но военное ремесло дѣлается наконецъ должностнымъ занятіемъ и предметомъ глубокаго изученія, и тогда мало помалу открываютъ, что основанія тактики утверждены на знаніяхъ математическихъ и что побѣда увѣнчаетъ полководца, могущаго соединить большее количество войска на одномъ пунктѣ и въ одно время, не смотря на численно - меньшее количество войскъ. Никто лучше Наполеона не обладалъ геніемъ исчисленій и соображеній, необходимыхъ для направленія такихъ рѣшительныхъ маневровъ.

Въ этомъ, дѣйствительно, состояла Наполеонова тайна (какъ называли ее нѣсколько времени): она заключалась въ воображеніи, обильномъ на такіа средства, которые никогда не пришли-бы въ голову другаго, въ ясности и точности плановъ, въ образѣ направленія движеній отдѣльныхъ колоннъ, съ увѣренностію полководца, что каждая изъ дивизій, долженствовавшихъ исполнить движенія, придетъ къ назначенному мѣсту въ ту самую минуту, когда ея дѣйствіе сдѣлается необходимо; наконецъ, тайна Наполеонова состоя-

для всего болѣе въ томъ глубокомъ знаніи, по которому возвышенный гений его умѣлъ выбрать для себя второстепенныхъ дѣйствователей, наиболѣе способныхъ, привязать ихъ къ себѣ, и изъясняя каждому изъ нихъ, что должно было ему знати изъ общихъ плановъ, быть чрезъ то увѣреннымъ въ исполненіи порученнаго, со всею врожденною способностію исполнителя.

Такимъ образомъ, манѣвры Наполеона, какъ ни были они смѣлы, осуществлялись не только съ точностію, какой операціи военныя допоть не достигали, но и съ быстротою, почти всегда имѣвшею дѣйствіе нечаянности. Наполеонъ молніей являлся передъ непріятелями, и когда повторенные опыты приучили ихъ къ удивительной быстротѣ его движеній, вышло, что часто ожидали его атакъ въ положеніи сомнительномъ и нерѣшительномъ, когда съ меньшею остановкою, увидѣли - бы, что гораздо лучше предупредить его.

Великія пожертвованія были необходимы, дабы войска Французскія сдѣлать способными двигаться въ той степени скорости, какой требовали соображенія Бонапарте. Онъ не зналъ никакихъ затрудненій и неожиданныхъ препятствій. Время, вычисленное имъ для исполненія предписаннаго движенія, не должно было быть пропущено ни подъ какимъ

предлогомъ. Колонна могла бросать обозы, усталыхъ людей, самую артиллерію, только - бы не опоздать на мѣсто своего назначенія. По сему - то, все, что до того времени считалось необходимымъ, не только для здоровья, но для самого существованія войскъ, было большею частью изгнано изъ Французскихъ армій, и въ первый разъ увидѣли войска, кочующія, безъ палатокъ, безъ полевыхъ снарядовъ, безъ провинскихъ магазиновъ, безъ военныхъ лазаретовъ. Солдаты ѣли и спали какъ могли, умирали, гдѣ падали, но всегда двигаясь впередъ, всегда сражаясь и всегда побѣждая.

Справедливо, что сей отказъ отъ всего, кромѣ побѣды, увеличивалъ обыкновенные ужасы войны. Солдаты, съ желаніемъ въ руки и безъ хлѣба, дѣлался мародѣромъ и удовлетворялъ свои нужды грабежомъ; зло, имъ причиняемое, превышало удобства, какія онъ приобреталъ самому себѣ, ибо о военныхъ реквизиціяхъ можно сказать, что собирая ихъ, подражаютъ дикарямъ, рубящимъ дерево, когда хотятъ они снять съ него плоды. Между штырь, копья и дорого покупаемое, но было однакожъ въ системѣ сей быстрой шаклики преимущество: вѣрно приобрести то, что сомнительно было-бы въ войнѣ болѣе медленной, когда солдатъ правильно держалъ подъ законами строгой дисциплины. Наполеонова система разрушала войско болѣзнями, устало-

спиро и всѣми сладостями жизни и
 нужды; но побѣда всегда за нимъ слѣдова-
 ла, и этого достаточно было пережившимъ,
 для забвенія ихъ трудовъ и для призванія
 новыхъ рекрутовъ въ замѣну погибшихъ.
 Терпѣливые въ трудахъ, живые и веселые,
 легко вознаграждаемые за спаданія успѣ-
 хами, Французскіе солдаты были именно
 тѣ люди, коихъ надобно было для испол-
 ненія штыковатой службы, при полковод-
 цѣ, въ котормъ, съ врожденною имъ до-
 радливостію, они скоро узнали человека,
 вѣрно могущаго вести къ побѣдѣ войновъ,
 готовыхъ сносить труды, какихъ стоить
 будетъ побѣда. Природное мѣстоположе-
 ніе гористыхъ земель, въ которыхъ Бона-
 парте въ первый разъ сдѣлалъ опытъ сво-
 ей системы, было ему чрезвычайно благо-
 пріятно. Многочисленныя оборонитель-
 ныя линіи заспавляли Австрійскихъ пол-
 ководцовъ оставаться неподвижными и
 занимать обширное пространство земель,
 по правиламъ старинной системы ихъ
 тактики. Но хотя обильныя на позиціи,
 съ перваго взгляда кажуціяся рѣшитель-
 но неприсущными и часто такими по-
 читаемыя, горы, представляли однакожъ,
 при первомъ взглядѣ на нихъ великаго пол-
 ководца, проходы, дефилеи и выходы,
 трудные и до полнѣ незнаемыя, которы-
 ми онъ могъ низпровергать позиціи, съ
 лица кажуціяся столь ужасными, и ап-
 таку непріятеля съ боковъ и съ тылу.

принуждаютъ его сражаться невыгодно или
отступать съ потерей.

Военныя силы, находившіяся подъ начальствомъ Бонапарте, простирались до 50 или 60 тысячъ добраго войска: большая часть его была выведена изъ Испаніи, въ слѣдствіе мира съ симъ Королевствомъ; но войско было худо одѣто и много спрaдало въ горахъ, бесплодныхъ и покрытыхъ снѣгами. Конница особенно была въ худомъ состояніи; впрочемъ, родъ службы ея въ сихъ странахъ не позволялъ дѣлать изъ нее большаго употребленія, слѣдовательно, сія невыгода была незначительная. По описанію Бонапарте, трудно вообразить себѣ нищету Французскихъ войскъ, до той самой эпохи, когда Альпійская кампанія была побѣдоносно кончена перемиріемъ въ Кераско. Уже много лѣтъ армейскіе офицеры не получали болѣе восьми франковъ въ мѣсяцъ за свое содержаніе; офицеры Главнаго Штаба не имѣли ни одной лошади. Бертъ сохранялъ за рѣдкость одинъ изъ дневныхъ приказовъ, современныхъ побѣдѣ при Албенга, въ которомъ великодушно назначалось въ награжденіе по три луйдора каждому дивизіонному генералу. Между генералами, конимъ сія награда была пособіемъ въ безмѣрности ихъ нуждъ, были, или могли быть, многіе изъ тѣхъ, чьи имена сдѣлались въ послѣдствіи честію и ужасомъ войны. Ожеро, Массена, Серрюрье,

Жуберъ, Ланнъ и Мюратъ, всѣ генералы пераго достоинства, служили подъ начальствомъ Бонапарте въ Италіанскихъ кампаніяхъ.

Позиція Французскихъ войскъ въ Италіи много разъ перемѣнялась съ Октября, 1795 года, послѣ нападенія при Каиро. Лѣвая конечность линіи, въ сію эпоху простиравшаяся отъ юга къ сѣверу, упиралась въ ущелины Аргентинскія и сообщалась съ Высшими Альпами; центръ былъ въ ущельяхъ Тендскихъ и на горѣ Берспрандъ; правая сторона занимала высоты Сенъ-Бернарда, Сенъ-Жака и другихъ горъ въ одномъ направленіи, оканчиваясь на берегахъ Средиземнаго моря, близъ Финале.

Австрійцы, получивъ многочисленныя подкрѣпленія, напали на сію линію, взяли высоты горы Сенъ-Жака, и Келлерманъ, послѣ тщетныхъ усилій возстановить свою прежнюю позицію, принужденъ былъ отступить на оборонительную линію, болѣе западную, бывшую въ Боргетто, Келлерману, дѣятельному и хорошему бригадному генералу, недоставало дарованій быть главнымъ полководцемъ. Его смѣнили и Шерера назначили на его мѣсто; главнымъ начальникомъ Французской арміи въ Италіи. Сей полководецъ отважился на битву противъ Австрійцовъ, при Лоано, при чемъ Массена и Ожеро показали замѣчательныя дарованія. Побѣда, бывшая сдѣлшею сего дѣла, выиграла Францу-

замѣ линію Сенъ-Жака и Финале, которую Келлерманъ принужденъ былъ оставить, такъ, что съ извѣстной точки зрѣнія, обоюдная позиція обонхъ войскъ, другъ прошивъ друга, мало различествовала отъ той, въ какой оставилъ ихъ Бонапарте.

Но хотя Шереръ былъ побѣдителемъ, Директорія не хотѣла однакожь довѣрить ему смѣлаго плана: наступательно ударить на всю Альпійскую границу, внести войну въ Италію, принудить Австрійцовъ защищаться въ ихъ позиціяхъ, и чрезъ то уменьшитъ исполнскія усилія, которыя сія Держава не прекращала на Рейнъ, съ успѣхами переменчивыми, но всегда упорно. Управлявшіе тогда Франціею имѣли въ семъ планѣ еще другой предметъ: они хотѣли ужаснуть или низвергнуть Папу; онъ былъ ненавистенъ имъ, какъ глава Каполической церкви, ибо преданность Французскаго духовенства ко всемъ рѣшеніямъ Римскаго Двора дѣлала для священниковъ обстоятельствомъ съ совѣспіемъ несогласнымъ присягу въ вѣрности конституціи, особенно отвергаемой тѣми изъ нихъ, которыхъ болѣе почиталъ народъ. Приписывали также Папѣ, и его пріязнанимъ на первовластіе, междоусобную войну въ Вандеѣ, равно и всеобщее недоброхотство Каполичевъ на югъ Франціи.

Все это не было еще единственнымъ побужденіемъ непріязни, какую Директоры питали въ душахъ своихъ къ началь-

нью церкви Католической. За три года до того времени, Франція оскорблена была дворомъ Римскимъ и оскорбленіе оставалось неопищеннымъ. Обитатели Рима сильно вознегодовали, когда Французы, живущіе въ Римѣ, и особенно юные художники Французскіе, надѣли трехъ-цвѣтныя кокарды и рѣшились поставить гербъ Французской республики на воротахъ дома Французскаго Консула. Папа, чрезъ своего министра, изъявилъ желаніе, чтобы этого не было, ибо республика Французская не была еще имъ Папою признана, какъ Правительство законное. Французы, не смотря на то, рѣшились исполнить свое предпріятіе. Изъ этого послѣдовало народное возмущеніе, и Папскія войска не постарались его утишить. Карету Французскаго посланника, или повѣреннаго въ дѣлахъ, Бассевиля, народъ остановилъ на улицѣ и принудилъ возвратиться назадъ; потомъ вломился въ самый домъ посольскій и Бассевиль былъ безчеловѣчно зарѣзанъ, хотя ни сколько не сопротивлялся и не былъ вооруженъ. Естественнo, что Французское Правительство смотрѣло на это происшествіе, какъ на поруганіе величайшее, и тѣмъ болѣе показывало желаніе быть удовлетвореннымъ за безчестіе, что тѣмъ подражало поступкамъ Римской республики, хорошо или худо, но кажешия, всегда служившей для него образцомъ. Происше-

стале въ Римъ было въ 1793 году, но не было еще забыто и въ 1796.

Помышляя о ищеніи, Французское Правительство сначала располагало переправить въ Чивита-Веккіа десять тысячъ войскъ, съ повелѣніемъ: идти на Римъ и требовать отъ владѣтельнаго Понтифа полного удовлетворенія за убіеніе Бассевиля. Но Англіійскій флотъ крейсировалъ въ Средиземномъ морѣ и казалось весьма сомнительнымъ успѣть перевезти по морю въ Чивита-Веккіа подобный корпусъ войскъ, не считая того, что если бы войска и переправились свободно, то были-бы подвержены сомнительному жребію войны въ срединѣ Италіи, лишенные провіанта и всякихъ пособій, со всѣхъ сторонъ осажденныя и, вѣроятно, блокируемыя Англіійскимъ флотомъ. Обо всемъ этомъ совѣщались съ Бонапарте; онъ отвѣчалъ, что прежде всего надобно овладѣть Сѣверною Италіею и тогда Французы будутъ въ состояніи приблизиться къ Риму и наказатъ его. Сей планъ, хотя и былъ почти столько-же отваженъ, какъ и тотъ, который сначала предполагала Директорія; но все былъ онъ гораздо вѣрнѣе, ибо Наполеонъ хотѣлъ идти на Римъ въ такомъ уже случаѣ, когда могъ сохранить сообщенія съ Ломбардіею и Тосканою, а ихъ должно было ему завоевать прежде.

Планъ: перейти Альпы; и вступитъ въ Италію, во всѣхъ отношеніяхъ согласо-

вался съ честолюбивымъ и самонадеяннымъ характеромъ полководца, которому върли сіе предпріятіе. Онъ получила власть отдѣльную, независимую, и полномочіе дѣйствовать по своему собственному сужденію, на своей отвѣтственности, ибо землякъ его, Представитель Саличестши, сопровождавшій Наполеона, въ качествѣ Коммисара Правительства, не былъ въ самомъ дѣлѣ расположенъ надѣлать ему своими совѣтами. Прежде былъ онъ покровителемъ Бонапарте, а теперь другомъ его. Душа юнаго полководца попеременно приготавлилась, или побѣдить, или все потерять; объ этомъ можно судить по словамъ, какія сказалъ Бонапарте одному изъ друзей своихъ, прѣщаясь съ нимъ: «Черезъ три мѣсяца, я въ Миланѣ, или въ Парижѣ,» открывши такимъ образомъ и свою надежду, успѣха и свою предувѣренность, что дѣло шло о разрушеніи всѣхъ его предположеній, если онъ будетъ побѣжденъ.

Наполеонъ хотѣлъ возбудить храбрость воиновъ своихъ такими-же честолюбивыми надеждами, и для того обнародовалъ онъ слѣдующее воззваніе къ арміи Италійской:

»Воины!

»Вы наги, худо накормлены; Правительство должно вамъ много и ничего не можетъ вамъ дать. Ваше терпѣніе, храбрость, какую мы показываемъ среди нихъ

успѣсовъ, удивительны; но они не доставляютъ вамъ никакой славы; никакой блескъ ея не описывается на васъ. Я хочу воспріять васъ въ плодоноснѣйшую страну свѣта. Богатѣяя области, большіе города будутъ въ вашей власти: тамъ найдете вы честь, славу и богатства. Воины Италійской арміи! не уже-ли не достигнете въ васъ храбрости или постоянства? —

Это значило показати оленя ищейнымъ собакамъ, въ ту мину, когда спускаютъ свору. . . .

Австро-Сардинская армія, которую авдѣлъ передъ собою Бонапарте, была подъ начальствомъ Вольё, Австрійскаго генерала, съ большою опытностію и съ нѣкоторыми дарованіями, но старика, почти 75-лѣтняго, привыкшаго, въ теченіе всей своей жизни, слѣдовати старинной тактикѣ; потому, онъ не могъ даже подозрѣвать, не только предупредити или испровергнуть намѣренія, предположенныя таккимъ полководцемъ, каковъ былъ Наполеонъ.

Планъ впаденія въ Италію, составленный Бонапарте, различествовалъ отъ плановъ всѣхъ прежнихъ побѣдителей, проходившихъ въ сію прекрасную страну, но нѣкоторыми пунктамъ ея горнаго оплота. Изобрѣтательный геній Наполеона рѣшился достигнуть сей цѣли, обогнувъ южную оконечность Альповъ, удаляясь, какъ можно менѣе, отъ Средиземнаго моря и переходя

чрезъ владѣнія Генуэзскія узкимъ проходомъ, называемымъ Бокетта, ведущимъ вокругъ оконечности Альповъ, между горами и моремъ. Такъ предполагалъ Бонапарте проникнуть въ Италію по самому низкому просіранству сей страны, и это естественно долженствовало бытъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь Альповъ соединяется съ Аппенинами. Пунктъ соединенія сихъ двухъ безмѣрныхъ цѣпей горъ есть вершина горы Сень-Жака, выше Генуи, гдѣ Альпы, простираясь на Сѣверо-Западъ, достигаютъ главнѣйшаго ихъ возвышенія, вершинъ Монблана, и гдѣ Аппенины, направляясь на юго-востокъ, постепенно возвышаются до Монте-Велино, высочайшей горы изъ всей Аппенинской цѣпи.

Дабы успѣть обогнуть Альпы, какъ предполагалъ Бонапарте, необходимо надобно было ему совершенно переимѣнить позицію своей арміи. Войска, занимавшія оборонительную линію отъ сѣвера къ югу, должны были взять наступательную позицію отъ востока къ западу. Говоря о цѣлой арміи, какъ объ одномъ башалѣонѣ, Бонапарте собралъ свое воинство въ колонну, на правой сторонѣ линіи, имъ занимаемой. Этотъ манѣвръ былъ тонкій, трудный къ исполненію въ присутствіи дѣятельнаго непріятеля, превосходнаго числомъ, и Наполеону не позволили исполнить его безъ препятствій.

Ч. XVII. No 18.

Ж

Едва узнавъ Болѣе, что полководецъ Французскій сосредоточилъ свои силы и перемѣнилъ позиціи, онъ поспѣшилъ прикрыть Геную: безъ овладѣнія симъ городомъ, или, по крайней мѣрѣ, окружающею его страной, Бонапарте трудно было бы исполнить свое намѣреніе. Полководецъ Австрійскій раздѣлилъ войска на три корпуса: Колли, съ Сардинскою дивизіею, поставленъ былъ направо у Чева; среднее опдѣленіе, подъ начальствомъ Аргенто, имѣя главную кварширу въ Сазіелло, получило повелѣніе идти на гору, называемую Моншенопше, и дать деревни сего имени, соседнія крѣпкой позиціи близъ Монтедегино, которою уже овладѣли Французы, дабы прикрыть флангъ свой въ маршѣ на воспокъ. Самъ Болѣе, съ лѣвымъ крыломъ, отправился отъ Нови на Волтри, маленькій городокъ, въ десяти миляхъ отъ Генуи, защищающій сей древній городъ, хотя независимость и неуспраhlтешъ его, по видимому, долженствовали бытъ мало уважаемы. Такимъ образомъ, казалось, что въ то время, какъ Французы пытались проникнуть въ Италію, приближаясь изъ Савойи по Генуэзской дорогѣ, линія ихъ марша была угрожаема во флангъ тремя Австро-Сардинскими арміями, спешившими съ вершинъ Альпійскихъ горъ. Но, не смотря на свои искусныя диспозиціи, Болѣе встрѣчалъ большое неудобство, шедя въ гористой странѣ сообще-

мія между прями опадѣніями своей арміи; сверхъ того, трудно ему было соединить ихъ на одномъ пунктѣ, если-бы это сдѣлалось необходимымъ, тогда, какъ внупренняя линія, по которой маневрировали Французы, позволяла имъ обще дѣйствовать въ своихъ операціяхъ.

10 Апрѣля, 1796 г. Аргенто съ Австро-Сардинскою дивизією отправился на Монпеношпе; между тѣмъ, въ лѣвой сторонѣ Болье напалъ на авангардъ Французскій, дошедшій уже до Водпри. Генералъ Червоини, начальствовавшій Французскою дивизією, ашпакованною войсками Болье, принужденъ былъ отступитъ къ главной арміи, и если-бы нападеніе Аргенто было также сильно, или увѣнчано равнымъ успѣхомъ, слава Бонапарте могла-бы быть задушена въ самомъ ея рожденіи. Но полковникъ Рампонъ, Французскій офицеръ, начальствовавшій редутомъ при Монтелегино, остановилъ Аргенто рѣшительнымъ сопротивленіемъ. Имѣя не болѣе 1500 человекъ, онъ вдохнулъ имъ свою храбрость, заставивъ поклясться удержатъ свой постъ или умереть, и продолжалъ защищать редутъ весь день 11 Апрѣля, до тѣхъ поръ, пока Аргенто, сильно порицаемый въ послѣдствіи, за то, что не сдѣлалъ дальнѣйшихъ усилій выбить непріятеля, отступилъ вечеромъ, въ намѣреніи возобновить ашпаку на другой день поутру.

Но поутру 12 ч., Австрійскій генераль нашель самого себя обхваченнымъ Французами. Червони, отступая отъ войскъ Болёе, соединилъ съ Ла-Гарпомъ; оба корпуса подвинулись на сѣверъ, въ ночь на 11-е ч., и утврдились позади редутовъ при Монтелегино, столь храбро защищенныхъ Рампономъ. Это еще было не все: дивизіи Ожеро и Массены шли по разнымъ дорогамъ на флангъ и арріергардъ корпуса Аргенто, такъ, что на другой день утромъ Австрійскій генераль, вмѣсто возобновленія атакъ на Французскіе редуты, принужденъ былъ спасать себя бѣдственнымъ отступленіемъ, оставя знамена, пушки, тысячу человекъ убитыми и 2000 ранеными.

Такова была *Монтеноттская битва*, первая побѣда Бонапарте, гдѣ такъ торжественно показалъ онъ эту математическую достоверность соображеній, которая послѣ, въ достопамятнѣйшихъ случаяхъ, когда силы его бывали слабѣе непріятеля числомъ и по видимому въ невыгодной позиціи, всегда поставляла его въ возможность сосредоточивать въ одно мгновеніе свои войска и бить непріятеля, поражая его въ томъ пунктѣ, гдѣ онъ почиталъ себя сильнѣйшимъ. Бонапарте собралъ при Монтенотте превосходнѣйшую силу противъ центра Австрійской арміи и уничтожилъ его, въ то время, когда Коли на правой и самъ Болёе на лѣвой сторонѣ, оба съ много-

численными войсками, даже и не знали о сраженіи до тѣхъ поръ, пока оно не было кончено и копьяно.

Въ слѣдствіе успѣховъ при Монтенотте и пораженія Австрійцовъ, Французы овладѣли Каиро и очутились въ той споронѣ, гдѣ Альпы простираются къ Ломбардіи, и горные потоки, сбѣгая съ нихъ, впадаютъ въ По.

Между тѣмъ, Болѣе приближился было къ Волпери, когда Французы удалились отсюда, сгущаясь противъ Аргенно. Теперь Болѣе принужденъ былъ повернуть, какъ можно поспѣшнѣе, на Дего, въ Бормидской долины, стараясь возстановить сообщенія съ лѣвымъ крыломъ своей арміи, преимущественно сосланнымъ изъ Сардинскихъ войскъ, отъ которыхъ былъ онъ почти отрѣзанъ разбитіемъ центра. Генераль Колли, посланнымъ движеніемъ влѣво, занялъ Миллезимо, небольшой городокъ, около девяти миль разстояніемъ отъ Дего, утвердивъ и сохранивъ свои сообщенія посредствомъ одной бригады, поставленной на высотахъ Біаспро. Крѣпостью своей позиціи, хотя войска его имѣли слабое взаимное сообщеніе, Болѣе надѣялся удержаться на пространствѣ, имъ занимаемомъ, до тѣхъ поръ, пока могъ получить помощь изъ Ломбардіи и отъразить послѣдствія разбитія при Монтенотте. Но противникъ его не

думалъ дать непріятелю своему подобнаго отдыха.

Французская армія, съ рѣшимостію на общую атаку по всѣмъ пунктамъ, занятымъ Австрійцами, немедленно приближилась тремя корпусами, на протяженіи четырехъ миль. Ожеро, въ головѣ дивизіи, не бывшей на сраженіи при Монтенотте, шелъ влѣво пропхивъ Миллезимо; центръ, подъ начальствомъ Массены, направлень былъ на Дего, по Бормидской долинь; правое крыло, подъ начальствомъ Ла - Гарпа, маневрировало вправѣ, въ намереніи обойдти лѣвый флангъ Больё. Ожеро первый вступилъ въ бой съ непріателемъ. Онъ двинулся на генерала Колли, 13 Апрѣля: солдаты, завистливые къ славѣ, приобретенной ихъ соратниками, напали съ величайшею храбростію. Они бросились на выдвинутые впередъ посты Сардинской арміи, при Миллезимо, сбили ихъ, овладѣли проходомъ, ихъ защищавшимъ и опдѣлили такимъ образомъ опъ Сардинской арміи корпусъ войскъ, около 2000 человекъ, подъ начальствомъ Австрійскаго генерала Проверы, занимавшаго опдѣльную возвышенность, именуемую Коссаріа и закрывавшую лѣвую оконечность позиціи генерала Колли. Но Австрійцы оказались здѣсь храбрость самую упорную. Обхваченные непріятелемъ, они бросились въ развалившійся замокъ Коссаріа, стоявшій на сей возвышенности и казались рас-

положенными защищаться итти до послѣдней крайности, тѣмъ болѣе, что видя съ башенъ сего крѣпкаго замка Сардинцовъ, опть которыхъ были опрѣзаны, они надѣялись, что продолжая сражаться, могутъ надѣяться на другой день освобожденія.

Самъ Бонапарте явился здѣсь, и видя необходимость выбить непріятеля изъ сего важнаго мѣста, приказалъ сдѣлать, одна за другою, три атаки. Жуберъ, въ головѣ одной изъ колоннъ, бросившихся въ атаку, сражался храбро и вошелъ уже во вѣшнія укрѣпленія, съ шестью или семью другими офицерами, когда былъ раненъ въ голову. Генералъ Баланъ и Генералъ-Адъютантъ Кененъ, оба пали впереди колонны, ими предводительствуемой; Бонапарте принужденъ былъ оставить на ночь упорнаго Проверу повелителемъ замка. Утромъ 14 ч. явленіе совершенно перемѣнилось: Бонапарте удовольствовался блокадою замка Коссаріа и далъ сраженіе Генералу Колли, употреблявшему между тѣмъ разныя усилія пособить Проверѣ; все было тщетно: Колли разбитъ, опрѣзанъ опть Больё, и какъ могъ, опспунилъ къ Чева, оставя храбраго генерала Проверу его жребію. Провера принужденъ былъ сдаться безусловно.

Въ томъ-же день Массена, съ центромъ Французской арміи, напалъ на высоты Біастро, пунжъ соединенія между Больё и Колли, между тѣмъ, какъ Ла-Гарпъ,

прошедшій по долину Борнидекой, гдѣ солдаты его брели по поясу въ воду, напалъ съ фронта и съ фланга на деревню Дего, занятую главнокомандующимъ Австрійскою арміею. Первое нападеніе имѣло полный успѣхъ: высоты Біастро были схвачены и Піемонтцы обращены въ бѣгство. Нападеніе на Дего было не менѣе счастливо, хотя сраженіе завязалось жестокое. Больё принудили отступити и совершенно опдѣлили его отъ Сардинцовъ, до сего времени дѣйствовавшихъ съ нимъ заодно. Защитники Италіи начали отступать по разнымъ направленіямъ: Колли успѣлъ оподвинуться на западъ, къ Чева, въ то время, когда Больё, сильно истощенный въ трудномъ мѣстоположеніи, отступилъ на Акви.

На другой день, побѣда, казалось, едва не была вырвана изъ рукъ побѣдителей. Дивизія Австрійскихъ войскъ, поздне другихъ оставившая Волпри и маневрировавшая для соединенія съ войскомъ Главнокомандующаго, нашла позицію, которую наканунѣ занималъ Больё, уже во власти непріятеля. Австрійцы явились здѣсь, какъ люди совершенно потерявшіе дорогу и невольно должны были изумиться, видя это мѣстоположеніе въ рукахъ Французовъ. Но не колеблясь ни мало, они напали на непріятеля, быспрою аптакою прогнали его и воздвигнули на мѣстѣ битвы орловъ Австрійскихъ. Такое внезапное яв-

леніе произвело сильную тревогу. Французы не могли понять, какимъ образомъ нападеніе непріятеля сдѣлано со стороны противоположной той сторонѣ, куда онъ отступалъ, и такъ, что о движеніи непріятеля совсѣмъ не извѣстили ихъ передовые отряды изъ Акви.

Мгновенно прискакалъ Бонапарте въ Дего. Двѣ аптаки отбиты были Австрійцами, одна за другою; при третьей аптакѣ генераль Ланюссъ, въ послѣдствіи убитый въ Египтѣ, надѣлъ шляпу своєю на конецъ шпаги и штыками пробился въ деревню. Ланнъ, послѣ бывшій Герцогомъ Монпебелло, также отличился въ сей битвѣ храбростію и воинскими дарованіями; онъ былъ представленъ отъ Бонапарте Директоріи, какъ достойный повышенія. Въ сраженіяхъ при Дего, вообще называемыхъ *битвою при Миллезимо*, Австро-Сардинская армія потеряла отъ 5 до 6000 человекъ, 30 пушекъ и большую часть своихъ обозовъ. Сверхъ того Австрійцы отдѣлены были отъ Сардинцовъ и полководцы начали замѣчать, что не только войска ихъ, но и сами они раздѣлены были противоположными побужденіями. Сардинцы старались закрыть Туринъ, въ то время, когда операціи Больё всегда, казалось, направлены были не допустить Французовъ до Миланскихъ областей.

Остатки достаточныя силы въ Бормида, сперечь Больё, Бонапарте обратилъ

всю свою армию на Колли, который, будучи ослабленъ и безъ всякой надежды на помощь, бросилъ свою оборонительную линію близъ Чева и удалился на линію близъ Танаро.

Тогда Наполеонъ перенесъ главную свою кварширу въ Чева. Съ вышины Монтеземмо, онъ могъ наслаждаться величественнымъ видомъ обильныхъ полей Піемонтскихъ, простиравшихся предъ его ногами въ безконечномъ обзорѣ, орошаемомъ По, Танаро и другими рѣками, текущими съ Альпійскихъ горъ. Сія богатая картина разстилалась, какъ Обширенная земля предъ глазами побѣдоноснаго войска. За нимъ остались, правда, не пустыни сыпучаго песку, подобныя тѣмъ, по какимъ шелъ народъ избранный, но исполинскія громады утесовъ и неприступныхъ горъ, увѣнчанныхъ льдами и снѣгами, кажется, опредѣленныхъ природою бытъ оплотомъ и гранью несчастливыхъ областей, изумляющихъ на Востоку пришельца. Войска раздѣляли радость полководца, воспоржествовавшаго неслыханнымъ образомъ надъ сими ужасающими препяшествами. Бонапарте, хвалясь успѣхомъ, говорилъ своимъ офицерамъ, смотрѣвшимъ на великолѣпное зрѣлище, предъ ними бывшее: »Аннибалъ пробился сквозь Альпы; мы, мы обошли ихъ!»

Обвѣвшая армія Колли была атаквана на отступленія своемъ, при Мон-

дови, съ двухъ разныхъ пунктовъ, двумя корпусами Бонапартевой арміи, подъ начальствомъ Массены и Серрюрье; послѣдній съ потерей былъ отраженъ Сардинскимъ генераломъ. Но когда Сардинскій полководецъ увидѣлъ во время схватки, что Массена слѣва обошелъ его линію и что такимъ образомъ Французы сжали его съ двухъ сторонъ, онъ увидѣлъ свою позицію почти опчаянною. Піемонтская конница еще усиливалась возобновить сраженіе: на одно мгновеніе она отбила и прогнала Французскую; Генераль Штенгель старался соединить бѣгущихъ и былъ убитъ; но неукротимая храбрость Мюратна, можетъ быть, никогда не имѣвшего равныхъ себѣ въ кавалерійскихъ атакахъ, скоро склонила счастье къ знаменамъ Французскимъ. Пѣхоту и конницу Колли принудили къ бѣдственному отступленію. Побѣда была рѣшительная и Сардинцы, потерявъ лучшихъ воиновъ, пушки, обозы, совершенно отрѣзанные отъ своихъ союзниковъ, видя себя открытыми совершенному уничтоженію отъ соединенныхъ силъ Французской арміи, потеряли всю надежду на возможность прикрыть Туринъ. Бонапарте пользовался успѣхами и завладѣвъ Кераско, спалъ только въ двухъ миляхъ разстояніемъ отъ столицы Піемонта.

Такъ счастье, въ одну кампанію, не болѣе мѣсяца продолжавшуюся, ввело сво-

его любимца въ полное обладаніе путемъ въ Италію, предметомъ его желаній, отдавъ во власть его горные проходы. Бонапарте выигралъ при битвы противъ силъ непріятельскихъ, превосходившихъ его силы; истребилъ у нихъ 25 тысячъ воиновъ, убитыхъ, раненыхъ или полоненныхъ Французами; взялъ 24 пушки и 21 знамя; принудилъ къ бездѣйствию Австрійскую армію; почти совершенно уничтожилъ Піемонтскую; установилъ свободное сообщеніе съ Франціею на всей восточной сторонѣ Альпійскихъ горъ, и съ Италіею, которая являлась передъ нимъ, казалось, приглашая его къ завоеванію. Но не такими лаврами должна была кончиться первая кампанія Бонапарте, когда столько средствъ открывалось ему на великой дѣйствицѣ событій, торжествовать новыя и важнѣйшія побѣды, съ блистательнѣйшими послѣдствіями. Глава Королевскаго Савойскаго дома, если и не бывшаго въ числѣ могущественнѣйшихъ державъ Европы, по крайней мѣрѣ, одного изъ почтеннѣйшихъ, печальнымъ опытомъ увѣрился, что имѣешь дѣло съ сыномъ судьбы (l'homme du destin): горделивое имя, данное въ послѣдствіи челоуѣку, которому, «на нѣкоторое время,» какъ въѣщаетъ Священное Писаніе, «дана была власть вязать владыкъ цѣпями и сильныхъ земли вервами желѣзными.»

Несчастливые остатки Сардинской армии удалились, или лучше сказать, бѣжали и остановились только въ двухъ миляхъ отъ Турина, безъ всякой надежды найдти какую-либо возможность еще оказать значительное защищеніе. Владѣтель Сардиніи, Піемонта и Савойи не видѣлъ другихъ средствъ сохранить столицу и даже самое существованіе свое на твердой землѣ, кромѣ покоренія, почти совершеннаго, въ волю побѣдителя. Да будетъ позволено здѣсь замѣтить, что Викторъ Амедей III; происходилъ отъ того поколѣнія героевъ, которое по особенному положенію государства, образующаго срединную, весьма важную страну, между Франціею и Австрійскими владѣніями въ Италіи, часто было призываемо представлять въ общихъ дѣлахъ Европы лицо, иногда превосходившее ту степень, на которую могло оно объявлять права, будучи домою Европейскихъ второстепенныхъ Государей. Государи Савойскаго дома вообще вознаграждали недостатокъ могущества дарованіями и храбростію, дѣлавшими имъ величайшую честь, какъ полководцамъ и какъ полишкамъ. Теперь Піемонтъ, въ свою очередь, находился предъ стопами непріятеля, побѣдившаго, съ силами меньшими числомъ, противъ силъ Піемонта. Кромѣ помышлений о прошедшей славѣ Государства, положеніе Короля Сардин-

окаго еще болѣе дѣлалось горестно по семейственнымъ отношеніямъ. Викторъ Амедей, пестрь Monsieur (въ то время именовавшагося Людовикомъ XVIII-мъ) и Графъ Д'Аршуа (нынѣшняго Короля Франціи), принявъ заповѣдь при своемъ Туринскомъ Дворѣ, доставлялъ имъ средства соединить окрестъ себя нѣсколько войска, составленнаго изъ дворянства Французскаго, оставившаго опчиству, употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него средства (и часто съ успѣхомъ) прошивишься хитроспаямъ и оружію Французскихъ республиканцовъ. И сей наслѣдственный Государь, съ его союзами, его политическими правилами, видѣлъ себя осужденнымъ просить мира и принять его, каковы-бы ни были условія, предписываемыя двадцати шести лѣтнимъ Французскимъ Генераломъ, за нѣсколько мѣсяцовъ до того желавшимъ достать мѣсто аршиллерійскаго офицера въ войскахъ Турецкаго Султана!

Перемиріе потребовано было Королемъ Сардинскимъ, въ слѣдствіе сихъ печальныхъ событій: надобно было купить его отдачею въ руки Французовъ двухъ лучшихъ крѣпостей: Кони и Тортоны, съ ключей Альпійскихъ горъ, коихъ предки Сардинскаго Монарха столь долго были хранителями: такою успункою Король довольно давалъ знать, что онъ отдается безусловно. Перемиріе утверждено въ Кераско; но Король отправилъ своихъ

коммисаровъ въ Парижъ, постановить съ Директоріею окончательныя условія мира: они были таковы, какія побѣдишель опредѣляетъ побѣжденному.

Кромѣ крѣпостей, уже уступленныхъ, Король Сардинскій принужденъ былъ отдать Французамъ еще шесть другихъ важныхъ мѣстъ. Дорога изъ Франціи въ Италію должна была оставаться открытою для Французскихъ войскъ, во всякое время; впрочемъ, и безъ того, сдачею крѣпостей Король лишилъ себя всѣхъ средствъ противиться успѣхамъ Французовъ. Онъ долженъ былъ прервать всякаго рода союзы и сношенія съ соединенными государствами, бывшими въ войнѣ съ Франціею, обязывался не держать, ни при своемъ дворѣ, ни въ своей службѣ, ни одного изъ Французскихъ эмигрантовъ, ни родственниковъ ихъ, кто-бы они ни были: не было исключенія даже и двумъ дочерямъ Короля; покорность была совершенная. Викторъ Амедей съ сокрушеніемъ сердца подписалъ сей трактатъ и не долго пережилъ свое паденіе. Сынъ его наследовалъ только по имени протъ Піемонтскій: крѣпости и мѣста, могущія дѣлать участіе сего государя сколько нибудь важнымъ, были всѣ отданы Французамъ, исключая Туринъ и два или три мѣста малозначительныя.

Полагая трактатъ съ Сардиніею окончаніемъ Піемонтской кампаніи, мы останавливаемся и рассмотримъ характеръ, ока-

занный Бонапарте въ сію эпоху его жизни. Дарованія его, какъ полководца, были первой степеніи. Совершенная совокупность видна была во всѣхъ его предначертаніяхъ: онъ успѣлъ во всемъ, тѣми средствами, какіе предлагалъ и извлекъ изъ успѣховъ своихъ всю возможную выгоду. Совсѣмъ иное поведеніе обыкновенно характеризуетъ того, кто бываетъ обязанъ счастливымъ случаю, или единственно храбрости своихъ войскъ, неожиданною побѣдою: когда счастливый жребій улыбается такому полководцу, онъ столько же бываетъ затрудненъ, какъ затруднила-бы его сама потеря. Но Бонапарте, предвидя слѣдствія каждаго своего движенія, все приготовилъ воспользоваться выгодами, какіе могъ онъ извлечь изъ сихъ слѣдствій.

Слогъ его донесеній и писемъ въ Директорію былъ въ сію эпоху болѣе скромнѣе болѣе проснѣе, и слѣдственно, болѣе способенъ произвести впечатлѣніе, нежели фигурный и напыщенный слогъ, какой въ послѣдствіи употреблялъ онъ въ своихъ бюллетеняхъ. Хорошее мнѣніе его о самомъ себѣ тогда не дошло еще, можетъ быть, слишкомъ высоко, такъ, что онъ не считалъ необходимою употреблять *лучшоро-ногія* слова (*sesquipedalian words*) напынутыя метафоры, какихъ, кажется, искалъ попомъ. Замѣтимъ также, что юный побѣдитель всегда съ благороднымъ рвеніемъ показывалъ себя тогда рас-

положеннымъ доставлять отличившимся офицерамъ повышенія, на которыхъ давали имъ право ихъ заслуги. Онъ настоятельно требовалъ награды своимъ сотрудникамъ въ каждомъ своемъ донесеніи: поведеніе, сколько правое и великодушное, столько же и благоразумное. Если одобренія его могли быть успешны, ему доставалась благодарность за благоуваженіе; если они были отвергаемы, они равномерно получали признательность за свою добрую волю, а негодованіе, причиняемое отказомъ, падало на Правительство.

Но, когда Бонапарте говорилъ просто и чрезвычайно скромно о своихъ собственноручныхъ подвигахъ, напыщенность, отъ которой онъ удерживался, по доброй воле воздана была ему въ Совѣтѣ пяти сотъ, однимъ изъ ораторовъ, Дюберменилемъ, призывавшимъ всѣхъ поэтовъ, отъ Тиртея и Гесіана до Сочинителя *Марсельскаго гимна*, всѣхъ живописцовъ, отъ Апеллеса до Давида, всѣхъ музыкантовъ, отъ Орфея до Сочинителя *Прощальной пѣсни* (Chant du Départ) и вызывавшимъ ихъ сочинять стихи, музыку и писать изображенія славныхъ дѣлъ Бонапарте и Италійской арміи.

Гораздо въ лучшемъ вкусѣ выбита была медаль Бонапарте, какъ побѣдителя на Монтепопской битвѣ. Фигура его, сухощавая, съ гладкими волосами, представляетъ разительную противоположность съ пол.

иди, издрапавшииъ лицомъ, лавровыиъ на послѣднѣиъ его монетахъ. На оборотѣ медали, изображали Побѣду, летящую надъ Альпами, съ пальмовою вѣтвью, лавровымъ вѣнкомъ и обнаженнымъ мечомъ въ рукахъ. Упоминаемъ о сей медали, потому, что она была первая въ великолѣпномъ ряду медалей, напоминающихъ побѣды и славу Наполеона и срисованныхъ Денонъ, какъ дань генію Императора Франціи.

Т. —

II. КРИТИКА.

Замѣтки на статью: Coup-d'oeil sur l'histoire de la langue slave et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie (Взглядъ на Исторію Славянскаго языка и постепенный ходъ просвѣщенія и Литтературы въ Россіи).

(Окончаніе.)

Мелькомъ упоминаетъ потомъ Авторъ объ учрежденіи Академіи. Вѣроятно по ошибкѣ типографической читаемъ послѣ того, что Императрица Анна скончалась въ 1640 году. Обращаясь къ тому, что въ половинѣ XVII вѣка языкъ Русскій потерпѣлъ отъ Малоруссизмовъ, Авторъ спѣшитъ сказать, что при Петрѣ чистота языка постигнута была наводненіемъ иностранныхъ словъ и что хаосъ сей царствовалъ до XVIII столѣтія Ософанъ, Кантемиръ и Тредьяковскій слѣдуютъ по

съ сего. »Первый,« говоритъ Авторъ, »почитается
отцомъ духовнаго краснорѣчія въ Россіи.« Но самъ
Авторъ за страницу говорилъ, что сочиненія Св.
Димитрія Ростовскаго почитаются образцовыми,
а Св. Димитрій скончался за 27 лѣтъ до смерти
Феофана. Тредьяковскій, по словамъ Автора, *пер-*
вый ввелъ въ Россіи стопосложеніе Грегеское и
Римское. Опять ошибка! Тредьяковскій старался
вести только гекзаметры, а либами, хорееми и
амфибрахіями первый началъ писать Ломоносовъ;
Тредьяковскій послѣдовалъ за нимъ.

Описаніе Автора о заслугахъ Ломоносова хо-
рошо и справедливо. Только странно, что Авторъ
думаетъ, будто оды Ломоносова должно считатьъ
образцами Лирической Поэзіи, а Академическія рѣчи,
образцами прозы, даже и *донинѣ*. Хорошо хвалить,
но должно знать и мѣру хвалѣ. — »Поповскій былъ
единственный поэтъ, который *умѣлъ подражать*
Ломоносову при его жизни.« Не знаемъ: чѣмъ По-
повскій умѣлъ подражать Ломоносову, когда все
стихотворство Поповскаго ограничилось нѣсколь-
кими пробами перевода изъ Горация и переводомъ
(съ Французской прозы) Поэмы Попе.

Сумароковъ является за Поповскимъ. Авторъ
утверждаетъ »что нѣкоторые изъ трагедій его до-
нынѣ остались на театрѣ.« Увѣряемъ его, что
прошло болѣе 20 лѣтъ, какъ перестали играть даже
Димитрія Самозванца, долѣе всѣхъ державшагося
на сценѣ, вѣроятно за имя, сдѣлавшееся народнымъ,
хотя это одна изъ самыхъ плохихъ трагедій Сума-
рокова.

Ломоносовъ, Поповскій и Сумароковъ заклю-
чаютъ у Автора всю Литтературу царствованія

Елисаветы; учрежденіе Московскаго Университета и Академіи Художествъ дополняютъ картину. Авторъ скоро переходитъ къ вѣку Екатерины II. Сначала видимъ у него изложеніе разныхъ подвиговъ сей Государыни, касательно просвѣщенія и образованія Рускихъ. Въ Академіи Наукъ представляетъ онъ Палласа; говоритъ объ учрежденіи учебныхъ заведеній; дозволеніи имѣть типографіи частнымъ людямъ. Упомянувъ о переводѣ Веллизарія Мармонтелева, Авторъ подробно всего излагаетъ исторію Русской Исторіи, въ царствованіе Императрицы Екатерины; но къ сожалѣнію, тутъ, что слово, то ошибка. «До Екатерины отечественная Исторія, по приговору величайшаго изъ всѣхъ предразсудковъ, была почитаемая государственною тайною.» На насъ и безъ того такъ много наговорено иностранцами, что соотечественнику нашему не шло-бы прибавлять невѣрныхъ извѣстія о Россіи. Исторію никогда не почитали у насъ тайною государственною. Если-бы Авторъ сказалъ: *Исторіи у насъ не было*; вотъ это другое дѣло; но Лѣтописи писаны были, какъ самъ Авторъ говоритъ, еще въ XI вѣкѣ и продолжались непрерывно. Государственные акты также никогда не были тайною съ древнѣйшихъ временъ. Исторій и историческихъ записокъ прежде не писывали. Государственные архивы, съ XVII вѣка составившіеся, точно были и суть нынѣ тайны государственныя; но они таковы во всѣхъ государствахъ, пошому что не лзя-же всякаго допустить рыться въ Государственныхъ Архивахъ. Правительство наше само обнародываетъ, что находишь любопытнымъ, и нѣсколько разъ допускало

известныхъ людей въ Архивы (Щербатова, Карамзина, Голикова). Если скажутъ намъ, что это было въ позднѣйшее время, но что Исторія до вѣка Екатерины точно была тайною, отвѣчаемъ: лѣтописи, тысячами списковъ ходившія по рукамъ, развѣ были тайна? Историческія сочиненія (каковы они бы были), Митрополита Макарія, Патріарха Іоанн. Кн. Курбскаго, Палицына, Гизеля, Кубасова, Грибоѣдова, Теофана, Крекшина, Хилкова, Шафирова, Ломоносова, Сумарокова, Ташищева, были всѣмъ известны. Да вотъ и самъ Авторъ говоритъ: «Въ Россіи, до Екатерины было много лѣтописцевъ, даже нѣсколько историковъ, на примѣръ: Хилковъ и Ташищевъ, но ихъ сочиненія были неизданы, а ш. с. не напечатаны; но и это ошибка: Шафировъ, Ломоносовъ, Сумароковъ напечатали свои Историческія сочиненія, а что не печатали другіе, въ этомъ Правительствѣ ни сколько не было виновато. Надобно знать, что встарину сочинители какъ-то мало думали объ изданіи своихъ твореній; всякій писалъ самъ для себя, или для немногихъ. Сильнѣйшее доказательство, что Исторія никогда не была у насъ запрещена, состоитъ въ томъ, что вредки наши особенно любили читать Исторію и читали все историческое, неумолимо списывая все имъ попадавшееся въ руки, отъ чего историческихъ актовъ, лѣтописей и описаній, не только оригинальныхъ, но и переводныхъ, у насъ величайшее изобиліе. Авторъ говоритъ, что Екатерина повелѣла издавать историческія сочиненія Миллеру и Шлецеру, сама собравъ ихъ, и желая, чтобы они послужили матеріалами для будущихъ историковъ. Повелѣніе собирать лѣтописи было издано Пеп-

ромъ Великимъ , въ 1721 г. Онъ особенно любилъ Исторію и вызывалъ тогдашнихъ ученыхъ людей писать ее, но еще въ то время нѣкому было. Екатерина, сама охотно занимаясь Русскою Исторіею, подтвердила повелѣніе Петра собирать лѣтописи и акты, и сама точно составила хронологическое обозрѣніе Русской Исторіи (послѣ. изданное подъ именемъ *Записокъ, касательно Русской Исторіи*). Но Шлецеръ самъ по себѣ убѣдилъ Академію Наукъ издавать лѣтописи, издалъ часть Никоновской, и написалъ Предисловіе къ общему собранію ихъ, которому тогда дали названіе *Россійской Библіотеки*. Баркову поручили изданіе; Шлецеръ оскорбился и отказался отъ всего: общее собраніе ограничилось однимъ томомъ, заключившимъ Кенигсбергскій свисокъ Нестора. Миллеръ также по своей охотѣ занялся издаваньемъ нѣсколькихъ историческихъ сочиненій. По повелѣнію напечатано нѣсколько лѣтописей отъ Святѣйшаго Синода и отдѣльно отъ Акад. Наукъ; но взглянувъ только на изданія, можно увѣриться, что ученая критика къ нимъ не касалась.

До сихъ поръ Авторъ все говорилъ какъ-то перерывчиво, мимоходомъ; здѣсь начинается у него систематическая исторія Литтературы. Онъ oznaчаетъ болѣе, дѣлитъ на эпохи. Можно-бы порадоваться, но едва-ли есть чему. Если до сихъ мѣстъ мы видѣли непрерывныя ошибки, здѣсь вмѣшивается нѣчто особенное. Какъ ни увѣряетъ насъ Г-нъ Бальби въ безпристрастіи (стр. 321 — 322), въ изяществѣ вкуса, въ знаніяхъ (*idem*, и стр. 192) нашего соотечественника, мы признаемся, что съ ирродомъ замѣчая все это съ самаго начала, здѣсь отказываемся отъ малѣйшаго убѣжде-

нія въ словахъ Г-на Бальби. Безпристрастіе Авторъ рѣдѣеть и исчезаетъ по мѣрѣ приближенія къ современному; сужденія не доказываютъ другихъ качествъ; приписываемыхъ Г-ну Бальби его Обзоръ и нѣсколько разъ не вѣрныя глазомъ своимъ, читаю остальные 20 страницъ сочиненія нашего соотечественника. Мы обещались не говорить безъ доказательствъ; продолжаемъ изложеніе статьи.

Въ Русской Словесности, говоритъ Авторъ, надобно различить двѣ эпохи, бывшія въ царствованіе Екатерины (съ 1762 по 1796 годъ). *Первая*, и по счастію болѣе продолжительная, видѣла окончаніе цѣлѣннца Ломоносова и Сумарокова (какъ будто оба эти литератора одно и то же!) и появленіе нѣкотораго количества писателей, которыми справедливо гордится Русскій народъ. *Вторая* начинается въ послѣднихъ годахъ ея царствованія и продолжается до первыхъ лѣтъ царствованія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА. Это отдѣленіе 15-ти лѣтъ (1790—1804) памятно въ Исторіи Русской Литтературы славнымъ (fameux) примѣромъ, который показалъ Русскимъ писателямъ, что они тотчасъ впадутъ въ заблужденіе, когда удалятся отъ пуши, указаннаго великимъ Ломоносовымъ.

Но какой-же э тотъ путь? Мы до сихъ поръ думали, что народъ, просвѣщаясь и образовываясь, самъ собою и временемъ открываетъ для себя путь, средства, опособы къ усовершенствованію Литтературы или Словесности. Если-бы какой нибудь Французъ сказалъ своимъ соотечественникамъ, что они погубятъ свою Литтературу, когда сойдутъ съ пуши, указаннаго Малербомъ и Левизакомъ, что-

бы о немъ подумали ! Но Авторъ говоритъ не то-
ли самое, утѣряя, что Ломоносовъ пробилъ какой-то
пусть, съ котораго, сохрани Боже сходить послѣдо-
вателнымъ до самаго окончанія вѣка. Знаемъ, что Ло-
моносовъ былъ умный, ученый, великій теловѣкъ ;
согласимся даже съ Авторомъ, что его оды и рѣчи
и теперь образцовы ; но какъ можно Словесность
цѣлаго народа вѣстать цѣлые вѣки дѣлать то и
такъ, что и какъ дѣлалъ Ломоносовъ ? Гдѣ примѣръ
человѣка, который сдѣлался-бы абсолютнымъ на ве-
рѣки и на всю Словесность и Литтературу своего
народа ? Не удивится-ли всякій, читая приведенныя
нами слова Автора ? Не удивится-ли, увидя у Авто-
ра въ этомъ мѣстѣ Исторіи нашей Литтературы
слѣдующія эпохи: блестящая эпоха Русской Лит-
тературы, въ концѣ царствованія Екатерины II;
возстановленіе Русской Литтературы ? ! По
крайней мѣрѣ, мы съ изумленіемъ остановились на
такихъ эпохахъ Литтературы Русской и признаемъ-
ся, что не умѣли располковать себя, что все это
значить ? Пусть объясняетъ самъ Авторъ. Необъ-
ясненна еще ничего, онъ говоритъ о славнѣйшихъ лю-
дяхъ блестящей эпохи Русской Литтературы.
Признаемся, что мы пожалѣли объ иностранцахъ,
которые, вѣроятно, съ почтеніемъ слушаютъ, какъ
Авторъ классификуетъ нашихъ писателей отъ 1762
до 1790 года. Начинается Лирическою Поэзією и
первый Лирикъ — просимъ угадать, кто ? «Держа-
винъ», скажетъ читатель, «Державинъ», великій, не-
подражаемый Поэтъ нашъ, которому не было и
вѣтъ еще равнаго въ Россіи, котораго силою мо-
жемъ поставить на ряду съ величайшими Лирика-
ми всѣхъ вѣковъ ! Совесть вѣтъ ! Ломоносовъ (га.

юрить Авторъ) умирая, оставилъ свою лиру Петрову.» Не знаемъ, въ какомъ Парнасскомъ судилищѣ засвидѣтельствовано это завіщаніе Ломоносова. Но выполняли-ли надежды завѣщателя наследникъ его? Нѣтъ! »Петровъ не умѣлъ утѣлять (manier) Русскимъ языкомъ такъ хорошо, какъ его предшественникъ.» Слѣдуетъ похвала и осужденіе Петрову, изъ коихъ выходитъ, по мнѣнію Автора, что Петровъ былъ не дурной поэтъ и умѣлъ въ открытому Ломоносовымъ прибавить кое-что новое. Каково-же чинашь послѣ этого: »Петровъ имѣлъ очень опаснаго соперника въ Державинѣ.» Какъ! Державинъ только соперникъ Петрова, котораго Авторъ и не думаетъ сравнивать съ Ломоносовымъ? Чшо-жъ будешь Державинъ въ сравненіи съ Ломоносовымъ? И послѣ этого Авторъ берется писать Исторію нашей Литтературы! Не понимаемъ! Онъ распространяется о томъ, что Державинъ былъ худо воспитанъ, писалъ сначала стихи, не зная стопосложенія; утѣряешь, что слѣды недостатка воспитанія у Державина никогда не изглаживались, что въ старости геній его погасъ и что — *de mortuis bene* — Державинъ занимаетъ однакожь одно изъ первыхъ мѣстъ на нашемъ Парнасе. Но утѣшимся; Авторъ прибавляетъ: »Вообще стихотворенія Державина весьма оригинальны, а это не послѣднее достоинство сочиненій въ такой литтературѣ, которая почти вся подражаніе (*Et ce n'est pas leurs moindre mérite dans une littérature qui est presque toute d'imitation*)!» Хорошъ амтешать отъ Рускаго Русской Литтературѣ, въ глазахъ иностранцевъ, и хороша блестящая эпоха этой Литтературы!

Еще лучше приговоры Ларіу Капнисту (который, по словам Автора, скончался въ 1813 году, хотя Капнистъ послѣ того жилъ еще годъ). »Онъ былъ другъ и *подражатель* Державина; у него не было генія бѣго послѣдняго, но *трудъ* и познанія въ Литтературѣ древней и новой (de la littérature moderne; но какой-же *moderne*? Французской, Нѣмецкой, Англійской?) дополняли въ немъ дарованія. Каковъ кажется вамъ восторженный поэтъ, лирикъ, у котораго *трудъ и тѣнѣ иностранныхъ писателей зѣмляли талантъ!*

Упомянувъ о неудачной эпопеѣ Ломоносова, сказавъ, что Херасковъ былъ также неудачливъ, что Костровъ хорошо началъ переводъ Иліады, а Пепровъ хорошо исполнилъ переводъ Энеиды, Авторъ, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ упоминаетъ о поэмахъ Майкова. *Елисей или раздраженный Вакхъ*, говоритъ Авторъ, surtout mérite l'attention par son originalité et par sa gaîté. *Елисей*, нестерпимый, ни по предмету, ни по ужаснымъ стихамъ своимъ, заслужилъ у Автора милости болѣе нежели Державинъ! *Душенька*, Богдановича, удостоилась по крайней мѣрѣ отзыва не менѣ лестнаго: благодаримъ ужъ и за то, что она кажется Автору не хуже Елисея.

Драма показала успѣхи въ сію эпоху, особенно въ *Комедіи*. Но какіе-же успѣхи? Авторъ, объявляя о Княжнинѣ, говоритъ только, что онъ *писалъ погуще Сумарокова*, и заслуживаетъ порицаніе, »за *ограбленіе* Французскихъ драматиковъ безъ всякой пощады (pour avoir pillé — sans aucun ménagement) и часто *портъ* лучшихъ мѣстъ изъ сочиненій Расина и Вольтера. За тѣмъ находимъ извѣ-

стіе о Бригадирѣ и Недорослѣ, Фонъ - Визинъ. Повторяемъ нашъ вопросъ : на чемъ основаны слова Автора, что l'art dramatique fit des progrès à cette époque, surtout pour ce qui regarde la comédie? Всего навсѣ насчитываетъ Авторъ три комедіи, заслуживающія вниманіе: двѣ сочиненія Фонъ - Визина (*) и одну сочин. Княжнинымъ: *Хвастунъ*. Но вотъ въ числѣ славнѣйшихъ поэтовъ блестящей эпохи Литтературы Русской являющіяся *Клушкинъ*, съ его *Смѣхомъ* и *Горю*, *Ефимьевъ*, съ *Преступникомъ* отъ игры, *Аблесимовъ* съ *Мельникомъ*. О послѣднемъ ни слова, а первыхъ можно было выставить, когда, увидимъ въ послѣдствіи, какъ Авторъ говоритъ о Карамзинѣ, Дмиріевѣ и Пушкинѣ.

Но Авторъ съ величайшею увѣренностію думаетъ, что онъ исполнилъ хорошо свое дѣло, воздалъ всякому должное и означилъ всѣ главнѣйшія черты блестящей эпохи нашей Литтературы. По крайней мѣрѣ, извѣстіе о Хемницерѣ онъ начинаетъ слѣдующими словами : »Намъ остается сказать еще только объ одномъ поэтѣ сей первой эпохи царствованія Екатерины «

О прозѣ сей эпохи говоритъ далѣе Авторъ мимоходомъ, упоминая только, что проза всегда отстаеетъ отъ Поэзіи. Проза Ломоносова была »чудо, явленіе необыкновенное, и сей порывъ гения оставался долго неподражаемымъ.« За тѣмъ идутъ извѣстія, что Платонъ возвелъ духовное

(*) Замѣтимъ здѣсь, что Le Mineur совсѣмъ не выражаетъ Русскаго: Недоросла. Г-нъ Сень-При прекрасно передалъ это слово Французскимъ le Dadais. За чѣмъ было выдумывать новое, неудачное?

краснорѣчіе до такой степени совершенства, что ошнѣялъ смѣлость у всѣхъ послѣдователей; что проза Фонъ-Визина, въ оригинальныхъ и переводныхъ съ Французскаго сказкахъ, всегда будетъ образцомъ нашимъ разсказчикамъ, а Кострова переводъ Оссіана есть *un chef-d'oeuvre en fait de prose poétique*; что Исторія была съ успѣхомъ обрабатываема Муравьевымъ. Тутъ все рѣшительно ошибки. Платонъ, какъ сочинитель, былъ Ораторъ не первостепенный: это доказываютъ всѣ его проповѣди; онъ превосходенъ былъ только въ торжественныхъ привѣтствіяхъ своихъ. Его Слово на положеніе знаменъ при гробѣ Петра Великаго и другое на коронованіе ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА останутся всегда превосходнѣйшими твореніями; но все однакожъ не безъ сравненія съ его предшественниками и послѣдователями. Платонъ изумлялъ произнесеніемъ своихъ проповѣдей и тѣмъ только успѣлъ онъ сорвать у современниковъ пальму безсмертія. Прежде и послѣ него были ораторы духовные гораздо выше Платова по дѣяніямъ: напомнимъ Теофана, Гавриила Бужинскаго, Амвросія, Лаванду, Владиміра, не говоря о современникахъ нашихъ. Оригинальная проза Фонъ-Визина была хороша по своему времени, а переводы его и тогда были дурны; Кострова Оссіанъ переведенъ былъ наскоро и съ Французскаго перевода: забавно-же считать его даннѣйшимъ образцовымъ прозаическимъ твореніемъ. Муравьевъ написалъ нѣсколько небольшихъ отрывковъ историческихъ для упражненій учебныхъ: какъ-же могъ онъ обработывать Исторію съ большимъ успѣхомъ!

«Таково-то было цвѣтущее состояніе Русской Литтературы» (подлинно: *таково-то!*), «когда въ

«последнихъ годахъ XVIII вѣка, молодые писатели, находя старую дорогу трудною, захотѣли пробить новый путь.» Авторъ объясняетъ далѣе, что оставя Славянскій языкъ, юные писатели 1790—1804 гг. подрывли Русскій языкъ въ его основаніяхъ и повредили чистотѣ его иностранными словами; коими думали обогатить его; припомъ ввели санищенность, «нравившуюся на минуту, особенно женщинамъ; но она происходила не изъ глубины сердца и не замедлила сдѣлаться смѣшною.»

Безпристрастно судя о прошедшемъ, не лѣзя не сказать, что тушь есть и правда; но какъ все это обито у Автора! Онъ самъ говоритъ, что проза Русская еще едва появлялась; что прозу Ломоносова должно считать необыкновеннымъ явленіемъ; перебирая авторовъ прошлой эпохи, Авторъ никого не похвалялъ рѣшительно; говорилъ, что при Царѣ Алексѣ было наводненіе Малоруссизмовъ, при Петрѣ Германизмовъ; видя, что все дѣло состояло въ словахъ, нѣкоторое измѣненіе языка, который, какъ еще не утвердившійся, подвергался различнымъ нововведеніямъ. Нововведеніе съ 1790 по 1804 г. было неудачно; но о чемъ влялся говорить Авторъ? О *Литтературѣ*; одинъ-ли слогъ, болѣе или менѣе чистый у нѣкоторыхъ изъ множества писателей, составляетъ *Исторію Литтературы цѣлаго народа*? Введеніе новыхъ идей, вліяніе правительства, явленіе гениевъ, образованіе народа, распространеніе его этнографическихъ отношеній, вотъ въ чемъ *Исторія Литтературы*. И какъ-же могъ Авторъ, если съ 1790 по 1804 годъ, между нѣкоторыми молодыми писателями, были въ модѣ галлицизмы и

самименшальность, вскорѣ исчезающіе и остававшіеся только у дурныхъ послѣдователей, какъ могъ онъ изъ этого составить эпоху цѣлой Литтературы? Справедливо-ли послѣ того называешь онъ эти 15 лѣтъ несчастною эпохою Русской Литтературы, ставитъ въ оглавленіи спашьи своей, надъ 1790 годомъ: *Упадокъ Русской Литтературы*, а надъ 1804 г. *Возстановленіе Литтер. Русской*? Надъ этимъ возстановленіемъ находимъ у него надпись: *Epoque d' Alexandre Chichkoff, Chichkoffsky*. Съ совершеннымъ уваженіемъ къ гражданскимъ подвигамъ А. С. Шишкова, сего достойнаго вельможи и покровителя наукъ и просвѣщенія, мы признаемъ литературную заслугу сего почтеннѣйшаго Литтератора. Въ книгѣ своей: *Разсужденіе о старомъ и новомъ слоgъ Россійскаго языка*, онъ показала ошибки и дожную систему нѣкоторыхъ писателей начала XIX вѣка; но одинъ частный человекъ, какъ-бы ни былъ онъ великъ, не составляетъ эпохи въ Литтературѣ народа. Мы не видѣли изъ описаній Автора доказательствъ, на которыхъ основываясь, назвалъ онъ время съ 1762 по 1790 г. блестящею эпохою Русской Литтературы, и ни по чему и никакъ не можемъ согласиться на оскорбительное названіе, несчастной эпохи, паденія Русской Литтературы. Если блестяща была прежняя эпоха, въ чемъ упадокъ другой эпохи? Не самъ-ли Авторъ, послѣ 15 лѣтъ паденія, широкими словами начинаетъ выхвалять новѣйшую Русскую Литтературу и исчислять нынѣшніе успѣхи наши? Эти успѣхи переходятъ за грань несчастной эпохи и приготовлены были во время ея. Этого мало: Державинъ, Херасковъ, Капнистъ, Косиловъ,

Ефимьевъ, Клушницъ, Муравьевъ, люди, означеніе у Автора прежнюю эпоху, были въ несчастную эпоху живы и писали; нѣсколько юношей, положимъ, писали дурно, и за нихъ, по милости Автора, падаетъ несчастная *Литтература Русская* и иностранцы съ сожалѣніемъ пишутъ: »Писатели несчастной эпохи, о которой говоримъ, были весьма многочисленны; но ихъ имена и сочиненія пали въ глубокое забвеніе.» Если и положимъ, что Пнинъ, Подшиваловъ, Князь Долгорукій и другіе достойные уваженія писатели сей эпохи теперь забыты; если согласимся на рѣшительный приговоръ Автора, спрашивается: почему эпоху возстановленія означилъ Авторъ эпохой *Князя Шаховскаго*? Вотъ доказательства: »Князь Шаховской нанесъ имъ (молодымъ писателямъ, порывавшимъ языкъ) послѣдній ударъ въ Комедіи своей, называемой: *Новый Стернь*.« И эта маленькая пьеса дѣлаешь у Автора эпоху. Того, что слѣдуетъ за симъ, испинно нельзя читать безъ негодованія. Пусть судятъ сами читатели. »Коса времени пощадила только двухъ *Карамзина*, какъ прозаика и *Дмитріева*, какъ поэта. Первый заслужилъ нынѣ Европейскую славу и одолженъ ею своей *Исторіи Россіи*. Онъ вдался въ изученіе старинныхъ рукописей Русскихъ, слѣдовательно, языка Славянскаго, десять лѣтъ думалъ о своемъ слогѣ и издалъ твореніе, которое, будучи переведено на Французскій и Нѣмецкій языки, доешвило ему нынѣшнюю его славу.« Не говоримъ уже о логикѣ Автора: коса времени только пощадила *Карамзина*; а между тѣмъ, въ то же время, *Карамзинъ* приобрѣлъ Европейскую славу; оставимъ это, и спрочимъ каждаго Русскаго: можно-ли о Карамзинѣ,

оказавшихъ столько величайшихъ услугъ, отзываться съ такою непростительною неблагодарностью? Но чѣмъ далѣе идешь, тѣмъ болѣе начинаешь угадывать, что Автора, какъ будто нарочно, хочется унижать все то, чѣмъ гордится новѣйшая наша Литтература. Къ чему это? Можетъ быть, узнаемъ. Читатели видѣли сужденіе Автора о Державинѣ. Творецъ Ермака, донынѣ единственный въ сказкахъ, Димпріевъ, оказавшій столько заслугъ нашей поэзіи, даетъ соотечественнику случай къ сужденію самому неосновательному и оскорбительному. «Димпріевъ избѣгъ жребія своихъ современниковъ (ш. е. дурныхъ писателей), благодаря нѣкоторымъ лирическимъ произведеніямъ и особенно подражаніямъ сказкамъ Вольтера и Баснямъ Лафонтена. . . .» Не выписывая остальнаго сужденія Автора о Димпріевѣ, скажемъ, что слава Димпріева конечно не потерпѣла отъ несправедливости молодого его Рецензента; но безъ досады едва-ли кто забудь прочитавшій такіе приговоры, вспоминая, что ихъ произноситъ соотечественникъ знаменитаго Поэты, въ глазахъ иностранцевъ!

Оставивъ поскорѣ несчастную эпоху Литтературы Русской и перейдемъ однимъ шагомъ къ новѣйшей современной намъ эпохѣ. Сказавъ о П. Сумароковѣ, упомянувъ, что «Les auteurs de cette époque malheureuse (1790 — 1804) nous saurons gré de ne pas rappeler ici leurs noms et leurs écrits», Авторъ забываетъ, кажется, что рѣшился было писать *только* о Словесности: чешыре сиреницы посвящаетъ онъ тутъ просвѣщенію Россіянъ въ XIX вѣкѣ (346—349), гдѣ кое какъ набросаны у него замѣчанія о флотѣ и Академіи Художествъ, путешественникахъ Руо-

ских кругомъ свѣта и учреждений Университетовъ. Вотъ наступаетъ новая эпоха: *Restauration de la littérature Russe*. »Въ послѣднее время всѣ знанія процвѣли въ Россіи (стр. 348); Литтература не замедлила воспринять прежній блескъ свой (стр. 349). Слава Богу! Кого-то подарить здѣсь Авторъ вѣнками! Изображая новѣйшую эпоху, Авторъ дѣлитъ теоретически всю Словесность на части: *Лирическая поэзія, Эпика, Драма, Дидактическая поэзія, Описательная поэзія*. Что это за раздѣленіе? спросишь насъ. Право не понимаемъ; не понимаемъ также: ошъ чего въ Описательную поэзію включаетъ Авторъ *Идиллію*, а въ Дидактическую, *Басню*. Можемъ для образчика теоретическихъ опредѣленій Автора представить еще опредѣленіе *романтической поэзіи*. »Романтизмъ состоитъ въ выборѣ народныхъ (*nationaux*) предметовъ и въ употребленіи красокъ, могущихъ поразить взоры народа, такъ, чтобы онъ не былъ предварительно принужденъ изучивать климатъ, нравы и повѣрья иностранныхъ народовъ.« Переводъ слово въ слово; читатели согласятся, что подобныя положенія не стоятъ опроверженій. Авторъ исчисляетъ въ каждомъ родѣ отличнѣйшихъ поэтовъ. Не станемъ слѣдовать за каждою спрочкою его: общія черты дадутъ понятіе о духѣ и образѣ его сужденій.

Жуковскій. »Онъ особенно занимается подражаніями и переводами Нѣмецкихъ и Англійскихъ поэтовъ. Ему одолжена Россія романтизмомъ. Слогъ Жуковского вообще чистъ, но принуждая себя быть слишкомъ сжатымъ; Поэтъ часто дѣлаетъ слогъ свой темнымъ; самая блестящая часть его

и стихотворений описательная; самая слабая, напро-
тивъ, страсти, ибо онъ худо согласуется съ ми-
стицизмомъ, разлитымъ въ творенияхъ Жуковского.
«Недавно перевелъ онъ Іоанну Д'Аркъ, Шиллера, но
всѣ пьеса не была представлена на театрѣ.»

И такъ Жуковский, одинъ изъ первыхъ Рус-
скихъ поэтовъ нашего времени, творецъ Слѣпаны,
Золотой арфы, Посланія къ Александру, Пѣсца въ
станѣ Русскихъ воиновъ и множества другихъ ори-
гинальныхъ пьесъ, живописецъ глубокихъ тайнъ
сердца человѣческаго, дѣлается у Автора *подража-
телемъ, мистикомъ, но часто темно пишущимъ,
мистикомъ* и, что всего забавнѣе, *наиболѣе ус-
пѣвшимъ въ Описательной поэзіи*, когда онъ почти
ничего не писалъ въ этомъ родѣ! Орлеанская Дѣва,
Шильонскій Узникъ, Смальгольмскій Баронъ, пере-
воды изъ Энеиды и Овидія, изъ Мессіады и Гебеля,
образцовая проза Жуковского, введеніе множества
новыхъ формъ стихосложенія; всѣ сіи заслуги не
удостоялись отъ Автора ни одного слова.

Пушкинъ. Лирическій поэтъ, еще *очень мо-
лодой* человѣкъ, но приобрѣлъ уже извѣстность
«(réputation), помрачающую многихъ другихъ. *Роман-
тическія поэмы въ родѣ* Байрона (les poèmes roma-
ntiques dans le genre de ceux de Byron), съ нѣко-
торого времени, въ большой модѣ у Русскихъ. Мы
упомянемъ о поэмахъ только Пушкина, подавшего
первый примѣръ своимъ *Кавказскимъ Пѣтнимъ*.
«Послѣ того онъ издалъ ихъ много, и во всѣхъ на-
ходимъ одинакія погрѣшности и одинакія красоты.
«Первыя безъ сомнѣнія тѣмъ болѣе поражаютъ чи-
тателя, что послѣднія многочисленны. Стихосло-
женіе легкое, гармоническое, исполненное ритми,

исписанія вѣрный и поэтическій — вотъ красота поэзіи Пушкина. Недостатокъ плана и общности, особенно-же *однообразіе чувствованій* и повтореніе нѣсколькихъ любимыхъ выраженій — вотъ недостатки. Лучшее произведеніе его, поэма: *Людмила*.

Кто узнаетъ путь нашего Поэта - исполнителя? Если спросить-бы Авторъ иностранцовъ, Г-на Герб, Г-на Шопена, Французскихъ Литтераторовъ, что таковъ Пушкинъ, творецъ Бориса Годунова, Руслана и Людмилы, Кавказскаго Пльнника, Бахчисарайскаго Фонтана, Цыганъ, Онегина, Братьевъ Разбойниковъ, Подражаній Корану, Ода, Элегій, стихотвореній, въ которыхъ является онъ истиннымъ Протеемъ и доводитъ языкъ поэзіи до такой степени совершенства, о которой въ Автору блестящую эпоху Литтературы Русской еще и не знали. Пушкинъ однообразенъ, повторяется: вопль упреки, которыхъ не лзя было ожидать творцу Годунова! Но, не сердясь на Автора, улыбнемся при извѣстіи его, что *романтическія* поэмы въ родѣ Байрона, *sont depuis quelque temps très à la mode en Russie. Поэмы въ родѣ Байроновыхъ!* Точно какъ будто пѣсни въ родѣ Лафара; *Байронъ въ модѣ!* Вообразите! Мы слышали, что эта мода распространилась въ цѣломъ свѣтѣ, что Байронъ есть поэтъ великаго вѣка нашего, увлекшій за собою весь свѣтъ: все это мы слышали, а что поэмы въ родѣ Байроновыхъ называются *romanesques*; признаемся, слышимъ первый разъ. Парижская новость, передаваемая на Русь нашимъ соотчичемъ!

Батюшковъ. «Его ставятъ Русскіе Критики на ряду съ Жуковскимъ; но онъ превосходитъ его

»чистою слога; за то у него меньше силы, еще меньше оригинальности. Вообще онъ безхарактеренъ: что подражаетъ Парни, то Оссіану . . . *Слогъ чистота*: вотъ всѣ достоинства, на коихъ основана у Автора слава поэтовъ! А заслуги Батюшкова? Его собственныя стихотворенія? Его образцовая проза? Авторъ молчитъ. Приводимъ еще его мнѣніе

Крыловъ. »Послѣ нѣсколькихъ счастливыхъ опытовъ въ Комедіи, онъ оставилъ сей родъ и сочинялъ Басни, гдѣ изящныя качества Хемницера соединилъ съ великими красотою поэзіи. Послѣ такой похвалы насъ не обвиняютъ въ пристрастіи, если мы скажемъ, что въ иныхъ басняхъ Крыловъ грѣшилъ своими изысканными нравоученіями и надутымъ слогомъ.»

Грибоедовъ. »Одинъ изъ лучшихъ переводчиковъ комедій. Недавно сочинилъ комедію оригинальную, которая не была даже и представлена на театр.» Мы не имѣемъ объ ней никакого понятія.»

Мы замѣчали выше, что *не была представлена не была напечатана*, значитъ у Автора осужденіе. — Сказать о Крыловѣ, что онъ сколько нибудь похожъ на Хемницера, можешь развѣ пошлѣ, кто читалъ сихъ Баснописцовъ.

Пересказвъ мнѣнія Автора о первыхъ Русскихъ Поэтахъ нашего времени, мы наскоро исчислили другихъ, которые попали въ его списокъ. Онъ похвалою отзывался о Востоковѣ, Князѣ Шиховѣ, Гнѣдичѣ, какъ Переводчикъ Иліады, и о Озеровѣ; за нимъ ставилъ Висковатова, Грузинцева, за его *Эдипа - Царя* («по причинѣ прекрасней трагедіи и красотою совершенно въ древневкусъ и безпримѣрныхъ въ Литтературѣ Ру

ской), Крюковского, «зі прекрасное стихосложение;» называетъ лучшими переводчиками трагедій: Жандра, Гнѣдича, Лобанова; изъ комиковъ упоминаетъ о Загоскинѣ, «оригинальномъ поэтѣ, сочиненія котораго представляютъ много комическаго и «оригинальности;» лучшими переводчиками комедій именуетъ Авторъ Хмѣльницкаго, Жандра; за тѣмъ слышимъ отъ него имена Неваховича и Ильина, въ успѣхѣмъ обрабатывавшихъ драму.»

Дидактическая поэзія представляетъ ему только *Опытъ о Критикѣ*, Попе, переведенн. Кн. Шишмаповымъ. Слѣдуетъ Милоновъ съ его Самирами. Описательная поэзія (*une de branches les plus pauvres de la littérature Russe*) является въ нѣсколькихъ оригинальных Идилліахъ Панаева и Идилліею Гнѣдича: *Рыбаки*..»

И симъ оканчивается Обзоръ Поэзіи Русской, послѣ ея возстановленія. Гдѣ-же тѣ великіе люди, которыми наша эпоха можетъ гордиться? Гдѣ успѣхи наши, могущіе подтвердить слова Автора, что «Литтература наша воспріяла прежній блескъ свой (стр. 348)»?

Читатели могли замѣтить, что въ прежнихъ эпохахъ, мало уважая Державина, Карамзина, Дмитриева, Авторъ находилъ людей, о которыхъ говорилъ съ особеннымъ почтеніемъ. Не уже-ли для того ведена вся спашья, чтобы и между современниками выбрать себѣ также кое-кого и принесть имъ въ жертву всѣхъ другихъ? Не знаемъ; только называя Жуковского подражателемъ, Пушкина однообразнымъ, Крылова надутымъ, ни одного слова не сказавъ о многихъ другихъ отличныхъ поэтахъ, Авторъ нашелъ двухъ, предъ которыми совершен-

но приходитъ въ изумленіе, *Князь Шаховской* и *Г-нъ Катенинъ*, сушь сіи два гѣія покровишедя и надежда нашей Литтературы.

Мы видѣли, что *Князь Шаховской* означилъ у Автора эпоху въ Русской Литтературѣ, и послѣ того шесть разъ является онъ и *вездѣ первый*. Въ *Эпопее*, за его *Расхищенныя шубы* (стр. 353); далѣе, какъ лучший переводчикъ трагедій и хороцій оригинальный трагикъ; потомъ, какъ первый комикъ Русскій, *изъ которыхъ пьесы котораго имѣли неслыханный успѣхъ*. Потомъ, какъ сочинилъ оперъ и водевилей, изъ коихъ нѣкоторыя *sont les chefs-d'oeuvre de cet auteur*. Наконецъ, какъ превосходнѣйшій сатирикъ: «Два сатиры *Кн. Шаховскаго* (говоритъ Авторъ) могутъ назваться самыми превосходнѣйшими твореніями, какія Литтература Русская имѣетъ въ семь родѣхъ»

Г-нъ Катенинъ, по мнѣнію Автора, есть другое блистательное явленіе новѣйшей Литтературы (стр. 351). «Онъ Лирикъ, присоединившій къ оригинальности, столь рѣдкому качеству въ Русской Литтературѣ, слогъ, всегда исправный, пріятный и сильный, смотря по предмету. Мысль въ него творенія: *Миръ Поэта*, высоко-поэтическая, на исполненіе не оставляетъ ничего болѣе желать.» Потомъ Авторъ увѣряетъ, что *Мерзлякова* переводъ *Освобожд. Іерусалима* потому дуренъ, что писанъ *Александринами*, а *Г-нъ Катенинъ* могъ-бы перевести хорошо, ибо изобрѣлъ на Русскомъ языкѣ октавы, точно *Тассовскія*. Далѣе находимъ, что «*Мельникова* Русская только на *Г-на Катенина имѣетъ надежды*. Наконецъ, *Г-нъ Катенинъ* является однимъ изъ лучшихъ переводчиковъ комедій.» Правду сказать: если у насъ

ишло нѣтъ только два поэта достойныхъ полнаго вниманія, то новѣйшая Поэзія Русская немного заслужила въ глазахъ Авшера. За то Проза вознесена имъ удивительно какъ высоко. »Проза« (слова Авшера), «которую оставили мы добычею дурнаго вкуса и ложныхъ правилъ, воспріяла, въ началѣ сего вѣка, болѣе вѣрный ходъ и сдѣлала быстрые успѣхи, особенно въ слогѣ Историческомъ и Дидактическомъ. Слогъ чистый и правильный, во времена Екатерины II бывшій удѣломъ немногихъ людей съ большими талантами, сдѣлался принадлежностью всѣхъ людей образованныхъ. Но мы не можемъ входить здѣсь въ дальнѣйшія подробности.» Все, однакожь, надобно было наименовать главнѣйшихъ апологовъ нынѣшней Прозы. Вошъ они: послѣ Карамзина лучшіе наши Историки: *Архіепископъ* (?) Евгений, Г-нъ Каченовскій, Григорій Глинка. Желали-бы мы знать: гдѣ нашелъ Авторъ историческія произведенія Г-на Каченовскаго? Кромѣ небольшихъ Журнальных статей, переводовъ изъ сочиненій Буззе, Шлецера, Добровскаго и Критическо-Историческихъ разсказій, писанныхъ слогомъ весьма несправнымъ и съ непрощительными ошибками, мы ничего болѣе не знаемъ изъ сочиненій Г-на Каченовскаго. Григорій Глинка перевелъ только Манштейновы Записки, и то весьма плохо: почему-же можно почесать его за Историка? —

»Лучшіе повѣствователи нынѣшней эпохи суть Каченовскій, Батюшковъ, Жуковскій и Нарыжнѣй, котораго *Славянскіе вѣтра* заслуживаютъ большую пзвѣстность.» Но гдѣ повѣсти и прозаическія сочиненія Г-на Каченовскаго? Онъ не издалъ ничего, кромѣ Диссертацій и переводовъ, о коихъ сказали мы свое мнѣніе выше. Имя Г-на Каченовскаго Ав-

торъ упоминаетъ еще разъ, какъ имя Автора отлично занимавшагося Криптикою и теорією языка. Не многія криптики Г-на Каченовскаго, особливо споры его о банномъ строеніи, намъ извѣстны; но о теоріи языка онъ *нижего и никогда* не писалъ, кромѣ самыхъ легкихъ Журнальныхъ статей.

Статья нашего соотечественника кончена. Можетъ быть, сообразя безчисленныя ошибки, прощорѣнія, мѣтныя его, читатели скажутъ, что мы напрасно рѣшились на подробный разборъ. Знаемъ, что мы могли-бы сказать рѣшительно, что статья о Русской Литтературѣ, въ Апласѣ Г-на Бальби, исполнена погрѣшностей и даетъ совершенно обратное понятіе о Литтературѣ Русской. Но мы имѣли въ виду иностранцовъ, для которыхъ была она писана. Дорожа всѣмъ, что говорятъ имъ о Россіи, они съ величайшимъ уваженіемъ ошозвались о трудѣ Автора. Апласъ Г-на Бальби переводятъ на Нѣмецкій языкъ; Г-нъ Бальби хвалитъ нашего соотечественника, выше всякой мѣры. Въ *Bibliothèque Universelle* перепечатана была его статья, и вотъ что сказали отъ себя Издатели сего уважаемаго Журнала (Т. XXXIV, Отд. I, стр. 242): «Неизвѣстный Авторъ Обозрѣнія, юный писатель Русскій, *кажется*, очень хорошо знаетъ литтературную Исторію своей отчизны. Свѣдѣнія наши о семъ предметѣ ограничиваются столь малымъ, что сіе небольшое произведеніе показалось намъ достойнымъ обширнѣйшей извѣстности. Безъ сомнѣнія, въ словѣ найдутся нѣкоторыя неправильныя выраженія и иностранныя обороты; но *важность предмета* заставляетъ забыть сіи легкіе недостатки.»

Послѣ сего Русскій публицистъ долженъ поставиши обязанностью вывести изъ заблужденія

иностранцовъ и оцѣнишь трудъ Русскаго по достоинству. Мы обѣщали не говорить безъ доказательствъ: сдѣлая шагъ за шагомъ, мы высказали, сколько позволялъ размѣръ статьи нашей, ошибки и несправедливыя мнѣнія Автора, ибо *всѣхъ* ошибокъ его не возможно было намъ исчислить. Теперь никто не можетъ сказать, что мы рѣшали безъ разбора. Заключение наше будетъ въ немногихъ словахъ.

1-е. Въ статьѣ нашего соотечественника о Русской Литтературѣ не видно надлежащаго понятія ни о Теоріи Изыщныхъ Искусствъ, ни о Критикѣ: стоишь взглянуть на мнѣнія его о романтизмѣ, на раздѣленіе Словесности по отраслямъ. Авторъ, ограничиваясь разсмотрѣніями нѣсколькихъ отдѣльных произведеній, по симъ разсмотрѣніямъ судить о цѣломъ, не обозрѣвая ни причинъ, ни средствъ общихъ, какими все производится. Невѣрное исчисленіе въ каждомъ періодѣ нѣсколькихъ писателей, безъ всякаго разбора, переводчиковъ и оригинальныхъ выѣстъ, составляетъ у него всю исторію. Онъ, кажется, совѣмъ не знаетъ, что не лзя писать Исторію Словесности, не обозрѣвая вполне хода всего образованія и просвѣщенія народнаго; въ такое обозрѣніе входятъ всѣ знанія, всѣ успѣхи просвѣщенія и образованности.

2-е. Названіе обѣщало намъ такой разборъ, ибо Авторъ хотѣлъ говорить о *ходѣ образованія и Литтературы Русскихъ*. Съ 3-й страницы отказался онъ отъ пераго; наконецъ и отъ Литтературы: одна Словесность сдѣлалась его предметомъ. Гдѣ же вѣрность плана? Потомъ опять отъ времени до времени (стр. 327, 330, 333, 336, 346—349) являющіяся сухія исчисленія уснѣховъ Ру-

скихъ на поприщѣ просвѣщенія и образованности вообще; они такъ оплачуются отъ цѣлой сшатыи, что невольно почтешь ихъ посторонними востанками, написанными другимъ человѣкомъ, не заботившимся о планѣ перваго Автора.

3-е. Порядка, послѣдовательности идей и вѣрности общихъ посылокъ Автора, мы совсѣмъ не видимъ. Авторъ, безъ всякой надобности, распространяется о прежнихъ эпохахъ Литтературы Русской, сжимаеши гдѣ должно-бы говорить подробно, называетъ *блестящею эпохою* время съ 1762 по 1790 г. и ничѣмъ не доказываетъ сего названія, такъ, какъ и названія слѣдующей за тѣмъ эпохи: *упадокъ, несчастная эпоха Литтературы* (1790—1804). Если Авторъ самъ говорилъ, что въ наше время все процвѣло и усовершенствовалось, болѣе прежняго, почему нашъ вѣкъ не получилъ у него названія *блистательнѣйшаго*? Почему этотъ блистательнѣйшій вѣкъ у него такъ описанъ, что кромѣ Князи Шаховскаго и Г-да Капнина, Каченовскаго и Грузинцова, намъ почти нѣкого и выставишь въ доказательство его блистательности?

4-е. Можно-ли исчислишь противорѣчiя Автора самому себѣ? Карамзинъ только что спасается отъ косы времени и — Карамзинъ получаетъ Европейскую славу! Г-нъ Капнинъ не удалъ ни одной трагедiи (Андромаха сего Литтератора не была еще тогда извѣстна) и Мельпомена Русская въ немъ только и полагаетъ надежду; Г-нъ Каченовскiй не написалъ ни одной повѣствовательной пьесы и названъ лучшимъ повѣствователемъ Русскимъ. А сколько хронологическихъ и историческихъ ошибокъ?

Они отчасти были означены нами и многія изъ нихъ доказываютъ незнаніе предмета, о которомъ мѣлся писать Авторъ.

5 е. Наконецъ: что сказать объ оцѣнкѣ литераторовъ Русскихъ? Какъ нарочно, все перемѣнено Авторомъ нашими; какъ будто съ намѣреніемъ, Державинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Жуковский, Пушкинъ, Батюшковъ, Грибоедовъ упоминающіе у него съ пренебреженіемъ; изъ новѣйшихъ, на примѣръ, Баратынскій, Кн. Вяземскій, Ф. Н. Глинка, Баронъ Дельвигъ, Козловъ, не заслужили даже и упоминанія, когда Г-да Висковатовъ, Грушецовъ, Нарѣжнѣй, Неваховичъ, Григорій Глинка, несмѣлены въ число ошаманѣйшихъ писателей.

Какое могло бытъ побужденіе написать такую странную статью? Не понимаемъ! Кто могъ написать это Обзорѣніе Русской Литературы? Сличить статью Г-на Л. Н. (о которой упоминали мы на стр. 30 Телеграфа), ясно видимъ въ обѣихъ статьяхъ удивительное сходство мнѣній, расположенія, даже сходство самыхъ выраженій. Неужели одинъ и тотъ-же Сочинитель работалъ и для *Меркурія XIX вѣка* и для *Этнографическаго атласа*? Не уже-ли первый опытъ не опнялъ у него охоты? Не подозреваемъ никого изъ нашихъ литераторовъ въ намѣреніи воспользоваться нездѣніемъ инспиранцовъ, похвалить самого себя и своихъ пріятелей и побранить людей, коихъ онъ не любитъ. Нѣтъ! мы далеки отъ этого подозрѣнія, хотя недавно писали къ намъ изъ Парижа, что извѣстный Кларротъ получилъ письмо изъ Петербурга, отъ какого-то Г-на Бюсси-Рабюшена, который проситъ Кларрота помѣстить въ какомъ нибудь

извѣстномъ Журналѣ статью о сочиненіяхъ *одного изъ Русскихъ писателей* (имени его никому знать вѣнужно), увѣряя Г-на Клапрота, что этотъ писатель есть *первый изъ всѣхъ писателей Русскихъ*. Клапротъ спросилъ у Русскихъ, живущихъ въ Парижѣ; они смѣялись читая письмо, и разсматривая его пристальнѣе, увидѣли на немъ Русскую печать самого хваленаго писателя. Что подумать объ этомъ? Мы думаемъ, что Русскій писатель, самъ себя расхвалившій подъ именемъ Бюсси-Рабюшена, хотѣлъ пошутить. Почему не думаешь, что кто нибудь для шутки, съ намѣреніемъ, рѣшился написать ошибочную статью въ Этнографическій атласъ Г-на Бальби? Надобно однакожь сказать, что эта шутка весьма незабавная. На что употреблять во зло довѣренность иностранцовъ и дорожить минувшимъ торжествомъ, которое при нынѣшнемъ сближеніи Россіи съ Европою непременно должно разрушиться. Впрочемъ, предоставляемъ судить другимъ: наше дѣло было показать достоинство статьи и вывести иностранцовъ изъ заблужденія.

Къ статьѣ приложены три замѣчанія: о различіи Славянскаго языка и Малороссійскаго нарѣчія отъ Русскаго языка и о буквахъ Русскихъ и Славянскихъ. Всѣ они довольно хорошо составлены.

Мы должны еще представить читателямъ замѣчанія о Прибавленіяхъ къ статьѣ нашего соотечественника, сдѣланныхъ Г-дами Лемонте, Ферюссакомъ, Геро и Нейенкирхеномъ. Между тѣмъ, мы получили отъ одной особы переводъ статьи Г-на Геро о Русской Литтературѣ, написанной по случаю разбора Антологіи Г-на Сень-Мора. Мы обѣщали уже представить читателямъ переводъ

этой статьи (Тел. XVI, Отд. II, стр. 48) и рѣшаемся помѣстить его въ слѣдующей книжкѣ, За тѣмъ сдѣлаемъ мы общее' обзорѣніе и этой статьи и прибавленій къ разобранной нами статьѣ соотечественника нашего.

(Н. П.

III. БИБЛЮГРАФІЯ.

1826 года.

211. *Грамматика Латинская*, составленная по руководству Брѣдера Ив. Снегиревымъ. Изданіе 2-е. М. 1826 г. 190 стр. in 8.

Сія учебная книга, отличающаяся основательными и ясными опредѣленіями, имѣетъ рѣшительное преимущество предъ 1-мъ изданіемъ оной и по справедливости должна занять нынѣ первое мѣсто между всѣми Латинскими Грамматиками, изданными на Русскомъ языкѣ. Во впоромъ изданіи она изложена болѣе систематически, нежели въ 1-мъ; наприм. въ Синтаксисѣ не встрѣчаемъ уже *правиль въ разсужденіи знатенія и окончанія словъ*; въ сей части Грамматики 2-го изданія падежи разсматриваются только синтаксически, т. е. относительно ихъ управленія въ рѣчи, между тѣмъ, какъ въ Синтаксисѣ 1-го изданія говорится о падежахъ этимологически, т. е., просто: какіе вопросы требуютъ извѣстныхъ падежей, что собственно относится къ Этимологіи. Словомъ: во 2-мъ изданіи сей книги сдѣланы весьма хорошія дополненія,

а многія опредѣленія совсѣмъ измѣнены, особенно въ Синтаксисѣ.

Послѣ сихъ, общихъ замѣчаній отдѣляетъ исторію частныя.

Авторъ смѣшиваетъ имена числительныя съ прилагательными. Не все то истинно, что всѣмъ принято: это несомнѣнно, и на оборотъ; современный быстрый ходъ наукъ къ единству началъ ежедневно убѣждаетъ насъ въ этомъ. Но Авторъ не объясняетъ, почему онъ отступилъ отъ общаго правила; изъ опредѣленія-же, составленнаго имъ для имени прилагательнаго, сего не видно.

Между принадлежностями глаголовъ (стр. 41) полагается видъ оныхъ (*genus*). По чему-бы не назвать родомъ? Въ противномъ случаѣ не переводить-бы видъ словомъ *genus*. Впрочемъ, мы совершенно согласны, что лучше называть видами глагола извѣстныя въ нашихъ Грамматикахъ *залог*: названіе, неимѣющее, въ смыслѣ Грамматическомъ, никакого значенія, подобно нѣкоторымъ выраженіямъ въ Русской Грамматикѣ.

Во Введеніи къ Синтаксису основательно опредѣляется, что такое періодъ, предложеніе и проч. Но мы не согласимся съ опредѣленіемъ сказуемаго или подлежащаго, ибо сими послѣдними не всегда *опредѣляется подлежащее*. Не лучше-ли назвать: подлежащее *положеніемъ*, а сказуемое или подлежащее его *противоположеніемъ*? Связь-же не всегда выражается однимъ глаголомъ *быть* (*esse*). Всякій глаголъ опредѣляетъ отношенія между подлежащимъ и подлежащимъ, и потому всякій глаголъ можно назвать связью между подлежащимъ и подлежащимъ.

Съ удовольствіемъ читаемъ (стр. 101) замѣчаніе, нажешь, не встрѣчаемое ни въ одной изъ нашихъ Грамматикъ, что всѣ глаголы, кромѣ существительнаго, называемые прилагательными, заключаютъ въ себѣ знатеніе глагола *sunt* и причастія оныхъ, наприм. *discipulus audit*, ученикъ слушаетъ, вмѣсто *discipulus est audiens*, ученикъ есть слушающій. Изъ сего слѣдуешь, что есть собственно одинъ глаголъ существительный: *быть* — *esse*, а всѣ прочіе суть его представители, ибо онъ въ каждомъ изъ оныхъ равно содержится, такъ какъ, собственно есть одно общее имя, или мѣстоименіе я, а всѣ прочія имена суть ничто иное, какъ разрозненное, распавшееся, такъ сказать, на части мѣстоименіе. Слѣдственно главное синтаксическое выраженіе, служащее основаніемъ для всѣхъ прочихъ, есть рѣченіе: *я есмь*.

Въ Лашинскомъ Синтаксисѣ всегда важное мѣсто занимаетъ статья о послѣдовательности времени. Были примѣры, что ученики, зная наизусть правила, напечатанныя въ книгѣ, при переводѣ на Лашинскій языкъ, дѣлали ошибки въ употребленіи времени. Причиною этого являлись, невразумительныя объясненія. Сія часть Синтаксиса вообще сбивчиво и слѣшкомъ школьно истолкована въ нашихъ Грамматикахъ. Во 2-мъ изданіи разсматриваемой нами учебной книги Г-на Снегирева съ удовольствіемъ читаемъ основательное и удовлетворительное объясненіе, относительно употребленія и порядка времени въ языкѣ Лашинскомъ. Важная услуга для учащихся, изнуряемыхъ мѣлочными, ничтожными толкованіями закоснѣлыхъ педагоговъ! Здѣсь узнаемъ взглядъ опытнаго и мыслящаго наставника. Силь

объясненіемъ уничтожается нелѣпость нашихъ Латинскихъ Грамматики, что (неизвѣстно почему?) на прим. *за прошедшимъ* временемъ слѣдуетъ *проходящее*, а послѣ будущаго *наступающее*. Сія глава, къ чести Автора, совершенно измѣнена во 2-мъ изданіи его Грамматики. Въмѣсто (стр. 112): *перемѣщеніе словъ въ Латин. языкѣ свободно*, лучше бы сказать, что перемѣщеніе словъ въ Латин. языкѣ основывается единственно на законахъ логическихъ, а посему и не ограничивается извѣстнымъ порядкомъ, подобно самой мысли, принимающей многоразличныя формы.

Въ главѣ: *О словоуправленіи вообще* читаемъ весьма основательное замѣчаніе, которое не встрѣчается въ 1-мъ изданіи, что *падежи и наклоненія зависятъ болѣе отъ знатенія, нежели отъ предлоговъ и союзовъ*. Слѣдственно: союзы, на прим. *ut* quo, *eo*, и проч., вопреки нашимъ Грамматикамъ принимаютъ не всегда сослагательное наклоненіе но тогда только, когда этого требуетъ смыслъ рѣчи. Нѣкоторыя объясненія Автора, при всей основательности оныхъ, могли-бы быть вразумительнѣе. На прим. (стр. 113, § 2.), вмѣсто: *родительный предметный (objecti)*, явнѣе было-бы: *родительный* *сказуемаго* или *предлежащаго*. Вообще изъясненіе сего § несовершенно вразумительно; примѣръ болѣе нежели самое опредѣленіе объясняетъ различіе между родительнымъ подлежащаго и родительнымъ сказуемаго или предлежащаго. Такія опредѣленія, хотя весьма рѣдко встрѣчающіяся во 2-мъ изданіи сей Грамматики, но справедливость требуетъ замѣтить оныя.

Далѣе (стр. 114, § 6) съ удовольствіемъ читаемъ: *по управленіе слова болѣе основывается на знаніи, нежели на измѣненіи онаго*. Выписываемъ сіи замѣчанія, съ намѣреніемъ доказать превосходство 1-го изданія сей Грамматики, какъ предъ 1-мъ, такъ и предъ всѣми нашими Грамматиками. Въ отдѣленіи о *наклоненіяхъ глаголовъ*, замѣчанія, отличающіяся точностію и основательностію, весьма удолетворительно подтверждены, удачно избранными примѣрами изъ Цицероновыхъ писемъ.

Дальнѣйшее изложеніе синтаксическихъ правилъ, своею опредѣленностію и точностію, вполне соответствуетъ приведеннымъ нами примѣрамъ. Включимъ, что 2-е изданіе Грамматики Г-на Снегирева есть драгоценный подарокъ, какъ учащимъ, такъ и учащимся языку Лашинскому.

И. Б — нъ.

1827 года.

103. Oraison funèbre de Monseigneur Stanislas Siestrzencewicz de Bohusz, Métropolitain des églises Catholiques - Romaines en Russie, Archevêque de Mohilew, etc. etc. (*Надгробное слово, при погребеніи Его Высокопреосвящ. Станислава Сестрѣнцевича Богуша, Митрополиша Римско - Католическихъ церквей въ Россіи, Архіепископа Могилевскаго, и проч. и проч., произнесенное 15 Декабря, 1826 г., Аббашомъ Станиславомъ Парчевскимъ, Докторомъ Богословія, воспитанникомъ главной Виленской Семинаріи, въ приходской Каполической церкви, въ Малой Коломнѣ, въ Санктпетербургѣ; съ замѣчаніями о жизни Высокопреосвящ. Митрополиша,*
Ч. XVII. No 18. I

Эпиграфъ: *Stat magni nominis umbra. Lucan. I. 132.* СПб. 1827 г. въ тип. Плюшара, in gr. 8. 44 стр., съ литографир. поршретомъ и рисунк. Церкви въ Малатицахъ и гравир. церкви въ Коломнѣ.

Рѣчь сію, произнесенную при погребеніи тѣла Митрополита Стан. Сестренц. Богуша, скорѣе можно назвать некрологическимъ извѣстіемъ, нежели надгробнымъ словомъ. Также намъ довольно странно показалось, что Сочинитель, между прочимъ, уподобляетъ покойнаго Митрополита Мазарену (стр. 16). Мирная, посвященная попеченіямъ о паствѣ и ученымъ занятіямъ жизнь покойнаго Архипастыря, ни сколько не походила на государственную, бурную жизнь хитраго и гордаго Кардинала Мазарена. Можно замѣтить еще нѣкоторыя противорѣчія между текстомъ слова и примѣчаніями въ концѣ его (на прим. между стр. 8 и 32, или примѣчаніемъ на стр. 22 и стр. 27). Покойный Митрополитъ родился въ 1731 году и скончался въ Дѣкабрь, 1826 года. Онъ любилъ Науки и Литтературу. Въ юности писалъ онъ на Польскомъ языкѣ трагедіи и поэмы, и въ преклонныхъ лѣтахъ занимался науками, издалъ на Французскомъ языкѣ Историческія изслѣдованія о Тавріи, Славянскихъ народахъ и Норманнахъ. Аббатъ Парчевскій (стр. 42) обѣщаетъ издать подробное его жизнеописаніе.

Т.

104. *Изложеніе политической системы Европейскихъ Государствъ*, съ показаніемъ ея происхожденія и начала, побудительныхъ причинъ взаимныхъ Государственныхъ союзовъ и распространенія одной, перемѣнъ и потрясеній, и наконецъ времени

и обстоятельство незыблемаго и прочнаго ея основанія. Сочиненіе А. Оппеля. М. 1827 г., въ Универс. тип., in 8, 40 стр.

Сочиненіе, дѣлающее честь дарованіямъ и свѣдѣніямъ юнаго Автора. Въ быстромъ объемѣ, онъ съ большимъ знаніемъ предмета, руководствуясь Робертсономъ, Юмомъ, Геереномъ, Мишо и другими историками, излагаетъ постепенный ходъ политической системы государствъ Европы и особенно хорошо представляетъ начало ея и главные причины, дѣйствовавшія на полиптику нынѣшнихъ Европейскихъ государствъ, съ самаго основанія ихъ до нашего времени. Искренне желаемъ видѣть дальнѣйшія послѣдствія прекраснаго начала ученыхъ трудовъ Г-на Оппеля. Исторія ждетъ у насъ сподвижниковъ.

Н. П.

105. *Конспектъ занятій Узднаго Суда*, заключающій въ себѣ обрядъ производства въ немъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, значеніе канцелярскихъ бумагъ, совершеніе крѣпостныхъ актовъ и обязанности Присутствующихъ, Секретаря и приказнослужителей, сочиненный Титулярнымъ Совѣтникомъ Михаиломъ Радугинымъ. *Изданіе второе, съ дополненіями.* М. 1827 г., къ тип. П. Кузнецова, in 8, 150 стр.

Мы упоминали о первомъ изданіи сей полезной и хорошо составленной книги. Радуетъ, что трудъ Г-на Радугина справедливо оцѣненъ Публикою. Авторъ умножилъ достоинство своей книги при новомъ изданіи, сдѣлавъ къ ней многія прибавленія и нѣкоторыя перемѣны въ расположеніи.

106. *Dictionnaire complet François et Russe, composé sur la nouvelle édition de celui de Wailly et*

de plusieurs autres par Jean de Tatistchew, conseiller d'état. *Полный Французско - Россійскій Словарь*, составленный, по новѣйшему изданію Французскаго Лексикона Вальи и нѣкоторыхъ другихъ, Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Иваномъ Тапищевымъ. *Изданіе второе, вновь дополненное и исправленное*. Т. I, отъ А. до Л. Издали С. Селивановскій и А. Ширяевъ. М. 1827 г. въ шип. С. Селивановскаго, in 4, 417 стр.

Словарь Франц.-Россійскій, изданный въ 1816 г. Г-мъ Тапищевымъ, признанъ былъ лучшимъ изъ всѣхъ до этого времени изданныхъ Франц.-Россійскихъ Словарей. Десять лѣтъ еще трудился неутомимый Лексикографъ надъ симъ Словаремъ, свѣрялъ, дополнялъ, исправлялъ, слѣдовалъ за ходомъ Французскаго языка: имя Г-на Тапищева ручается за достоинство книги и, кажется, безъ ошибки можно теперь называть новое изданіе совершенно достаточнымъ и полнымъ. По бѣглому взгляду мы удостовѣряемся въ этомъ. До 7000 словъ и фразъ прибавлено въ Словарь противъ прежняго изданія. Изданіе его заслуживаетъ благодарность публики, и надобно прибавить, что еще ни одинъ Словарь въ Россіи не былъ напечатанъ такъ хорошо. Четкія буквы, расположеніе въ три колонны, на большой четверткѣ, три буквы указательныя надъ каждою колонною: все это удобства, весьма важныя для употребляющихъ Словарь. Дешевая цѣна даетъ всякому средства пользоваться симъ Словаремъ. Мы подробно разбирали въ Телеграфѣ Словари, изданныя Г-мъ Глазуновымъ, и по выходѣ второй и послѣдней части Словаря, издаваемаго Г-ми Селивановскимъ и Ширяевымъ, также опладимъ отчетъ подробный

Всего болѣе боимся подозрѣнія въ пристрастіи; помнится, гдѣ-то уже намекали, что въ Телеграфѣ будетъ похваленъ Словарь, о которомъ извѣщаемъ читателей нашихъ. Но воля Г-дъ Замѣчателей, а хорошаго не лзя не похвалишь.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Общій взглядъ на путешествія для открытій, оконченныя въ теченіе послѣднихъ годовъ и вновь предполагаемая (продолженіе). Различныя покушенія Капитана Франклина въ Арктическихъ моряхъ извѣстны, также какъ и непреодолимость его усилій въ достиженіи къ полюсу. Въ 1825 году, онъ снова началъ свои трудныя изысканія и прошелъ значительную часть сѣверной оконечности Америки, то переправляясь черезъ болота, то идя внизъ и вверхъ по теченію рѣкъ.

Слѣдующее письмо заключаетъ въ себѣ самое полное донесеніе, какое только имѣемъ мы объ экспедиціи сего неустрашимого изыскателя. Оно написано однимъ ученымъ, находившимся при сей экспедиціи, и составляетъ новѣйшее о ней извѣстіе (*).

Крѣпостца Франклинъ, озеро Большаго Медвѣдя, 6 Февраля 1826 года.

«Въ Нью - Йоркѣ приняли насъ, въ лучшемъ обществѣ, очень благосклонно и даже съ участіемъ. Мы провели тамъ недѣлю весьма пріятно и послѣ сего отправились въ Албани, идя вверхъ по Гудзоновой рѣкѣ, въ паровой лодкѣ. Дорогою мы оста-

---

(*) См. Прибавленіе къ сей статьѣ. *Прилѣг. Переводника.*

направлялись въ Западномъ Путишъ, дабы осмотрѣть большую Военную Школу, недавно тамъ учрежденную. Это мѣсто возбуждаетъ прискорбныя воспоминанія въ душѣ Англичанина : здѣсь была Американская армія въ то время, когда храбрый и несчастный Маіоръ Андре былъ схваченъ, во время переговоровъ съ измѣнникомъ Арнольдомъ. Гудзонова рѣка величественна ; она орошаетъ страну, исполненную красотами важнаго и романтическаго вида. Албани, мѣсто Правительства въ области Нью-Йоркской, спокойный, хорошо выстроенный городъ и по здѣшнему древній; но въ немъ незамѣтно движенія, поддерживаемаго въ городѣ Нью-Йоркѣ торговлею. Здѣсь мы воспользовались гостепріимствомъ Правителя области, Генерала Уайтъ-Клинтона, любезнаго, учиваго и очень ученаго чловѣка, и также Г-на Ван-Ранзелера, владѣльца въ Графствѣ сего имени, въ родѣ нашихъ знатныхъ господъ, извѣстнаго въ сей странѣ подъ именемъ *покровителя* (patron). Это названіе, безъ сомнѣнія равно нашему Европейскому титулу Герцога. У него мы познакомились съ Г-мъ Сельденомъ, однимъ изъ начальниковъ федеральной партіи. Въ воскресенье мы сопровождали правителя въ церковь, гдѣ совершавшій службу Пресбитеріанскій Священникъ, обратился къ Всевышнему съ особенною молитвою объ успѣхѣ и здравіи особъ, составлявшихъ экспедицію.

Въ Албани мы наняли три коляски, каждую въ четыре лошади, для перѣзда въ Левистонъ, городъ, отстоящій отъ Албани почти на 420 миль. Общество наше состояло тогда изъ пяти офицеровъ, четырехъ морскихъ солдатъ и Британскаго Консула (Г - на Буханана), сопровождавшаго насъ

изъ Нью-Йорка и остававшася съ нами во все время нашего переезда по Соединеннымъ Штатамъ и Верхней Канадѣ. Г-нъ Бухананъ былъ намъ очень полезенъ своимъ особеннымъ знаніемъ дорогъ, способъ путешествія и нравовъ жителей. Однакожъ, оставивъ большую западную дорогу, идущую въ Буффало, и перешедши на дорогу, ведущую къ Девистоуну, находящемуся на Ніагарѣ, мы вспрѣчались жилищъ способныхъ удовлетворить надобностямъ всего нашего общества, чего впрочемъ и должно было ожидать на дорогѣ мало посѣщаемой. Слѣдуя по сей дорогѣ, въ полночь мы прибыли къ небольшому трактиру, гдѣ всѣ спали. Ворота были только задвинуты, и мы, растворивъ ихъ, были въ пристанищѣ. Служители трактирные скоро услышали насъ, но тогда было довольно холодно и они не позаботились оставить свои постели, выйти, принять насъ и приготовить намъ ужинъ. Тутъ Г-нъ Бухананъ сыскалъ средство тотчасъ поднять ихъ. Онъ велѣлъ одному изъ горныхъ Шотландцовъ, насъ сопровождавшихъ, пойдши въ корридоръ, подлѣ коего находились спальныя комнаты, и заиграть на флажолетѣ. Едва только онъ навелъ тонъ національной пѣсни „*The gathering of the clans*“ (зовъ кланамъ), тотчасъ трактирщикъ, его семейства и пять или шесть молодыхъ женщинъ вышли изъ своихъ комнатъ и съ почтеніемъ пришли къ намъ. Имъ понравился нашъ поступокъ: они сказали, что музыка очень хороша и поспѣшавъ подавъ намъ весьма умѣренный ужинъ, потому что онъ состоялъ только изъ одного окорока. Послѣ этого они переѣхали отѣалы оставленныхъ ими постелей и уложили насъ. Оставивъ Девистоунъ, мы переправились черезъ

Ніагару , желая прибыть въ Кингстоунъ , находящійся къ сторонѣ Канады , и прошли вверхъ по Ніагарѣ около семи миль , для того чѣобы посмотреть паденіе ея въ семь мѣстъ , столь справедливо проолавленное. Часто выпались описывать его, и до сихъ поръ , кажется мнѣ , не съ большимъ успѣхомъ. Я самъ не возьмусь исполнить этого; но скажу просто, что не смотря на все то, что я читалъ о семь паденіи, не смотря на множество картинъ сего предмета , видѣнныхъ мною , взгляды на него далеко превосходятъ своимъ великолѣпіемъ все, что я воображалъ себѣ о немъ. Водопады , видѣнные мною въ другихъ мѣстахъ , должны быть почитаемы за ничто въ сравненіи съ Ніагарскимъ. Это неизмѣримый и величественный памятникъ могущества Творца , Того , Кто направляетъ по волѣ своей воды и Кто далъ имъ здѣсь такое движеніе , котораго не могутъ остановить всѣ человѣческія силы. Поставьте Ксеркса , его Сатраповъ противъ стремленія сей дивной рѣки ; поставьте тамъ величайшаго властителя , впереди могущественнѣйшей арміи , какая только попирала когда-либо землю , и одной минутой довольно будетъ поглотить ихъ со всѣми ихъ безчисленными ордами. Окрестности водопада образуютъ пріятное мѣстоположеніе , куда достаточные жители Нью - Йорка обыкновенно прѣзжаютъ проводить жаркое время года. Тутъ видны многіе дома , на мѣстахъ счастливо избранныхъ , и между прочимъ трактиръ , находящійся на высотѣ , повелѣвающей самымъ водопадомъ. Это спроеніе и нѣсколько деревянныхъ ступенекъ на берегу рѣки , по коимъ любопытные могутъ всходить и сходить , правда , не увеличиваютъ великолѣпія зрѣ-

лица, но, съ другой стороны, они и не вредящъ ему: паденіе Ніагары есть, можетъ быть, одно въ мірѣ, при которомъ сносны подобныя принадлежности. Размѣръ сего паденія такъ огроменъ, что глядя на ужасный бѣгъ водъ имъ сбрасываемыхъ, взоръ едва усматриваетъ предметы, прибавленные къ нему человѣческому промышленностью.

»Отъ Ніагарскаго водопада мы пошли къ крѣпости Св. Георгія, находящейся на озерѣ Онтаріо, въ томъ самомъ мѣстѣ гдѣ впадаетъ въ него рѣка, и, переправившись черезъ озеро, вышли на берегъ въ Іоркѣ, столицѣ верхней Канады. Пробывъ въ семъ городѣ двадцать четыре часа, мы сѣли въ двухъ-колесныя тѣлѣги и приѣхали, по ужаснымъ дорогамъ и странѣ худо населенной, къ озеру Симкое, черезъ которое также переправились. По берегу рѣки Натавассаса сошедши до озера Гурона, черезъ нѣсколько дней приѣхали мы въ Пенетангишенъ, морское депо, находящееся въ одномъ изъ заливовъ сего озера. Въ Пенетангишенѣ къ намъ присоединились двадцать четыре Канадца, изъ Монтреаля посланные къ экспедиціи. 23 Апрѣля мы погрузились съ ними въ двѣ большія лодки, съ нѣкоторыми запасами присланныя къ намъ въ предшествовавшее время года изъ Нижней Канады. На сихъ лодкахъ мы пошли около береговъ, по озерамъ Гурону и Верхнему и прибыли въ крѣпость Вилліамъ 10 Мая, бывъ однакожъ задержаны нѣсколько дней въ пупи, то льдами, то противными вѣтрами.

»До соединенія Компаніи Гудзонова залива съ Компаніею Сѣверо - Западныхъ торговцовъ мѣхами, крѣпость Вилліамъ была главнымъ складочнымъ мѣстомъ сей послѣдней Компаніи. Здѣсь мы перемѣни-

ли наши большія лодки на другія четыре , меньшей величины, болѣе способныя для плаванія по рѣкамъ и раздѣлились на два отряда. Капитанъ Франклинъ и я пустились впередъ, въ лодкѣ легко нагруженной, а Гг. Блэккъ, Кендалъ и Дрюммондъ слѣдовали за нами, везя припасы въ трехъ другихъ лодкахъ. 15 Юня прибыли мы въ Кумберландъ - Гоузъ. Вы припомните, что это была зимняя квартира наша въ первый годъ прежней экспедиціи, а въ послѣднюю зиму здѣсь также жили нѣкоторые изъ нашихъ людей, съ тремя лодками и частію запасовъ отправившіеся изъ Англіи въ Юнѣ мѣсяцѣ 1824 года, на корабль Компанія Гудзонова залива. Они снова пустились въ путь 2 Юня и мы присоединились къ нимъ 20 числа того-же мѣсяца, въ самое время помочь имъ достигнуть и перейти сей возвышенный пунктъ земли, раздѣляющій воды, текущія къ Гудзонову заливу и несущіяся къ Арктическому Океану. Отъ необыкновенной засухи, господствовавшей въ сіе время года, намъ очень шрудно было двигать лодки по ручьямъ, въ различныхъ направленіяхъ выходящихъ на Метійскомъ перешейкѣ, и особенно это затрудняло насъ по рѣчкѣ Мелпи, простирающейся почти на тридцать миль въ длину: въ это время года въ ней не было воды столько, чтобы лодки могли плыть гдѣ нибудь, кромѣ нѣкоторыхъ небольшихъ углублений, отдѣляемыхъ одно отъ другаго бродами, очень широкими и почти сухими. И такъ, съ малымъ исключеніемъ, на всемъ пути вдоль перешейка мы должны были на себѣ нести наши лодки, идя по болотамъ, и на каждомъ шагѣ вытерпывая нападенія безчисленнаго множества москиповъ. Метійскій перешеекъ, простирающійся во всю ширину песчаныхъ

возвышенностей, занимаетъ въ длину почти двѣнадцать миль, и на семь переходъ лодки были несены на плечахъ моряковъ вездѣ, гдѣ не лѣзя было плыть по ручьямъ. Послѣ сего затруднительнаго дѣйствія, отъ котораго большее число людей нашихъ пострадало ногами, мы пошли внизъ по рѣкѣ Апаческаѣ и прибыли, 15 Іюля, въ крѣпость Чепайайянь, на Горномъ озерѣ. Справившись съ путешествіемъ Мекензія, вы увидите, что изъ крѣпости Чепайайянь сей изыскатель отправился 3 Іюня 1789 года въ свой достопамятный путь къ Арктическому Океану, въ продолженіе коего онъ нашелъ рѣку, извѣстную подъ именемъ Мекензіевой, и раскрылъ мѣховой торговлѣ обширное пространство земель, дополнъ неизвѣстныхъ.

Капитанъ Франклинъ долженъ былъ оставаться въ Чепайайянь до пріѣзда Г-на Блакка, дабы имѣть возможность отпустить нѣсколькихъ Канадцовъ, для возвращенія домой въ это время года, и сдѣлать нѣкопорыя другія распоряженія для продолженія своего предпріятія. Но чтобы не терять напрасно времени, рѣшено было, что я пойду впередъ, взявъ съ собою лодки, коихъ было у насъ тогда пять, и въ слѣдствіе сего я отправился 21 числа.

Лодки подъ начальствомъ Гг. Блакка и Кендаля (Г-нъ Дрюмондъ остался въ Кумберландъ-Гоузѣ, для собиранія травъ на Санкачеванѣ), прибыли наконецъ въ Чепайайянь 23, и черезъ день Капитанъ Франклинъ отослалъ въ Канаду лодку съ путешественниками, услуги коихъ были ему не нужны и отправился для соединенія со мною. Всѣ мы прибыли къ Невольничьему озеру 26 Іюля, только двумя днями позже прошивъ втораго года

вашей прежней экспедиціи: эту разницу въ переходѣ должно приписать единственно лучшему нашему познанію дороги, усовершенствованному способу путешествовать и хорошимъ распоряженіямъ Капитана Франклина. Проведя два дни подъ гостепріимною кровлею Г-на Маккивара, изъясвившаго столь много участія во время первыхъ нашихъ спрдацій, я снова пустился впередъ, и слѣдуя южнымъ берегомъ Большаго Невольничьяго озера, достигъ наконецъ рѣки Мекензія и вошелъ въ нее. Теченіемъ сей величественной рѣки быстро повлекло насъ впередъ и 3 Августа мы прибыли въ крѣпостцу Симпсонъ, находящуюся при сліяніи рѣкъ Горной и Мекензіевой. Идя далѣе, внизъ по сей послѣдней рѣкѣ, 6 числа въ семь часовъ утра мы прибыли въ крѣпостцу Норманъ, что есть на двѣсти миль отъ того мѣста, гдѣ сѣли въ лодки. Въ Норманъ я оставилъ одну лодку, съ частью запасовъ нашихъ и избраннымъ экипажемъ, для Капитана Франклина, и продолжая путь съ остальными, вышелъ изъ рѣки Мекензія и пустился вверхъ по рѣкѣ Большаго Медвѣдя, соединяющимся почти въ 30 миляхъ ниже крѣпостцы Норманъ. Рѣка Большаго Медвѣдя чрезвычайно быстра въ теченіи, ибо хоша протяженіе ея на 76 Англійскихъ миль, но внизъ проходящъ ее въ восемь или девять часовъ, тогда какъ вверхъ по ней путь продолжается три или четыре дни. 16 Августа прибыли мы въ крѣпостцу Франклинь: ее тогда строили. Г-нъ Дизъ, одинъ изъ главныхъ негоціантовъ Компаніи Гудзонова залива, съ небольшимъ числомъ людей пріѣхавшій сюда въ Іюнь мѣсяцъ, дабы приготовиться принять насъ, не ожидалъ пріѣзда нашего ранѣе 25 Сентября. Капитанъ Франклинь

съ своими спутниками достигъ крѣпостцы Норманъ на другой день послѣ моего отбытія изъ оной и оставивъ назади Г-на Блакка, съ запасами, самъ съ Г-мъ Кендалемъ быстро сошелъ по рѣкѣ, сопровождаемый экипажемъ, изъ семи человекъ состоявшимъ, включая въ сіе число и Эскимосскихъ переводчиковъ. На третій день они обошли крѣпостцу Доброй Надежды, въ $67^{\circ} 28'$ широты, послѣдній изъ постовъ Компаніи, и черезъ три дни послѣ сего прибыли къ Арктическому Океану. Они увидѣли, что рѣка впадаетъ тамъ многими отраслями, отдѣленными одна отъ другой весьма низкими дельтами, обыкновенно пошопляемыми весною возвышеніемъ водъ рѣки. Киповый островъ Мекензія, послѣдняя точка путешествія еего мореплавателя, болѣе всѣхъ выдавался впередъ отъ дельты, но островъ сей окруженъ прѣсною водою рѣки, и уже приближаясь къ острову Гаррей, 30 миль далѣе въ море, наконецъ замѣтна соленая вода, отличающаяся отъ мутной рѣчной воды весьма рѣзкою тѣнью. Ровно черезъ шесть мѣсяцовъ по отъѣздѣ своемъ изъ Англіи, Капитанъ Франклинъ вышелъ на берегъ острова Гаррей. Друзья его можетъ быть не безъ сердечнаго движенія узнаютъ, что здѣсь въ первый разъ развилъ онъ шелковое знамя, вышитое супругою его во время послѣдней ея болѣзни и отданное ему съ предчувствіемъ, къ несчастію слишкомъ вѣрнымъ, что они уже не увидятся болѣе въ семъ мірѣ.

Островъ Гаррей находится въ $69^{\circ} 29'$ широты, при $135^{\circ} 41'$ Западной долготы. Съ самаго возвышеннаго мѣста онаго усматриваютъ множество черныхъ и бѣлыхъ киповъ и морскихъ коровъ. Пробывъ здѣсь одинъ день для астрономическихъ

наблюдений и насладившись зрѣлищемъ моря безъ льдовъ, путешественники отправились въ обратный путь, къ тому мѣсту, откуда пишу къ вамъ; они прибыли туда 6 Сентября. Во время ихъ отсутствія мы назвали выспроенную нами путь крѣпостцу *Франклиномъ*, и нынѣ извѣстную подъ симъ именемъ. На островѣ Гаррей они замѣтили многіе слѣды кочевья Эскимосовъ, за нѣсколько времени оставленнаго, но къ несчастію не встрѣтили тамъ ни одного существа сего племени. Однакожъ въ хижины ихъ положили по нѣскольку небольшихъ желѣзныхъ подѣлокъ, и послѣ имѣли удовольствіе узнать, отъ одного Американскаго поколѣнія, называемаго *Быстрые глаза*, посѣщающаго крѣпостцу *Доброй Надежды*, что сіи подарки найдены тѣми, кому они были назначены, и много послужили къ предупрежденію ихъ въ нашу пользу. Съ отъѣзда своего изъ Нью-Йорка, отъ 26 Марта до 6 Сентября, времени соединенія обоихъ упомянутыхъ отдѣленій въ крѣпостцѣ Франклинъ, включая сюда и обзоръ Сѣвернаго Берега озера Медвѣдя, сдѣланное во время отсутствія Капитана Франклина, экспедиція прошла 5160 миль, изъ которыхъ 596 находятся въ Соединенныхъ Штатахъ и обитаемыхъ частяхъ Верхней Канады. Путешественники будутъ продолжать свои труды, какъ скоро рѣки очистятся отъ льдовъ ихъ покрывающихъ, что начнется не прежде окончанія Іюня 1826 года. Въ то время, когда пишу къ вамъ это письмо, всѣ составляющіе экспедицію, по виду, довольны и наслаждаются совершеннымъ здоровьемъ. Кажется, они не сомнѣваются въ успѣхѣ своихъ усилій (*).

(*) См. Прибавленіе къ сей статьѣ. *Дерес.*

Три послѣдовательныя путешествія Капитана Парри къ Арктическому полюсу (*) совсѣмъ не остались безъ послѣдствій, хотя непредвидѣнныя и чисто случайныя обстоятельства не позволили достигнуть прямой цѣли сихъ путешествій. Они доказали, что Европейцамъ не невозможно провести зиму въ сихъ высшихъ широтахъ, коихъ температура донинѣ почиталась смертоносною, и что, слѣдовательно, можно полагать не безразсудно, что есть средство достигнуть полюса. Экспедиція, о коей мы упомянемъ ниже сего, кажется, обѣщаетъ исполненіе сего предположенія.

О нѣкоторыхъ другихъ экспедиціяхъ сего рода мы не можемъ умолчать, но ограничимся краткимъ упоминаніемъ о нихъ, потому что или описанія оныхъ еще не изданы, или они не имѣютъ общей занимательности. Не нужно прибавлять, что мы никакъ не включаемъ въ сей послѣдній разрядъ путешествій Г-на Фрейссине, вокругъ свѣта, и также путешествія Капитана Дюперрея, служащаго дополненіемъ первому, описаніе коего издается въ Парижѣ. Упомянемъ еще о путешествіяхъ: Г-на Калльо въ Нубію; Россійскаго Капитана Васильева въ Тихій Океанъ, и Капитана (**) Беллингсгаузена къ Антарктическому полюсу. Сей послѣдній, возвратившійся въ 1822 году, не проходилъ на югъ такъ далеко какъ Капитанъ Веддель. Баронъ Врангель странствуетъ теперь въ Камчаткѣ: сіе путешествіе

(*) См. Моск. Телегр. 1827 г. No 13-й стр. 98 и слѣд. *Перев.*

(**) Что имѣлъ Кошуръ-Адмиралъ. *Перев.*

послужить дополненіемъ прежняго его путешествія въ сѣверную часть Сибири , въ 1820—1825 годахъ (*).

Можно указать еще на экспедицію , должествующую обращать на себя вниманіе всѣхъ друзей наукъ , совершаемую нынѣ въ Африкѣ Маіоромъ Ленгомъ и Капитаномъ Клаппертономъ. Извѣстно , что сіи два путешественника пустились , одинъ отъ сѣвера , другой отъ юго-запада , шакъ чтобы пройти въ долготу по сей части свѣта. Окончательное , столь долго недовѣдомое познаніе Нигера и направленія онаго , по всѣмъ вѣроятностямъ должно быть слѣдствіемъ ихъ трудовъ. По послѣднимъ извѣстіямъ видно , что Гг. Ленгъ и Клаппертонъ совершенно здоровы и ожидаютъ наилучшихъ послѣдствій отъ своихъ усилій.

Донынѣ мало обнародовано подробностей о путешествіи , предпринятомъ въ 1821 и 1822 годахъ , подъ начальствомъ Капитана Бичея , для обозрѣнія Сѣвернаго берега Африки. Извѣстно однакожь , что сіе путешествие имѣло слѣдствіемъ открытіе многихъ , чрезвычайно любопытныхъ остатковъ древности и драгоценныхъ документовъ о Киринеѣ и Пентаполисѣ. Развалины Киринеи . Арсинои , Беренисы , Птолемаиды и Аполлоніи , представили карандашу рисовальщика , сопровождавшаго сію экспедицію , множество предметовъ для рисунковъ , нынѣ гравируемыхъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

(*) Баронъ Врангель возвратился въ Кронштадтъ , изъ своего путешествія , 15 Сентября сего 1827 года.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

---

*Отрывки изъ Байронова сочиненія:
Манфредъ.*

(Дѣйствіе 1-е, явленіе 2-е.)

(Гора Юнгфрау; утро.)

Манфредъ (одинокъ на скалѣ).

Напрасно все; оставленный духами,
Обманутый наукой волшебства,
Принесшей мнѣ мученье, не отраду,
Я потерялъ надежду на бесплодныхъ:
Они забвенья мнѣ не властны дасть,
А въ будущемъ, пока во мнѣ не скрыто
Протекшее, я и чистаго не стану.
О матеръ смертныхъ всѣхъ, земля! о вы,
Громады! о юный день! почто
Прекрасны вы? — Я не могу любить васъ!
Ты солнце, око пышное вселенной,
Всезрящее, отрадное для всѣхъ!
Ты не сіяешь сердцу моему!
Вы, скалы дикія, съ вершины конхъ
Я подъ собою въ мрачной безднѣ зрю
И горный ключъ, и боръ надъ нимъ нависшій,
Ч. XVII. № 18.

Въ кустарникъ далью превращенный ! нуженъ
 Одинъ лишь шагъ , движеніе , одно
 Лишь дуновение вѣтра — и навѣкъ
 Я почи въ кремѣиспомъ вашемъ лонѣ,
 Почпо-же медлю я ? Почпо , стремись
 На встрѣчу смерти , не зову ее ?
 Гошовый пастъ , я неподвиженъ , будто
 Прикована нога моя къ землѣ.
 Непоспѣжимой нѣкой силой я
 Привязанъ къ жизни . . . къ жизни ! зрѣть въ себя
 Отчаянье и духъ наготу ,
 Быть заживо души своей могилой ,
 И знать неправость собственныхъ дѣяній ,
 Последнюю зла степень ; можно-ль жизнью
 Назвать такое бытіе ?

(Пролетаетъ орелъ.)

О ты ,
 Воздушныхъ странъ быстрокрылатый путникъ ,
 Надъ тучами парящій и громами !
 Лети ко мнѣ : мой прахъ послужить вскорѣ
 Тебѣ , пшечамъ твоимъ , приличной пищей.
 Но ты умчался въ облаки небесъ ;
 Оттуда ты объемлешь быстрымъ взоромъ
 Всѣ чудеса творенія . . . Прекрасенъ ,
 О , какъ прекрасенъ видимый сей мръ !
 Какъ строенъ онъ въ себѣ , въ своемъ теченіи !
 Лишь мы , владыки мнимые его ,
 Мы , полупрахъ и полубожество ,
 Невластные ни пастъ , ни вознесистъ ,
 Дыша и гордостью и разрушеніемъ ,
 Борьбою низкихъ нуждъ съ надменной волей ,
 Его святой порядокъ нарушаемъ ,

Пока, природою одолены;
Мы станемъ то, чѣмъ вѣдьмы быть не хотимъ,
Чѣмъ и вѣдьмы не хотимъ.

(Въ отдаленіи слышны звуки свирѣли.)

Ахъ! звуки
Пастушеской свирѣли! Въ сей странѣ
Не басня вѣки патриарховъ: пѣсни,
И колокольчиковъ пріятный звонъ
Разносятся въ семь воздухъ свободы:
Душа моя ихъ съ жадностію пьетъ.
О, если-бъ могъ я быть незримымъ духомъ,
Сихъ стройныхъ звуковъ музыкой живой,
Пль эхомъ горь, гармоніей унылой
Рожденной съ голосомъ, и вмѣстѣ съ нимъ
Въ пространствѣ умирающей воздушномъ!

О х о т н и к ъ. (Выходя изъ за скалы.)

Сюда умчалась серна; я обмануть
Проворѣломъ ногъ ея: моя добыча
Сегодня трудъ не награждаетъ худо!
Но кто здѣсь, на скалѣ, едва доступной
Осважившимъ изъ опытныхъ стрѣлковъ?
Онъ не охотникъ; но въ его чертахъ
Написаны и доброта, и гордость,
И мужество свободныхъ нашихъ горцовъ.
Я къ незнакомцу ближе подойду.

(Взбирается выше; Манфредъ не видитъ его.)

М а н ф р е д ъ.

Быть поставленъ съ деревни, подобно
Дубамъ сямъ, жертвамъ некой грозной бури;

Нагнѣ, ослѣбляѣ на прокладѣхъ корякѣ,
 Гнѣющимъ, камѣ неогребѣннѣ шруѣ;
 Бытъ такъ и вѣчно такъ, не былъ такъ прежде;
 Морщины зрѣтъ на блѣдномъ семъ челѣ,
 Изрытныя мгновеньемъ, не годами;
 Влачить часы, какъ тягостныя вѣки
 И имъ конца не видѣтъ. . . . О! падите,
 Вы, надо мной нависшія лавины,
 Разрушите вы меня, упесы, скалы!
 Почто меня падите вы? почто,
 Съ стреминнѣхъ кремнистыхъ повергаеся въ бездну,
 Разите вы лишь тварей, конемъ жизнь
 Не бремя тяжкое, зеленый лѣсъ,
 Спада, жилища мѣрныхъ поселянъ?

О х о т н и к ъ.

Уже встають шуманы изъ долинъ;
 Я помогу ему сойдти, иль онъ
 И пушъ и жизнь утратишь можешь выстѣ.

(Идетъ выше.)

М а н ф р е д ъ.

Сядой шуманъ встаетъ надъ ледникѣми;
 Онъ спелется сѣрно-огнистой тучей,
 Какъ пѣна моря адскаго, гдѣ волны
 Шумящъ и бьющъ о берегъ, какъ несконъ
 Усиленный отверженцовъ душами!
 Я содрогаюсь. . .

О х о т н и к ъ.

Я къ нему украдкой
 Приблизусь съ тыла; онъ едва спохватъ,
 И шумъ его врезаннымъ утратилъ-бы.

Манфредъ (не видитъ его).

Когда-то пала Розенбергъ гора:
Ошлынули, какъ двинушя бурей,
Ошъ ребръ ея, вистѣвшя съ нхъ пучи;
Громады скаль, ѳбломковъ ледяныхъ
Наполнили и пропасти и доли,
Разбили въ пыль пошюковъ горныхъ родмъ
И заградили нхъ обычный пущъ;
Паденья грюмъ ошгрянуль по горахъ
И дрогнули кремнистыя сердца
Ея Альпійскихъ брешій. О, почто
Въ развалинахъ ея не опочилъ я!

(Охотникъ подходитъ къ Манфреду.)

Охотникъ б.

Другъ, берегись! Тебѣ твоей первый шагъ
Быть можетъ гибелью! Во имя Бога,
Не стой на сей нависнувшей скаль

Манфредъ (не слышитъ его).

Ошъ приличной были-бъ мнѣ могилой;
Тамъ мирно-бы покоился мой прахъ;
Не сталь-бы ошъ, засыпанный горою,
Игрушкой въштра, хищныхъ птицъ добычей!
А здѣсь и гроба въшъ ему! Простите,
Вы, небеса. Почто вы на меня
Глядите взоромъ укоризны? — Вы мнѣ
Несуждены! Земля! прими мой прахъ.

(Хочетъ броситься со скалы; охотникъ схватываетъ и удерживаетъ его.)

О ж о т н и к б
Безумный, стой! Не обагрй сихъ горъ
Твоей преступной кровью! Я неволю
Отъ гибели спасу тебя!

М а н ф р е д б.

Оставь,

Оставь меня! Я слабъ и боленъ. . . Горы
Вокругъ меня колеблющяся и ходящя
Мой взоръ мрачнѣлъ . . . пошепчешь . . . Кто ты?

О ж о т н и к б.

Узнаешь послѣ! . . .

(Дѣйствіе III-е, явленіе 4-е.)

(Внутренность башни въ замкѣ Манфреда.)

М а н ф р е д б (одиѣб).

Зажглися звѣзды; полный мѣсяцъ всталъ
Надъ снѣжными верхами горъ. Прекрасно! . . .
Еще природа мнѣ утѣшна; съ ночью
Я болѣе сдружился чѣмъ съ людьми;
Подъ мирною уединенной сѣнью
Ея звѣздистаго покрова; долго
Я изучалъ языкъ другаго свѣта.
Мнѣ памятно: въ такую точно ночь,
Еще молодой и вымѣй странный, я
Былъ въ Колизеумъ, среди священныхъ
Столицы міра древняго остатковъ.

Въ ущеліяхъ полуупавшихъ зданій
 Сверкали звѣзды; по лазури неба
 Ходили въпши древъ, одѣвшихъ своды;
 Вдали надъ Тибромъ лаялъ песъ домашній
 Пропяжно ближе; въ Цезарскихъ чертогахъ
 Кричали совы, и далекой стражи
 Ночная пѣснь, то пролетѣла съ вѣтромъ,
 То умирала въ тишинѣ окрестной;
 Въ проломахъ стѣнъ чернѣли кипарисы
 И подпирали, мнилось, небосклонъ,
 Но были близко, тамъ, гдѣ обитали
 Цари вселенной, гдѣ витають нынѣ
 Ночныя птицы, и среди обломковъ
 Кусты въ сердцахъ героевъ коренишся,
 Повсюду ива замѣняла лавръ,
 Все, Цезаря и Августа палаты,
 Добыча плѣнныя, съ плѣніемъ мѣшались;
 Лишь мечебойцовъ циркъ окровавленный
 Стоялъ одинъ въ величїи угрюмомъ,
 И ты сіялъ, небесный путникъ, мѣсяцъ,
 Надъ сей картиной! Твой серебристый свѣтъ
 Одушевляя царство разрушенія,
 Пустынный видъ развалинъ одичалыхъ,
 Слѣды вѣковъ изглаживалъ на нихъ.
 Онъ украшалъ, и бывшее прекраснымъ,
 И то, чему красу даетъ лишь время,
 Когда, какъ вѣра, спалъ священъ сей край,
 И дань безмолвнаго благоговѣнья
 Великимъ древности воздали люди,
 Царямъ умовъ, исплѣвшимъ, но бессмертнымъ,
 Изъ урнъ своихъ вѣщающимъ законы.
 Такая-жъ ночь тогда была. Какъ странно,
 Что я теперь ее воспоминаю!

Но въ васъ тогда и больше бродятъ мысли,
Когда покой унылый имъ приличенъ.

(Сь Англ. М. В — о (*).)

К у п л е т ы.

Не Фебомъ вдохновець къ стихамъ,
Но страстью мучимъ безпокойной,
Я за толпой въ Пермесскій храмъ
Явился съ жертвой недостойной;
Въ лучахъ безчисленныхъ свѣтилъ,
Предъ божествомъ горящихъ ярко,
Никто не вздумаетъ, я мнилъ —
Замѣшитъ моего огарка.

Но что-жь? Любимый Фебовъ жрецъ,
Въ толпѣ меня почтя привѣтомъ,
Мнѣ говоритъ: »Хвала, пѣвецъ!
»Твой малый даръ не презрѣнь свѣтомъ.

(*) Можемъ порадоваться нашимъ читателямъ, сказавъ имъ, что Г. Переводчикъ, такъ прекрасно передавшій *Сонъ Байрона* и сей *Опытокъ* изъ мистеріи Байрона, кончила два обширныхъ литературныхъ предпріятія: переводы Шекспирова *Гамлета*, съ Англійскаго, и Мицкевичевыхъ *Дзядовъ*, съ Польскаго. Надѣмся, что онъ не замедлитъ подарить общественную публику сими превосходными твореніями. Гамлетъ будетъ первая трагедія Шекспирова вполнѣ переданная на Русскій языкъ. Донынѣ мы имѣли только старинные переводы въ прозѣ (и едва-ли съ подлинника) *Ромео и Юлія* и *Ричарда III*, *Отелло* и *Лиръ* (или, какъ названъ онъ въ Русскомъ переводѣ, *Лearъ*) переведены въ Русскую прозу съ Дюссюва перевода, въ которомъ Шекспиръ является совсѣмъ обезображенный. О Русскихъ подражаніяхъ Шекспиру ничего и упоминать. Жд. Т.

«Лэви порочныхъ : острый спихъ
 «Для нихъ полезная припарка ;
 «Чтобы допечь порядкомъ ихъ,
 «На то довольно и огарка.»

И такъ за дѣло у меня
 Нѣтъ спуска недругу , ни другу ;
 Прошу лишь слабость извиня ,
 Усердїе вмѣнишь въ заслугу.
 Не осквернилъ я Музъ алтарь
 Невольной скудостью подарка ;
 Вѣзмъ свѣтишь истины фонарь ;
 И въ немъ неболѣ огарка.

Когда-бъ великаго пѣвца
 Я облеченъ былъ въ санъ высокій ,
 Порокамъ , не щадя лица ,
 Я-бъ угощивъ пиръ жестокий :
 Всѣхъ обошла-бъ изъ рукъ моихъ
 Сатиры круговая чарка ,
 И ярче молніи-бы ихъ
 Жегъ пламень моего огарка.

Но Музъ любитель , чуждый имъ ,
 На Пиндъ я пришлецъ безвѣстный ,
 И быть наслѣдникомъ твоимъ
 Чту почестью себѣ невѣстной :
 Полна Поэзія твоя
 Ума Вольшера, чувствъ Петрарка ;
 Играть на лирѣ такъ какъ я —
 Игра не стоить и огарка.

Нѣтъ ! никому , не только мнѣ ,
 Не уступай святаго сану ;
 Чѣмъ свѣтъ глушить , я въ тишинѣ
 Тебѣ внимать охотнѣй стану .
 Пиши-жь — и къ славѣ Пьеридѣ ,
 Да дни твои умножитъ Парка ,
 И свѣплый факель ихъ горитъ ,
 Не догарая до огарка .

Алексѣй Илларионовскій.

П ѣ с н я   М и н ъ о н ы .

(Изъ Гётева Вильгельма Мейстера.)

Не совлекайте сей одежды бѣлой ;
 Пусть въ ней предстану предъ Творцомъ ;
 Я улечу съ земли веселой
 Туда — въ подземный , крѣпкій домъ .

И отдохнувъ одно мгновенье ,
 Открою я взоръ свѣплый свой ,
 И чистое совлекши облаченье ,
 Сниму и поясъ , и вѣнецъ земной .

А тамъ , среди духовъ блаженныхъ ,
 Дѣвъ , юношей не слышны имена ,
 И свѣплый пѣла преобращенныхъ ,
 Одеждъ не кроетъ пелена .

Здѣсь дни мои безопасно протекали ;
 Но грусть жила въ душевной глубинѣ ;
 Состарѣлась я рано чѣтъ печали ;
 Ахъ ! юность вѣчную отдайте снова мнѣ !

М. А. —

Заколдованный домъ.

(Продолженіе.)

Впрочемъ, стукъ шаговъ прекратился, все замолкло, и ничто не умножало Дольфова ужаса. Свѣчка его погаснула, погасла, погасла; самъ Дольфъ дремалъ, засыпалъ и — уснулъ жрѣпкимъ сномъ. Когда онъ проснулся, на дворѣ былъ уже день; солнечныя лучи проникали сквозь прѣщины и скважины оконничныхъ ставней и птички весело пѣли подъ застрѣхами. Свѣтлое, прекрасное утро могло разсѣять всѣ ужасы прошедшей ночи. Дольфъ усмѣхнулся, или, лучше сказать, спарался усмѣхнуться и увѣрить самого себя, что все видѣнное и слышанное имъ была игра воображенія, взволнованнаго разсказами, какіе слышалъ онъ отъ другихъ; но Дольфъ былъ немного изумленъ, нашедши дверь своей комнаты жрѣпко запертою изнутри, не смотря на то, что онъ рѣшился-но видѣлъ, какъ она отворилась, когда ночью шаги вошли къ нему въ комнату. Онъ возвращался въ городъ довольно смущенный, и рѣшился ничего и никому не говорить, пока сомнѣнія его подтвердятся или разрушатся на другую ночь. Молчаніе Дольфа было нестерпимо кумушкамъ, уже напередъ собравшимся въ домъ Доктора. Онъ готовились слышать чудные разсказы и почти разсердились, когда

Дольфъ увѣрилъ ихъ , что ему совсѣмъ нечего рассказывать.

На слѣдующую ночь Дольфъ опять отправился на спорожу. Онъ не могъ не запрестать , вступая въ Заколдованный домъ. Теперь постарался онъ особенно осмотрѣть всѣ двери и корошенько себя обезопасить; крѣпко заперъ онъ дверь своей комнаты, заставилъ ее креслами, потомъ развязалъ свой узелокъ съ ужиномъ, поужиналъ, бросился на свой плюфакъ и старался заснуть. Какъ-бы не такъ! Тысяча различныхъ мыслей не дали ему спать; время проходило, тихо, медленно; точно, какъ будто минуны расплывались въ часы. Чѣмъ позднѣе спановилось, тѣмъ сильнѣе билось сердце Дольфа, и онъ едва не вскочилъ съ своего плюфяка, услышавъ, въ самую полночь, знакомые таинственные шаги уже на лѣстницѣ. Какъ прежде шли они медлительно, важно: *тукъ, тукъ, тукъ!* Они приближаются по переходамъ, дверь комнаты растворяется передъ ними, какъ будто нѣтъ на ней ни замковъ, ни крючковъ, и странная фигура входитъ въ комнату. Это былъ пожилой человекъ, широкоплечій, плотный, одѣтый по старинной Фламандской модѣ. На немъ былъ короткий клокъ, сверхъ каштана, опоясаннаго поясомъ съ пряжкой, длинныя панталоны, съ большими бантами на коленяхъ и рыжіе сапоги, огромные и широкіе къверху. Шляпа была у него съ больши-

ни, распущенными полями и съ перомъ на одной сторонѣ. Полусвѣдые волосы его висѣли по плечамъ огромными кудрями; небольшая бородака его была также полусвѣдая. Онъ тихо обошелъ по комнатамъ, какъ буднично осматривая, все-ли было на мѣстѣ; потомъ повѣсилъ шляпу свою на крючокъ подлѣ двери, сѣлъ въ большія кресла и облокотился на споль и уставя глаза свои на Дольфа, началъ глядѣть на него неподвижно и страшно.

Дольфъ съ природы былъ не прусъ; но воспитанъ съ неизмѣнною увѣренностью въ мерзавцовъ и домовыхъ. Тысячи исторій, слышанныхъ имъ о заколдованномъ домѣ, вдругъ пришли ему въ голову, и когда онъ глядѣлъ на эту странную фигуру, съ ея необыкновеннымъ одѣяніемъ, блѣднымъ лицомъ, свѣдою бородакою и однимъ неподвижнымъ, рыбьимъ глазомъ, зубы его начали колошиться, волосы стаяли дыбомъ на головѣ и холодный потъ прошибъ все его шло. Какъ долго оставался въ этомъ состояніи Дольфъ, не могъ онъ послѣ разсказать, но увѣрялъ, что былъ точно какъ заколдованный, не въ силахъ былъ опвеспити глазъ отъ чудища, не смигивая смолрѣлъ на него, какъ будто все существованіе его соединялось въ глаза. Спарникъ оставался неподвиженъ, сидѣлъ подлѣ стола, не сворачивая, не обращая своего глаза, мертво, угрюмо, важно глядя на Дольфа. Наконецъ, неусып-

ный шептукъ на ближайшей двери захлопнулся
крѣпкими и завыжал, такъ ярочно, что
оказалось по всемъ окресностямъ подалеку.
Только что запылали шептукъ, спарикъ ни-
когда не переставая, слышалъ свою шалуну съ кроче-
нз; дверь отворилась передъ ними и за-
шторилась за ними. Ближне было, какъ
тяжело ступать она по лестницѣ: *пукъ,
пукъ, пукъ!* И когда сошелъ онъ внизъ,
все стало тихо. Домъ внимательно
прислушивался, высчитывалъ каждый шагъ,
слушалъ и переслушивалъ, не ворочаясь-
ли шаги, до ихъ поръ, пока, утомлен-
ный бессонницей и страхомъ, заснулъ бес-
покойнымъ сномъ.

Дневной сонъ возвратилъ ему бодрость и смелость. Все прошлое старался
онъ почистить сномъ; но вотъ стоялъ крес-
ла, въ которыхъ сидѣлъ незнакомецъ;
вашъ сполъ, на который онъ облакачивалъ
ся; вотъ крючокъ, на который вѣшала
онъ свою шалуну; атакъ! но вотъ и дверь,
крѣпко запертая, какъ съ вечера заперъ
ее Домъ; вотъ и кресла, которыя при-
спавилъ онъ къ ней! Домъ сошелъ по
лестницѣ, осмотрѣлъ двери и окна: все
оставалось въ томъ самомъ положеніи,
въ какомъ было вечеромъ. Ни рдѣ не из-
ходилъ онъ никакого способа войти въ
дверь какому нибудь существу и выйти
изъ него, не оставивъ слѣда. Ну! (вскричалъ
Домъ) а что было со мной! Но не трудно, много
Чемъ, беднѣе спарикомъ онъ: ищущий жез

памяти своей ночное явленіе, тѣмъ болѣе
вселялось оно въ память.

Дольфъ упорно молчалъ обо всемъ, что
видѣлъ и слышалъ; но глаза его открыва-
ли, какую безпокойную ночь провелъ онъ;
явно замѣтили, что было что-то чудное
скрыто подъ этимъ таинственнымъ мол-
чаніемъ. Докторъ взялъ Дольфа въ лабора-
торію, заперъ дверь и старался достать
отъ него полную и откровенную доверен-
ность, но ничего не вывѣдалъ. Фрау Илзе
запиралась съ Дольфомъ въ своей комнатѣ:
все напрасно. Наконецъ; Питеръ Грудтъ
цѣлый часъ держалъ Дольфа за пуговицу
накладбищъ, самомъ приличномъ мѣстѣ для
разказа о привидѣніяхъ и мертвецахъ, но
ушелъ опшуда, зная не болѣе того, что
знали другіе, т. е. ничего не зная. Впро-
чемъ, какъ всегда водится, одна скрытая
истина рождаетъ дюжину лжей: она, точно
какъ гинелъ, запертая въ Лондонскомъ бан-
кѣ, у которой двѣнадцать бумажныхъ
представителей ходятъ въ народъ. Еще
не настала вечеръ, а ужъ все сообщество
было полно разными извѣстіями. Одни го-
ворили, что Дольфъ Гейлигеръ караулилъ
заколдованный домъ, съ пистолетомъ,
заряженнымъ серебряною пулею; другіе,
что онъ долго разговаривалъ съ безголо-
вымъ мертвецомъ; еще другіе, что Док-
торъ Нинпергаузенъ и ключарь были гна-
ты отъ заколдованнаго дома до самаго
города топаю мертвецовъ, которыхъ,

одинъ залечилъ, другой схоронилъ. Нѣкоторые покачивали головами и думали, что стыдно было Доктору посылать Дольфа ночевать въ своемъ проклятомъ домѣ, гдѣ Дольфъ могъ пропасть, Богъ знаетъ какъ другіе прибавляли къ этому, пожимая плечами, что если домовый унесетъ Дольфа то возьметъ добро, давно ему принадлежавшее.

Такіе слухи дошли наконецъ до господи Гейлигеръ и, какъ можно было предполагать, ужасно встревожили бѣдную старушку. Если-бы сынъ ея схватился съ самымъ опаснымъ живымъ соперникомъ, это ни какъ-бы ея испугало, какъ то, что онъ одинъ одиноконекъ, пускается на невидимыхъ обитателей Заколдованнаго дома. Она побѣжала къ Доктору и провела большую часть дня, стараясь уговорить Дольфа не осмѣливаться болѣе ночевать въ проклятомъ домѣ. Она рассказала ему кучу повѣстей, слышанныхъ ею отъ добрыхъ кумушекъ, о людяхъ, осмѣливавшихся караулить, одни и ночью, старые опустѣлые дома. Это не произвело никакого дѣйствія. Гордость и любопытство Дольфа были сильно подстрекаемы. Онъ старался успокоить страхи своей матери и увѣрить ее, что ни сколько не было правды во всемъ этомъ, что она слышала отъ другихъ. Бѣдная старушка сомнительно смотрѣла на него и качала головою. Видя, что рѣшительности Доль-

а была непоколебима, она принесла ему маленькую толстую книжечку, съ мѣдыми застѣжками, которую долженъ онъ былъ взять съ собою, какъ мечъ, поражающій домовыхъ и мерзавцовъ, а Фрау Лизе, видно полагая, что этого еще недостаточно, присовокупила къ тому какія-то заклинанія одного Гейдельбергскаго аспора.

И такъ, на слѣдующую ночь опять отправился нашъ Дольфъ и занялъ какъ прежде мѣсто спорожа въ Заколдованномъ домѣ. Сонъ-ли, нѣтъ-ли былъ, все равнорилось съ нимъ по старому. Около полуночи, когда нигдѣ не шелохнуло, звуки шаговъ раздались по всему дому: тукъ, тукъ, тукъ! заскрипѣли ступеньки лѣстницы, дверь въ комнату отворилась, спарикъ вошелъ, обошелъ вокругъ омнашны, повѣсилъ на крючокъ шляпу и вѣлъ подлѣ сполы. Прежній спрахъ и шрепетъ овладѣлъ бѣднымъ Дольфомъ, хопя не такъ уже сильно какъ прежде. Дольфъ былъ точно какъ очарованъ: неподвижно коптрѣлъ онъ на спарика, глядѣвшаго на него, по прежнему, мерзвымъ, внимательнымъ, хладнымъ взоромъ. Такъ оспамись они долго; но постепенно все измѣнялось: мало помалу Дольфъ спановилъ смѣлѣе. Живое-ли, мерзвое-ли, спранное по сущесство конечно не безъ причины освѣщало Дольфа, и Дольфъ вспомнилъ, что слыхалъ когда-то, будто мерзавцы

Ч. XVII. Но 18. 6

до тѣхъ поръ не имѣють позволенія говорить, пока кто нибудь не станетъ ихъ спрашивать. Сбравъ всѣ силы, послѣ двухъ или трехъ покушеній, Дольфъ могъ наконецъ пошевелинуть языкъ свой и заговорилъ съ незнакомымъ спарикомъ, въ самыхъ поржественныхъ формахъ заклинаній, какія только могъ вспомнить. Онъ пожелалъ узнать отъ него, что было причиною ночныхъ его посвщеній?

Едва Дольфъ кончилъ свою рѣчь, какъ старикъ вспалъ съ кресель, снялъ шляпу, дверь отворилась и старикъ пошелъ изъ комнаты, оглядываясь на Дольфа и оспанавливаясь у порога, какъ будто желая знать: слѣдуютъ-ли за нимъ. Дольфъ не колебался ни минуты. Онъ взялъ свѣчку въ руку, маленькую книжку съ мѣдными зашешками подъ мышку и послѣдовалъ молчаливому приглашенію. Свѣчка разливала слабый, дрожащій свѣтъ, но Дольфъ могъ видѣть спарика передъ собою, медленно сходящаго по лѣстницѣ; съ трепетомъ онъ слѣдовалъ за нимъ. Достигнувъ нижнихъ ступенекъ, старикъ повернулъ къ задней двери. Дольфъ свѣпилъ черезъ перилы, но желая яснѣе видѣть спарика, такъ сильно махнулъ своею свѣчкою, что свѣчка погасла. Блѣдные лучи мѣсяца падали однакожь въ широкое окошко и Дольфъ разглядѣлъ опять спарика, стоящаго подлѣ дверей. Дольфъ идетъ къ нему, и едва

приблизился онъ къ дверямъ, какъ спарикъ вдругъ сгинулъ съ глазъ. Дверь была заперта, другаго выхода не было, но спарика, какъ-бы то ни случилось, а неспало. Дольфъ отворяетъ дверь, смотритъ въ поле. Ночь туманная, но мѣсяцъ ярко свѣтитъ, шакъ, что въ нѣкоторомъ разстояніи все можно разглядѣть. Дольфу мерещится, что спарикъ идетъ по тропинкѣ отъ дверей: обмануться было не возможно; но какъ эпокъ спарикъ вышелъ изъ дому? Дольфъ не думаетъ и спѣшитъ за нимъ. Спарикъ идетъ мѣрными шагами, не глядитъ никуда и шорохъ шаговъ его опзывается по полю. Онъ идетъ мимо старой яблони и все по одной тропинкѣ, копорая оканчивается близъ небольшого колодца, нѣкогда снабжавшаго ферму водою: путь спарикъ, Богъ знаетъ куда дѣвался! Дольфъ протираетъ глаза, смотритъ: нигдѣ нѣтъ спарика; Дольфъ обходитъ кругомъ колодца: ничего и никого! Мѣсто было открытое, ни кустарника, никакого заголустья. Дольфъ боязливо по-смотрѣлъ въ колодець: тамъ въ глубинѣ отражались въ тихой водѣ облака. Пробывъ здѣсь нѣсколько времени, не видя и не слыша болѣе своего таинственнаго пушеводишеля, Дольфъ возвратился наконецъ въ домъ, со страхомъ и изумленіемъ, заперъ дверь, ощупью добрался до своего шюфяка и долго не могъ заснуть.

Сонъ его былъ странный и безпокойный: Дольфу снилось, что онъ слѣдуетъ за спарикомъ по берегу большой рѣки, что они оба идутъ на корабль, готовый къ отплытію и что спарикъ взводитъ его на корабль и самъ пропадаетъ. Дольфъ видитъ капитана корабля, невысокаго, загорѣлаго человѣка, криваго, съ курчавыми черными волосами и съ шпагой при бедрѣ; но остальной сонъ его совершенно смѣшивается: то Дольфъ плыветъ по водѣ, то онъ на берегу; то въ какой-то бурѣ, то спокойно гуляетъ по неизвѣстнымъ улицамъ. Спарикъ, странно какъ-то, смѣшивается со всѣми приключеніями его во снѣ. Дольфъ различаетъ наконецъ, что онъ плыветъ на корабль домой и везетъ съ собою огромный мѣшокъ денегъ.

Когда проснулся Дольфъ, свѣтлый обзоръ облаковъ едва зарѣлъ и пѣшухи только что начали пересылать свое *кукареку* изъ дома въ домъ. Онъ всталъ, усталый и смущенный, болѣе нежели въ прежніе дни. Его совсѣмъ смѣшало все имъ видѣнное и слышанное, такъ что онъ началъ сомнѣваться: здорова-ли его голова, если все что случилось съ нимъ не бредъ горячки. Въ настоящемъ состояніи души онъ не расположенъ былъ прямо отправиться къ Доктору и вытерпывать допросъ отъ его ключницы. Позавтракавъ остатками своего ужина, Дольфъ пустился гулять по полямъ, желая размысливъ обо всемъ, что

съ нимъ было. Задумавшись брелъ онъ и поспешенно приближался къ городу, пока совсѣмъ разсвѣло и настало утро; вдругъ опамятовался Дольфъ отъ шума и толканья. Онъ увидѣлъ себя на берегу Гудзоновой рѣки, въ толпѣ народа, бѣгущаго къ пристани, откуда хотѣло опваливать судно. Невольно студа увлекла его толпа и онъ узналъ, что судно это былъ шлюпъ, приготовленный для переезда въ Альбани по Гудзоновой рѣкѣ. Тутъ увидѣлъ Дольфъ прощанье и цѣлованье спарухъ и дѣшей и величайшую дѣшельность въ паскань на корабль корзины съ хлѣбомъ, пирогами и запасовъ всякаго рода, не считая огромныхъ кусковъ говядины, висѣвшихъ вокругъ мачты: въ то время путешествіе въ Альбани было важное дѣло. Начальникъ шлюпа бѣгалъ повсюду и отдавалъ приказы, которые не совсѣмъ-то исправно исполнялись: одинъ мапрось закуривалъ еще трубку; другой напачивалъ дорожный ножикъ.

Наружность начальника шлюпа привлекла все вниманіе Дольфа. Онъ былъ невысокъ, плопень, съ черными кудрявыми волосами, кривой, со шпагой на бедрѣ: почто такой капишанъ, какой грезился Дольфу ночью! Изумленный, пробужденный отъ своей задумчивости, съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ Дольфъ на происходившее и вспоминалъ всѣ подробности своего сна: корабль, рѣка, множество дру-

гихъ предметовъ, какъ сходны были съ неясными образами, неопредѣленно представлявшимися его ночнымъ воспоминаніямъ!

Когда споялъ онъ и думалъ о всѣхъ такихъ обстоятельствевахъ, Капитанъ корабля вдругъ закричалъ ему по Голландски: »Спуй- же на бордъ, молодой человекъ: вѣдь тебя оставятъ!« Это изумило Дольфа; онъ видитъ, что шлюпка уже подобра якоря и зашевелилась онъ приспани . . . Какъ будто влекла Дольфа какая-то непреодолимая сила . . . онъ вспрыгнулъ на корабль, и черезъ минушу опливъ и вѣтеръ понесли корабль по волнамъ. Мысли и чувства Дольфа были въ безпорядкѣ, смятеніи. Все бывшее съ нимъ не давало ему опомниться и онъ не могъ не подумать, что есть какое-то отношеніе между настоящимъ его положеніемъ и сномъ въ послѣднюю ночь. Онъ чувствовалъ, что находился, какъ будто-бы подъ какимъ-то сверхъестественнымъ вліяніемъ, и рѣшился упѣшать себя одною изъ старинныхъ и любимыхъ пословицъ: »Той-ли дорогѣй, другой-ли, а все къ лучшему.« На минушу негодованіе Доктора, за отвѣздъ безъ его позволенія, пролетѣло по сердцу Дольфа, но только на минушу; шуть подумалъ онъ о горести матери своей при его непонятномъ отсутствіи: мысль эта опечалила его; онъ хотѣлъ-бы просить, чтобы высадили его на берегъ, но зналъ,

что при опливѣ и вѣтрѣ это было невозможно. Врожденная спрасъ къ новостямъ и приключеніямъ сильно хлынула въ его душу: онъ видѣлъ себя спраннымъ, неожиданнымъ образомъ брошеннаго въ свѣтъ, на свободную дорогу, по которой могъ онъ идти, осмотрѣть всѣ чудеса по величественной рѣкѣ и за синими горами, съ самаго дѣтства загораживавшими его обзоръ. Пова Дольфъ погруженъ былъ въ размышленіе, вѣтеръ надулъ паруса, берега, казалось, побѣжали опъ плавателей и едва успѣлъ онъ рѣшиться на что нибудь, шлюпъ проплылъ уже Шпикинсъ-Девиль и Юнкеръ, и самыя высокія трубы на домахъ Мангапшойскихъ исчезли въ опдаленіи.

Я сказалъ, что плаваніе по рѣкѣ Гудзоновой было въ тогдашнее время дѣломъ важнымъ, и въ самомъ дѣлѣ, вспарину оно было почти также значительно, какъ нынѣ путешествіе изъ Америки въ Европу. Корабли изъ Мангапшое до Альбани плыли иногда нѣсколько дней; осторожные плаватели подбирали паруса, чужь задувалъ вѣтеръ покрѣпче; на ночь [оспанавливались на якорѣ и посылали лодки къ берегу за сливками для чаю, безъ чего не могли существовать пассажиры, бывавшія на корабляхъ. Не говорю уже объ опасностяхъ на Таппаанскомъ морѣ и около горъ; однимъ словомъ: добрый Голландскій буртеръ по цѣлымъ мѣсяцамъ, по цѣлымъ го-

дамъ, говорить-бывало объ этомъ путешествіи, пока соберется, и никогда никто не пускался въ путь, не приведя въ порядокъ дѣлъ, не сдѣлавши духовной и не попрося молиться о здравіи своемъ во все время отсутствія.

При такомъ путешествіи, Дольфъ радъ былъ, что будетъ ему время подумать и о прошломъ, и о томъ что ему дѣлать, приѣхавши въ Альбани. Правда, взгляды на криваго Капитана напоминали ему спранный сонъ его и тревожилъ его на нѣсколько минутъ; но, въ послѣднее время сонъ и существенность такъ перемѣшались въ его жизни, дни и ночи его такъ перепутались вмѣстѣ, что онъ почиталъ себя въ непрерывномъ заколдованъ. Впрочемъ, есть какое-то утѣшеніе для чловека, которому нѣчего терять въ свѣтѣ: имъ утѣшился Дольфъ и рѣшилъ извлечь все возможно - лучшее изъ настоящихъ наслажденій.

На второй день путешествія шлюпъ приплылъ къ горамъ. Былъ вечеръ тихого, жаркаго дня, когда спокойно плыли путешественники по проливу между сими ужасными громадами. Совершенная тишина, какая бываетъ въ лѣтніе жары, царствовала повсюду. Скрытъ доски, паденіе весла, опдавались въ окружающихъ горахъ и долго вторились въ опдаменіи, и если случайно Капитанъ приказывалъ что нибудь, воздушные голоса въ горахъ, какъ

будто сѣялись надъ нимъ , повтора его слова.

Дольфъ смотрѣлъ кругомъ себя въ полномъ наслажденіи и изумленіи отъ окружавшей его великолѣпной природы. Налѣво Дондербергъ возвышалъ свои лѣсистые улесы, стремнина надъ стремниной, лѣсъ надъ лѣсомъ, пока все терялось въ лазури неба; направо, видѣнъ былъ Антоніевъ мысъ: пустынный орелъ плавалъ надъ сею стремниною, за которою являлись гора за горою, пока вдаль онѣ, какъ будто сходились и хотѣли запереть собою огромную рѣку Гудзонову. Чувство спокойнаго наслажденія рождалось въ душѣ при взглядѣ на зеленѣющія прибрежныя возвышенія, раскинутыя въ увалахъ, лѣсистыя высоты, какъ будто на воздухъ, на вершинахъ улесовъ, и солнечные лучи, проникавшіе сквозь зелень мрачныхъ деревьевъ.

Среди своего удивленія, вдругъ Дольфъ замѣшилъ груду облаковъ, какъ снѣгъ бѣлыхъ, подымавшихся отъ западной высоты. За ними слѣдовали другія облака, тамъ еще и еще: каждое, какъ будто гнало своего предшественника и всѣ ярко отсвѣчивались на синей глубинѣ неба. Вошъ! громъ глухо покатился за горами; рѣка, прежде тихая, свѣтлая, отражавшая въ себѣ побережье и небеса, подернулась огромными морщинами; лѣсныя пщицы закричали и полетѣли въ свои

гнѣзда, на вершины деревъ, другія скры-
вались въ трещинахъ утесовъ, и вся при-
рода какъ будто почувствовала прибли-
женіе бури.

Между тѣмъ облака сдвигались въ гро-
мады на вершинахъ горъ: верхніе края
ихъ еще бѣлѣли и свѣплѣли, но нижніе
пошеменили совершенно; дождь началъ ка-
пашъ густыми каплями; вѣтеръ засвѣжѣлъ
и погналъ волны; наконецъ, облака, поч-
но какъ будто разрѣзались вершинами
горъ и дождь хлынулъ рѣкою, молніи по-
лешѣли изъ облака въ облако и ударились
въ утесы, раздробляя огромныя деревья;
громъ спрашно загремѣлъ, отзвѣвы его
повторились въ горахъ, разражаясь на
Дондербергъ, капаясь по длинной цѣпи гор-
ныхъ вершинъ, отъ каждой отбивая новый
звукъ и сливаясь въ глухой гулъ на вѣко-
вѣчномъ Бульгилѣ.

На нѣсколько минутъ волны, брызги
и дождь скрыли всѣ окрестности. Спра-
шная эта шемнопа еще болѣе спрашна
была отъ молній, раздиравшихъ нѣдра
дождевыхъ тучъ. Никогда не видалъ еще
Дольфъ такой ужасной борьбы стихій;
буря, какъ будто пробивалась сквозь гро-
маду горъ и привела въ дѣйствіе всю мощь
грозныхъ тучъ своихъ. Корабль сильно
влекло неукротимымъ вѣтромъ, до того
самаго мѣста, гдѣ рѣка изгибается въ
своемъ исполинскомъ печеніи. Только что
корабль повернулся здѣсь мимо остраго

мыса, спрашнѣй порывъ вѣтра ринулся съ горы, пригнувъ лѣсъ и бѣлою пѣною взрылъ рѣчныя волны. Капишанъ увидѣлъ опасность, закричалъ сдавать паруса; но не успѣли и подумать исполнить его приказа, какъ порывъ вѣтра обхватилъ корабль и повернулъ его на бокъ. Спрашное смятеніе сдѣлалось на кораблѣ: хлестанье парусовъ, свистъ и шумъ вѣтра, крикъ Капишана, вопли пассажировъ, все смѣшалось съ прескомъ и гуломъ грома. Среди сего волненія корабль перекачнулся снова, большой парусъ перевернулся, волна перешла по кораблю и Дольфъ, заглазѣвшійся на облака, сброшенъ былъ прямо въ рѣку.

Въ первый разъ въ жизни одно изъ досужныхъ упражненій пригодилось Дольфу. Много часовъ опираясь прежде отъ работы своей на купанье, онъ сдѣлался совершеннымъ пловцомъ; теперь, надобно было ему это искусство, ибо при всей ловкости и крѣпости своей онъ едва могъ спастись. Дольфъ не успѣлъ и закричать упавши въ воду; всѣ были заняты собственною опасностію и никто не замѣтилъ его паденія. Шлюпъ понесло между тѣмъ съ непонятною быстротою. Плаватели съ трудомъ успѣли обогнуть опасный мысъ и совсѣмъ скрылись изъ виду.

Дольфъ боролся съ волнами и успѣлъ приплыть къ западному берегу рѣки; цѣпляясь по утесамъ, упалъ онъ наконецъ, слабый и изнуренный, у корней огром-

ныхъ деревьевъ. Постепенно проходила между тѣмъ гроза. Облака тянулись къ востоку и сливались тамъ въ исполинскія груды, золотимыя послѣдними лучами солнца. Еще видны были вдали блески молній на темныхъ сторонахъ облаковъ и отъ времени до времени можно было разслушать далекое грохотанье грома. Дольфъ всталъ и смотрѣлъ: нѣтъ-ли гдѣ дорожки съ берега; но все было дико и непроходимо. Утесы надъ утесами, вездѣ пни и деревья, опрокинутыя бурями или упавшія отъ дряхлости. Мохъ и дикія травы совершенно унизывали неприспущенные утесы и при каждомъ движеніи Дольфа съ листовъ ихъ обливали его крупныя водяныя капли. Онъ рѣшился однакожь карабкаться на одинъ изъ сихъ почти отвѣсныхъ утесовъ, и хотя былъ онъ силенъ и ловокъ, но нашелъ это настоящимъ Геркулесовскимъ подвигомъ. Иногда нога его едва держалась на обломкѣ, капившемся внизъ; иногда онъ висъ на вѣтвяхъ и корняхъ деревьевъ, торчавшихъ изъ земли. Лѣсные голуби порхали надъ его головою и горный орелъ спрашно кричалъ на ближнемъ утесѣ. Такъ карабкался Дольфъ и уже добрался до кустарниковъ, гдѣ легче было ему всходить, какъ вдругъ что-то зашумѣло между листьями и — ярко-блещащая змѣя молніей скользнула почти изъ подъ его руки! Она согнулась, будто хотѣла защищаться, подняла голову и въ

раешворенной пастби ея Дольфъ увидѣлъ шипящее жало, точно какъ огонь алое. Сердце у Дольфа замерло и онъ едва не свалился въ пропасть. Змѣя на мгновеніе остановилась; но видя, что на нее не нападаютъ, быстро скрылась въ расщелину ущеса. Дольфъ слѣдовалъ за нею глазами въ безмолвномъ ужасѣ и замѣнилъ, что нечаянно попалъ на гнѣздо эхиднъ, свивавшихся, перевивавшихся и шипѣвшихъ въ своей норѣ. Онъ спѣшилъ удалиться отъ такого опаснаго сосѣдства и воображеніе его наполнилось новымъ ужасомъ: Дольфъ видѣлъ эхидну въ каждой вѣтви деревьевъ и слышалъ шипѣніе змѣи въ шумѣ cadaго сухаго листочка.

Наконецъ, докарабкался онъ до вершины ущесовъ; но здѣсь былъ непроходимый лѣсъ. Повсюду, куда ни глядѣлъ онъ между деревьями, видны были холмы и ущесы, кончавшіеся вдали необозримыми горами. Нигдѣ никакихъ слѣдовъ пути и дороги; ни малѣйшій дымокъ между деревьями не показывалъ мѣста пребыванія человѣческаго: все было дико, мрачно, пусто. Между тѣмъ, какъ стоялъ Дольфъ на краю спремнины и глядѣлъ на глубокую падь, всторонѣ заросшую деревьями, подъ ногами его опломяся огромный камень и полетѣлъ въ бездну, ломая вѣтви деревъ, встрѣчавшихся на пути его. Громкій крикъ раздался внизу; черезъ минушу Дольфъ услышалъ выпрѣлъ: пуля за-

свиснула надъ его головою, сшибла вѣтку съ ближняго дерева и глубоко влѣхла въ пенъ кашпанника.

Дольфъ не дожидаясь другаго выстрѣла, бросился бѣжать снова на берегъ, претѣща каждую минуту преслѣдованія непріятельскаго. Онъ успѣлъ счастливо добраться до берега и рѣшился не пускаеться болѣе въ спорону, исполненную столькими опасностями.

Промокшій до костей, въ горахъ, свѣлъ онъ на прибрежный камень. Что дѣлать? куда укрышь? Наступало время успокоенія. Птицы слетались въ гнѣзда; летучія мыши начинали перелетывать и ночной воронъ подымался къ облакамъ, какъ будто сзывая звѣзды; пришла и ночь, закрывая все мракомъ, и хопя была послѣдняя половина лѣта, но вѣтеръ съ рѣки и сырость опъ лѣса производили холодъ чувствительный, особенно шому, кто хорошо выкупался въ водѣ.

Въ это время, какъ Дольфъ горевалъ и думалъ, вдругъ блеснулъ ему огонекъ между деревьями, близъ берега, въ томъ мѣстѣ, гдѣ изгибъ рѣки составлялъ глубокий заливъ. Онъ приспально спалъ глядя на это мѣсто, съ надеждой, что авось-либо тамъ найдетъ какое нибудь человѣческое жилище, гдѣ можетъ сыскать что нибудь для утоленія голода и жажды и, что также необходимо было въ его странническомъ положеніи, пріютъ на

ночь. Трудно было добираться Дольфу до огня, лазя черезъ прибрежные утесы и стремнины, гдѣ могъ онъ упассть въ воду и перелѣзая чрезъ колоды деревь, изъ которыхъ нѣкоторыя были сломлены послѣднею бурей и огромными вѣтвями еще болѣе затрудняли путь. Наконецъ, достигъ нашъ Дольфъ края утеса, граничившаго съ небольшою ложбиною, откуда свѣшилсѣ огонекъ. Онъ происходилъ отъ костра, разложеннаго при корнѣ большого дерева, стоявшаго въ долину, и освѣщалъ окруженное мѣсто красноватымъ свѣтомъ, оставляя въ темноствѣ будто какую-то впадину или пещеру въ утесѣ. Небольшой ручеекъ журчалъ подлѣ, какъ можно было догадаться по ошблеску пламени. Двѣ человѣческія фигуры ходили вокругъ огня, еще нѣскольکو человекъ лежало подлѣ огня на землѣ, но какъ они были между Дольфомъ и огнемъ, то оставались для него въ совершенномъ мракѣ. Вдругъ одинъ изъ ходящихъ повернулся къ другой сторонѣ и Дольфъ испугался, увидя, по испещренной кожѣ и серебрянымъ украшеніямъ, что это былъ дикій Американецъ. Разсмапривая приспальнѣ, Дольфъ замѣшилъ ружья, приспавленные къ дереву и — мертвое тѣло, лежавшее на землѣ. . .

Тутъ началъ онъ сомнѣваться, не попался ли изъ огня въ полымя, и узналъ, кто выстрѣлилъ въ него. Тихо старался онъ удалиться, не смѣливаясь вѣрнться.

этимъ получеловѣкамъ, въ такомъ дикомъ и глухомъ мѣстѣ; но поздно было: Американецъ, съ орлиною быстротою глазъ, оплечающего ихъ поколѣнія, замѣнилъ уже что-то шевелившееся въ кустарникѣ, на упесѣ и взялся за ружье . . . . еще минуша, и Дольфъ навсегда вымечился-бы отъ своей охоты къ приключеніямъ. Тупъ, не теряя времени, громко закричалъ онъ, какъ обыкновенно привѣтствуютъ дикіе Американцы своихъ пріятелей. Всѣ товарищи Американца вскочили на ноги. Привѣтствіями размѣнялись и нашъ спранникъ приглашенъ былъ къ огоньку.

Сошедши съ упеса, Дольфъ увидѣлъ къ удивленію своему, что общество новыхъ знакомцовъ его составляли и бѣлые люди, вмѣстѣ съ дикими Американцами. Одинъ изъ первыхъ, по всему замѣтно, начальникъ общества, сидѣлъ на пнѣ дерева, передъ огнемъ. Это былъ человѣкъ высокій, здоровый, уже въ лѣтахъ, но еще свѣжій и крѣпкій, почти бронзоваго цвѣта, какъ дикіе Американцы. Веселый видъ оживлялъ его осанку, придавая выразительность орлиному носу и большому рѣшу незнакомца, хотя лицо его полузакрыто было большою шляпою, украшенною хвостомъ убишаго звѣря. Полусвѣдые волосы были у него кругло обстрижены. Онъ одѣтъ былъ въ охотничье платьѣ и Американскіе сапоги; Американская дубинка висѣла на широкомъ его

тоявъ. Когда Дольфъ разсмотрѣвъ ближе незнакомца, онъ изумленъ былъ какимъ-то сходствомъ его съ старикомъ Заколдованнаго дома: незнакомецъ былъ не такъ одѣтъ, не въ шѣхъ лѣпахъ, болѣе ласковъ, словомъ: трудно было сказать, чѣмъ походить онъ на бродячаго старика, но однакожь сходство было. Дольфъ чувствовалъ какой-то страхъ, приближаясь къ обществу неизвѣстныхъ людей; но скоро разуверенъ былъ опкровеннымъ, сердечнымъ: *добро пожаловать*, которымъ его встрѣпили. Оглядѣвшись кругомъ, еще болѣе разуверился Дольфъ въ своемъ страхѣ, увидя, что предметъ, лежавшій на землѣ и напугавшій его, былъ не тѣло убитаго челоуѣка, а заспѣренный олень, и удовольствіе его было полное, когда пріятный запахъ изъ копла, висѣвшаго на рожнахъ на огонькѣ, увѣрилъ его, что мясо оленя уже варилась на ужинъ.

Теперь только распозналъ Дольфъ, что попался въ разгульное общество охотниковъ, а такія охотничьи гулянья по рѣкѣ, въ то время бывали очень обыкновенны. Охотникъ всегда радъ гостю, и припомъ ничто не дѣлаетъ челоуѣка такимъ ласковымъ и безчиновнымъ, какъ встрѣча въ дикомъ мѣстѣ. Начальникъ общества налилъ спаканъ веселящаго напитка и поднесъ Дольфу съ усмѣшкою, согрѣвъ, какъ говорилъ онъ, сердце; потомъ велѣлъ одному изъ подчиненныхъ

принесшъ изъ лодки новое плащѣ , а все то , во что одѣтъ былъ нашъ герой , развѣсили передъ огнемъ сушиться.

Дольфъ не ошибся , полагая , что пуля просвистѣвшая надъ его головою , пущена была кѣмъ нибудь изъ этой веселой толпы. Въ самомъ дѣлѣ , онъ чуть было не раздавилъ одного изъ нихъ опломкомъ ушеса , имъ сдвинутаго , и старый весельчакъ , въ широкой шляпѣ , украшенной хвостомъ , выспрѣлилъ въ то мѣсто , гдѣ замѣшилъ на высотѣ въ кустарникѣ движеніе , думая , что вѣрно тамъ шевелился какой нибудь звѣрь. Онъ хохоталъ , узнавши о своей ошибкѣ , какъ объ опличной охотничьей шушкѣ. »Ну , пріятель!« прибавилъ онъ , хлопнувъ по плечу Дольфа »если-бы я хоть немного лучше себя замѣшилъ , свалился - бы тебѣ за камень.« Антонъ фанъ-деръ-Гейденъ рѣдко промахивается.» Сіи послѣднія слова удовольствовались Дольфово любопытство , а немногіе вопросы дали ему совершенное понятіе о томъ , кто былъ старый охотникъ эшонтъ и лѣсные его товарищи. Начальникъ общества , здоровякъ , въ широкой шляпѣ и охотничьемъ плащѣ , былъ никто другой , какъ Герръ Антонъ фанъ-деръ-Гейденъ , изъ Альбани , о копоромъ много слыхалъ Дольфъ. Герръ Антонъ былъ герой многихъ разсказовъ и человекъ спранныго характера , съ особенными прихотями , копорыя были предметомъ удивленія добрыхъ , Голланд-

кихъ поселенцовъ. Какъ человекъ богатый, получившій въ наследство обширныя земли и нѣсколько мѣшковъ съ деньгами, Герръ Антонъ могъ дѣлать что хотѣлъ, не давая другимъ опчепа. Въмѣсто того, чтобы сидѣть спокойно дома, пить въ назначенные часы и съ наслаженіемъ покуривать табачокъ, на лавочкѣ, подлѣ дверей своихъ, а потомъ поружаться на ночь въ теплую постель, Герръ Антонъ находилъ все наслаженіе въ опасныхъ предпріятіяхъ и дикихъ мѣстахъ. Никогда не былъ онъ такъ счастливъ дома, какъ отправясь на охоту, въ дичь лѣсовъ, уснувъ подъ деревомъ, переѣзжая рѣку или какое нибудь лѣсное озеро, занимаясь ловлей рыбы, стрѣльбой пшницъ и проводя дни, Богъ знаетъ какъ.

Большой другъ былъ онъ Американцамъ и ихъ образу жизни, который считалъ настоящею жизнью, естественнымъ привольемъ и молодецкою утѣхою. Дома у него всегда жила нѣсколько дикарей, бродившихъ вокругъ его жилища, спавшихъ, какъ собаки, на солнцѣ, готовившихъ охотничьи и рыбачьи снаряды на новые походы и стрѣлявшихъ въ цѣль изъ луковъ.

Надъ этими бродящими существами Герръ Антонъ имѣлъ полную влассть, какъ охотникъ надъ своими собаками, хотя жише дикихъ Американцовъ у Герра Антона страхъ какъ не нравилось добрымъ

людямъ , его сосѣдямъ. Но Герръ Антонъ былъ богачъ и никто не думалъ противиться его прихотямъ ; да , припомъ-же онъ такъ добродушно , такъ ласково общился со всѣми и всѣ его такъ любили. Идѣ по улицѣ , Герръ Антонъ всегда напѣвалъ какую нибудь старинную Голландскую пѣсню ; издали снималъ свою шляпу предъ встрѣчными , а входя къ кому нибудь въ домъ , крѣпко хлопалъ хозяина по плечу , жаль ему руку , пока тотъ закричитъ , цѣловалъ хозяйку , дочекъ . . . короче , въ Герръ Антонъ никто не замѣчалъ ни гордости , ни своенравія.

Кромѣ Американцовъ , было у него еще три , четыре товарища изъ бѣлыхъ людей , видѣвшихъ въ немъ своего покровителя , обѣдавшихъ у него и иногда имѣвшихъ честь сопутствовать ему въ походахъ. С такою свитою и теперь плылъ Герръ Антонъ около береговъ Гудзоновой рѣки , въ лодкѣ , построенной нарочно для его разгулокъ. При немъ было двое бѣлыхъ товарищей его , одѣтыхъ отчаспи по - Американски ; остальную часть общества составляли четыре любимые Американца. Такъ , гуляя , доплыли они до горъ , гдѣ жили уже два или три дня , забавляясь охотой и бродя по горамъ и по берегу.

«Кстати сегодня свалился шны въ воду , пріятель ,» сказалъ Герръ Антонъ Дольфу .
«Завтра ворошимся мы домой и шны на

расно ждалъ бы себѣ ужина въ этихъ го-
ахъ. Но, товарищи, за работу! за работу!
Посмотримъ, что есть у насъ поужинать;
копелъ нашъ кипѣлъ довольно; желудокъ
мой проситъ работы и я увѣренъ, что н
оспью нашему не лишнее будетъ порабо-
пать зубами.»

И въ небольшомъ таборѣ ихъ началось
движеніе: одни снимали копелъ и выпра-
тывали часть похлебки въ большую де-
ревянную чашу; другіе ладили споль на
обломкѣ утеса; претъи несли снаряды и
запасы изъ лодки, споявшей подлѣ берега,
и самъ Герръ Антонъ пошелъ шуда-же за
варою буылокъ доброй водки, особо за-
першой въ ящичкѣ; онъ хорошо зналъ сво-
ихъ поварищей и пошому не давалъ имъ въ
руки ключей отъ своего веселящаго запаса.

Тотчасъ готовъ былъ простой, но
сытный ужинъ, состоявшій изъ оленины,
сваренной въ водѣ, съ свинымъ саломъ и
Индійскимъ пшеномъ, и изъ домашняго,
свѣжаго хлѣба. Никогда Дольфъ не ужиналъ
такъ вкусно, и когда проглотилъ онъ нѣ-
сколько приемовъ водки Герръ Антона и
почувствовалъ, какъ по жиламъ его по-
шекъ благошворный эшопъ даръ природы
и опогрѣлъ у него сердце, онъ не захо-
пѣлъ мѣняться своимъ сослоянiемъ ни на
губернаторское мѣсто.

Герръ Антонъ въ свою очередь развесе-
лился и разшушился, рассказавъ съ дюжи-

ну такихъ исторій, отъ которыхъ были поварищи его хохотали до упаду, между тѣмъ какъ Американцы сохраняли неизмѣняемую свою важность.

»Вопль наспоящая жизнь, пріятель! вскричалъ Герръ Аншонъ, попирая руки «Мужчина тогда только не баба, когда онъ можетъ пускайся на вѣтеръ и непогоду бродить по лѣсамъ и пустынямъ, спать подъ деревомъ и жить, какъ ему хочется!»

Тутъ запѣялъ онъ старинную застольную пѣсню, размахивая небольшою дорожною фляжкою; поварищи его прислали хоромъ, такъ, что по всему лѣсу раздавался гулъ ихъ пѣнія:

«They all with a shout made the elements ring
So soon as the office was o'er;
To feasting they went, with true merriment,
And tippled strong liquor gillore.»

Какъ ни весель былъ Герръ Аншонъ, но не забывалъ однакожь осторожности. Давая полную волю Дольфу, онъ самъ подчивалъ другихъ, и особливо съ умеренностію подносилъ водку своимъ Американцамъ. Когда кончили ужинъ, Американцы выпили свои доли, выкурили по трубкѣ, завернулись въ плащи, легли на землю, ногами къ огню, и скоро захрапѣли во всю мочь. Бывые собесѣдники хотѣли продолжить бесѣду, обѣли кругомъ огня, который тѣмъ болѣе казался пріятнымъ, что

послѣ прошедшей бури , въ лѣсу и въ воздухѣ оспаивалась еще сырость. Разговоръ завязался живой: говорили объ охотѣ, разныхъ приключеніяхъ , подвигахъ , опасностяхъ , и многіе изъ разсказовъ были такъ чудны , что я не смѣю повторять ихъ , боясь что слова Герръ Антона и его товарищей могутъ возбудить недовѣрчивость въ нашемъ вѣкѣ. Много разсказывали повѣстей о рѣкѣ Гудзоновой и поселеніяхъ по берегамъ ея, при чемъ Герръ Антонъ показалъ необыкновенную память и способность. Видя его , сидящаго на пнѣ , какъ въ большихъ креслахъ , разсказывающаго чудесныя исторіи , въ то время , когда огонь освѣщаль выразительныя черты лица его , Дольфъ опять пораженъ былъ чѣмъ-то напоминавшимъ ему спарика Закладованнаго дома , пѣмъ спраннымъ сходствомъ Герръ Антона съ спарикомъ , въ которомъ Дольфъ не могъ самъ себя опдать отчета и которое чувствовалъ при взглядѣ на видъ и осанку новаго знакомого своего.

Обстоятельства Дольфова паденія въ рѣку привели къ разсказамъ о разныхъ приключеніяхъ и бѣдствіяхъ , испытанныхъ путешественниками на сей рѣкѣ , особливо въ старыя годы. Герръ Антонъ почти все приписывалъ сверхъ-естественнымъ причинамъ. Дольфъ сомнѣвался въ этомъ ; но Герръ Антонъ увѣрялъ Дольфа , что

это было достоверно известно стариннымъ Голландскимъ поселенцамъ ; что окружающія горы находились подъ властью какихъ-то злыхъ духовъ, которые особенно не любили Голландцовъ. Потому дѣлали они всякія шадости и проказы надъ Голландскими шкиперами , подымая бури , проводя печенія и проч. и проч. , такъ что Голландскій шкиперъ всегда принужденъ бывалъ брать надежныя средства для спасенія: спановишься на якорь вечеромъ , подбираешь паруса , чуть увидишь облачко надъ горами , словомъ : столько предосторожностей было необходимыхъ , что неимоვნно долгое время надобно было , чтобы проплыть по рѣкѣ отъ Мангаша до Альбани.

«Иные думаютъ,» продолжалъ Герръ Аншонъ , «что непріязненная сила духовъ заклѣпа была Американскими колдунами мѣнявъ Европейцамъ, выживающимъ природныхъ жителей. Этому приписываютъ бѣдствіе самаго Генриха Гудзона , когда онъ , плывя по рѣкѣ, искалъ Сѣверо-Западнаго пролива и думалъ , что корабль его разбивается, въ то время, какъ это было просто обморочиванье Американскихъ колдуновъ , не хотѣвшихъ допустить Европейцевъ по этой дорогѣ въ Кишай.

«Большая часть приключеній,» прибавилъ Герръ Аншонъ , «изъясняющія еще

старымъ преданіемъ о бурномъ кораблѣ, плававшемъ по рѣкѣ въ былое время. Увидя, что Дольфъ не знаетъ этого преданія, Герръ Антонъ посматрѣлъ на него съ удивленіемъ и спросилъ, гдѣ жилъ онъ до сихъ поръ, если не знаетъ такого важнаго событія изъ опечесшвенной исторіи. Желая въ разговорахъ докончить оспашокъ вечера, онъ рѣшился рассказать преданіе, сколько помнилъ, тѣми самыми словами, какими передалъ его потомству древнѣйшій поэтъ Новыхъ Нидерландовъ Фанъ-Зелинъ. Герръ Антонъ пошевелилъ огонь, отъ чего полетѣли изъ него искры, какъ изъ маленькой огнедышущей горы, потомъ хорошенько усѣлся на своемъ сѣдалищѣ, закинулъ назадъ голову, закрылъ глаза, какъ будто желая лучше припомнить, и черезъ минуту началъ рассказывать.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

II. С М Ъ С Ъ.

Отрывки писемъ изъ Парижа.

. . . . Даръ слова принадлежитъ Французамъ безспорно прошивъ прочихъ народовъ: Французъ, даже изъ низшаго класса, изъясняется свободно и часто красно. У насъ существуютъ два языка: разговорный и письменный; никто (если не желаетъ быть смѣшнымъ) въ обыкновенномъ разговорѣ не употребитъ языка книжнаго; но у Французовъ нѣтъ различія: если записывать разговоръ краснорѣчиваго человѣка, то можно въ томъ же видѣ отдать его въ печать; большая часть статей Пустынника Жуи ничто иное, какъ вѣрное подражаніе обыкновеннымъ разговорамъ, и я вѣрю, что онъ многое подслушалъ въ кофейныхъ домахъ, пражтирахъ и шому подобныхъ мѣстахъ. Спенографы (*) записываютъ вездѣ, гдѣ только бываютъ всенародныя чтенія или пренія; каждое слово ораторовъ записывается и отдается въ печать, совершенно въ томъ видѣ, какъ было произнесено. Многіе члены Палаты Депутатовъ и нѣкоторые министры произносятъ свои рѣчи на-

---

(*) Не лѣзя не удивляясь быстротѣ и точности Спенографовъ: я находился однажды въ Палатѣ Депутатовъ; засѣданіе кончилось въ $5\frac{1}{2}$ часовъ, а въ $7\frac{1}{2}$ я уже читалъ въ вечернемъ журналѣ; l'Etoile, подробный и пространный отчетъ засѣданія. Если-бъ рѣчи были заготовлены заблаговременно, въ такомъ случаѣ неудивительно; но въ этотъ день всѣ ораторы говорили наизусть (d'abondance): Бенжаменъ - Констанъ, Генераль Фуа, Казимиръ Перье и проч., нападали на Министра Виллеля, который защищался весьма искусно съ помощію Королевскаго Коммисара Мартиньяка; всѣ они говорили откровенно хорошо и отвѣчали на влезавшіе вопросы.

изустъ , и неожиданные вопросы нѣкоторыхъ , пораждая краснорѣчивые отвѣты другихъ , явно свидѣтельствуютъ , что рѣчи ихъ не сочинены заблаговременно , шѣмъ болѣе , что таковыя пренія производятся между людьми противныхъ мнѣній .

Самые искуснѣйшіе ораторы , изъ слышанныхъ мною , суть : бывший Депутатъ Генераль Фуа и Профессоръ Краснорѣчія , Французской Академіи Членъ , Виллемъ (Villemain). Первый говаривалъ тономъ Парламентскимъ , съ жаромъ , силою и выразительностью ; послѣдній изъясняется съ пріятностью , свободою и легкостью . Каждый понедѣльникъ , произноситъ онъ наизустъ лекціи о Французской Литтературѣ , въ обширной залѣ , называемой *Сорбона* , гдѣ въ продолженіе 400 лѣтъ спорили о Теологическихъ истинахъ . Парижане , предпочитающіе блестящее краснорѣчіе истинно-полезнымъ наукамъ , огромными толпами , подобно шумнымъ волнамъ , несущся по понедѣльникамъ въ залу Сорбоны , между тѣмъ какъ мудрый Ж. Б. Сей , ученый Карлъ Дюпенъ , славный Тенаръ и проч . , проповѣдываютъ въ пустынѣ . Напрасно Французы уподобляютъ себя Аѳинянамъ ; нѣтъ ! они мнѣ кажутся еще вѣтренте Апшическаго народа . Сіи послѣдніе съ равнымъ любопытствомъ внимали урокамъ Платона , сценическимъ представленіямъ Аристофана и рѣчамъ Димосѳена ; Французы-же ищутъ одной *представительности* . Я часто присутствовалъ во время курсовъ Виллемена и вотъ что я извлекъ изъ оныхъ . Профессоръ , человекъ пріятной наружности , ловкій мужчина , лѣтъ сорока , имѣетъ даръ слова необыкновенный , произношеніе ясное и сильное , голосъ сладкозвучный ; сеншенціи его иногда

весьма остроумны, изрѣдка вылетаютъ у него порывы истиннаго краснорѣчія; но далѣе ничего не могу сказать въ его пользу. Часто грѣшивъ онъ противъ Логики; говоря о какомънибудь предметѣ, ежеминутно перелетаетъ къ другому и увлекаясь изобиліемъ мыслей, оставляетъ прежній, на коемъ основаны всѣ его сужденія, такъ, что ежели придти полчасомъ позже, то не всегда угадаешь, о чемъ идетъ рѣчь. Я всегда физически страдалъ, слушая его лекціи, и можешь быть потому недовольно цѣнилъ его талантъ: квартира моя была посреди города, близъ площади Вандомской, и я принужденъ былъ отпрапляться къ нему на другой край Парижа; сверхъ того, пришедъ туда за часъ, не находилъ я уже ни одной пустой скамьи и долженъ былъ два часа стоять. Усердные любители краснорѣчія, съ восходомъ солнца уже занимали мѣста, и вооружась терпѣніемъ, книгами и съѣстными припасами, ожидали вшествія оратора.

Зала построена амфитеатромъ и вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 1000 человекъ. Въ часъ по полудни входитъ Профессоръ, водворяется глубокая тишина; онъ начинаетъ говорить и никто не дерзаетъ хлопать въ ладоши, ибо Г-нъ Виллеменъ не терпитъ подобныхъ изъясненій восхищенія. Однажды при мнѣ, говоря о Генрихѣ IV, съ жаромъ, онъ такъ восхищилъ слушателей, что они не могли воздержаться и прервали его, въ лучшую минуту, громкими восклицаніями; Профессоръ съ гнѣвомъ возразилъ: *«Hé Messieurs! ne m'interrompez pas, je ne me soucie pas de vos applaudissements!»* Я истинно жадлъ объ этомъ запрещеніи и съ неудовольствіемъ слышалъ непріятное возраженіе Виллемена. Вообра-

женіе мое сначала перенесло меня въ древній портикъ : я мечталъ объ Аѳинахъ ; мнѣ казалось , что какой нибудь вѣлѣрчивый мудрецъ говорилъ — и народъ рукоплескалъ ! Такъ думалъ я ; но гнѣвъ Профессора пробудилъ меня отъ мечты , и я увидѣлъ , что ораторъ во фракѣ и не древній Аѳинскій ораторъ , а просто Французскій учитель . Когда-жъ снова водворилось глубокое молчаніе и голосъ витіи съ силою раздавался по пространству залы , мнѣ опять казалось , что

... на играхъ Олимпійскихъ ,
 Въ надеждѣ радостныхъ похвалъ ,
 Отецъ Исторіи читалъ ,
 Какъ Грекъ разилъ вождей Азіійскихъ
 И силы гордыхъ сокрушилъ .
 Народъ , любитель громкой славы ,
 Забывъ ристанья и забавы ,
 Сстоялъ — и весь вниманье былъ . . .

Впрочемъ , если слушать съ прилежаніемъ и вникать въ смыслъ выраженій , можно многое опорочить , и когда вздумаешь , что Профессоръ Виллемъ , уже 15 лѣтъ какъ занимаетъ сію кафедру и говоритъ всегда объ одномъ , то неудивительною покажется свобода , съ какою онъ объясняется . Однажды , онъ разбиралъ Гоголю , Расинову , и необыкновенно дурно объяснялся въ этотъ день ; эпитемы его были неправильны и неприличны , наприм. *»Toute la profondeur de la superficie«* (вся глубина поверхности) было-бы осмѣяно всегда и вездѣ . Неоднократно заикался , запинаясь онъ и чтобы дать себѣ время поправиться , прерывъ рѣчь въ самой срединѣ , просилъ запереть окно ; пошомъ совѣтъ

сбился съ толку, внезапно остано­вился и началъ пить воду съ сахаромъ; но видя, что слушатели замѣтили его замѣшательство, промолвилъ: »Je bois, parceque je ne sais pas mon rôle. . .«

Кстапи теперь сказать вамъ нѣсколько словъ о Французскомъ импровизаторѣ: сей новаго рода Липтераторъ (имя его *Евгеній Прадель*), потъ самый, который стихами защищался въ судѣ, теперь взялъ подрядъ сочинять на заказъ разные стихи. Я былъ у этого чудака; онъ принялъ меня въ весьма скромномъ жилищѣ; въ кабинетѣ его замѣтилъ я длинныя таблицы, на коихъ написаны стихи, годные на разные случаи: они отличаются надписями слѣдующаго рода: *Свадьбы, Рожденія, Новый годъ*, и ш. д. Тысячи стиховъ съ мужскими приемами и такое-же количество съ женскими; сверхъ того, въ дополненіе полустигмъ, эпипетъ, острыхъ слова, и проч. Купецъ - стихотворецъ въ нѣсколько минутъ окинувъ взорами сіи таблицы, составляетъ весьма порядочные стихишки; но чѣмъ скорѣе поспѣваетъ работа, шѣмъ она дороже спонитъ.

„Что вамъ угодно?“ спросилъ Прадель, „извольте приказать; повѣрьте, что вы останетесь довольны; за самую сходную цѣну я гошовъ вамъ сей часъ написать посланіе, мадригалъ, сонетъ, оду, эпипаламу, диѳирамбъ, куплеты! . . .« Онъ никогда - бы не кончилъ, если - бъ я не прервалъ его. — Напишите мнѣ куплеты, возразилъ я, на вѣтренность и непостоянство Парижанъ. — „Сей часъ, сударь! Сколько вамъ угодно строфъ?“ — Не болѣе пяти. — „Много-ль стиховъ въ каждомъ

куплетъ? « — Десять или двѣнадцать; теперъ
 условимся въ цѣнѣ. — „Если вамъ нужно сей часъ,
 въ такомъ случаѣ вы мнѣ дадите 20 франковъ;
 если-жъ вы можете повременить, то я возму де-
 шевле, на прим. къ запрашиваему дню 15 фран-
 ковъ.« — Помилуйте! это выйдетъ почти по фран-
 ку на 4 стиха: возможно-ль за такую бездѣлицу
 запрашивать такъ дорого? — Мнѣ было не къ
 спѣху, я началъ торговаться и выторговалъ 5 фран-
 ковъ; на другой день пришелъ и Прадель вручилъ
 мнѣ мои куплеты: я говорю *мои*, ибо я заплатилъ
 за принадлежность ихъ чистыя деньги, слѣдователь-
 но могу назвать ихъ моею собственностью, хотя
 отнюдь не желаю быть авторомъ подобныхъ сти-
 ховъ. Но по скорости времени и по цѣнѣ, стихи,
 ей! ей! не дурны! Однакожъ, Прадель написалъ
 ихъ въ превратномъ смыслѣ и заданный сюжетъ на
 вѣтренность Парижанъ замѣнилъ своимъ собствен-
 нымъ: *Les plaisirs de Paris (Удовольствія Парижа)*.
 Я. Т.

Литературныя извѣстія.

Два романа В. Скотта, о коихъ мы упомянули въ послѣднемъ Но Телеграфа, уже переводятся на Французскій языкъ, по мѣрѣ отпечатанія листовъ Англійскаго подлинника, и переводъ ихъ выйдетъ съ подлинникомъ въ одно время. Французская публика ни сколько не хочетъ ждать романовъ В. Скотта и требуетъ ихъ какъ можно скорѣе. Въ Парижѣ переводятъ еще новѣйшій романъ Фенимора Купера: *Red Rover* (*Красный разбойникъ*). Въ нынѣшнемъ 1827 году, вышелъ уже романъ Купера: *The Prairie* (*Американскія степи*). Англичане начинаютъ называть Купера *Американскимъ В. Скоттомъ* (*the American Walter Scott*): послѣдній романъ его превосходенъ. Странно, что всѣ нынѣшніе лучшіе романисты отличаются обиліемъ. Куперъ издаетъ уже *восьмой* романъ, въ весьма короткое время. — Виконтъ Д'Арленкуръ не отстаетъ отъ другихъ: онъ печатаетъ свой новый, пятый, романъ: *Любовь и смерть* (*L'Amour et la mort*). — Въ Англіи начинаетъ отличаться еще новый романистъ, Гейнрихъ Смитъ. О послѣднемъ романѣ его: *Bramblethye - House*, пишутъ съ большою похвалою. Впрочемъ, читая разборы сего романа въ Англійскихъ Журналахъ, видимъ, что Смитъ до сихъ поръ еще не выходитъ изъ ряда подражателей В. Скотта, хотя и этотъ рядъ составляютъ многіе отличные романисты; жаль на примѣръ, что донынѣ Русскіе читатели не знакомы съ романами Локкарда, зятя В. Скотта и послѣдователя его на литературномъ поприщѣ.

Извѣстный Англійскій поэтъ Муръ издалъ также романъ, подъ названіемъ : *Эпикурецъ*. Онъ писанъ стихами и прозою. Авпоръ взялъ происшествіе изъ эпохи введенія Христіанской вѣры. Англійскіе критики въ восторгѣ отъ Эпикурейца. Говоря о новыхъ сочиненіяхъ извѣстнѣйшихъ нынѣ Европейскихъ романистовъ, замѣтимъ, что современная Польская Литтература также становится богата прекрасными романами. Желательно, чтобы кто нибудь изъ Рускихъ познакомилъ насъ на примѣръ, съ романами Бернатовича (особенно романомъ его : *Поята, догъ Лездейки*), а также съ оригинальными романами Скарбека.

Нашъ Русскій Поэтъ, И. И. Козловъ, кончилъ новую поэму свою : *Наталья Долгорукая*. Мы слышали ее изъ устъ самого поэта и не могли не удивиться этимъ превосходнымъ произведеніемъ.

Сочиненія Е. А. Баратынскаго, собранныя въ одной книгѣ, напечатаны и скоро выйдутъ въ свѣтъ, въ Москвѣ. Баратынскій кончилъ также новую поэму : *Бальный ветеръ*. Слышавъ чтеніе и этого прекраснаго произведенія, мы поспѣшаемъ сказать читателямъ, что новая поэма пѣвца Эды и Пирова будетъ новымъ свидѣтельствомъ оригинальнаго генія Поэта, который *шестьюя пріобрѣтаетъ силы*.

Первый изъ современныхъ поэтовъ Польши, Адамъ Мицкевичъ, вѣроятно, въ скоромъ времени подаритъ Польскую Словесность новою, уже законченною имъ, поэмою : *Валленродъ*. Не смѣемъ говорить о достоинствѣ поэтическаго творенія, писаннаго не на родномъ языкѣ нашемъ. Но если предвѣщанія могутъ существовать въ нашъ вѣкъ, хотя въ литтературѣ, мы смѣло скажемъ, что

новое твореніе Мицкевича, не только еще болѣе возвысить славу его, но, кажется, рѣшительно поставитъ Мицкевича на ряду съ великими поэтами Европы.

Журналистика.

Четверть - годичные Журналы Англійскіе составляютъ, такъ сказать, высшій трибуналъ Англійскаго кризисизма и политики. Газеты Англійскія, состоя изъ безчисленнаго множества мелкихъ статей, занимающія также литературу и политикой. Но ихъ эфемерное существованіе (въ самомъ дѣлѣ *эфемерное*, ибо большая часть ихъ выходитъ ежедневно) держится только разнообразіемъ содержанія, а не ученымъ достоинствомъ. Между Газетами и четвертными Журналами составляютъ среднее ежемѣсячные и еженедѣльные Журналы. Мы говоримъ только о тѣхъ, которые посвящены политикѣ и литературѣ. Въ нихъ уже не однѣ рецензіи составляютъ содержаніе, но все входитъ въ планъ ихъ: стихи, проза, повѣсти, ученые статьи, и проч. и проч.

Самый *старшій* изъ всѣхъ вообще Журналовъ Англійскихъ, есть ежемѣсячный Лондонскій Журналъ: *The Gentleman's Magazine*. Гроу, Дирсонъ и другіе главные писатели, участвовали некогда въ этомъ, нынѣ почти столѣтнемъ, повременномъ изданіи. Онъ, какъ говорятъ, нынѣ совершенно дряхлое литературно-политическое созданіе. Той-же дряхлости подвергался въ Англіи *Европейскій Магазинъ* (*The European Magazine*), не смотря на частую

перемѣну редакторовъ въ новѣйшее время, двукратное прекращеніе и перемѣну самихъ издателей его, Лондонскихъ книгопродавцовъ: онъ мирно скончался въ 1826 году. Не уже-ли и въ журналистикѣ, также какъ въ физическомъ мірѣ, есть свои періоды юности, мужества и старости? Говоряиъ, будто у насъ на Руси бывали этому доказательства. Намъ сказывали даже о явленіи нашей Русской Журналистики еще болѣе поразительномъ: былъ, или и теперь еще есть, говорили намъ, какой-то Журналь, въ первыхъ лѣтахъ оказавшій крѣпость юности, потомъ задряхлѣвшій и наконецъ перешедшій въ состояніе дѣтства. Не смотря на розовую обертку, этошъ старикъ - дитя, прежде бодрый и крѣпкій, въ старости утѣшалъ читателей тѣмъ, что напѣвалъ пѣсенки Русскихъ нянюшекъ, перебиралъ старинку, любилъ ученическія диссертациі, ворчалъ на другихъ товарищей, точно какъ дѣти-старикъ, самымъ забавнымъ образомъ и называлъ это ворчанье — кришикою.

По крайней мѣрѣ, не всѣ-же старые Журналы дряхлѣютъ. Это доказываетъ Англійскій старинный Журналь: *Ежемесячное обозрѣніе* (The monthly Review). Въ немъ полишика умѣренная, критика здравая и либеральнурная статьи отличнаго достоинства, заслуживаютъ дониндъ вниманіе читателей. Три раза въ годъ издается при немъ особое *Прибавленіе*, гдѣ находятся извѣстія объ иностранныхъ книгахъ. *Ежемесячный Магазинъ* (The Monthly Magazine) также не молодой Журналь, но пользуется уваженіемъ. Его издаетъ Ричардъ Филиппсъ, извѣстный нѣсколькими полезными сочиненіями. Сотрудникъ его Теллуаль началъ было въ 1825 г. изда-

вашъ отдѣльный Журналъ: *Всеобщая смѣсь*, но прекратили изданіе свое однимъ годомъ и присоединился къ старому Журналу.

Всѣ сіи старые Журналы хотя и держатся въ Англіи, и хотя иные изъ нихъ и пользуются уваженіемъ, но юные сотоварищи далеко ихъ опередили. Издѣсь являются намъ также три соперника, какъ въ четверть-годовыхъ Журналахъ. *Новый ежемѣсячный Магазинъ* (The New Monthly Magazine), есть оракулъ *Вигговъ*. Редакторъ его Поэтъ Кампбелль. Журналъ начался съ 1821 года. Противникъ его *Блаквудскій Магазинъ*, издается въ Эдинбургѣ, съ 1817 года. Его Редакторомъ былъ прежде Локкардъ. В Шкоттѣ принимаетъ въ этомъ Журналѣ особенное участіе; Тори находятъ въ немъ сильнаго поборника. *Радикалы* дѣйствуютъ также посредствомъ Журнала: *Лондонскій Магазинъ* (The London Magazine).

Вотъ три соперника, почто какъ въ четвертныхъ Журналахъ. Содержаніе ихъ разнообразно: стихи и проза, науки и крипика, извѣстія и политика. *Первый* считается лучшимъ изъ всѣхъ Англійскихъ Журналовъ, которые неисключительно занимаются Критикою. *Блаквудскій Магазинъ* отличается выходками своими противъ всего новаго; *Лондонскій Магазинъ*, напротивъ радикализмомъ, во всѣхъ отношеніяхъ.

Буккингамъ, долго жившій въ Индіи, бывшій въ Калькуттѣ издателемъ тамошняго Журнала и по возвращеніи въ Англію издавшій любопытныя путешествія свои по Азіи, съ 1824 года началъ новый Журналъ въ Лондонѣ, подъ названіемъ: *Глашатай Востока* (The oriental Herald). Онъ по-

свящаетъ его всему, что касается Азіи и особенно Индіи, въ ученѣмъ и политическомъ отношеніи. Съ 1816 года издается въ Лондонѣ *Азіатскій Журналъ* (The Asiatic Journal). Оба Журнала передаютъ Европѣ вѣрныя и драгоценныя свѣдѣнія объ Азіи и идутъ весьма успѣшно. Видно, что Азіатскимъ Журналамъ благопріятнѣе участіе въ Англіи, нежели въ Россіи. За то неудача постигла тамъ Журналъ, назначенный для особеннаго познанія Америки. *Американскаго Монитёра* (The American Monitor), въ два года, вмѣсто 24, вышло только *шесть* книжекъ, и тѣ были шакъ плохи, что Журналъ совсѣмъ кончился ими. По крайней мѣрѣ, нашъ Азіатскій Вѣстникъ до сихъ поръ еще не конченъ.

Тори находятъ довольно сильную помощь въ еженедѣльномъ Журналѣ: *Лондонская Литтературная Газета*, которую издаетъ уже около десяти лѣтъ Литтераторъ Журданъ. Что въ четверть-годовыхъ изданіяхъ *Эдмбургск. обозрѣніе*, въ ежемѣсячныхъ *Новый ежемѣсяч. Магазинъ*, то въ еженедѣльныхъ *Литтературная Лондонская Газета*. У нее отъ 5 до 6000 подписчиковъ. Противникъ ея *Литтературная Лѣтопись* (The Literary Chronicle) уступаетъ ей во многомъ, хотя ведетъ съ нею жестокою войну. Первая отличается особенно скорымъ объявленіемъ о всѣхъ литтературныхъ новостяхъ. Впрочемъ, кришка сихъ изданій большею частію ограничивается длинными выписками изъ книгъ, послѣ чего предоставляется самому читателю судить, какъ угодно, о книгахъ, изъ коихъ сдѣланы выписки. Этимъ особенно отличались *Новости литтературы и модъ, наукъ и*

искусствъ, умершія послѣ двухъ - лѣтняго бытія. На еженедѣльные изданія какъ - то въ Англіи вообще нѣтъ долговѣчья. Понимѣ являлось уже нѣхъ безчисленное множество, но кромѣ двухъ вышеозначенныхъ изданій, почти ни одно долго не уцѣло. Не входя въ родословіе скончавшихся, означимъ существовавшія въ 1826 году.

Cobbet's Register и The Republican, два, простонародные Журнала еще поддерживались народными неудовольствіями на Англійскихъ рынкахъ и площадяхъ. *Зеркало*, нѣкогда было въ большомъ ходу и имѣло (по словамъ Брума) 80,000 подписчиковъ. Оно и теперь ими не бѣдно, ибо очень дешево и издается для простонароднаго чтенія. *Портфѣйлъ* и *Шмель*, еженедѣльные Газеты, поддерживаются, какъ говорятъ, плохими стихотворцами, которыхъ не пускаютъ въ хорошіе Журналы, простонародными шутками и бранью. *Ежедневная книга* есть родъ нашего Памятника событій, который очень извѣстенъ между средними званіями народа за *куріозныя диковинки*, какія находятъ въ немъ добродушные читатели, на каждый день прочиывающіе изъ него по статейкѣ.

(Будетъ продолженіе.)

Журнальный сыщикъ.

П а р и ж с к і я м о д ы (*).

Gros de Naples uni et mérinos broché, telles sont les étoffes pour robes et redingotes. Toutes les nuances

(*) До 5 Октября (н. с.) 1827 г.

le vert sont à la mode. On nomme vert-de-gris dans quelques magasins de nouveautés, la nuance qui, dans l'autres, porte le nom de vert-anglais. — On donne comme étoffe nouvelle, un satin damassé à larges losanges couleur sur couleur, ou fond blanc, fond jaune, fond bleu, rayé de filets noirs. Nous avons vu des chapeaux de ce satin. — Il y a des chapeaux de satin dont la passe, jaune ou bleue est doublée en satin noir damassé. Un grand panache jaune et noir, ou bleu et noir est attaché, à droite, au haut de la forme de ces chapeaux, par un large noeud de deux couleurs. — Déjà les magasins de modes sont remplis de chapeaux d'hiver: les uns, en satin noir, ont la passe doublée de satin rose, ainsi que le large biais dentelé, qui entoure la forme; les autres, en velours noir, ou en satin jaune à raies noires pareilles à celles du papier de musique, sont doublés de satin rose, blanc ou bleu, à grandes losanges couleur sur couleur. — Une des fleurs à la mode est le troëne; on le voit sur des chapeaux de crêpe crêpé rose, jaune ou bleu, et sur ceux de satin blanc. — En toilette, les dames commencent à porter des turbans, soit de crêpe de Chine, soit de velours rayé et à fleurs. Souvent la torsade du turban est de deux étoffes différentes. Un long panache de plumes renouées se place entre la torsade et la calote.

Гладкій гроденацль и мериносовая ткань, вышитая: вотъ модныя матеріи для платьевъ и рендеготовъ. Въ модѣ всѣ опшѣнки цвѣта зеленаго. *Зелено-сѣрымъ* цвѣтомъ въ нѣкоторыхъ магазинахъ называютъ тотъ-же опшѣнокъ, который въ другихъ называютъ *зеленымъ-Англійскимъ*.

Выдаютъ за новую матерію камчатный апласъ, или съ цвѣшными широкими ромбоидами (косоугольниками), или по бѣлому, желтому, голубому полю, съ черными полосками, расположенными сѣткою. Появляются шляпки изъ сего апласа.

Дѣлають апласныя шляпки, у которыхъ поля желтаго или голубаго цвѣтовъ, подбиты камчатнымъ чернымъ апласомъ. Большой сулпанъ, цвѣта желтаго съ чернымъ или голубаго съ чернымъ, укрѣпленъ на правой сторонѣ сихъ шляпокъ, и верху тульи, широкимъ бантомъ двухъ цвѣтовъ.

Магазины модъ уже наполнены зимними шляпками: у однихъ, изъ чернаго апласа, поля подбиты розовымъ апласомъ, и широкій зубчатый косякъ, также розовый, окружаетъ тулью; другія, изъ чернаго бархата или желтаго апласа, съ черными полосками, какія видимъ на нощной бумагѣ, подбиты апласомъ, розовымъ, бѣлымъ или голубымъ, съ цвѣтными ромбоидами.

Модный цвѣшокъ нынѣшній есть *бирюгина*: его увидите на шляпкахъ изъ крепъ-крепе, розоваго, желтаго или голубаго, и на бѣлыхъ апласныхъ.

Въ нарядѣ, дамы начинаютъ носить тюрбаны изъ Китайскаго крепа, или изъ бархата съ полосками и цвѣтами. Часто, торсада тюрбана бываетъ двухъ различныхъ матерій. Длинный сулпанъ, изъ крученыхъ перьевъ, помѣщается между торсадою и тульею.

На приложенныхъ картинкахъ:

1. *Дама*. Креповая шляпка, убранныя апласными руладками, цвѣтами и газовыми лентами. Гроденашлевое плаще. Маншилья изъ шюля, съ шалевыми узорами.

2. *Мужина*. Суконный фракъ съ бархатнымъ воронникомъ и шелковыми пуговицами; жилетъ изъ пике, съ позолоченными пуговицами. Шелковый плашокъ на шеѣ. Панталоны изъ матеріи, сдѣланной изъ козьяго пуху (*poil de chevre*).

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

І. НАУКИ И ИСКУСТВА.

---

*Нѣсколько мыслей о Лекенъ и Те-
атральномъ искусствѣ.*

(Окончаніе.)

Да позволяю мнѣ сдѣлать здѣсь замѣчаніе, внушенное великими, несчастными событіями революціи, ибо жестокія крайности, которыхъ свидѣтелемъ она заспавила меня бышь, часто служили мнѣ изученіемъ.

Человѣкъ свѣтскій и взятый изъ простаго народа, столь противоположные по своему языку, часто имѣютъ одно выраженіе при сильныхъ душевныхъ волненіяхъ: одинъ забываетъ свое общественное обращеніе, другой оставляетъ простонародныя формы; одинъ возвращается къ природѣ, другой восходитъ до нея; оба скидаютъ съ себя человѣка искусственнаго, дабы остаться истинно людьми. Звуки того и другаго будутъ одина-

Ч. XVII. No 19.

К

ковы, при насиліи одинакихъ страстей или горестей.

Вообразите себѣ мать, устремившую взоры свои на пустую колыбель любимого дитяти, только что потеряннаго ею: какое-то оцѣпенѣніе въ чертахъ лица; рѣдкія слезы, скользящія по щекамъ ея; немногіе раздрающіе вопли, судорожныя рыданія, иногда вырывающіяся у нея — вопль чѣмъ будетъ выражаться горестная женщины — простонародной и женщины-герцогини. Вообразите также человѣка изъ простого народа и человѣка придворнаго, въ припадкѣ страсти, пусть будетъ это ревность, мщеніе: оба они, столько различные по своимъ привычкамъ, будутъ одинаковы по своему бѣшенству. Въ неистовствѣ у нихъ будетъ то-же выраженіе: ихъ взгляды, черты лица, жесты, положенія (аппишюды), движенія, вдругъ примутъ одинъ характеръ, ужасный, великій, торжественный, въ обоихъ достойный кисти живописца, изученія актера и можетъ быть даже, безумство страсти внушитъ тому и другому одно изъ сихъ словъ, сихъ выраженій возвышенныхъ, которыя также достойны были схвачены и поэтомъ.

Великія душевныя движенія переносятъ человѣка къ природѣ идеальной, какое ни занималъ-бы онъ мѣсто по волѣ судьбы. Революція, заславившая разнѣграхъ столько гибельныхъ страстей

развъ не произвела народныхъ ораторовъ, изумлявшихъ сильными чертами неизысканнаго, ужаснаго краснорѣчія, и выраженіемъ и звуками, отъ которыхъ не отпирекся-бы самъ Лекенъ?

Онъ чувствовалъ, что искусство декламациі (ибо надобно наконецъ употребить это слово) состоитъ не въ сказываніи стиховъ, съ большимъ или меньшимъ жаромъ и надутостію; что это искусство можетъ, усовершенствовавшись, дать нѣкоторымъ образомъ дѣйствительности мысламъ сцены.

Для достиженія сей цѣли актеръ долженъ получить отъ природы чрезвычайную чувствительность и глубокій умъ: Лекенъ обладалъ сими качествами въ высокой степени. Дѣйствительно, глубокія впечатлѣнія, производимыя актерами на зрителя, суть слѣдствіе соединенія сихъ двухъ существенныхъ нравственныхъ способностей. Надобно мнѣ объяснить, что я разумѣю подъ симъ. По моему мнѣнію, чувствительность есть не только способность актера легко приходить въ движеніе самому, возмутить свое существо, такъ чтобы оппечатать въ своихъ черпахъ, и особенно въ голосѣ, это выраженіе, эти звуки горести, могущіе пробудить все сочувствіе сердца и извлечь мезы у слушающихъ; здѣсь еще я разумѣю и дѣйствіе, ею производимое, и воображеніе, котораго она есть источникъ, во-

ображеніе, состоящее не въ воспоминаніяхъ при коихъ предметы кажутся присущими: это, собственно, только память; въ воображеніе творческое, дѣйствительное могущественное, состоящее въ соединеніи качествъ многихъ дѣйствительныхъ предметовъ въ одинъ, вымышленный, соединяющее актера съ вдохновеніемъ поэта переносящее его во времена уже несуществующія, заставляющее его присутствовать при жизни лицъ историческихъ или срастныхъ существъ, созданныхъ гениемъ, открывающее ему, какъ-бы очарованіемъ, ихъ физиогномію, ихъ героическій видъ, ихъ разговоръ, ихъ привычки всѣ отпѣнки ихъ характера, всѣ движенія ихъ души и даже ихъ частныя страсти. Я называю чувствительностью сію способность возвышающаяся духомъ которая волнуетъ актера, обладаетъ его чувствами, возмущаетъ его до глубины души и заставляетъ входить въ положенія самыя трагическія, понимать страсти самыя ужасныя, какъ будто-бы онъ были его собственныя.

Умъ, совершая свое дѣло и дѣйствуя уже послѣ чувствительности, судитъ о впечатлѣніяхъ испытываемыхъ нами по ея власти: умъ избираетъ ихъ, приводитъ въ порядокъ, подвергаетъ своимъ расчетамъ. Если чувствительность даетъ предметъ умъ дѣлаетъ изъ нихъ употребленіе. Онъ помогаетъ намъ располагать употребленіе

нѣмъ нашихъ физическихъ и умственныхъ силъ; судить объ отношеніяхъ и связяхъ между словами поэта и положеніемъ или характеромъ дѣйствующихъ лицъ, иногда прибавлять, опшѣнки, недостающія имъ и невыразимыя въ стихахъ; наконецъ, дополнять ихъ выраженіе жестами и физиогномією.

Понятно, что такой человекъ долженъ получить отъ природы совершенно особенную организацію, ибо чувствительность, эта собственность нашего существа, дана каждому въ большей или меньшей степени силы; но у человека, назначеннаго природою живописать страсти въ ихъ высочайшемъ изступленіи, выражать всю ихъ жестокость, показывать ихъ во всемъ безуміи, разумѣется, она должна быть гораздо въ высочайшей степени, и какъ всѣ душевныя движенія наши состоятъ въ ближайшемъ отношеніи съ нервами, то самая нервная система должна быть у актера движима и способна къ впечатлѣніямъ такъ, чтобы могла отзываться вдохновеніемъ поэта столь-же легко, какъ Эолова арфа, издающая звуки при малѣйшемъ дыханіи воздуха, къ ней прикасающагося (*).

(*) Часто видали, что молодые актеры при первыхъ своихъ дебютахъ имѣли успѣхи, отчасти заслуженные, но впоследствии не оправдывали надежды

Если актеръ не равенъ чувствительностию по крайней мѣрѣ самому чувствительному изъ своихъ слушателей, онъ будетъ дѣйствовать на нихъ слабо; только высочайшею чувствительностью можешь онъ произвести впечатлѣнія глубокія и привести въ движеніе души самыя холодныя. Сила возвышающая не должна ли быть могущественнѣе той, которую хочащъ взволновать? Надобно, чтобы у актера эта способность была даже, не скажу болѣе и сильнѣе нежели у поэта, постигнувшаго движенія души, повторяемая въ театрѣ, но она должна быть у

поданныхъ ими. Это потому, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ, неразлучное съ первыми опытами сценическими движеніе, приводило нервы ихъ въ состояніе волненія и смущенія, способнаго легко ввести ихъ въ самыя спастныя положенія. Впослѣдствіи, привычка показываться публично, освободивъ ихъ отъ сихъ тяжелыхъ, но благодѣтельныхъ движеній, возвратила ихъ также и къ прежней посредственности. Развѣ не видимъ еще иныхъ людей, для смѣлости употребляющихъ нѣсколько вина? Робкая или лѣнивая природа ихъ, раздраженная такимъ образомъ, получаетъ ложную возвышенность, которая на нѣсколько минутъ можешь замѣнить истинную возвышенность души. Также не замѣчаемъ ли ежедневно, что между собесѣдниками, даже самыя трезвыми, бываетъ болѣе говорливости и ума, послѣ, нежели до обѣда? Надобно осмѣлишься допустить, что это присутствіе живости и остроты происходитъ часто отъ одного движенія нервовъ, доставленнаго удовольствіями стола.

него быстрое, живое, должна сильнѣе дѣйствовать на его органы. Поэтъ или живописецъ занимаютъ своими трудами въ минуты вдохновенія: и могутъ ждать сикъ минуты. У актера вдохновеніе должно быть ежеминутно и покорно его волѣ. Но дабы повелѣвать вдохновеніемъ, властвовать имъ вдругъ, быстро и съ живостью, не должна ли чувствительность актера быть, нѣкоторымъ образомъ, чрезвычайною? Еще болѣе: его умъ долженъ всегда бодрствовать и дѣйствовать вмѣстѣ съ чувствительностью, дабы управлять ея движеніями и дѣйствіями, ибо актеръ не можетъ подобно живописцу и поэту уничтожить того, что выразилъ.

Да позволятъ мнѣ, говоря о сихъ двухъ главныхъ качествахъ, чувствительности и умѣ, сдѣлать отступленіе: оно можетъ служить отвѣтомъ одному изъ мнѣній Дидеро. Допустивъ, что „природа должна награждать актера вышними качествами, видомъ, голосомъ, чувствительностью, разсудкомъ и тонкостью чувства, а изученіе великихъ художниковъ, театральная практика, трудъ, размышленіе, усовершенствованіе дары природы,“ что совершенно справедливо; далѣе онъ прибавляетъ невѣроятное противорѣчіе самому себѣ, что „желаетъ великому актеру много разсудка; желаетъ ему быть холоднымъ и спокойнымъ зрителемъ человеческой природы и что, слѣдовательно, ему надобно

многаго тонкости чувства и *сочетаній* *неуж-*
но чувствительности.“ Въ самой природѣ
 генія Дидеро открываю причину этого
 страннаго парадокса; дѣйствительно, онъ
 былъ одаренъ обширнымъ и дѣятельнымъ
 умомъ, но лишенъ чувствительности; это
 доказываютъ его сочиненія. Онъ отличает-
 ся надушостью изложенія, вездѣ соединен-
 наго съ увеличенными идеями. Дидеро по-
 нимаеиъ всѣ опвлеченныя основанія, всѣ
 послѣдствія вещей, и не имѣеиъ понятія
 о перемѣнчивыхъ способностяхъ чувство-
 ваній. Слогъ его, вообще декламаторскій и
 напыщенный, никогда недоступенъ разно-
 образнымъ влїянїямъ внутреннихъ ощуще-
 ній, споль различныхъ и многочисленныхъ,
 дѣйствующихъ на писателей чувствитель-
 ныхъ и нѣжныхъ. Умъ его былъ способенъ
 увлекаться, но въ сердцѣ у него не было
 оспраспей. ибо онъ всегда увеличивалъ и
 никогда не былъ испинно пронуть. Оше-
 лъ его однообразно-возвышенное краснорѣ-
 чїе и эиопъ однозвучный тонъ ведичїи,
 опнимающїй у его рѣчей гибкость и есте-
 ственность. Сравнимъ прогательную про-
 шопу и высокую силу сочиненій Жанъ-
 Жака, съ ложно-оживленною нарядностью
 философическихъ фразъ Дидеро, и мы убѣ-
 димся, что въ семъ послѣднемъ не было ни-
 когда, никакой примѣси чувствительности
 оущественной, врожденной, при коей перо
 поэтовъ, кисть живописцовъ и органы
 мѣлкихъ актеровъ такъ естественно и

явно выражаютъ сладостныя, печальныя или ужасныя ощущенія, которыя умѣютъ они изобразить могуществомъ своего искусства. Между Жанъ-Жакомъ и Дидеро видятъ разницу пицеславія и испины; также какъ между актерами различаютъ произношеніе съ чувствомъ, внушаемое природою, и условленную, выучиваемую декламацію: звуки ея не приводятъ въ движеніе, потому что происходятъ не изъ глубины сердца. Такъ, у Дидеро совсѣмъ не было того, что нужно для сужденія о дарованіи актеровъ, и неудивительно послѣ этого, что онъ слишкомъ увеличивалъ дарованіе дѣвицы Клеронъ, ибо оно было совершенно составное и по этому уже имѣло нѣкоторую аналогію съ гениемъ сего философа, и въ то же время унижалъ талантъ дѣвицы Дюмениль, основанный на изящнѣйшей чувствительности. Впрочемъ, онъ самъ говоритъ, что Дюмениль была иногда *возвышенна*, а въ великолѣпной похвалѣ своей покровительствуемой, довольно холодно восклицаетъ: «Чья игра совершеннѣе игры дѣвицы Клеронъ!» Признаюсь, я предпочитаю игру возвышенную игрѣ совершенной.

Потому-то, изъ двухъ особъ, назначенныхъ для театра, пусть одна будетъ одаренною чрезвычайною чувствительностью, такую опредѣлил я выше сего, и другая глубокимъ умомъ: я безъ сомнѣнія предпочту первую. Конечно, у нея будутъ нѣ-

которыя погрѣшности; но ея чувствительность внушитъ ей возвышенныя душевныя движенія, поражающія зрителя и восхищающія его до глубины сердца.

Умъ заставитъ другую быть холодно благоразумною и правильною. Одна пре-взойдетъ ваше ожиданіе и понятіе; другая только исполнитъ ихъ. Актеръ вдохновенный глубоко взволнуетъ душу; актеръ умный удовлетворитъ одному уму. Тотъ сполько приобщитъ васъ къ своимъ ощущеніямъ, что не дастъ вамъ во-ли даже судить; эгоистъ совершенно оставитъ васъ самимъ себѣ своею умною и безукоризненною игрою и позволитъ вамъ разсуждать на свободѣ. Одинъ будетъ само-лицо, другой только актеръ представляющій лицо. У одного, вдохновеніе часто будетъ замѣнять умъ, тогда какъ у другого соображенія ума будутъ слабо замѣнять дѣйствія вдохновенія.

Но для созданія великаго актера, каковъ былъ Лекенъ, надобно соединеніе чувствительности и ума.

У актера, обладающаго симъ двойнымъ даромъ природы, наступаетъ родъ особеннаго труда. Сначала, повторительнымъ ученіемъ, онъ испытываетъ свою душу ощущеніями и даръ слова звуками, собственными положенію лица, которое онъ долженъ представлять. Тогда идетъ онъ въ театръ, приводитъ въ исполненіе не только первыя изученія свои, но еще бо-

лѣе предаваться всѣмъ дикимъ порывамъ своей чувствительности, всѣмъ движеніямъ, внушеннымъ ею безъ его сознанія. А послѣ сего? Такія вдохновенія не должны быть потеряны, и его память въ спокойствіи ищетъ ихъ, оживляетъ ему звуки, ударенія голоса его, выраженія лица, движенія, степень непринужденности, наконецъ все, что въ сіи минуны изступленія способствовало произведенному имъ дѣйствию. Тогда умъ подвергаетъ своему разсмотрѣнію всѣ сіи средства, очищаетъ ихъ, утверждаетъ въ его воспоминаніи и хранитъ въ сей сокровищницѣ, дабы въ слѣдующія представленія снова явить ихъ по волѣ. Впечатлѣнія сіи такъ неуловимы, что часто актеръ долженъ, вышедши за кулисы, повторить то что игралъ, скорѣе нежели то что будетъ играть. Такимъ-то трудомъ умъ собираетъ и хранитъ всѣ сіи созданія чувствительности. Только симъ средствомъ, послѣ двадцати лѣтъ (надобно по крайней мѣрѣ сколько времени), чедовѣкъ, которому назначено имѣть изящный талантъ, можетъ наконецъ изобразить передъ публикою почти всѣ роли съ совершеннымъ познаніемъ, разыгранныя во всѣхъ ихъ часпяхъ. Этимъ путемъ постоянно шелъ Лекенъ (*), и

(*) И Тальма. Сіи аналитическія изученія самого себя чрезвычайно драгоцѣнны и высказаны съ полнымъ чистосердечіемъ. Здѣсь узнаемъ столь-же до-

долженъ идти всякій, кто имѣетъ гордость слѣдовать за нимъ. Вся жизнь его была посвящена сему роду труда, и только въ послѣднія пять или шесть лѣтъ своей жизни онъ вполне собралъ плодъ своихъ изученій. Тогда - то обильная чувствительность его никогда не поспавляла его ниже трагическихъ положеній, какія онъ долженъ былъ живописать, и умъ его вполне раскрылъ всѣ собранныя имъ сокровища; тогда - то увидѣли игру его столь вѣрною, столь покорною его волѣ, что онъ всегда снова находилъ и пѣже соображенія и пѣже дѣйствія: звуки, уклоненія, жесты, положенія, взгляды, все вновь являлось у него при каждомъ представленіи съ равною точностью, силою и непринужденностью: если и была какая разница въ одномъ представленіи отъ другаго, то всегда въ пользу послѣдняго.

Такимъ образомъ, чувствительность и умъ суть главные, необходимыя качества для актера. Сверхъ того, еще кромѣ памяти, какъ необходимаго для него орудія, ему нуженъ станъ и черты лица, по крайней мѣрѣ приличныя тѣмъ ролямъ, къ какимъ онъ предназначенъ; нуженъ голосъ, легко измѣняющійся, могущественный, выразительный. Не имѣю нужды

благаго человека, какъ искуснаго актера. Рекомендуемъ сіи наставленія юнымъ ученикамъ прекраснаго искусства. *Примѣт. Франц. Издатель.*

досказывать, что хорошее воспитание, изучение Исторіи, не столько событій, сколько нравовъ народныхъ и особеннаго характера лицъ историческихъ, даже рисованіе, должны также укрѣпить дары природы.

Легко разсудить, что я говорю здѣсь объ одной трагедіи. Не входя въ изслѣдованіе вопроса, что труднѣе играть: трагедію или комедію, скажу, что для достиженія совершенства въ томъ и другомъ родѣ, надобно обладать тѣми-же нравственными и физическими качествами; думаю только, что у актера трагическаго они должны имѣть болѣе могущества. Актеру комическому не нужно такой силы въ чувствительности и исполненіи; воображенію у него меньше дѣла. Онъ представляетъ предметы, видимые имъ ежедневно, представляетъ существа, въ жизни коихъ онъ самъ нѣкопорымъ образомъ участвуетъ. Съ небольшими исключеніями, обязанность его состоитъ единственно въ подражаніи странностямъ и смѣшнымъ споронамъ, въ живописи страстей, взятыхъ изъ той сферы гдѣ самъ актеръ находится, слѣдовательно болѣе умѣренныхъ нежели страсти въ области трагедіи. Здѣсь въ немъ говоришь и дѣйствуешь, такъ сказать, его собственная природа, въ своихъ подражаніяхъ, тогда какъ трагическій актеръ обязанъ оставить шествіе

кругъ, гдѣ онъ привыкъ жить, и пустити-ся въ высшую область, гдѣ геній поэта поставилъ и облекъ идеальными формами существа, созданныя мыслію или данныя ему Исторіею, и уже возвеличенныя ею и большимъ разстояніемъ времени. Онъ долженъ въ сихъ лицахъ сохранить ихъ великій размѣръ и въ тоже время дать ихъ возвышенному языку естественные звуки, выраженіе опкровенное, истинное: этого-то соединенія величія безъ надутости, естественности безъ плоскости (*trivialité*), этого согласія идеала съ истинною чрезвычайно трудно достигнуть въ трагедіи.

Можетъ быть мнѣ скажутъ, что трагическій актеръ имѣетъ гораздо болѣе свободы въ выборѣ средствъ, изображая передъ судилищемъ публики предметы, основно не существующіе въ обществѣ, тогда какъ таже публика легко можетъ судить актера комическаго, соображая, сходна-ли копія съ подлинникомъ, находящимся передъ ея глазами (*); но я отвѣчаю, что

(*) Вотъ совершенный камень преткновенія для актера, играющаго комедію: если онъ избѣгаетъ его, представляя истинную копію оригиналовъ общества, не разрушая однакожъ законовъ театральной опшики, то заслуживаетъ быть почишаемъ актеромъ перваго достоинства и занимаетъ сію степень по желанію даже толпы, ибо она въ самой себѣ находитъ мѣрило своего сужденія. Приговоръ трагическому актеру основывается на историческихъ воспоминаніяхъ, и

страсти одинаковы во всё времена: общество можетъ уменьшитъ силу ихъ, но тѣмъ не менѣе существуютъ онѣ въ глубинѣ души, и каждый зритель можетъ очень хорошо судить о нихъ собственно по себѣ.

Что касается до великихъ историческихъ характеровъ, то одна просвѣщенная публика составляетъ мнѣніе, также какъ и славу актера: Исторія знакома ей и она легко можетъ судить объ истинѣ подражанія. Вслѣдствіе сказаннаго мною, явно, что нравственныя способности у актера трагическаго должны быть сильнѣе и выше, нежели у актера комическаго (*).

воображеніи зрителей, на ихъ ощущеніяхъ, что можетъ увеличитъ энтузіазмъ, но не даетъ правилъ для сужденія. Короче: я почишаю всѣхъ, особенно нервическихъ женщинъ и молодыхъ людей, принимающихъ впечатлѣнія, способными судить о трагедіи; напротивъ, представленіе комедіи можетъ быть оценено только людьми зрѣлыми и знатоками. Такимъ образомъ, актеръ трагическій будетъ извѣстнѣе, комическій славнѣе.

(*) Подобно сему послѣднему, онѣ должны быть испытательнѣе, изыскательнѣе, нѣжнѣе, должны проникать глубже. Большая часть трагическихъ ролей одного цвѣта: сильнаго, блестящаго, рѣшительнаго; роли комическія состоятъ изъ намековъ, изъбытковъ, ошпѣнковъ: надобно схватить тонкости ихъ для созданія, для оживленія картины, начерченной авторомъ.

Разумѣется, что качества физическія, какъ-то: измѣняемость лица, вырази-тельность фیزیогноміи, должны быть рѣче, голосъ полнѣе, звучнѣе, сильнѣе въ удареніяхъ у актера трагическаго, ибо ему нужно нѣкоторое созданіе частей въ цѣлое, сила болѣе нежели обыкновенная, дабы съ начала до конца передать съ одинакою энергіею ролю, гдѣ авторъ не рѣдко заключилъ въ тѣсномъ размѣрѣ, въ продолженіе двухъ часовъ, всѣ движенія, всѣ волненія, часно существомъ спрашнымъ испытываемыя единственно въ долгое время цѣлой жизни. Впрочемъ, повторяю еще, что великому актеру комическому надобно столько-же качествъ, какъ и великому актеру трагическому, хотя и въ различныхъ родахъ: тому и другому необходимо быть посвященнымъ въ таинства спрашной природы, необходимо знать склонности, слабости и даже странности сердца человѣческаго.

Сообразивъ всѣ качества, составляющія истиннаго актера трагическаго, всѣ дары, какими должна надѣлать его природа, должно-ли удивляться, что актеры сіи такъ рѣдки? Изъ многихъ являющихся на сень поприщѣ, у одного есть умъ, но душа его ледяная; у другаго есть чувствительность, но совсѣмъ нѣтъ ума. Тотъ обладаетъ обоими сими качествами, но въ такой слабой степени, что все равно хотябы ихъ у него не было: игра его не производитъ дѣйствія; все выраженіе его

приторно, нечуждо, безцѣлочно; попеременно говоритъ онъ громко, тихо, скоро, просяжно и какъ-бы на удачу. Тотъ получилъ отъ природы всѣ сіи счастливыя дары души и ума, но его голосъ, безжизненный, тупой, невозвышающійся, не повинуется ему въ выраженіи спрасстей; таковой актеръ плачетъ и не заставляетъ плакать; распроганъ, но никого не можетъ распроганъ. У этого звучный и прогательный голосъ, но черты его лица не красивы, ростъ и формы совсѣмъ не героическіе. Словомъ сказать: счастливое соединеніе случайностей, какое долженъ заключить въ себѣ одинъ человѣкъ, дабы сдѣлаться великимъ актеромъ, таково, что нѣчего удивляться, если рѣдко видимъ великихъ актеровъ.

Надобно сказать, что и въ Лекенъ были нѣкоторыя недостатки; но въ Литтературѣ и въ подражательныхъ искусствахъ, гений цѣнится по своимъ изящнымъ произведеніямъ; несовершенства не составляютъ части его славы: это грубая матерія, безъ превосходства благороднѣйшихъ его вдохновеній достигающая на часть забвенію; самое воспоминаніе о недостаткахъ его сохраняется только извѣстностію, доставленною ему совершенствами. Природа отпала Лекену въ нѣкоторыхъ физическихъ преимуществахъ, требуемыхъ сценою. Въ чертахъ лица его, не было ничего благороднаго; физиогномія,

его казалась обыкновенною, спясть была короткою; но его изысканная чувствительность, движенія души пламенной и страстной, способность его, совершенно переходить въ положеніе представляемыя имъ лица, умъ его, столь тонкій, что давалъ ему средства понимать и передавать всѣ ошпѣнныя характеровъ, какіе должно было живописать, все это украшало его неправильныя черты и придавало имъ прелесть невыразимую. Голосъ его, отъ природы тяжелый и мало измѣняющійся, былъ, какъ-бы подъ покрываломъ: но самое это сообщало его голосу, дурному въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какія-то меланхолическія и проникающія дрожанія (vibrations), поражающія до глубины сердца. Однакожъ, посредствомъ труда, Лекенъ успѣлъ уменьшить жесткость голоса, обогатить его всеми звуками страсти и покорить всемъ, самымъ изысканнѣйшимъ измѣненіямъ чувствъ; наконецъ, онъ изучалъ свой голосъ, какъ изучаютъ инструментъ, и зналъ всѣ качества его, всѣ недоспѣшки. Онъ легко пробѣгалъ по струнамъ неблагодарнымъ, дабы производить звуки только струнами гармоническими; голосъ, когда испытывалъ онъ всѣ тоны, былъ для него какъ-бы полный плавирь: онъ по волѣ извлекалъ изъ него тѣ звуки, какіе были ему нужны; и такое могущественное голоса чувствительнаго, данное природою, или приобретеннаго пе-

худшій, что онъ приводитъ въ движеніе даже иностранца, непонимающаго словъ: въ голосъ Лекена было это преимущество.

Талантъ дѣвицы Госсенъ и дѣвицы Дегарсенъ, болѣе всего состоялъ въ этомъ счастливомъ дарѣ природы. Я видѣлъ въ Лондонѣ Французовъ, неразумѣвшихъ ни одного Англійскаго слова, но они умилялись и плакали, слыша звуки прогашельнаго голоса Миссъ О'Нейлъ.

При началѣ своего поприща, Лекенъ поступалъ также какъ и всѣ молодые актеры: онъ предавался сильнѣйшимъ движеніямъ, кричалъ, потому, что въ молодыхъ лѣтахъ это единое спасеніе отъ трудностей. Но, со временемъ, Лекенъ почувствовалъ, что изъ всѣхъ монотоній, монотонія есть самая нестерпимая, что въ трагедіи надобно говорить, а не ревать, что кто безпрестанно выходитъ изъ себя, тотъ утомляется не прогая, что только бывая рѣдко, неожиданно, это можетъ удивлять и приводить въ волненіе, что, наконецъ, слушатель, оскорбленный безпрестаннымъ крикомъ актера, забываетъ трагическое лицо и перестаетъ сочувствовать несчастіямъ его, для того, чтобы жаловаться на усталость актера. Лекенъ, часто утомленный въ продолжительныхъ и сильныхъ сценахъ, старался скрывать отъ публики послѣдствіе изнуренія своихъ усилій; въ ту минуту, когда средоточіе его было набо-

дѣе неощущены, онъ , казалось , еще сохранилъ всю силу ихъ и могущество.

Въ Лекенѣ осуждали также нѣкоторую тяжесть произнесенія ; но , во первыхъ , этотъ недостатокъ происходилъ отъ его нравственной природы , медленной , основательной и размышляющей ; сверхъ сего Вольтеръ , у котораго особенно онъ былъ актеромъ , можетъ быть не легко-бы согласился пожертвовать пышностью и гармонією своихъ стиховъ произношенію слышномъ естественному и истинному. Онъ желалъ , чтобы поражали сильно , если не поражаютъ вѣрно , и какъ въ трагедіи его было нѣсколько надутости , то актеръ долженъ былъ сдѣлать системъ принятой поэтомъ. Къ тому-же , во время Лекена , еще столь блестящее геніемъ тогдашнихъ писателей и философовъ , всѣ подражательныя искусства подверглись направленію ложному и изысканному , а Лекенъ , можетъ быть , чувствовалъ , что онъ былъ довольно богатъ всѣми совершенствами и могъ сдѣлать легкую жертву дурному вкусу своего времени ; впрочемъ , произношеніе его , сначала медленное и разтянутое , постепенно оживлялось , и вошедши въ высшую область спрасстей , Лекенъ уже удивлялъ высокостью своей игры. Не смотря на величайшее распространеніе дурнаго вкуса въ искусствахъ , среди общества того времени и въ числѣ друзей Вольтера , было много людей , одаренныхъ истиннымъ

кусомъ: ихъ содѣланы были чрезвычайно полезны Лекену; самъ Вольтеръ, хотя былъ очень дурной актеръ, даже разыгрывал свои сочиненія, но имѣлъ ученныя наклоненія, сообщалъ ихъ Лекену и Лекенъ искусно приводилъ ихъ въ исполненіе. Во время одного путешествія въ Ферней, о которомъ можно найти извѣстіе въ письмахъ Лекена, Вольтеръ заставилъ его совершенно переимѣнить образъ игры въ роль Чингисъ-хана. По возвращеніи въ Парижъ, Лекенъ явился на сценѣ въ этой роли. Публика, сначала изумленная переимѣною игры его, долго оставалась въ нерѣшимости: порицать или хвалить? Думали, что актеръ не въ расположеніи: въ игрѣ его исчезъ шумъ и всѣ ремесленные пособія, прежде доставлявшія ему столько рукоплесканій за сію роль. Когда опустился занавѣсъ, тогда только публика, неподвижная все продолженіе пьесы, дѣйствительно почувствовала, что Лекенъ разсудительно замѣнилъ напрасные крики, напрасную надутость и простонародныя средства, звуками простыми, благородными, ужасными, спрассными: это былъ точно, какъ сказалъ Вольтеръ, левъ, ласкающій свою львицу вонзая въ нее когти. Мгновенно, и какъ-бы электрическимъ движеніемъ, составилось мнѣніе: оно было извѣщено продолжительными и многочисленными рукоплесканіями. Лекенъ слышалъ много доказательство общественнаго одо-

бренія, всходя въ свою лодку; облакотясь на перила лѣстницы, онъ сказалъ театральному прислужнику, который стоялъ внизу: «Ружо! что это намъ слышно?» — Э, Г-нъ Лекенъ! ошпычалъ. Ружо, это вамъ рукоплещутъ: наконецъ они васъ узнали. —

Опытъ показалъ ему, что всѣ вадрыныя соображенія посредственности, всѣ противоположности звуковъ, всѣ крики, могутъ доставить много рукоплесканий и брава, но вовсе не дадутъ славы. Въ то время, когда охотники кричатъ воображая, что душа ихъ взволнована, хотя у нихъ спрадаютъ только уши, когда они рукоплещутъ до послѣдней возможности, въ это время есть нѣкоторое число артистовъ, знатоковъ, просвѣщенныхъ людей, чувствительныхъ только къ истинному и сообразному съ природою: эти люди мало производятъ шуму, но они утверждаютъ славу. Лекенъ освободилъ себя отъ любви къ рукоплесканіямъ, которая мучитъ большее число актеровъ и часто вводитъ ихъ въ заблужденіе: онъ желалъ нравиться только здравомыслящей части публики. Отбросивъ все шарлатанство ремесла, онъ, для произведенія истиннаго дѣйствія, не заботился, какъ произвести дѣйствіе: потому-то, можетъ быть, ему рукоплескали меньше всѣхъ актеровъ того времени, особенно

когда онъ приближался къ концу своего поприща; но ему больше всѣхъ удивлялись, и онъ сдѣлалъ трагедію болѣе общечеловѣческой, не лишивъ ее величественныхъ ея размѣровъ. Онъ умѣлъ соблюдать благоразумную умѣренность въ жесткахъ и движеніяхъ своихъ, и смотрѣлъ на эту часть искусства, какъ на существенную принадлежность, ибо жесты также языкъ; умноженіе ихъ лишаетъ благородства вида. Когда другіе актеры были только театральные герои, въ немъ благородство казалось не произведеніемъ усміа, но простымъ дѣйствіемъ привычки; онъ не старался казаться величественнымъ, не усиливалъ голоса, когда надобно было повѣлывать или отдавать приказъ. Онъ зналъ, что человѣку могущественному не нужно усиливаться, дабы заставить себя повиноваться, и что въ немъ достоинствъ, въ какомъ онъ находится, во всѣхъ словахъ его есть власть, во всѣхъ движеніяхъ власть.

Лекенъ показывалъ величайшій умъ и рѣдкое, истинное искусство въ различныхъ движеніяхъ своего произнесенія, умѣя дѣлать его быстрымъ или медленнымъ, сообразался съ положеніемъ лица и часто онъ прерывалъ свою рѣчь искусственнымъ молчаніемъ.

Дѣйствительно, есть извѣстные общеподшестства, гдѣ необходимо соображаться, прежде нежели изречь слово нѣ,

что испытывается душа или разсматривается умъ. Поэтому - то въ сихъ случаяхъ актеръ долженъ, не начиная еще говорить, быть по виду въ размышленіи; показывая, что въ продолженіе сихъ остановокъ онъ обдумываетъ то, что хочетъ сказать; но, должно также, чтобы въ это время физиогномія его замѣняла слова; чтобы положеніе тѣла его, черты лица, означали, что въ сіи минувшы размышленія душа его сильно занята; безъ этого, промежутки въ произнесеніи будутъ только холодными разстановками и ихъ скорѣе припишутъ развлеченію памяти, нежели дѣйствию мысли.

Также бывають положенія, когда человекъ, жестоко волнуемый, такъ много чувствуетъ, что не можетъ ждать медленнаго соединенія словъ; чувство, спѣсняющее его, прежде нежели будетъ выражено голосомъ; внезапно вырывается въ нѣмыхъ дѣйствіяхъ. Тогда жесты, положенія тѣла, взгляды должны предшествовать словамъ, какъ блескъ молніи предшествуетъ удару грома. Это средство удивительно усиливаетъ выраженіе, обнаруживая душу столь глубоко проникнутую, что нетерпѣливо желая выразиться, она избираетъ для этого самые скорые знаки.

Вотъ что составляетъ собственно такъ называемую нѣмую игру: это одна изъ существеннѣйшихъ частей театраль-

наго искусства ; ее очень трудно изучить , трудно овладѣть ею и привести въ правила ; но ею даетъ актеръ своему произнесенію видъ естественности и истины , скрывая всю наружность изученій и повторительнаго упражненія.

Но есть еще другія положенія , гдѣ лицо , увлекаемое силою чувства , вдругъ находитъ всѣ нужныя ему выраженія. Слова являются на устахъ его столь же быстро , какъ мысли въ душѣ : они рождаются въ одно время и слѣдуютъ одни за другими непрерывно ; тогда произнесеніе актера должно быть скоро , быстро , одного приѣма. Онъ долженъ скрыть отъ публики даже усилія дыханія слишкомъ сильнаго и продолжительнаго , ибо припишутъ въ себя воздухъ значить нѣкопорымъ образомъ опдыхъ , остановку , а это , въ самомъ малѣйшемъ своемъ явленіи , замедляетъ жаръ движенія и необходимо уничтожаетъ его дѣйствіе , потому что , какъ бы заставляешь участвовать душу въ этомъ опдохновеніи , успокоеніи (*). На-

---

(*) Для выполненія того , чего я здѣсь требую и особенно для избѣжанія ошъ этого сильнаго грудью , этихъ нестерпимыхъ хрипѣній , какія слышимъ у многихъ актеровъ на сценѣ , есть вѣрное средство , которому научилъ меня опытъ ; вотъ оно : актеръ долженъ вбирать въ себя воздухъ , прежде нежели у него прервется дыханіе и прежде нежели необходимость и усталость заставятъ его вдругъ вдохнуть

добно еще прибавить, что сырасть идетъ не какъ Грамматика: она не останавливается всегда тамъ, гдѣ-бы хотѣлось сей послѣдней; обыкновенно она мало удерживается точками и запятыми и переходитъ ихъ или переимѣняетъ по волѣ своего безпорядка и своихъ влеченій.

въ себя много воздуха. Слѣдовательно, онъ долженъ вбирать воздухъ понемногу, часто, и особенно, прежде нежели необходимость принудитъ его къ этому. Для того довольно легчайшихъ дыханій, если они часты; но въ семъ случаѣ надобно большое искусство, чтобы они не были замѣтны; безъ этого, онъ частаго прерыванія стиховъ, чтеніе актера будетъ невѣрно, нескладно и затруднительно; это средство можно всего легче сдѣлать незамѣтнымъ передъ гласными и особенно передъ *l'a* и *l'e*. Желая, чтобы меня лучше поняли, я привожу примѣръ и отмѣчаю черточкою мѣста, гдѣ-бы я переводилъ дыханіе, если-бы мнѣ надобно было читать слѣдующій отрывокъ:

Lusignan, — le dernier de cette auguste race,
 Dans ces momens affreux ranimant notre audace, —
 Au milieu des débris des temples renversés,
 Des vainqueurs, des vaincus — et des morts entassés, —
 Terrible, — et d'une main reprenant cette épée,
 Dans le sang infidèle — à tout moment trempée, —
 Et de l'autre — à nos yeux montrant avec fierté
 De notre sainte loi — le signe redouté, —
 Criant à haute voix: — Français, soyez fidèles! —
 Sans doute en ce moment, le couvrant de ses ailes.
 La vertu du Très-Haut, — qui nous sauve aujourd'hui,
 Avance sa route, — et marchait devant lui.

За нѣсколько лѣтъ передъ смертію, Леопольдъ былъ постигнутъ сильнымъ и продолжительною болѣзнію: она-то раскрыла талантъ его во всей зрѣлости совершенства. Это покажется страннымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо. Бываютъ жестокіе, рѣшительные переломы и разстройствва въ животной экономіи; они возвышаютъ силу нервной системы и даютъ воображенію непостижимую дѣятельность: тогда тѣло въ спаданіи, умъ въ яснovidѣніи. Иногда больные удивляютъ живостію своихъ идей, иногда память ихъ приходитъ въ новую дѣятельность, оживляется для нихъ событія и обстоя-

---

Изъ этого примѣра видно, что я употребляю сіи легкія дыханія, гдѣ только можно, передъ гласными; сіи дыханія поставлены также передъ выраженіями, требующими силы, каковы, напримѣръ, слово: *terrible* и два полустихія:

Criant à haute voix: — Français, soyez fidèles!

Но, повторяю, надобно очень остерегаться, чтобы ни ухо, ни даже глазъ зришела не подозрѣвали, что вы переводите дыханіе. Объявляю также, что надобно большую привычку и упражненіе, дабы ознакомиться съ симъ механическимъ дѣйствіемъ. Этимъ средствомъ, приведенные мною въ примѣръ двѣнадцать стиховъ, могутъ быть сказаны какъ-бы однимъ духомъ, со всею быстротою и жаромъ, какихъ она требуютъ. Впрочемъ, чаще или рѣже надобно употреблять сіи дыханія, это зависитъ отъ большей или меньшей силы каждаго человека. Иному актеру совсѣмъ не нужно употреблять ихъ такъ часто.

тельства, совершенно забытыя; иногда въ нихъ являлся родъ какого-то предвѣдѣнія, и пошому Шенъ, можетъ быть, справедливо сказалъ :

Le ciel donne aux mourans des accens prophétique.

Послѣ сего состоянія, въ нервной системѣ всегда оспается нѣчто изъ этой чрезвычайной чувствительности. Ощущенія становящяся легче и глубже; всѣ чувствованія наши получаютъ высшую степень нѣжности. Сии потрясенія, кажется, очищаютъ и обновляютъ наше бытіе: это испыталъ Лекенъ послѣ своей болѣзни. Ему было полезно даже продолжительное бездѣйствіе во время выздоровленія. Самое спокойствіе его было прудъ, ибо геній не всегда пребуетъ упражненія; онъ, какъ золото въ нѣдрахъ земли, образуется и совершенствуется безъ шума и движенія.

Послѣ долгаго отсутствія Лекенъ явился на сценѣ. Какъ удивилась публика, готовившаяся быть снисходительною къ человѣку, ослабленному спраданіемъ, увидѣвъ его въ блескѣ совершенства и новой красѣ. Онъ какъ-бы облекся существомъ болѣе прежняго совершеннымъ и болѣе чистымъ. Здѣсь-то умъ его отвергъ все чего не можетъ одобрить разсудокъ. У него исчезли крикъ, напряженія легкихъ, ходячія горести и престопадные слезы, уменьшающія и унижающія дѣйствующее лицо. Въ голосъ его, прерывистомъ

и звучномъ, явились, не могу объяснить, какіе-то звуки, какое-то дрожаніе, опытавшіеся въ душѣ каждого; слезы, которыми онъ смягчалъ свой голосъ, были героическія и проникательныя (*). Игра его, полная, глубокая, патетическая, ужасная, очищенная отъ всѣхъ шумящихъ средствъ дѣйствовать, неослабляющихъ по себѣ воспоминанія, преслѣдовала даже во снѣ гнѣхъ, кто его слушалъ.

Въ это-же послѣднее время своей жизни, лучше узнавъ страсти людей, и можетъ быть увидѣвъ вблизи великія горести, онъ умѣлъ лучше живописать ихъ, и если для выраженія душевныхъ мученій горестныя и меланхолическіе звуки часто вырывались изъ груди его среди рыданій и слезъ, часто также, при послѣдней степени страданія нравственнаго, измѣнившійся голосъ его издавалъ звуки задушаемые, тяжкіе, спрашные, худо образованные; въ глазахъ его, какъ бы помѣшанныхъ, не было слезъ: онѣ, казалось, всѣ пали на его сердце. Удивительное искусство, заимствованное изъ самой природы! Оно гораздо болѣе волнуетъ

(*) Тальма, написавшій сію сцену вообщемъ смѣлымъ и даже небрежнымъ слогомъ, употребилъ здѣсь такое выраженіе, котораго я не смѣлъ перевести вѣрно; вотъ оно: *les larmes dont il la trempait étoient héroïques et pénétrantes* (слезы, которыми онъ смягчалъ голосъ, были героическія и проникательныя). *Перев.*

душу нежелем самѣя слезы, ибо въ дѣйствительной жизни, вопли состраданія плачущему оупь горести, мы по крайней мѣрѣ чувствуемъ что онъ облегчаетъ себя слезами; но жалость наша неизмѣримо сильнѣе, при видѣ несчастливца, у котораго, въ изступленіи мрачнаго и глубокаго отчаянія, нѣтъ голоса для выраженія своихъ спраданій и нѣтъ слезъ для облегченія ихъ! Такимъ образомъ, аксіома Горація, цовшпрешная Буало:

Pour m'arracher des pleurs, il faut que vous pleuriez,
не всегда вполне справедлива.

Спраспи Лекена были чрезвычайны. Онъ любилъ съ бѣшенствомъ (*); ненавидѣлъ, какъ сказываютъ, также, и толпъ всегда будешь дурнымъ актеромъ, чья душа неспособна чувствовать спраспей чрезмѣрныхъ. Въ выраженіи ихъ есть столько оппѣнковъ, что актеръ можетъ понять, выразить оныя, единственно самъ испытавъ ихъ. Тогда, богатый наблюденіями, сдѣланными надъ собственною своею природою, онъ самъ себя служилъ образцомъ и примѣромъ. Онъ вопрошаетъ самого себя о впечатлѣніяхъ, испытан-

---

(*) Въ послѣднее время жизни своей онъ страстно любилъ въ госпожу Бенуи и долженъ былъ жениться на ней. Играя въ театрѣ, онъ всакій разъ помещалъ ее за первую кулисою и обращалъ къ ней въ выраженія нежности и любви, какія произносили актеры, бывшій съ ними на сценѣ.

ныхъ его душою; о выраженіи, отпеча-
тавшемся въ чертахъ лица его, о звукахъ,
какими волновался голосъ его въ различ-
ныхъ припадкахъ страстей; онъ размы-
шляетъ о сихъ воспоминаніяхъ и все
сѣи дѣйствительности заставляетъ пере-
ходить въ вымышленныя страсти, какія
долженъ живописатьъ.

Осмѣлюсь-ли сказать, что самъ я,
при одномъ случаѣ моей жизни, испыты-
валъ глубочайшее огорченіе, но страсть
къ театру была во мнѣ такъ велика, что
обремененный дѣйствительною горестью,
проливая слезы, я невольно сдѣлалъ бы-
строе и бѣглое замѣчаніе объ измѣненіи
моего голоса и какомъ-то спазмическомъ
дрожаніи, производимомъ имъ во время
слезъ. Не безъ нѣкотораго стыда призна-
юсь, я машинально думалъ, какъ воспользо-
ваться этимъ при случаѣ, и въ самомъ
дѣлѣ, этотъ опытъ надъ самимъ собою
часто былъ мнѣ очень полезенъ (*).

(*) Замѣчу при семъ случаѣ, что слезы почти всегда
заставляютъ голосъ вередши къ самымъ высокимъ
тонамъ его; но въ сѣхъ рѣзкихъ тонахъ онъ не толь-
ко не унизителенъ, но часто сухъ, обмороженъ и
не шрогашеленъ. Слѣдственно, въ горестии надобно,
сколько возможно, улощреблять голосъ средній: толь-
ко при этомъ тонѣ слезы благородны, шрогашельны,
проницательны и голосъ легко находитъ тѣ пате-
тическіе звуки, тѣ раздирающіе и горестныя тоны,
которые пробуждаютъ всю чувствительность души
и заставляютъ зрителя плакать съ вами.

Непріятности, огорченія, горестныя воспоминанія, которыя актеръ можетъ примѣнять къ представляемому имъ лицу, усиливая его чувствительность, также приводятъ его въ эпо необходимое для развитія нравственныхъ способностей состояніе волненія. Я совсѣмъ не желаю, чтобы идущіе по сему поприщу имѣли случай часто испытывать подобныя средства. Но актеръ имѣетъ однакожь преимущество извлекать даже изъ своихъ горестей существенную выгоду и изъ нихъ почерпаетъ средства усовершенствованія.

Слѣдственно, Лскенъ въ самыхъ страстяхъ своихъ находилъ пищу своему таланту. Для характеровъ ненавистныхъ и спрасей порочныхъ онъ не имѣлъ никакого основанія въ душѣ своей, потому, что былъ человекъ благороднѣйшій, но умѣлъ живописать ихъ по аналогіи. Дѣйствительно, между страстями безпорядочными, унижающими природу человѣческую, и которыя сближаются опдѣльными частями своими съ возвышающими ее и возвеличивающими страстями, живыми и чистыми. Такъ чувство благороднаго соревнованія даетъ намъ знать, что испытывать можетъ зависть, справедливое негодованіе за оскорбленія, показываетъ намъ издалека изступленіе ненависти и мщенія. Осторожность и благоразуміе объясняютъ намъ скрытность. Желанія, мученія, безпокойная ревность любви, дающіе поминіе

О всѣхъ ея неистовствахъ и посвящающихъ насъ въ тайны всѣхъ ея преступлений. Сіи соображенія, сіи сближенія суть слѣдствія незамѣтнаго, быстрого труда чувствительности и ума, въ тайнѣ совершающагося въ актерѣ и поэтѣ и открывающаго имъ, не смотря на неприкосновенность къ сему ихъ природы, черныя склонности и виновныя страсти порочныхъ и испорченныхъ душъ. Такъ Мильшонъ, человекъ строго-честный, съ душою столь полною Божественнаго чувства, сотворилъ лицо Сатаны; Корнель, самый простой и честный человекъ, создалъ Фоку и Феликса; Расинъ Нерона, Нарциса и Маэана; Вольперъ, съ ужасающею истиною, изобразилъ дѣйствія фанатизма, и Дюсисъ, столь простой по своимъ склонностямъ, жившій столь набожно, пламенною кистью написалъ въ Абюфарѣ всѣ увлекашительности преступной любви.

Здѣсь оканчиваю мои размышленія. Я набросалъ ихъ не въ большомъ порядкѣ и какъ они попадались мнѣ подъ перо. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи воздать благодарность памяти величайшаго изъ всѣхъ актеровъ, являвшихся на нашей сценѣ, и мимоходомъ распространить нѣкоторые идеи о Театральномъ Искусствѣ, бывшія слѣдствіемъ моей собственной опытности. Знаю, въ чемъ онѣ не полны. Жаль, что самъ Декенъ очень мало оставилъ намъ своихъ мыслей: о семъ предметѣ.

Ч. XVII. No 19. М

тъ. Никакъ не думаю, чѣобы я могъ дополнить то, чего онъ не сдѣлалъ; но если силы мои будутъ соотвѣтствовать моему желанію, если дѣятельныя занятія мои дадутъ мнѣ нѣсколько досуга, я желалъ-бы, въ пишинѣ и на покой, собрать въ послѣдствіи воспоминанія продолжительной опытности и, такимъ образомъ, трудомъ, можетъ быть полезнымъ для моихъ будущихъ послѣдователей, окончить поприще, украшенное нѣкоторыми успѣхами и исполнѣ посвященное возвышенію прекраснаго нашего искусства : я такъ любилъ его !

II. КРИТИКА.

Критическое обозрѣніе Русской Литтературы, помѣщенное въ Revue Encyclopédique.

(Для всякаго просвѣщеннаго и любящаго свое отечество Россіянина пріятно видѣть, съ какою ревностію иностранцы начинаютъ заниматься приобрѣтеніемъ точныхъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ и стараются познакомиться съ нашею Литтературою. — Многіе иностранные журналы постоянно посвящаютъ сему предмету особенныя отдѣленія въ изданіяхъ своихъ. — Изъ числа таковыхъ *Revue Encyclopédique*, одно изъ лучшихъ періодическихъ изданій въ Европѣ, отличается болѣе прочихъ, въ общемъ смыслѣ, удовлетворительными свѣдѣніями, точными сужденіями и отсутствіемъ

предубѣжденій въ статьяхъ своихъ о Россіи, ибо считаетъ въ числѣ сотрудниковъ, людей, которымъ отечество и Литтература наша извѣстны по достовернымъ источникамъ, а не по наслышкѣ, или изъ сочиненій наполненныхъ грубыми и невѣжественными ошибками и извѣстіями, чрезъ посредство коихъ единственно Европа долгое время знакомилась съ Россіею. Въ Ноябрьской и Декабрьской книжкахъ прошедшаго 1826 года, сего изданія, находишься разборъ Русской Антологіи Г-на Дюпре-де-С. Мора, писанный Г. Геро; хотя достоинство сей Антологіи въ отношеніи переводовъ Русскихъ стихотвореній, въ оной находящихся, давно уже опредѣлено, по крайней мѣрѣ у насъ, однакожь, такъ какъ этотъ разборъ содержитъ въ началѣ своемъ бѣглый взглядъ на Русскую Литтературу и общія изслѣдованія объ оной, имѣющія значительное достоинство для иностранцевъ, и кои также могутъ быть любопытны и полезны для насъ, то я побудился сими причинами перевести эту часть разбора съ нѣкоторыми небольшими замѣчаніями и просить Издашеля Московскаго Телеграфа о помѣщеніи онаго въ своемъ Журналѣ.

Н. П—а.)

Имѣютъ-ли Рускіе Литтературу? вотъ вопросъ, дѣлаемый ежедневно людямъ, кои имѣли случай быть въ сношеніяхъ съ симъ народомъ, столь юнымъ еще, но сдѣлавшимъ уже столько успѣховъ, по многимъ отношеніямъ, въ просвѣщеніи.

«Начало» какъ говоритъ Г-нъ Дюпре-де-Сенъ Моръ въ своемъ *Введеніи*, «подлинно можетъ считаться»

ея только со временъ Петра I. Прежде этой эпохи просвѣщеніе сосредоточивалось въ монастыряхъ; высшее Русское Духовенство отличилось въ отдаленныя времена, нѣкоторыми хорошими твореніями. Рускіе ссылаются на *Лѣтописи Монаха Нестора*, писанныя въ XI столѣтіи, кои должны быть почтитаемы главнымъ основаніемъ Русской Исторіи. Сія Лѣтописи были продолжаемы до 1700. Есть также *Житія Святыхъ*, *Духовныя наставленія*; *Путешествіе Игумена Данила въ Палестину*; переводы *Священныхъ книгъ* на Славянскомъ языкѣ, писанныя оицами Греческой Церкви; сказки и героическія Поэмы, въ томъ числѣ одна подъ заглавіемъ: *Повѣствованіе о походѣ Князя Игоря на Половцовъ* (Пѣсьнъ о походѣ Игоря), которая относится къ XII столѣтію. Но, какъ (прибавляетъ Авторъ Русской Анпологии) нѣкоторые слабые лучи, проникающіе сквозь глубокую темноту и въ большихъ промежуткахъ, не могутъ разсѣять мрака невѣжества, такъ просвѣщеніе поздно являлся у народа, лишеннаго еще пѣхъ полезныхъ заведеній, кои суть, такъ сказать, маяки ума человѣческаго и служатъ точками соединенія для умственныхъ способностей и порывовъ воображенія.

Прибавимъ однакожь къ сей картинѣ одно соображеніе, почерпнутое изъ славнаго сочиненія Русскаго Историка Карамзина (1). «Было время» говоритъ онъ (2) «когда Россія, рожденная, возвеличенная Еди-

---

(1) Смолр. въ послѣдней Юлсской книжкѣ, Томъ XXXI, стр. 242, *Краткое извѣстіе о жизни и твореніяхъ Карамзина*, Г-на Толстаго. Прим. Сог.

(2) Смолр. Истолр. Госуд. Росс. Томъ V, Глав. IV, стр. 366 и слѣд.

повластіємъ, не уступала въ силѣ и въ гражданскомъ образованіи первѣйшимъ Европейскимъ Державамъ, основаннымъ на развалинахъ Западной Имперіи народами Германскими; имѣя пошъ-же характеръ, шъ-же законы, обычаи, уставы государственные, сообщенные намъ Варяжскими или Нѣмецкими Князьями, явилась въ новой полипической системѣ Европы съ существенными правами на знаменитость и съ важною выгодною быть подъ вліяніемъ Греціи, единственной Державы, ниспроверженной варварами. Правленіе Ярослава Великаго естъ безъ сомнѣнія сіе счастливое для Россіи время: утвержденная и въ Христіанствѣ, и въ порядкѣ государственномъ, она имѣла наставниковъ совѣсти, училища, законы, торгѣвую, многочисленное войско, флотъ, Единодержавіе и свободу гражданскую. Что въ началѣ XI вѣка была Европа? всеатромъ помѣстнаго (Феодальнаго) тиранства . . . Но раздѣленіе нашего отечества и междоусобныя войны, испощивъ его силы, задержали Россіянъ и въ успѣхахъ гражданского образованія. Нашествіе Батыево испровергло Россію. Сѣнь варварства, омрачивъ горизонтъ Россіи, сокрыла отъ насъ Европу въ то самое время, когда благодѣтельные свѣдѣнія и науки болѣе и болѣе въ ней размножались. . . .

Такимъ образомъ будучи замедлены въ своемъ ходѣ, Рускіе, по возстановленіи независимости, должныствовали сдѣлать успѣхъ тѣмъ быстрѣйшій, что они были избавлены отъ медленныхъ попытокъ, которыми геній другихъ народовъ былъ подвергнутъ: имъ стоило только заимствовать просвѣщеніе съ той степени, на которую оно достигло у содѣйственныхъ народовъ. И такъ можно смѣло сказать

что Литтература не имѣла младенческаго возраста въ Россіи; съ первыхъ шаговъ она явилась въ полной красотѣ и мужествѣ, и съверъ дѣйствительно не имѣлъ, какъ говоритъ Г-нь де-С. Моръ, ни своихъ Трестановъ, ни своихъ Жоделлей. Едва считаютъ въ сей Литтературѣ одного Тредьяковского, Профессора весьма ученаго и воспитанника Роллена, который совершенно заблудился, избравъ поэтическое поприще, для коего природа вовсе его не опредѣлила (1).

Искусство книгопечатанія было введено въ Россію въ 1553 году, ш. е. сто лѣтъ послѣ изобрѣтенія онаго; одиннадцать лѣтъ прошли еще до появленія Апостола, первой книги на Славянскомъ языкѣ, изданной въ Москвѣ. Съ сего времени до 1813 года, считаютъ по показанію одной Русской Библіографіи (2) 13,249 твореній, напечатанныхъ въ Россіи на Славянскомъ и на Русскомъ языкахъ. Опытъ Исторіи Россійской Словесности, изданный Г-мъ Гречемъ и находящійся въ четвертомъ томѣ

---

(1) Тредьяковскій предпринялъ, между прочими поэтическими сочиненіями, переводъ шести-стопными стихами Фенелона Телемака, подъ заглавіемъ *Телемахиды*. Императрица Екатерина, на вечерахъ своихъ въ Эрмитажѣ, имѣла въ наказаніе придворнымъ особамъ прочесть наизусть отрывокъ изъ сей странной Поэмы; и тѣ, кои съ удовольствіемъ воспоминають шеперь эти вечера, увѣряють, что сіе наказаніе было самое тяжелое, какому только могли ихъ подвергнуть. Этому же самый Литтераторъ, лишь только окончилъ переводъ въ 26-ти Томахъ Древней и Римской Исторіи Роллена, какъ пожаръ истребилъ рукопись. Но онъ не потерялъ бодрости, принялся за работу съ новою ревностію и сдѣлалъ второй переводъ, который и былъ изданъ въ С. Петербургѣ (въ годахъ 1749—1762 и 1761—1767). Прим. С.

(2) *Опытъ Россійской Вибліографіи* Василія Сопикова. С. Петербургъ, 1814—1821. Пять Том. in 8. Прим. Сог.

сочиненія, о которомъ мы недавно объявляли (1), содержитъ извѣстія вмѣстѣ біографическія и бібліографическія, о четырехъ стахъ или около того Русскихъ сочинителей; изъ сего числа можно наименовать до шестидесяти дѣйствительно описанныхъ. Древнѣйшій изъ лѣтописцевъ Русскихъ, Несторъ, славился уже въ XI столѣтіи; онъ имѣлъ достойнаго послѣдователя въ Патріархѣ Никонѣ, жившемъ около пяти сотъ лѣтъ послѣ него. Въ царствованіе Петра I го учрежденіе многихъ общественныхъ школъ и основаніе Академіи наукъ, въ которую онъ призвалъ многихъ иностранныхъ ученыхъ, придали просвѣщенію сильный полетъ и приготовили чудеса послѣдующихъ царствованій. Къ этой эпохѣ, или второй половины XVII столѣтія, до второй половины XVIII, относятся труды Князей *Кантемира* и *Хилкова* и Статскаго Совѣтника *Татищева*, перваго въ *Сатирической поэзіи*, двухъ другихъ въ *Исторіи*.

Но въ царствованіе Екатерины II науки на Сѣверѣ блистали самымъ яркимъ свѣтомъ. Тридцать лѣтъ сего царствованія должны быть почтиаемы великимъ литературнымъ вѣкомъ Россіи; они суть относительно сей страны то, чѣмъ былъ относительно Франціи вѣкъ Людовика XIV. Сама Императрица подала примѣръ своимъ подданнымъ: она попеременно являлась мудрымъ законодателемъ,

(1) Это сочиненіе въ 4-хъ томахъ, изъ коихъ мы объявляли только о послѣднемъ, изданномъ особо, подъ заглавіемъ: *Опытъ краткой Исторіи Россійской Словесности*, составляющій полный курсъ Риторики, Спихосложенія и Словесности Россійской, съ собраніемъ отрывковъ изъ лучшихъ писателей въ прозѣ и стихахъ, дѣлающихъ честь вкусу и учености Автора. *Прим. Сов.*

великимъ полководцомъ, искуснымъ дипломатомъ; Философія и Словесность скоро включили ее въ число своихъ дражайшихъ послѣдователей — Петръ 1-й, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Историкъ, на коего мы ссылались въ началѣ сей статьи, желалъ возвысить насъ на степень просвѣщенія; Екатерина видѣла въ насъ людей уже просвѣщенныхъ и обращеніе ея съ народомъ своимъ было слѣдствіемъ сего благороднаго мнѣнія, которое она возымѣла о немъ. Къ именамъ *Ломоносова*, почитаемаго основателемъ Русской Литтературы, лирическихъ поэтовъ *Петрова* и *Поповскаго* (1), трагического поэта *Сумарокова*, эническаго поэта *Хераскова*, прославившихся уже въ царствованіе Елисаветы, присоединились въ теченіе сихъ знаменитыхъ придцати лѣтъ имена: прелестнаго *Богдановита*, баснописца *Хемницера*, двухъ комиковъ, *Фонъ-Визика* и *Княжнина* (2), трехъ лирическихъ поэтовъ, *Державина*, *Капниста* и *Петрова*, изъ коихъ первый почитается вмѣстѣ Русскимъ Пиндаромъ, Горациемъ и Анакреономъ, двухъ историковъ *Щербатова* и *Болтина* и многихъ другихъ почтенныхъ писателей, исчисленіе которыхъ конечно показалось-бы слишкомъ длиннымъ читателю лишенному подробностей, кои единственно могли бы сдѣлать оное занимательнымъ для Французовъ.

---

(1) *Поповскій* врядъ ли можетъ назваться лирическимъ поэтомъ, ибо онъ извѣстенъ переводомъ Дидактической Поэмы: *Опытъ о словесѣхъ*, Поппе, и первый послѣ Ломоносова писавшій довольно чистою прозою. *Прим. Перев.*

(2) *Княжнинъ* равно извѣстенъ и какъ трагическій, и какъ комическій писатель. *Прим. Перев.*

Если мы прибавимъ еще къ сему списку имена вѣйшихъ писателей, дѣлающихъ особенную честь Россіи, и между коими отличаются Г-да *Дмитріевъ*, *Карамзинъ*, *Крыловъ*, *Жуковский*, *Батюшковъ*, *Катенинъ*, *Гнѣдичъ*, *Мерзляковъ*, *Измайловъ*, *Вейковъ*, оба *Пушкины*, Князь *Шихмазовъ*, *Шаховской* и *Вяземскій*, *Нелединскій-Мелецкій*, *Шишковъ*, *Олинъ*, *Долгорукій*, *Озеровъ* *Милоновъ* (1), и особенно если-бы мы могли положить ихъ права на общественное уваженіе и признательность, то конечно не были-бы въ затрудненіи отвѣчать на вопросъ, коимъ начали нашу статью: *имѣютъ-ли Русскіе Литтературу?* Однакожь, отъ чего Литтература сія столь мало извѣстна другимъ народамъ Европы? Постараемъ

1) Съ нѣкотораго времени Россія потеряла сихъ трехъ послѣднихъ писателей. Князь *Долгорукій* отличался въ посланіяхъ и сатирахъ; *Милоновъ* приобрѣлъ величайшіе успѣхи въ семь послѣднемъ родѣ и обѣцалъ быть Русскимъ Ювеналомъ. Что же касается до *Озерова*, который умеръ, имѣя только 46 лѣтъ отъ роду, онъ превзошелъ уже всѣхъ трагическихъ поэтовъ своего народа. Полагають, что зависши можно часпѣе приписать смерть сего челоуѣка, одареннаго чувствительностію столь же тонкою, какъ нашъ безсмертный *Расинъ*. — Г-нъ де С-нъ При (*M. de Saint-Priest*), въ томѣ посвященномъ Русскому театру и ооставляющемъ часть собранія Образцовыхъ драматическихъ произведеній (*Chefs-d'oeuvre dramatiques*), издавна Книгопродавцемъ *Лавока*, предпринялъ познакомить Францію съ двумя лучшими сочиненіями *Озерова*, *Фингаломъ* и *Дмитріемъ Донскимъ*. — *Карамзинъ* жилъ еще, когда сія статья была написана. *Прим. Сог.* — Каждый образованный Русскій читатель увидитъ, что здѣсь современные наши писатели помѣщены просто безъ разбора и вовсе не по порядку ихъ относительныхъ достоинствъ. Достаточно только замѣтить, что *А. С. Пушкинъ* и *В. Л. Пушкинъ* совокуплены подъ общимъ именемъ обоихъ *Пушкиныхъ*. *Прим. Перев.*

ся разсмотрѣть въ самыхъ источникахъ причинъ такого равнодушія, тѣмъ болѣе удивительнаго въ отношеніи къ народу, вступившему съ нами въ удѣлъ просвѣщенія, что мы вдали въ Литтературу другихъ народовъ Европы, кажется, до такой степени, что пренебрегаемъ изученіемъ собственныхъ классическихъ писателей.

Я уже сказалъ, что Рускіе, будучи удержаны въ стремленіи своемъ обстоятельствами самыми неблагоприятными для успѣховъ просвѣщенія, должны были заимствовать знанія съ той почвы, на коей оныя достигли у сосѣдственныхъ народовъ, когда избавились наконецъ отъ продолжительнаго ига Татаръ. Но отъ сего обязательства, на отъ сей удобности имѣть Литтературу уже совершенно образованную, не могло-ли также произойти важнаго неудобства, и не должно-ли приписывать сему случаю недоспѣшокъ, коимъ можно вообще упрекать Русскихъ писателей, то есть, отсутствіе оригинальности, сего качества, которое единственно можетъ продлить существованіе Литтературы за предѣлы той эпохи, въ которую она оказывала свое вліяніе? Я готовлюсь уже къ возстанію противъ меня народнаго самолюбія для опроверженія сего предположенія, которое Рускіе почтутъ обиднымъ и за которое могутъ меня обвинить въ предубѣжденіи. И такъ я заставляю говорить одного изъ ихъ соотечественниковъ: они конечно не оспариваютъ свидѣтельства челоука равносвѣдущаго въ обѣихъ Литтературахъ и долгое время занимавшаго въ Россіи значительную должность по части общественнаго воспитанія. Слѣдующія строки суть извлеченіе изъ одного писъ-

къ Французу, десять лѣтъ жившему въ Россіи, который, съ того времени, посвящалъ часть своихъ досуговъ на изученіе языка и Словесности, составлявшихъ ему часто истинное наслажденіе. Предпріятіе ваше, совокупить въ одну книгу различные Русскія стихотворенія, переведенныя уже на нѣтъ, кои вы намѣреваетесь передать на вашъ языкъ, конечно есть самый естественный способъ любить себя новую тропу на поприщѣ Литтературы, и составляющееся теперь совмѣстничество и достиженія одной цѣли, должно произвести соизволеніе, могущее обратиться въ вашу пользу. Вы знаете, чтобы я указалъ вамъ на наши оригинальныя произведенія, дабы избѣгнуть неудобствъ, замѣненныхъ вами послѣ первыхъ опытовъ. Не скрою отъ васъ, что подобное обязательство превышало бы мои силы, и я полагаю даже, что тотъ, кто возместитъ за это, наложитъ на себя многолѣтній трудъ, ибо оный требуетъ знанія всѣхъ языковъ Европы, равно и различныхъ Литтературъ, на кои мы налагали сборъ. Рускіе не ограничивались переводами, подражаніями и копіями съ Французскихъ писателей: они заимствовали у всѣхъ народовъ Европы и даже въ оставили Востока въ пренебреженіи (1). Если

---

1) Что Рускіе подражали, переводили, списывали Французскихъ писателей, это совершенно справедливо; но не думаю, чтобы трудъ показанъ собственно намъ принадлежащее въ нашей Литтературѣ, требовалъ знанія всѣхъ языковъ и Словесностей Европы. Къ сожалѣнію, мы ограничивались только на полѣ одной Французской Поэзіи и сборы наши съ другихъ Литтературъ мало насъ обогатили. Съ Нѣмецкими писателями насъ нѣсколько познакомили Жуковский; съ Англичанами еще же, и то весьма немного; о древнихъ мы почти и не думали, не говоря уже объ Италійской, Испанской и проч. Литтературахъ Европы, и если

бы надлежало показать, что принадлежит имъ собственно, то подобное дѣло было-бы весьма продолжительно, трудно и утомительно. Я опасаясь даже, чтобы заключеніе не было предосудительно для нашей славы. По моему мнѣнію, за исключеніемъ изъ которыхъ стихотвореній *Ломоносова*, большого числа стихотвореній *Державина*, многихъ *Басень Ламиньера* и *Крылова*, Русская Литтература представляетъ ничего достойнаго тесту перевода; и если мы владѣемъ другими отличными произведеніями, то не по достоинству изобрѣтенія имъ принадлежатъ одобренія знающихъ судей, но по выраженію, по новости оборотовъ и по искусному употребленію различныхъ формъ нашего языка (1)

есть у насъ переводы образцовыхъ твореній сихъ народовъ, то они сдѣланы съ Французскаго, писаны слогомъ употребленнымъ и ни кѣмъ не читаются. Къ изученію Восточныхъ языковъ мы обратились весьма недавно, и оно не имѣло еще ощутительнаго вліянія на нашу Словесность: Востокъ мы еще болѣе Запада оставляли въ пренебреженіи. Если мы поставлены событіями въ такое положеніе, что должны заниматься знаніемъ и просвѣщеніемъ съ той степени, которую они достигли у содѣйственныхъ народовъ, намъ надлежитъ обогатиться всѣми свѣдѣніями, опытами дѣловъ и роскошью просвѣщенія Запада; сродниться съ произведеніями пламеннаго воображенія восточныхъ народовъ, имѣвшихъ столько вліянія на судьбу нашего Государства; почерпнуть вдохновеніе въ Лѣтописяхъ народа, въ подвигахъ, событіяхъ и нравахъ многочисленныхъ племенъ Русскаго Царства, и излагая мысли и чувствованія легкомысленнымъ и свѣжимъ, облекать наши творенія въ формы образованной Словесности. Такимъ образомъ Литтература наша можетъ содѣлаться оригинальною, Европейскою и приобрести права жить въ свѣтахъ. *Прим. Пер,*

- (2) Можно прибавить еще къ симъ четыремъ оригинальнымъ писателямъ, о коихъ говоритъ нашъ Русскій корреспондентъ, *Хераскова*, Сочинителя двухъ Эпическихъ Поэмъ; *Россида* для покоренія Казани, коей весьма хоро-

очень, не въ этомъ-ли состоятъ главное достоинство Лафонтена, Расина, Буало и Делиля? Наши писатели подверглись упреку за то, что почерпали изъ ихъ источниковъ съ сими великими геніями, что старались сблизиться съ первобытными образцами, подражали подражателямъ древнихъ. Когда обкрѣпѣшь славнаго писателя, говоришь Вольтеръ,

въ разборъ, писанный однимъ Французомъ, Г-мъ Вазеномъ, вѣрадь - Маіоромъ въ Русской службѣ, находится въ шлологіи Г-на Дюпре-де-Сень Мора, и Владимиръ, или христіанство введенное въ Россію, и Исторической Поэмѣ *оженіе при Чесмѣ*; Боброва, Автора Описательной Поэмы *и Таврида*; Трагическихъ Поэмъ, *Сумарокова*, *Княжнина*, *Озерова*, *Крюковскаго* и *Комика Фонъ-Визина*, коимъ обязаны трагедіями: *Хоревъ*, *Синавъ* и *Труворъ*, *Александрій*; *Рославъ*, *Владиславъ*, *Смерть Олега*, *Димитрій онской*; *Пожарскій*, *Елизавета* (дочь Ярослава), и Комедіями: *Бригадиръ* и *Недоросль*, всѣ піесы, какъ видно, содержаніе національное; наконецъ многихъ другихъ сочинителей, коихъ произведенія въ родѣ менѣе возвышенномъ, почерпнуты также изъ Русской Исторіи и нравовъ и обычаевъ ихъ народа. Разумѣется, что мы говоримъ здѣсь только о поэтахъ, ибо въ другихъ отрасляхъ словесности, коими занимались Рускіе, вообще трудно найти болѣе оригинальныхъ писателей. *Прим. Сос.*

Русскій корреспондентъ, наименовавъ Ломоносова, особенно-же Державина, Крылова и Хемницера, показалъ всѣ источники нашихъ оригинальныхъ произведеній и почти исполнилъ трудъ, для коего онъ требовалъ многихъ лѣтъ, сочинитель, должно признаться, весьма ошибочно увеличилъ это число. Въ сочиненіяхъ Сумарокова, Княжнина и проч., даже Озерова, кромѣ Русскихъ именъ, ничего нѣтъ національнаго; и за исключеніемъ комедій Фонъ-Визина, въ семь спискѣ трагедій и поэмъ, болѣе всего оригинальности находится, можешь быть въ Херсонидѣ, Боброва. — Упомянувъ о *Владиславѣ*, Княжнина, Авторъ вѣроятно разумѣлъ трагедію его *Владиславъ*; *Смерть Олега* также не находится въ сочиненіяхъ Озерова, и какъ говорятъ, испрѣвлена имъ самимъ; *Елизавета*, Крюковскаго, издана послѣ смерти Автора и ни что иное, какъ подражаніе. *Прим. Пер.*

то надобно уже его убить; а мы вовсе не имѣемъ знаменитыхъ преступниковъ, могущихъ похвастаться подобными смертоубійствами. Я пойду далѣе и стану даже утверждать, что лучший переводъ оригинальныхъ произведеній нашего Тиртея (1) можетъ быть опасенъ для его знаменитости, и обнаживъ его отъ собственнаго колорита, предвѣщая, что замѣна вознаградитъ потерю, что надѣюсь въ мысляхъ, ходѣ, планѣ, расположеніи и порядкѣ лучшихъ изъ его произведеній? Увидимъ только блуждающее воображеніе, много дурнаго вкуса, и въ итогѣ уродливости (2). Послѣ сего по

(1) Здѣсь говорится о Жуковскомъ, Сочинителѣ Поэмъ изданныхъ въ 1812 мѣ году, подъ заглавіемъ: *Пѣвцы во станѣ Русскихъ воиновъ*, за которую Императоръ Александръ пожаловалъ ему ежегодный пенсіонъ въ 4 т. руб. — Прим. Сов.

(2) Этого самый Поэтъ, коего соотечественники именуютъ *Романтическии*, подражалъ особенно Нѣмецкимъ писателямъ. Онъ поставилъ въ чести у Рускихъ *Баллады*, давно уже ославленную Французами, но которая считалась многочисленныхъ приверженцовъ въ Англіи и Германіи, гдѣ впрочемъ она не имѣетъ тѣхъ формъ, какъ у насъ. Прим. Сов.

Большая часть стихотвореній Жуковского сушь переводы или подражанія, и главное, собственное его достоинство состоятъ въ прелести языка и въ искусствѣ, съ коимъ онъ умѣлъ, такъ сказать, присвоить намъ разнообразныя творенія знаменитыхъ Германскихъ и Англійскихъ поэтовъ и сроднить ихъ съ нашею Словесностію; конечно для сего надобно имѣть великій талантъ, и Жуковский владелъ имъ неоспоримо, но обнаживъ его сочиненія отъ собственнаго ихъ колорита, все прочее не принадлежащее уже ему, а слѣдовательно и упрекъ за недостатки въ составѣ не можешь къ нему относиться. Въ небольшомъ числѣ собственныхъ произведеній Жуковского, на прим. въ *Севтландѣ*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Пѣвца во станѣ воиновъ*, и другихъ находятся красоты оригинальныя и въ составѣ сихъ піесъ, основанныхъ на повѣрхьяхъ, предразсудкахъ и обычаяхъ народныхъ, вовсе нѣтъ уродливости. Способны ли онѣ къ переводу на иностранныя языки? Это вопросъ совсѣмъ посторонній. Прим. Перев.

дите сами, выиграешь ли онъ отъ перевода. У
 сь есть молодой Поэтъ *Александръ Пушкинъ*, ко-
 рый сдѣлался извѣстнымъ произведеніями, изо-
 чающими отпечатокъ великаго таланта и поры-
 въ оригинальностью; но стихотворенія его разсы-
 по разнымъ журналамъ и лучшія хранятся еще
 его портфѣйлѣ, хотя копія съ оныхъ быстро
 множаются и украдкою обращаются въ нашихъ
 ществахъ. Этотъ новый Протей, ибо онъ умѣетъ
 лежаться во всѣ образы, обѣщаетъ быть перво-
 чепеннымъ поэтомъ (1).“

Читатели останутся намъ благодарными мо-
 жь быть, за сіи общія изслѣдованія, коими мы
 чли обязанностію начать разборъ творенія, по-
 ященнаго Авторомъ Литтературѣ, такъ сказать,
 все еще новой въ Европѣ, или по крайней мѣрѣ
 вѣстной только весьма немногимъ. Давно уже
 ѣщали мы имъ *Извѣстіе о Русской Литтературѣ*;
 аткія подробности, въ кои мы входили теперь, и
 ѣ, кои были помѣщены нами, годъ уже тому на-
 дѣ, въ статьѣ о подражаніяхъ Русскимъ Баснямъ

) Смолр. Rev. Encycl. T. XXX, въ Іюньской книжкѣ, стр.
 119 — 821, объявленіе о послѣдней Поэмѣ сего Сочинителя;
Батисарайскій Фонтанъ, переведенной Французскими сти-
 тами Г-мъ Шопеномъ, и проч. — *Прим. Сог.*

А. Пушкинъ исполнялъ въ полной мѣрѣ обѣщаніе
 быть первостепеннымъ Поэтомъ. Пять изданныхъ имъ
 поэмъ свидѣтельствуютъ о разнообразіи и силѣ его гения,
 рѣющаго безпресанно; но судя по напечатанному отрыв-
 ку изъ его Трагедіи *Ворисъ Годуновъ* и по описывамъ объ-
 ной сѣдущихъ людей, читавшихъ сіе произведеніе въ ман-
 скриптѣ, можно и теперь еще сказать, что лучшія его
 творенія, долженствующія упрочить его славу и званіе
 оригинальнаго Поэта, хранятся еще у него въ портфѣйлѣ. —

Прим. Пер.

Крылова на Французскомъ и Итальянскомъ языкахъ, послужають имъ предварительными свѣдѣніями, а намъ почкою начала для труда, отъ коего мы не отказались, но который требуетъ продолжительнаго изученія, тщательныхъ изысканій и болѣе распространенія, нежели мы можемъ здѣсь дать оному (1).

(1) Сія статья, коею мы почли нужнымъ начать разборъ творенія Г-на Дюпре-де-Сенъ Мора, была давно уже написана и даже извѣстна въ Россіи, когда вышла *Этнографическій Атласъ* Г-на Бальби, въ коемъ съ пользою можно заимствовать изъ *Взгляда на Русскую Литературу*; доставленнаго Русскимъ писателемъ. Мы съ удовольствіемъ замѣтили, что встрѣнились съ нимъ во многихъ сужденіяхъ о твореніяхъ его соотечественниковъ. Онъ могъ войдя въ большія подробности нежели мы и наименовать нѣсколько писателей болѣе. Для дополненія нашей картины и дабы ошдаты долгъ справедливости, мы, прибавимъ здѣсь имена *Востокова, Лобанова, Загоскина, Хмеляницкаго, Грибодова, Панаева, Катеновскаго, Глинку, Нарбжмаго, Малиновскаго, Калайдовича и Строева*, кои равно оказали хорошія услуги Словесности. — Многіе молодые писатели, между которыми замѣчаютъ *Варатинскаго*, готовящіяся идущія по ихъ стопамъ. *Прим. Сов.*

Признаюсь, что я не имѣлъ въ рукахъ Атласа Г-на Бальби, но судя по тому, что сказано о немъ въ No XI Московскаго Телеграфа, я никому не совѣтовалъ-бы почерпнуть свѣдѣнія о Русской Литературѣ изъ помѣщеннаго въ сей книгѣ *Взгляда* на оную, хотя сей взглядъ и писанъ какимъ-то Русскимъ дворяниномъ и словесникомъ; особенно же надобно остерегаться прибавленія къ оному, доставленнаго Г-мъ Нейенкирхеномъ, гдѣ между прочимъ, лучшими Русскими Трагедіями показаны: Марфа Посадница, соч. Иванова, Персей, соч. Г-на Ростовцова и Сафо, соч. Г-на Сушкова, а главнѣйшимъ поэтомъ Г-нъ Филимоновъ! Изъ прибавленнаго въ семъ послѣднемъ замѣчаніи списка новѣйшихъ Русскихъ писателей можно полагать, что оныя заимствованы изъ Атласа Г-на Бальби, ибо Сочинитель хотѣлъ говорить только объ однихъ Поэтахъ, а тутъ находясь имена Г-дъ *Нарбжмаго, Катеновскаго, Калайдовича, Строева* и проч., кои конечно оказали важныя услуги нашей Литературѣ, но первый писалъ повѣсти, другіе занимались ошечественною Ис-

перейдемъ теперь къ разбору творенія Г-на Дюпре
в С. - Мора.

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская Литтература.

1826 года.

211. Государственная внѣшняя торговля
1825 года, въ разныхъ ея видахъ. СПб. 1826 г.
в 4, 68 стр.

1827 года.

107. Государственная внѣшняя торговля
1826 года, въ разныхъ ея видахъ. СПб. 1827 г.
въ шип. Департам. внѣшней торговли, in 4, 68
стр.

Мы упоминали о выходѣ сихъ важныхъ статисти-
ческихъ акшовъ, отъ Правительства обнароды-

ворію, Древностями и проч. и ни одинъ изъ нихъ не имѣ-
етъ какъ Поэтъ. Баратынскій же стоитъ на ряду отлич-
нѣйшихъ нашихъ современныхъ Стихотворцовъ и давно уже
далеко опередилъ ихъ, по стопамъ коихъ заставляешь его
идти Французскій Писатель. Элегіи Баратынскаго, носящія
отпечатокъ истинной душевной грусти, могутъ стать на
ряду съ Элегіями А. Пушкина, хотя имѣютъ различный съ
ними характеръ. Стихотворенія его вообще отличающіяся
глубокими чувствами и почнымъ выраженіемъ: его можно
назвать анатомикомъ души человѣческой. *Эда, Пирн, Че-
репъ, Истина, Посланіе къ Гибдигу* и другія произведенія се-
го Поэта даютъ ему право на весьма почетное мѣсто на
нашемъ Парнассѣ. О Грибобдовѣ я не говорю, ибо изъ коме-
діи его: *Горе отъ ума*, былъ напечатанъ одинъ только не-
большой отрывокъ, слѣдовательно, иностраннѣйшій Писатель
не могъ достойно о немъ судить. *Прим. Перев.*

Ч. XVII. No 19.

Н

вашихъ, за 1824 годъ (Тел. Т. IX, стр. 146). После того, точно въ такомъ-же порядкѣ, какъ и за 1824, выданы отъ Департамента вѣшной торговли извѣстія о вѣшной торговлѣ нашей за 1825 и 1826 гг. — Извлекаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ сихъ драгоцѣнныхъ актовъ, совѣруя всѣмъ Статистикамъ нашимъ ближе заниматься отчетами за нашу торговлю, ибо въ нихъ найдутъ они повѣрку многимъ шесторіямъ.

Въ 1825 г. вывезено отъ насъ за границу, товарами и деньгами, всего на сумму 236,351,242 р. а., привезено къ намъ только на 195,095,250 руб., слѣдовательно: въ 1825 г. Россія *выиграла* 41 255,992 р. — Въ 1826 г. отпускъ простирался до 181,782,254 руб.; привозъ до 186,807,152 р., слѣдовательно: въ 1826 г. *перевѣсъ привоза* былъ 5,024,898 руб. — Но, «поскольку привозные товары прежде очищаются пошлиною, нежели обращаются въ продажу, а отпускные прежде бывають проданы, пошлина-же платится при объявленіи къ отпущенію, то изъ сего слѣдуетъ, что для правильности баланса, къ цѣнѣ отпускныхъ товаровъ, надлежитъ приложить сумму поступившихъ съ нихъ пошлинъ, а изъ таковыхъ-же привозныхъ, сумму поступившихъ пошлинъ вычестъ.» — Посему выходитъ, что *перевѣсъ на нашу сторону* состоялъ въ 1825 г. 70,063,174 р., а въ 1826 г. 17,197,521 руб. — Въ 1824 г. Россія выиграла вѣшною торговлею 25,318,304 р., итого въ три года болѣе 112 милліоновъ рублей. Касательно 1825 года, мы находимъ слѣдующее замѣчаніе: «что перевѣсъ торговли въ семь году дѣйствительно значительно склонился на нашу сторону, въ томъ легко удосто-

вѣрится сравненіемъ нынѣшняго судоходства съ прошлогоднимъ, количествомъ лошадей вышедшихъ за границу съ товарами, возвышеніемъ нашего курса, бывшаго въ продолженіе торговаго года, и тѣмъ, что монеты привезено болѣе нежели на 11½ милліоновъ; чему доселѣ, кромѣ 1822 года, мало было примѣровъ. — Впрочемъ въ составъ сего торговаго баланса естественно не входятъ ли обороты контрабанды, которой прекратить невозможно, ни разные платежи за границу посредствомъ вексельныхъ оборотовъ, какъ по надобностямъ Правительства, такъ и отъ множества проживающихъ за границею нашихъ единоземцевъ, ни таковыя-же платежи у насъ отъ иностранцевъ, ниже истинные платежи за наши и чужестранные товары, которые не могутъ быть съ показанными цѣнами одинаковы, ибо въ сихъ цѣнахъ включаются и купеческія прибыли; при чемъ и самыя показанія цѣнъ не всегда можно принимать за вѣрное. Съ другой стороны у насъ и золото, по значительному добыванію оного, должно быть почитаемо товаромъ. Если-бы возможно было все сіе положить въ счетъ съ точностію, то безъ сомнѣнія балансъ нашъ много-бы уменьшился, какъ по правиламъ здраваго разсудка и быть надлежитъ, ибо по существу вещей не лзя быть столь непомѣрному перевѣсу отпуска противъ привоза.» Касательно 1826 года, сдѣлано замѣчаніе слѣдующее: »Почти во всей Европѣ происходили по торговлѣ необыкновенныя замѣшательства, и въ семъ отношеніи надлежало опасаться весьма невыгодныхъ послѣдствій и для Россіи. Но при внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, несправедливо-бы было жаловаться-

зен на ходъ нашей торговли, ибо хотя перевѣсъ
 въ нашу пользу и не столь значителенъ, какъ былъ
 въ нѣкоторые изъ прежнихъ годовъ; но судя по-
 обще, мы отъ общаго разстройства торговли по-
 терпѣли менѣе, нежели другіе народы. Отпускъ
 нашихъ товаровъ, хотя противъ оплчнаго 1825
 года значительно менѣе, однако по соображенію съ
 1824, еще довольно удовлетворителенъ, и къ осе-
 нн непроданныхъ товаровъ при портахъ не оста-
 влось. Къ тому за необыкновеннымъ приливомъ по-
 купщиковъ въ 1825 году, необходимо должно было
 послѣдовать чувствительному оныхъ уменьшенію.
 Привозъ-же напротивъ по соразмѣрности былъ до-
 вольно силенъ, по той причинѣ, что иностран-
 цы естественнымъ образомъ всячески старались
 сбыть своихъ произведеній сколько можно болѣе,
 а слѣдовательно обратились наипаче къ Россіи.
 За симъ, по соображеніи того, что товаровъ об-
 работанныхъ и служащихъ къ удовлетворенію ро-
 скоши и временныхъ потребностей привезено въ
 1826 году менѣе, нежели въ 1825 г., а товаровъ
 служащихъ къ руководѣнію и фабрикамъ въ 1826
 болѣе, нежели въ 1825 г., выводится заключеніе,
 что разсматривая внѣшнюю нашу торговлю, по
 всемъ уваженіямъ не лзя не убѣдиться, что она
 въ внѣшнемъ ея положеніи истинную приноситъ
 государству пользу, и что, съ самаго сослѣдствія
 нынѣ дѣйствующаго тарифа перевѣсъ всегда кло-
 нился на нашу сторону.

Замѣчательнѣйшія событія по торговлѣ нашей,
 въ 1825 году, суть слѣдующія: Правительство
 наше не переставало пещись объ усиленіи правиль-
 ной торговли и обезпеченіи оной отъ подрывовъ

нѣтъ таможенную торговлю, равно и о доставленіи торгующему сословію возможныхъ удобствъ и облегченій. — Дозволено иностранцамъ имѣть хожденіе въ таможенныхъ по дѣлахъ, до торговыхъ операцій относящимся, отъ иностранныхъ гостей или заѣзжихъ купцовъ, безъ записки въ соотвѣтственные съ вѣрителемъ разряды, представляя прикащика свидѣтельства I-го класса не по каждому дому, но вообще одно свидѣтельство. — За отправленные въ складочныя таможи и транзитомъ товары позволено принимать въ залогъ каменные строенія, въ уездныхъ городахъ и мѣстечкахъ состоящія. — Доброкапитальныя товаровъ въ С. Петербургѣ, главнымъ мѣстѣ нашего отпуска, обезпечена тѣмъ, что браковщики подчинены Департаменту внешней торговли. — Производство таможенныхъ обрядовъ и дѣлъ ускорено до такой степени, что корабли, приходившіе въ теченіе года къ С. Петербургскому порту съ товарами, чрезъ двой сущихъ по приходѣ, начинали уже нагружаться нашими. — Уменьшены сборы съ судовъ Бѣломорскихъ промышленниковъ. — Срокъ на подачу объявленій на товары, привозимые къ Черноморскимъ и Азовскимъ портамъ безъ коносаментовъ, постановлено считать со дня передачи товаровъ изъ карантинныхъ въ таможи, а не съ прихода кораблей. — Увеличены сроки на перевозъ громоздкихъ товаровъ отъ Прута къ Днѣстру. — Постановлены правила для торговли Персійскихъ и другихъ Азіатскихъ народовъ. — Нѣкоторые Турецкія издѣлія, тарифомъ 1822 года запрещенныя, по древней привычкѣ къ онымъ Крымскихъ жителей Магомешанскаго закона, разрѣшено привозить къ портамъ Феодосійскому и Керченскому.

му. — Уменьшена 10 копейками серебромъ съ пуда пошлина на иностранную соль, привозимую въ Остзейскія Губерніи и Нарву. — Съ Крымской соли пошлина при отпускѣ обавлена, съ 15 на 5 к. ассигнаціями съ пуда. — Бессарабскую соль разрѣшено, сверхъ Дубоссаръ и Могилева, привозить на малки Парканы и Одессу. — Въ Бессарабію разрѣшено де-гошь отпускать беспошлинно. — Для пользы торговли Новороссійскаго края сдѣлано уменьшеніе въ пошлинахъ съ кожъ и поташа, вывозимыхъ изъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей, и изъ Бессарабской области по Дунаю. — Равнымъ образомъ разрѣшено изъ Грузіи квасцы отпускать беспошлинно; но привозъ оныхъ, кромѣ Персидскихъ, къ таможеннымъ Аспраханскаго округа запрещенъ. — Въ Баку разрѣшено привозить дерево и дрова безъ пошлинъ. — Въ исходѣ года послѣдовала роспись, кою со многихъ отпускныхъ товаровъ еще сбавлена или и со-всѣмъ сложена пошлина, а нѣкоторые изъ иностранныхъ вновь разрѣшены къ привозу и на Министер-ство финансовъ возложено изготovitъ новое изда-ніе Европейскаго Тарифа, въ совокупности со всѣми послѣдовавшими послѣ перваго перемѣнами. — Въ печеніе сего года сдѣланы разныя распоряженія для вящаго прегражденія тайнаго провоза товаровъ. — На границѣ Пруссіи учреждена наблюдательная линія. Изобрѣтенъ и вводится новый способъ для клейме-нія товаровъ. — Постановлено, чтобы конвоевые лис-ты, выдаваемые Польскими Камерами, предъявлялись въ Россійскія таможни. — Подтверждено, чтобы Евреи производили торговлю въ тѣхъ только 15 Губерніяхъ, въ коихъ было имъ сіе позволено въ 1804 году. — По составу таможеннаго вѣдомства

произошедшихъ слѣдующія перемѣны: таможи Юрбургская и Полазгенская возведены въ первоклассныя, чрезъ что торговля тамъ значительно усилалась; учреждень надзирашелейскій постъ въ Сумскомъ посадѣ и особый таможенный надзоръ въ Екатериноградѣ; уничтожены таможи: Виленская и Кіевская, заставы Кольская и Мезенская; Гродненская таможня перемѣщена въ третій классъ. — Наконецъ, сдѣланы распоряженія для удобнѣйшей и лучшей складки и храненія, какъ привозныхъ, такъ и отпускныхъ товаровъ. — При С. Петербургской биржѣ строились пакгаузы, въ коихъ товары будутъ находиться въ совершенной безопасности отъ всякаго наводненія; достроивалась Кронштадтская Таможня; также построены для товаровъ вновь разныя зданія при таможахъ Архангельской, Желтиковской, Таганрогской и Оренбургской.“ — Въ 1826 году, удостоились ВЫСОЧАЙШАГО утвержденія: 1) планъ торговаго общества въ Одессѣ, съ капиталомъ до 2,000,000 червонцовъ, имѣющаго цѣлю распространить отпусковую нашу торговлю чрезъ Черноморскіе порты и торговыя связи Россіи съ иностранными державами, особенно внѣ Европы; 2) учрежденіе въ Одессѣ-же Морской Страховой Конторы, для застрахованія судовъ и товаровъ, отправляемыхъ отсюда, какъ за границу, такъ и въ другіе Черноморскіе и Азовскіе порты. — Тамъ-же составила компанія, подъ названіемъ Черноморской, для заведенія паровыхъ мѣльницъ и отпуска пшеничной муки за границу. — Вышло на Россійскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ новое изданіе тарифа (о коемъ упомянуто въ 1825 году) и въ коемъ содержится, не только росписъ пошлинъ съ привозныхъ и от-

пусковыхъ товаровъ , но сводъ всѣхъ постановленій ; какъ тарифныхъ , такъ и другихъ , касательно привоза и отпуска. — Для распространенія торговли нашей Кяхтинскими чаями за предѣлами Имперіи , установленъ возвратъ пошлинъ при отпускѣ оныхъ за границу. — Въ поощреніе конскихъ нашихъ заводовъ , дозволенъ выводъ лошадей , кромѣ жеребцовъ и жеребчиковъ , какъ изъ портовъ , такъ чрезъ всѣ таможенныя и заставы , находящіяся противъ границъ Австрійскихъ и Прусскихъ. — Установленъ транзитный прогонъ нашего скота въ Австрію и Пруссію , чрезъ Царство Польское. — Облегченъ отпускъ отъ Санктпетербургскаго порта за границу хлѣба вообще , и дозволено пшеницу и рожь въ зернѣ отправлять безъ особыхъ дозволеній главнаго мѣстнаго Начальства. — Разрѣшенъ безпошлинный привозъ въ Санктпетербургъ изъ Финляндіи сухопутно и моремъ чугуна. — Ревельской Таможнѣ дозволено принимать всѣ тѣ товары , кои допускаются въ Рижскую , кромѣ суконъ , полусуконъ и казмировъ , и на очистку оныхъ положенъ срокъ шестимѣсячный. Сей-же Таможня присвоено и складочное право на тѣ товары , кои будутъ въ оную привозиться прямо изъ иностранныхъ земель моремъ. — Съ нѣкоторыхъ Россійскихъ произведеній при отпускѣ изъ Ревельскаго порта за море уменьшена пошлина. — Исправлено постановленіе о взиманіи просроченныхъ пошлинъ съ привозныхъ товаровъ , остающихся въ распоряженіи таможенъ. — Разрѣшено повсемѣстно шкиперамъ имѣть вмѣсто двухъ анкерковъ водки столько-же вина , и въ томъ числѣ водки не болѣе двухъ. — Для усиленія торговли по сухопутной нашей Европейской границѣ ,

пошлина съ иностранной соли, привозимой чрезъ Толангенъ и Юрбургъ; понижена наравнѣ со взимаемою въ портахъ Балтійскаго моря. — Бессарабскую соль разрѣшено привозить моремъ въ Одессу, Овидіополь и Николаевъ. — Разрѣшено привозить Бессарабское виноградное вино, сверхъ Дубоссаръ и Могилева, чрезъ Овидіополь, Маяки и Парканы, при чемъ опредѣленъ срокъ на дѣйствіе выдаваемыхъ на оное свидѣтельствъ. — Какъ Россійскіе, такъ и Бессарабскіе товары, за исключеніемъ винограднаго вина, чрезъ Днѣпровскія таможи провозить дозволено всему Россійскому купечеству, безъ различія гильдій. — Впредь, до устройства Керченскаго карантина, дозволенъ чрезъ Феодосійскую таможню безпошлинный пропускъ произведеній Черкесіи и Абазіи. — Для оживленія мѣноваго торгова съ Малою Азією, уменьшена пошлина съ привозимыхъ въ Крымъ изъ Анаполіи издѣлій шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ. — Наконецъ, дабы Азіятскіе купцы, пріѣзжающіе въ Россію, не терпѣли по торговлѣ затрудненій, постановлено, чтобы впредь начальники Бухарскихъ каравановъ допускаемы были въ качествѣ посредниковъ или ходатаевъ по дѣламъ торговли между Азіятскими купцами и таможеннымъ начальствомъ.»

Изъ вышесказаннаго, что въ 1826 г. въ привозѣ *менѣе* противъ 1825 г. было товаровъ *недающихъ* жизни промышленности, а *болѣе* подкрѣпляющихъ ея дѣятельность, можно замѣтить, что такія, событія, свидѣтельствующія о поснѣпennomъ преуспѣяніи нашихъ фабрикъ, по всей справедливости не лзя отнести ни къ чему иному, какъ къ дѣйствию нынѣшней нашей тарифной си-

«стемы. Видѣть такое распространеніе промышлен-
 «ности тѣмъ пріятнѣе, что въ сырыхъ произведе-
 «ніяхъ мы много имѣемъ нынѣ совѣстниковъ. Земле-
 «нашествіе прошивъ прежняго времени возведено
 «по всей Европѣ на великую степень совершенства;
 «ленъ и пенька стали опускаться изъ Италіи; въ
 «Ирландіи для разведенія оныхъ учредилось Общество
 «съ большимъ капиталомъ; ленъ разрѣшено опу-
 «скасть изъ Египта; кожи и лѣной товаръ при-
 «возятся въ Европу изъ Америки; металлы также
 «въ разныхъ земляхъ добываются, особливо въ желѣ-
 «зѣ соперничаютъ съ нами Шведы.» — «Здѣсь
 «приличнымъ почитается сказать, что собствен-
 «ное наше торговое судоходство начинается рас-
 «пространяться; что духъ предпримчивости
 «въ нашемъ купечествѣ возрастаетъ, и что
 «вѣроятности къ сбыту нашихъ произведеній
 «на будущее время представляются благопріят-
 «ныя. — Хотя не всѣ корабли, ходящіе подъ
 «Россійскимъ флагомъ, суть собственно-Россійскіе,
 «ибо многіе изъ нихъ принадлежатъ Финляндцамъ;
 «но и наше купечество начинаетъ дѣятельно зани-
 «маться сею существенно вѣщью торговли. —
 «Между прочими, одного Архангельскаго купца, Ком-
 «мерціи Совѣтника Брандша, ходитъ нынѣ въ море
 «11 кораблей, величиною совокупно въ 2651½ дашъ.
 «Въ семь году ходилъ изъ С. Петербурга Россійскій
 «корабль въ Александрію съ нашими товарами, и
 «возвратился оттуда съ грузомъ Египетскихъ про-
 «изведеній. На собственныхъ своихъ корабляхъ по-
 «сылали разные наши товары купцы: Савинъ въ Лон-
 «донъ, а Сапожниковъ въ Ливорну; первый изъ нихъ
 «также отправлялъ прямо отъ себя юфть свою въ

Вѣну. Нѣкоторые изъ нашего купечества вошли въ сношенія съ Бразилією. — Въ Гамбургѣ примѣтно возвысилась цѣна на наши свѣчи, конопляное масло и канашы. Въ Кипатъ Московское сукно предпочтается прочимъ. Въ Мексикѣ усилились требованія на наше фламское полотно и воскъ. — Такимъ образомъ шорговля наши связи распространяясь по всѣмъ частямъ свѣта, будутъ безъ сомнѣнія болѣе и болѣе усугублять какъ трудолюбіе нашихъ мастеровъ и промышленниковъ, такъ и дѣятельность торгующаго сословія.“

Приходящихъ кораблей во всѣ порты Россійскаго государства было въ 1825 г. 3,903, въ томъ числѣ изъ Англіи 1740; въ 1826 г. всего 3,594, въ томъ числѣ изъ Англіи 1,209. Отходящихъ кораблей въ 1825 г. было 4,046, въ томъ числѣ въ Англію 1722; въ 1826 г. всего 3,616, въ томъ числѣ въ Англію 1216.

Въ числѣ отпущенныхъ товаровъ изъ Россіи было въ 1825 г. *хлѣба и муки* на 16,454,821 р., *льна* 2,452,010 пуд. на 36,317,321 р., *пеньки* 2,808,344 пуда на 26,379,426 руб., *жельза и мѣди* на 15 слишкомъ милліоновъ рубл., *шерсти* 117,706 пуд. на 5,206,544 р., *лѣснаго товара* на 11,882,348 р., *поташу* 518,800 пуд. на 3,568,404 р., *сала* 3,773,497 пуд. на 37,056,610 р., *сѣмя льнянаго* на 8½ милліоновъ, *щетины* на 12 слишкомъ милліоновъ, *воску* на 4,858,252 р. — Въ 1826 г. *хлѣба* отпущено на 16,766,833 р., *льна* 2,173,231 пуд. на 25,494,669 руб., *пеньки* 2,577,555 пуд. на 24,966,390 руб., *жельза и мѣди* на 14½ милліоновъ, *шерсти* 63,292 пуд. на 1,545,604 руб., *лѣснаго товара* на 7,919,156 руб., *поташу* 428,331 пуд. на 2,666,305 руб., *сала*

2,902.723 п. на 28,053,078 руб., *сѣмь льняного* 372.251 ч. на 7,577,563 руб., *щетины* 47,721 пуд. на 3,847,600 руб., *воску* на 3,819,928 руб.

Въ числѣ привозныхъ товаровъ было *сѣмь виноградныхъ*, въ 1825 г. 35,065 оксоф. на 8,073,131 р., въ 1826 г. 39 005 оксоф. и 76,322 бут. на 7,522,634 руб., *Шампанскаго*, въ 1825 г. 326,071 бут. на 1,943,175 руб., въ 1826 г. 248,567 бут. на 1,552,817 руб., *кофе* въ 1825 г. 106,560 пуд. на 6,769,147 руб., въ 1826 г. 95,235 пуд. на 4,640,670 руб., *чая* въ 1825 г. 133,514 пуд. на 4,807,049 руб., въ 1826 г. 130,562 пуд. на 5,675,992 руб., *фруктовъ* въ 1825 г. на 4,570,201 руб., въ 1826 г. на 4,401,374 руб., *соли*, въ 1825 г. 3,050,006 пуд. на 5,326,153 руб., въ 1826 г. 2,821,226 пуд. на 4,520,566 руб., *бумажныхъ издѣлій* въ 1825 г. на 11,174,775 руб., въ 1826 г. на 12,627,635 руб.

Главнѣйшіе торговые дома, судя по обширности торговли, въ 1825 и 1826 г. были слѣдующіе: *Клеменцъ и Берхъ* 14 и 21 милліонъ; *Вильсонъ и Томсонъ* 17 и до 13 милліоновъ; *Стиглицъ* 13 и до 15 милліоновъ; *Люисъ Д. Д.* до 12 и 9 милл.; *Миттель и К.* 10 и до 7 милл.; *Бейли Э. К.* 14 и до 8 милліоновъ.

108. *Собраніе актовъ торжественнаго за- сѣданія ИМПЕРАТОРСКОЙ Санктпетербургской Академіи Наукъ*, бывшаго по случаю празднованія столѣтняго ея существованія, 29 Декабря, 1826 года. Санктпетербургъ, 1827 года, въ Типографіи Акад. Наукъ, in 4, 72 и 111 страницъ, съ изображеніемъ на заглавномъ листѣ медали Академической,

Сто лѣтъ совершилось, какъ знаменитое ученое сословіе, предложенное Великимъ Петромъ и учрежденное Екатериною I, существуетъ въ Россіи. Публикѣ извѣстно уже изъ Вѣдомостей обѣихъ столицъ, какимъ образомъ праздновала Академія сіе торжественное событіе. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, съ ИМПЕРАТОРСКОЮ Фамиліею, удостоили засѣданіе Академіи своимъ посѣщеніемъ. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, Его Величество Король Прусскій и ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЫСОЧЕСТВА, Наслѣдникъ, Великій Князь АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, Государь Цесаревичъ и Великій Князь КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ и Великій Князь МИХАИЛЬ ПАВЛОВИЧЪ, при семъ случаѣ благоводили принять званіе Почетныхъ Членовъ Академіи. Торжество Академіи ознаменовано для потомства медалью, по изобрѣщенію Господина Академика Келлера, исполненною извѣстнымъ Художникомъ нашимъ Графомъ Ѳ. П. Толстымъ. Изобрѣшеніе и исполненіе сей медали превосходны.

Въ изданной нынѣ книгѣ помѣщены: Описаніе торжества Академіи; Рѣчи Президента и Секретаря Академіи; Изложеніе задачъ, предлагаемыхъ Академіею; Рѣчь Господина Академика Шпорха и Прибавленія, состоящія въ письмахъ Президента къ Государю Цесаревичу и Его Величеству Королю Прусскому, опискахъ сихъ Высокихъ Особъ и копійхъ съ дипломовъ, поднесенныхъ Академіею ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, Особамъ ИМПЕРАТОРСКАГО Дома и Его Величеству Королю Прусскому.

Рѣчь Господина Президента Академіи, Тайнаго Совѣтника и Сенатора, С. С. Уварова, заключаетъ въ себѣ изложеніе знаковъ покровительства, какими

удостоена была Академія, съ самаго ея основанія донынѣ, отъ Монарховъ Россіи. Въ Рѣчи Господина Секретаря Академіи Н. П. Фусса кратко изложена Исторія Академіи, за прошедшее столѣтіе съ 1717 по 1826-й годъ. Заслуги сего ученаго заведе- нія блестящи и велики. Академія наша смѣло може стоять въ ряду другихъ знаменитѣйшихъ Европ- скихъ Академій. Сожалѣемъ, что пространствъ статьи нашей не позволяетъ намъ выписать по- робно всего исчисленнаго въ прекрасной Рѣчи Господина Секретаря Академіи, достойно наслѣдова- шаго мѣсто и званіе своего почтеннаго родителя. Вошъ главнѣйшія черты:

Математическія науки, составляющія одно изъ отдѣленій Академіи, болѣе всего были обработывае- мы съ самаго начала ея. «Нѣтъ сомнѣнія, что чи- сло и изобрѣтательный духъ Математиковъ, членовъ Академіи имѣла счастье обладать съ самаго учре- жденія ея, способствовали къ утвержденію славы ея въ чужихъ краяхъ и къ обращенію вниманія на тру- ды ея, особливо въ такое время, когда открытіе новаго исчисленія величинъ безконечныхъ соверше- но преобразовало видъ наукъ Математическихъ, ко- гда всѣ умы восторжены были блистательнымъ и счастливымъ приложеніемъ сего анализа къ задачамъ дошолъ неприсутнымъ для усилій величайшихъ Ге- метровъ. Довольно наименовать двухъ братьевъ Ни- колая и Даніила Бернулли, ихъ соотечественника Леонарда Эйлера и Германа, также Гольдбаха, Кра- ше отца и Эммуса, дабы показать, сколь велико участіе Академіи, совокупными усиліями сихъ Чле- новъ своихъ, въ первое пятидесятилѣтіе своего су- ществованія, вносила въ бышрѣе успѣхи

ствъ отраслей наукъ Математическихъ, которыя были слѣдствіемъ постепеннаго усовершенствованія высшей Аналитики и Геометріи. Двѣ новыя отрасли анализа, не менѣе важныя: вычисленіе синусовъ и вычисленіе варіаціонное, проложившія новыя пути въ рѣшенію множества задачъ величайшей важности, воспріали свое начало и усовершенствованіе въ недрахъ Академіи, будучи произведеніемъ генія великаго Эйлера. Вся первая половина столѣтія, прошедшаго со времени учрежденія Академіи, была временемъ математическихъ открытій; во вторую же половину, новое поколѣніе ученыхъ, на основаніи шло прекрасномъ и столь прочномъ, начало воздвигать зданіе правильнѣйшее, прибавлять къ оному части новыя, пополнять недостающія, утверждать слабыя, и сей подвигъ былъ совершенъ самимъ ветераномъ Эйлеромъ и учениками его Іоанномъ Албертомъ Эйлеромъ, Лекселемъ, Крафтомъ (младшимъ), Румовскимъ, Копельниковымъ, Николаемъ Фукомъ, также Яковомъ Бернулли, Шубертомъ, Гурьевымъ, Висковатовымъ и Коллинсомъ.

Извѣстно, что Гидродинамика преобразована, можно даже сказать, получила видъ науки, чрезъ творенія, вышедшія изъ нѣдръ нашей Академіи, чѣмъ наиболѣе обязана она Даніилу Бернулли и Леонарду Эйлеру, коего послѣднія сочиненія о семъ предметѣ принадлежатъ уже ко второй половинѣ столѣтія. Теорія движенія тѣлъ небесныхъ, особенно Луны, самая затруднительная изъ задачъ Астрономическихъ, наука мореплаванія, теорія строенія и управленія кораблей, теорія музыки, классическія сочиненія о Діоптрикѣ, Механикѣ, Астрономіи, системѣ міра, вышли изъ подъ пера Академиковъ.

Математиковъ 2-й половины прошекшаго столѣтія. Болѣе 1200 разсужденій, заключающихся въ 72 томахъ записокъ Академіи и объемлющихъ всѣ отрасли Математики, какъ чистой, такъ прикладной, содержатъ многія любопытныя изслѣдованія, новыя методы, остроумныя рѣшенія великаго множества задачъ, дошолъ нерѣшенныхъ, или рѣшенныхъ недостаточно, въ отношеніи основательности началъ, строгости и точности сужденій, или со стороны простоты и изящности формулъ, удобности въ употребленіи оныхъ и легкости вывода.

«Академическая обсерваторія, не смотря на неудобство своего положенія, принадлежишь къ числу зарекомендованныхъ постоянныхъ и достаточно снабженныхъ нужными приборами; имѣвъ при томъ дѣятельныхъ и искусныхъ Астрономовъ, какъ-то: Делия, Гейнзіуса, Гришова, Лексея, Румовскаго, Ганри, Иноходцова, Шуберта, Вишневскаго, Тарханова, она всегда доставляла наблюденія, которыя были уважаемы и заслуживали вниманіе ученыхъ. Исторія Астрономіи въ Россіи представляеть многія эпохи, въ которыя Академія особенно обнаружила великую дѣятельность. Таково, на примѣръ, было прохожденіе Венеры мимо солнца, для наблюденія коего посланы были Академіею 12 Астрономовъ въ разныя мѣста Имперіи. Извѣстно, что по наблюденіямъ сего прохожденія изъ споль многихъ точекъ поверхности земной, опредѣлено разстояніе земли отъ солнца и многія другія измѣренія нашей планетной Системы, съ такою точностію, что оную превзойдши могутъ только вычисленія будущаго подобнаго явленія въ 1874 году.

»Упомянутому путешеству 12 Астрономовъ, наблюдавшихъ прохожденіе Венеры, и поздѣйшему путешеству Академика Иноходцова, совершенному на счетъ Академіи, Географія обязана опредѣленіемъ Географическаго положенія многихъ городовъ. Путешествіе Академика Шуберта изъ С. Петербурга въ Иркутскъ съ посольствомъ, отправлявшимся въ Пекинъ, обогатило ее также свѣдѣніями о долготѣ и широтѣ многихъ мѣстъ. Особенно-же Географія и карты нашей Имперіи возведены на степень нынѣшняго ихъ совершенства восьмилѣтнимъ Астрономическимъ путешествіемъ Академика Вишневаго, совершеннымъ на счетъ Академіи и доставившимъ ИМПЕРАТОРСКОМУ Военно - Топографическому Депо около 300 Географическихъ опредѣленій мѣстъ.

»Въ Исторіи Физики и Химіи съ похвалою упоминаются записки нашихъ Академиковъ: Лейбмана, извѣснаго своими искусными опытами и полѣдрическими анаморфозами; Брауна, учинившаго первыя наблюденія о замерзаніи ртуты; Рихмана, содѣлавшагося жертвою первыхъ опытовъ надъ электричествомъ молніи; Эпинуса, изобрѣтающаго телескопическаго микроскопа, съ которымъ въ совершенствѣ не можешь сравниться ни одинъ инструментъ сего рода; онъ же открылъ электрическую силу въ турмалинѣ и написалъ сочиненіе объ электричествѣ и магнетизмѣ, почиравшееся въ свое время классическимъ и по сіе время уважаемое отличѣйшими Физиками нашего времени; Бильфингера, Крафшовъ, отца и сына, Пешрова, Ловица сына, извѣснаго открытіемъ противугнильнаго свойства углей и другими превосходными раз-

ложеніями и открытіями по части Химіи ; Геллерта , Ломоносова, Георги , изобрѣтателя опытовъ о самовоспламененіи; Захарова, Шерера, приобрѣтшаго достойную славу глубокою ученостію, знаніемъ химической Литтературы и сочиненіемъ о минеральныхъ водахъ въ Россіи ; Кирхгофа, учинившаго первые опыты къ приготовленію сахара и водки изъ картофеля и изобрѣтшаго выгодный способъ очищать масла и готовить киноваръ.

Естественная Исторія всѣхъ трехъ царствъ природы , наука , столь-же обширная , сколь важная и полезная, обязана Академіи великими успѣхами. Въ доказательство сему довольно привести на память путешествія двухъ Гмелиновъ, Палласа, Гильденштедта , Лепехина , Фалка и Георги, коихъ журналы и записки содержатъ драгоценныя наблюденія, относительно Зоологіи, Ботаники, Минералогіи и даже Географіи, Этнографіи, Технологіи, Экономіи и Статистики. Точнѣйшее познаніе Россіи во всѣхъ сихъ отношеніяхъ, безчисленное множество улучшеній , предложенныхъ въ путевыхъ журналахъ ихъ и уже съ того времени приведенныхъ въ дѣйствіе, обогащеніе Академическаго Музея во всѣхъ его частяхъ, были плодами сихъ путешествій, продолжавшихся нѣсколько лѣтъ. Сіи путешествія, служащія памятникомъ золотаго вѣка Академіи, по предложенію нынѣшняго Президента оной, издаются нынѣ въ одномъ собраніи на Россійскомъ языкѣ. Позднѣйшія путешествія Озерецковскаго , Зуева, Редовскаго, Адамса, нашедшаго во льдахъ свѣжее тѣло мамонта , также путешествіе Тилезіуса и Лангсдорфа, ученыхъ естествоиспытателей, участвовавшихъ въ славной экспедиціи Крузенштерна,

равно обогатили Естественныя Науки и Зоологическій кабинетъ нашъ.

»Путешествія сіи сопряжены были съ опасностями и стоили Академіи многихъ жертвъ: Ловицъ отецъ убитъ Казаками Пугачева, Гмелинъ младшій умеръ въ плѣну у Лезгинскаго Хана Усмея, Гильденшметъ, плѣненный тѣмъ-же Ханомъ, обязанъ былъ спасеніемъ по близости находившемуся корпусу Генерала Медема, который послалъ 600 Казаковъ для преслѣдованія Лезгинцовъ; Адъютантъ Черной умеръ въ плѣну у Киргизовъ, а часовщикъ его Арнольдъ едва чрезъ нѣсколько лѣтъ выкупился изъ неволи. Фалкъ и Редовскій, утомленные и расстроеныя отъ долговременнаго и затруднительнаго путешествія, до окончанія онаго лишились жизни.

»Слѣдуя за успѣхами Минералогіи, стоить только привести на память имена Лаксмана, Фербера, Франциска Германа, Севергина, чтобы показать, чѣмъ наука сія обязана Академіи. Тоже можно сказать и о Ботаникѣ. Въ лѣтописяхъ Академіи начертаны имена Буксбаума, издателя Цензурій, Гмелина и Гильденшметта, сочинителей Флоры Сибирской и Кавказской, Зигесбека, Аммана, Гербенштрейта, Кельрейтера, прежде всѣхъ наблюдавшаго сочетаніе тайнобрачныхъ растений, Лепехина, Рудольфа, Смѣловскаго, Триніуса, неутомимаго изслѣдователя ниворослей. Творенія всѣхъ сихъ ученыхъ уважаются знатоками:

»Академія наша успѣшно занималась Анатоміею и Зооміею, или сравнительною Анатоміею. Творенія и записки Академиковъ Дювернуа, Вейтбрехта, Вильда, Бѣргаве, Вольфа, Загорскаго, Пандера, почитаются въ своемъ родѣ классическими. . . .

Исторія, только до 1747 была занята Академіи; въ то время была она исключена новымъ Уставомъ, и только въ 1803-мъ году снова открытъ былъ при Академіи отдѣлъ наукъ историческихъ. За всѣмъ тѣмъ, заслуги Академіи по сей части незабвенны. Байеръ, первый разрѣшившій тайну происхожденія Руссовъ; Миллеръ, путешествовавшій для сохраненія драгоценныхъ матеріаловъ въ Сибирь и основатель Русской Палеографіи; Шлецеръ, положившій основаніе Исторической Критикѣ; Лербергъ, столь рано похищенный смертію отъ ученыхъ занятій; Кругъ, издавшій драгоценныя сочиненія касательно древней Руси и неуспѣшно приготовляющій дальнѣйшія изысканія; Кёлеръ, славный своими изслѣдованіями Греческихъ древностей, въ южной Россіи находящихся; Френъ, почерпнувшій въ глубокомъ знаніи восточныхъ языковъ и древностей, драгоценныя матеріалы для Русской Исторіи и оказавшій столько услугъ Восточной Нумизматикѣ: вошъ Члены, коихъ Академія съ честью можетъ выставить въ своемъ Историческомъ отдѣлѣ.

Политическая Экономія представляетъ намъ имя Шторха; Статистика Германа; Греческія Древности и Филологія Греффе: людей, заслужившихъ уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ современниковъ. Наконецъ, труды нынѣшняго Президента Академіи, отличнаго Филолога, извѣстны всей Европѣ. Словомъ: въ 72 томахъ разныхъ сочиненій, изданныхъ нашею Академіею и состоящихъ болѣе нежели изъ 2500 отдѣльныхъ статей и диссертацій, богатый рудникъ найдутъ Математики, Естествоиспытатели

тель, Историкъ , Филологъ , Статистикъ и Политическій Экономъ.

Въ теченіе столѣтія составились при Академіи драгоцѣнныя собранія. Бакмейстеръ описалъ, за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, сокровища, коими обладала тогда Академія. Кто Рускій не знаетъ, что при Академіи находится безцѣнный *Кабинетъ Петра Великаго*, въ коемъ сохранены вещи, принадлежавшія сему Государю, безпримѣрному въ Лѣтописяхъ человѣчеству, работы его , одежда: безцѣнные остатки для каждаго Рускаго, для каждаго челоука ! Въ послѣдніе 50 лѣтъ Академія усовершенствовала свои Музеи, Кабинеты и Библіотеку , употребивъ болѣе полумилліона изъ экономическихъ суммъ и получивъ подарки отъ знаменитыхъ ученыхъ. Зоологическій Кабинетъ обогащенъ былъ въ послѣднее время Лангсдорфомъ , доставившимъ собранія Зоологическія изъ Южной Америки; Пандеромъ, составившимъ собраніе ископаемыхъ изъ окрестностей Одессы и окрестностей Пешербурга; Зивальдомъ , путешествовавшимъ вокругъ свѣта. Въ Рѣчи Господина Секретаря Академіи перечислены усовершенствованія и нынѣшнее состояніе богатаго Минералогическаго собранія , Гербаріевъ, Нумизматическаго Кабинета, особенно обогащеннаго въ 1823 году покупкою коллекціи Графа Сухшелена , заключающей до 12,000 Греческихъ и Римскихъ монетъ (въ томъ числѣ 183 золотыхъ и 3758 серебряныхъ); Азіятскаго Музея , состоящаго изъ драгоцѣнныхъ книгъ и рукописей Кишайскихъ , Манджурскихъ , Японскихъ , Монгольскихъ , Тибетскихъ, монетъ, идоловъ, домашнихъ ушварей и драгоцѣннаго собранія, почти 700, рукописей Арабскихъ, Персидскихъ и Турецкихъ, собранныхъ ученымъ Ори-

антикваріумъ въ Багдадѣ и купленныхъ Академією. Нумизматическая часть Азіятскаго Музея содержитъ, не только монеты Золотой Орды, въ непрерывномъ порядкѣ Хановъ и лѣтъ ихъ ханствованія, но монеты всѣхъ Мугаммеданскихъ династій Востока, съ VII вѣка до нашихъ временъ; между ними находятся истинныя сокровища историческихъ памятниковъ.

Наконецъ заслуживаетъ вниманіе, вновь приобретенный Академією, за 40,000 рублей, превосходный Музей Египетскихъ древностей, составленный въ Каирѣ и Александріи Италіянцемъ Кастильоне. Всѣхъ предметовъ въ немъ до 1000; особенно замѣательны три статуи изъ бывшаго известковаго камня, и изъ гранита, 30 барельефовъ, также изъ известковаго камня, съ изображеніями предметовъ религіи, или занятій обыкновенной жизни. Вкусъ сихъ изображеній весьма различенъ, но они принадлежатъ къ числу предметовъ самыхъ любопытныхъ и оплчныхъ изъ всего собранія. Берлинъ и Вѣна не имѣютъ подобныхъ имъ, а въ Минхенѣ находится только малое число оныхъ. Въ томъ же собраніи имѣются четыре муміи весьма хорошо сохранившіяся, въ богато расписанныхъ саркофагахъ, двѣнадцать большихъ сосудовъ изъ алебастра, два жертвенныхъ камня и небольшая пирамида изъ известковаго камня, со многими гіероглифическими надписями; нѣсколько сотъ небольшихъ идоловъ и статуй божествъ Египетскихъ составляютъ весьма богатую и занимательную нѣологическую коллекцію; великое множество небольшихъ сосудовъ, украшеній каменныхъ и глиняныхъ не менѣе поучительно. Наконецъ восемь свѣтковъ изъ папируса, весьма хорошо сохранившіяся, мо-

группъ называться важными памятниками и общаются
 «богатый источникъ свѣдѣній касательно Исторіи,
 «языка и обычаевъ древнихъ Египтянъ. Сіе собраніе,
 «подъ именемъ *Египетскаго Музея*, расположено въ
 «двухъ покояхъ, украшенныхъ сообразно съ предме-
 «штами, которые оно въ себя заключаетъ.“

1826 года.

212. *Евгеній Онѣгинъ*, романъ въ стихахъ.
 Сочиненіе Александра Пушкина. *Глава вторая*. М.
 1826 г. in, 12 42 стр.

1827 года.

109. *Евгеній Онѣгинъ*, романъ въ стихахъ.
 Сочиненіе Александра Пушкина. *Глава третья*. СПб.
 1827 г. въ шип. Депарш. Народ. Просв., in 12,
 51 стр.

110. *Чернецъ*, Кіевская повѣсть. Сочиненіе
 Ивана Козлова. Изданіе *третье*. СПб. 1827 г. въ
 шип. Ивана Глазунова, in 8, 64 стр.

111. *Стихотворенія Евгения Баратынскаго*.
 М. 1827 г. въ шип. А. Семена, in 8, 178, V стр.

Мы соединяемъ въ Библиографіи Телеграфа *вто-
 рую* главу Онѣгина, изданную въ прошедшемъ году
 и уже всѣмъ извѣстную, съ *третьею* главою, щоль-
 ко на сихъ дняхъ полученною изъ СѢбурга. Вообще
 за Пушкинымъ библиографическое извѣстіе едва успѣ-
 ваетъ: его творенія *раскупаютъ* прежде нежели
 медлительный библиографъ запишетъ ихъ въ реестръ
 современныхъ произведеній нашей Литтературы.
 Мы извѣщали читателей нашихъ о 2-й главѣ Онѣ-
 гина, еще до изданія оной въ свѣтъ; послѣ того
 намъ *обещанъ* былъ разборъ сего новаго произведе-

нія Поэта нашего; тѣмъ лучше: ждемъ исполненія обѣщанія *теперь*, ибо Рецензенту можно будетъ поговорить о трехъ главахъ вмѣстѣ. Библіографу не хочется однакожь, не подѣлившись поскорѣе съ читателями Телеграфа пріятнымъ извѣстіемъ объ изданіи *третьей главы Онѣгина* и особенно, извѣстіемъ, приложеннымъ въ началѣ книжки, что «нынѣ изданіе продолженія Онѣгина будетъ слѣдовать въ непрерывномъ порядкѣ: одна глава поочасъ за другою,» а всѣхъ главъ, какъ говорятся лирическихъ лазутчики, двадцать слишкомъ. Какой обширный разгулъ Поэту и сколько наслажденій ожидаетъ читателя! Что, если-бы чаще можно было соединять въ Русской Библіографіи вдругъ по четыре книги такихъ, о которыхъ теперь мы хотимъ кратко уведомить нашихъ читателей!

Повторяемъ, что *вторую* главу Онѣгина знаютъ всѣ, и вѣрно половина наизусть; слѣдовательно, объ ней можно говорить, какъ о сочиненіи совершенно знакомомъ читателямъ. Они припоминаютъ, что Онѣгинъ, послѣ смерти дяди полный хозяинъ его помѣстьевъ, деревенскаго дома, заводовъ и проч. и проч., скучаетъ въ наслѣдственной деревнѣ,

За тѣмъ, что онъ равно скучалъ

Средь модныхъ и старинныхъ залъ;

знакомится съ молодымъ сосѣдомъ своимъ Ленскимъ и Поэтъ вводитъ насъ въ домъ Лариныхъ, куда Ленскій ѣздитъ, почти какъ женихъ Ольги, дочери Лариныхъ. Поэтъ обрисовываетъ характеръ и образъ жизни Ленскаго, Лариныхъ, сосѣдей ихъ, деревенскихъ дворянъ. Здѣсь Поэтъ прервалъ свое повѣствованіе.

Оно начинается снова въ третьей главѣ; но очерки постороннихъ характеровъ здѣсь всѣ въ пѣни: Ленскій, Ларины, сосѣди, самый Онѣгинъ забыты Поэтомъ: душу, сущность третьей главы составляетъ Татьяна, дѣвушка, одаренная необыкновенною, сильною душою, дѣвушка, у которой *«всю исторію составляетъ любовь»* Татьяна любитъ Онѣгина. . .

. . . Въ сердце дума заронила,
Пора пришла, она влюбилась.
Такъ въ землю падшее зерно
Весны огнемъ оживлено.
Давно ея воображеніе,
Сгарая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой,
Давно сердечное томленіе
Тѣснило ей младую грудь;
Душа ждала . . . кого нибудь,
И дождалась! открылись очи,
Она сказала: *это онъ!*

Поэтъ описываетъ разговоръ Татьяны съ няней; хочетъ передать намъ письмо Татьяны къ Онѣгину, долго отговаривается отъ чисташелей и шушишь, надъ ихъ неперпѣніемъ. . . .

. . . Предвижу затрудненіе:
Родной земли спасая честь,
Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
Письмо Татьяны перевести.
Она по Русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,
И выражалася съ трудомъ

На языкъ своемъ родномъ ,
 И такъ писала по Французски. . . .
 Что дѣлать ! повторяю вновь :
 Донынѣ дамская любовь
 Не изъяснялася по Русски,
 Донынѣ гордый нашъ языкъ
 Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

Я знаю : дамъ хотѣшь заставить
 Читашъ по Руски, Право, страхъ !
 Могутъ-ли ихъ себѣ представить
 Съ Благонамѣреннымъ въ рукахъ !
 Я шлюсь на васъ мои поэмы ;
 Не правдаъ ? милые предметы ,
 Которымъ , за свои грѣхи ,
 Писали втайнѣ вы стихи ,
 Которымъ сердце посвящали ,
 Не всѣ-ли Русскимъ языкомъ .
 Владѣя слабо и съ трудомъ ,
 Его шакъ мило искажали ,
 И въ нихъ устахъ языкъ чужой
 Не обратился-ли въ родной ?

Не дай мнѣ Богъ сойтись на бадѣ ,
 Иль при разъѣздѣ на крыльцѣ ,
 Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ
 Иль съ академикомъ въ чепцѣ !
 Какъ устѣ румяныхъ безъ улыбки ,
 Безъ грамматической ошибки
 Я Русской рѣчи не люблю.
 Быть можешь , на бѣду мою ,
 Красавицъ новыхъ поколѣнъ ,
 Журналовъ внявъ молящій гласъ ,
 Къ грамматикѣ приучишь насъ ;

Стихи введуть въ употребленье :

Но я . . . какое дѣло мнѣ,
Я вѣренъ буду старинѣ.

Неправильный, небрежный лепетъ,
Неточный выговоръ рѣчей,
По прежнему сердечный шрепетъ
Произведешь въ груди моей;
Раскаясь въ мнѣ нѣтъ силы,
Мнѣ галлицизмы будутъ милы,
Какъ прошлой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи. . . .

Мы читаемъ однакожь потомъ письмо Татьяны,
переданное въ прелестныхъ стихахъ. Письмо го-
шовой :

Татьяна, шо вздохнешь, шо охнешь ;
Письмо дрожишь въ ея рукъ,
Облапка розовая сохнешь,
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушкой склонилась;
Сорочка легкая спустилась
Съ ея прелестнаго плеча , . . .

Не скажемъ читателямъ, что сдѣлала Татьяна съ
письмомъ къ Онегину, что дѣлала во весь этотъ
день. . . .

Смеркалось : на столѣ блистая,
Кипѣлъ вечерній самоваръ,
Кашайскій чайникъ нагрѣвая ;
Подъ нимъ клубился легкій паръ.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкамъ темною струею

Уже душистый чай бѣжалъ
 И сливки мальчикъ подавалъ ;
 Татьяна предъ окномъ стояла
 На стекла хладныя дыша ,
 Задумавшись, моя душа
 Прелестнымъ пальчикомъ писала
 На ошуманенномъ стеклѣ
 Завѣтный вензель : О да Е.
 И между тѣмъ душа въ ней ныла
 И слезъ былъ полонъ помный взоръ.
 Вдругъ попопъ ! кровь ея застыла . . .
 Воть ближе ! скачуть . . . и на дворъ
 Евгений . . . .

Оставляемъ читателямъ узнавать послѣдствія въ самой поэмѣ Пушкина. Мы и безъ того невольно выписали столько стиховъ, что наша Библиографическая снѣжка снѣла похожа на крипическія снѣжки Англійскихъ газетъ. Тѣмъ менѣе скажемъ мы о двухъ другихъ прекрасныхъ явленіяхъ нашей Словесности.

Чернецъ , Козлова , напечатанный *третьимъ* изданіемъ , радуешь насъ какъ явленіе маловиданное въ Русской книжной торговлѣ : поэма , въ два года прижды напечатанная , доказываетъ , что публика наша уже понимаетъ прелесть Русской поэзіи , что поэма *Чернецъ* сдѣлалась , такъ сказать , *народною* поэмою. Пожелаемъ дальнѣйшихъ успѣховъ модѣ на хорошіе Русскіе стихи.

Изданіе *Стихотвореній Баратынскаго* исполняетъ давнишнее желаніе публики: имѣть собранными въ одну книгу всѣ мѣлкія стихотворенія пѣвца Финляндіи , Пировъ и Любви. Три

ныи Элегій, болѣ сорока стихотвореній разнаго содержанія, сказка и придцать Посланій составляють собраніе Стихотвореній Баратынскаго. Многія пьесы донинѣ не были еще извѣстны публикѣ, и собраніе ихъ доказываетъ разнообразіе, оригинальность (переводныхъ пьесъ всего только *семь*) и богатство дарованій Поэта, который общается намъ въ будущемъ Поэта высокой степени.

Изданіе Стихотвореній Баратынскаго прекрасно. Пожелаемъ, чтобы наконецъ дурныя изданія перестали у насъ на долю дурно переводимыхъ романовъ, сборниковъ и новѣйшихъ способовъ дѣлать сургучъ и ваксу, а изящныя творенія и ученые книги издаваемы были достойнымъ образомъ (*).

W —

(*) Стихотворенія Баратынскаго продаются въ Москвѣ, въ Коншорѣ Телеграфа, и въ Санктпешербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ Смирдина и Слѣвина. Цѣна 10 рублей ассигн. Г-да многогородные, адресуясь въ Коншору Телеграфа или къ вышеозначеннымъ книгопродавцамъ, могутъ получать сію книгу безъ всякой платы за пересылку. Изд. Тел.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Общій взглядъ на путешествія для открытій, оконченныя въ теченіе послѣднихъ годовъ, и вновь предполагаемыя.

(Окончаніе.)

Въ 1817 году Г-нъ Делла Челла, Италійскій Медикъ, сопутствовавшій сыну Паши Триполійскаго во время похода его противъ возмущившагося брата, также имѣлъ удобство посѣтить Киринаю и сдѣлалъ описаніе оной. Послѣ него мѣста сіи были посѣщены и изслѣдованы съ величайшимъ тщаніемъ однимъ Французомъ, соединяющимъ въ себѣ пламенную любовь къ наукамъ и древностямъ съ самыми обширными познаніями. Мы хотимъ говорить о Г-нѣ Пашо. По рекомендаціи къ Дею Триполійскому, онъ получилъ отъ него позволеніе посѣтить земли между Дерною и Киринаею. Это пространство, на девятнадцать лѣтъ, покрыто развалинами городовъ и деревень. Среди сихъ слѣдовъ утраченныхъ поколѣній, четыре различныя мѣста привлекли особенное вниманіе Г-на Пашо: Натрунъ, на берегу морскомъ, почти совершенно покрытый водою; Амелондегъ, гдѣ существуютъ еще большіе бассейны, изсѣченныя въ скалы; Терешъ, окрестности коего наполнены могилами, и Гернесъ, въ четырехъ лѣтъ отъ Кирины. Подлѣ Дерны есть гротъ, внутренность коего покрыта прелестными арабесками и барельефами, изображающими эмблемы христіанства. Это не одно мѣсто въ Киринаѣ съ видными слѣдами христіанской религіи.

Въ Январѣ 1825 года Г-нъ Пашо былъ въ Ки-риней. »Не возможно выразить« говоритъ онъ, »раз-личныхъ чувствованій друга некуствъ при взглядѣ на сію окрестность и на разрушеніе, претерпѣнное ею отъ времени и вмѣстѣ отъ варваровъ. Ячмень и овесъ покрываютъ тѣ мѣста, гдѣ Аристиппъ и Карлеадъ учили своихъ слушателей; желѣзо плуга раздробляетъ или обезображиваетъ мастерскія произведенія Греческаго рѣзца, и непросвѣщенный Арабъ видитъ въ обломкахъ статуи и колоннъ одни камни, наполняющіе его поля и препятствующіе лучшему урожаю: чтобы избавиться отъ этого, онъ собираетъ ихъ безъ порядка въ кучи, или раздробляетъ на части. Четыре дороги проходятъ по той доли, гдѣ находится Кириная. Онѣ и во всю длину свою обложены плитами, положенными въ равномъ одна отъ другой разстояніи; вмѣсто ихъ часто находятъ саркофаги или ниши, такъ некстати принятыя Докторомъ Делла Челлою за жилища. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ песокъ и земля, покрывшіе дорогу послѣ ея устройства, исчезли, и можно признать на плитахъ желобки, впечатлѣнные Греческими колесницами. Подобные слѣды находятся въ Некрополисѣ и на другихъ публичныхъ мѣстахъ Киринаеи.

»Единственные памятники сей древней и зна-менистой столицы, еще замѣчательной въ своихъ обломкахъ, суть: театръ, бѣгъ, амфитеатръ, два храма и нѣсколько публичныхъ бань; но все это такъ разстроено, что невозможно узнать ни размѣра оныхъ, ни рода Архитектуры. Обломанныя статуи, шафты и капители разби-тыхъ колоннъ, лежатъ въ безпорядкѣ, вполонину

зарытая землю. Но если что напоминает древнюю пышность Кириен, важность ее народонаселения и успѣхи въ искусствахъ, то это остатки обширнаго ея Некрополиса. Восемь или девять рядовъ погребальныхъ часовенъ, помѣщенныхъ амфитеатромъ, служатъ поясомъ горы, на которой была выстроена столица Африканской Греции. Каждая изъ сихъ часовенъ, окруженная гробницами и саркофагами, покрыта надписями и украшеніями: ихъ исполненіе, болѣе или менѣе тщательное, показываетъ, къ какой эпохѣ они принадлежатъ. Одну Греческую надпись можно еще прочесть на Аполлоновомъ фонтанѣ; вода его, среди сихъ явленій упадка и разрушенія, сохранила всю свою свѣжесть, прозрачность и льется между купами кустарниковъ и цвѣтовъ.

»Берегъ между Киринеею и Птолемаидою, выдавшійся впередъ, образуетъ мысъ Фикусъ, сѣверную оконечность Кириен. Сія часть страны, покрытая горами и неровностями, кажется, мало была обитаема древними. Тамъ не видно ничего замѣчательнаго, кромѣ остатковъ нѣсколькихъ военныхъ постовъ на высотахъ. Самыя любопытныя развалины въ Птолемаидѣ суть: развалины храма, гдѣ три колонны еще не упали; аданіе съ Греческою надписью; два квадратныя возвышенія каменной работы, кажется, принадлежавшія къ одному изъ входовъ въ городъ, и нѣсколько гробницъ, выстроенныхъ изъ большихъ каменныхъ плитъ; во внутренности оныхъ по одной или по двѣ комнаты; украшенныхъ барельефами прекрасной работы. Между гробницами и развалинами города есть много бассейновъ, неправильной формы, вокругъ коихъ находятся могильныя часовни, изсѣченныя въ

скалъ. Онѣ неукрашены, такъ какъ въ Некрополи-
сѣ Киринейскомъ, но не менѣе достойны любопыт-
ства великимъ числомъ надписей, ихъ покрывающихъ.

»Тейхира, въ семи миляхъ на юго-западъ отъ
Птолемаиды, была нѣкогда окружена стѣною, за-
мѣтною еще по нѣкопорымъ обломкамъ. Памятни-
ки ея находящаяся въ такомъ-же состояніи какъ и
Птолемаидскіе. Нѣсколько холмовъ земли означа-
ютъ мѣсто, гдѣ была нѣкогда Берениса. Триста
шестьдесятъ ручьевъ орошаютъ и сообщаютъ пло-
доносіе известковой возвышенности, на которой
находится Кириней. Мармарика и пустыня Барка
совершенно безъ воды, но древніе жители умѣли
пособить этому множествомъ каналовъ и водоемовъ:
одни слѣды ихъ видны и Арабы не думаютъ объ ис-
правленіи оныхъ. Впрочемъ, сѣверъ Киринеи есть въ
сей странѣ единственное мѣсто, гдѣ прозябаніе
веселитъ нѣсколько взоръ.»

Во время бытности Г-на Пашо въ Кириней,
ему сказали объ одномъ мѣстѣ, находящемся почти
въ пятидесяти миляхъ отъ сего города, называе-
момъ Марадегъ, котораго положеніе, какъ показа-
лось ему, соответствуетъ положенію Гесперид-
скаго сада Справанова. Онъ прибылъ туда, пере-
ѣхавши пустыню, и нашелъ, что Марадегъ есть
оазисъ, около шести миль въ діаметръ, покрытый
пальмовыми деревьями и орошаемый семью ручьями,
изъ коихъ въ одномъ вода горячая и находится въ
постоянномъ кипѣніи. Границы сей статьи не поз-
воляютъ намъ привести здѣсь многихъ обстоя-
тельствъ, подтверждающихъ первое предположеніе
Г-на Пашо о семъ мѣстѣ.

Г-нъ Гамба, Французскій Консулъ въ Тифлисъ, совершивъ путешествіе на югъ Россіи и особенно въ за-Кавказскія области, представилъ документы, болѣе всего важные для Европейской торговли и долженствующіе, можетъ быть, дать ей новое направление. По его ходатайству, одобренному Генераломъ Ермоловымъ, Императорскимъ Указомъ дарована свобода торговлѣ въ сихъ областяхъ и предоставлены льготы торговцамъ, тамъ водворяющимся. Такимъ образомъ снова открыты пути, по коимъ, во время восточныхъ Императоровъ, привозили въ Европу шелкъ Китайскій, пряные корни и драгоценныя Индійскія камни; сіи-же пути долго были источникомъ богатства и пышности Генуи.

Г-нъ Гамба долженъ былъ бороться съ предрассудками и привычкою, всегда сильно возстающими противъ всякой мысли объ улучшеніи. Но это не смутило его. Сначала онъ издалъ, въ 1825 г., карту, переведенную съ Русскаго на Французскій языкъ, дабы показать своимъ соотечественникамъ страну, на которую обращаютъ ихъ вниманіе: этого было недостаточно. Вскорѣ въ описаніи его путешествій увидѣли столь-же важныя, какъ и любопытныя извѣстія о сихъ отдаленныхъ и намъ болѣею частію едва извѣстныхъ странахъ. Дѣйствительно, не лзя безъ особеннаго вниманія читать то, что онъ говоритъ о торговлѣ Одесской и торговлѣ между Мингреліею и портами Понша Эвксинскаго. Пріятно слѣдовать за нимъ въ поѣздкахъ его въ Севастополь, въ Сукумъ-Кале, Кубу, Дербентъ, Астрахань и въ чепыре Имеретинскія области. Его описанія мѣстъ и нравовъ, новыя и любопытныя, должны нравиться и ученымъ людямъ

и ятъмъ, кто въ чтеніи ищетъ одного удовольствія; но его обширныя виды, цѣль коихъ есть одна существенная польза, необходимо должны быть предметомъ размышленій негоціантовъ и, осмѣливаемся прибавить, Европейскихъ Правительствъ.

Кромѣ путешествій, исчисленныхъ нами, есть и другія, вскорѣ долженствующія совершиться. Тщаніе и попечительность, съ коими они снаряжены, обещають столь-же драгоцѣнные послѣдствія, какія видѣли мы отъ путешествій уже оконченныхъ. Въ числѣ сихъ путешествій важнѣйшимъ можно почестъ новую экспедицію Капитана Парри къ Сѣверному полюсу. Извѣстно, что Англійское Правительство обѣщало въ награду 5000 фунт. стерлинговъ (125,000 рублей) тому мореплавателю, кто первый достигнетъ полюса. Одушевляемый славою и любовью къ наукамъ, Капитанъ Парри не имѣлъ нужды въ подобномъ побужденіи для возобновленія своихъ предпріятій, кои производилъ уже онъ съ ревностью и непоколебимостью, столь достойными похвалъ. Не одни соотечественники желаютъ ему удачи въ предпріятіи: всѣ, кому дороги успѣхи просвѣщенія, должны почитать сего неустрашимого мореплавателя своимъ землякомъ и съ любопытнымъ вниманіемъ смотрѣть на его труды.

Россія не осталась чуждою сему духу изыскательности, сему общему направленію. Снаряжены два корабля, имѣющіе назначеніемъ обозрѣть берега Россійскіе у водъ Тихаго моря и идши для открытій въ южную часть Великаго Океана. На нихъ находятся многіе уважаемые ученые. Оба корабля снабжены всѣми необходимыми астрономическими и физическими инструментами. Затѣхавъ въ Копенгагенъ,

въ Англію, къ Канарскимъ островамъ, въ Ріо-Жанейро, послѣ краткаго пребыванія въ семь послѣднемъ портѣ, путешественники обогнуть мысъ Горнъ, посѣтятъ острова Товарищества, именно Отаити, и оплывутъ къ Сандвичевымъ островамъ. Въ Сисхѣ, заведеніи Россійско-Американской компаніи, корабли разстанутся и начнутъ каждому назначенныя дѣйствія. Въ условленномъ мѣстѣ Южнаго Океана они соединятся въ началѣ зимы 1828 года и возвращаясь въ Европу мимо мыса Доброй Надежды.

Вотъ что исполнено или предположено, въ послѣдніе годы, разными народами, по части путешествій! Не всѣ предпріятія награждались ожидаемымъ успѣхомъ, но вообще, какъ мы сказали въ началѣ сей статьи, ими произведены большіе успѣхи въ Географіи и Естествознаніи. И каково-бы ни было слѣдствіе подобныхъ экспедицій, но мы тѣмъ не менѣе должны уважать и признавать достоинства людей, для пользы наукъ подвергающихъ себя многимъ лишеніямъ и опасностямъ.

П Р И Б А В Л Е Н І Е.

Статья сія, помѣщенная въ одномъ Англійскомъ Журналѣ въ послѣдней половинѣ прошедшаго года, требуетъ пополненій, ибо черезъ годъ, со времени появленія оной въ свѣтъ, извѣстно вномъ слѣдующее о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ путешествій, коихъ она касается.

Въ Англійскихъ Журналахъ пишутъ: «Капитанъ Франклинъ и Докторъ Ричардсонъ прибыли 25 Сентября, сего 1827 года, въ Ливерпуль и отъ

правились въ Лондонъ. Другія особы, составляющія экспедицію, подъ начальствомъ Капитана Блэка и Лейтенанта Кендала, должны возвратиться на корабль компаніи Гудзонова залива; ихъ съ минутой на минутой ожидаютъ на островахъ Оркадскихъ. Экспедиція исполнена очень счастливо. Капитанъ Франклинъ и Капитанъ Блэкъ, сошедши по рѣкѣ Мекензія, слѣдовали западнымъ берегомъ до 150° западной долготы. Они не нашли большаго углубленія берега, но замѣтили, что онъ постепенно принимаетъ направленіе къ сѣверу, до 70° 30' широты; гдѣ, казалось, поворачиваетъ къ западу. На самомъ отдаленномъ пунктѣ своего путешествія Капитанъ Франклинъ былъ не далѣе какъ во 150 миляхъ отъ корабля *Блоссома*, командуемаго Капитаномъ Биггемъ, и если-бы тотъ и другой знали это, то Капитанъ Франклинъ могъ-бы возвратиться въ Англію по Тихому Океану; но неуверенность въ сей встрѣчѣ представляла столько опасностей въ позднее время года, что далѣе углубляться на западъ было-бы непростительнымъ неблагоразуміемъ. Съ большою основательностію Капитанъ Франклинъ возвратился къ озеру Медвѣдя и провелъ тамъ зиму со своими друзьями, также изслѣдовавшими, подъ управленіемъ Лейтенанта Кендала и Доктора Ричардсона, весь берегъ между рѣками Мекензіевою и Мѣдныхъ Рудъ. Сія послѣдняя часть Американскаго берега болѣе изобильна заливами нежели первая: обѣ онѣ изслѣдованы и обогдены неробкими нашими путешественниками. На западъ отъ рѣки Мекензія, большая цѣпь каменныхъ горъ оканчивается въ двадцати или тридцати миляхъ отъ берега. Эскимосы сначала были

недовѣрчивы и непріязненны, но въ послѣдствіи сдѣлались дружелюбны; припасы въ великомъ изобиліи и съ большимъ радушіемъ доставляемы были повѣренными компаніи Гудзонова залива.

«Съ особеннымъ удовольствіемъ можно прибавить, что сія опасная экспедиція не споила жизни ни одному человѣку и что изнуренія и недостатки не имѣли никакого непріятнаго дѣйствія на нашего смѣлаго и неупомимаго путешественника, пользующагося совершеннымъ здоровьемъ, какъ кажется. Собранія по части Естественной Исторіи, составленныя путешественниками, многочисленны, особенно растеніями; Ботаника будетъ обогащена многими новыми родами. Опыты надъ магнитомъ и дѣйствіемъ сѣвернаго сіянія на магнитную иглу, чрезвычайно важны и подтверждаютъ наблюденія Лейшенанта Фоспера (*Liverpool Mercury*).

«О послѣдней экспедиціи Капитана Парри намъ сообщили слѣдующее извѣстіе. Слѣдствія оной, надобно признайся, не соотвѣщаютъ надеждамъ.

„Безъ всякихъ замѣчательныхъ приключеній, Гекла прибыла изъ Англіи въ Гамерфестъ, на берегу Лапландіи, и взявъ извѣстное число оленей, зимней обуви и лодокъ для ѣзды по льду (*), отправилась къ Шпицбергену. Тамъ гавань была покрыта льдомъ, но Гекла, уже много дней затрудняе-

---

(*) Лодки сіи были устроены особеннымъ образомъ: онѣ могли служить и лодкою и санями, смотря по надобности. Будучи сдѣланы изъ легкаго, хотя твердаго и прочнаго лѣса, онѣ были одѣшны кожею и навощеннымъ холстомъ, вслучаѣ надобности послу- жившимъ-бы вмѣсто нарусовъ.

мая на ходу своемъ льдами , продолжала бороться съ сими препятствіями до 27 Мая. Тогда въ первый разъ попытались ѣхать въ саняхъ. Но ледъ скоро взломало , онъ пошелъ и невозможно было употребить въ дѣло ни оленей , ни лодокъ. Гекла, совершенно задержанная льдами , наконецъ освободилась отъ нихъ 8 Іюня : это позволило приблизиться на югъ до Семи острововъ , но тамъ не нашли гавани и принуждены были возвратиться къ Шпицбергену. 19 числа сдѣлали второе покушеніе ѣхать въ саняхъ , но ледъ былъ изломанъ во многихъ мѣстахъ и оказался совсѣмъ не таковъ , какимъ надѣялись его найдти ; идти далѣе стало чрезвычайно затруднительно: двадцать разъ въ день надобно было выбираться изъ лодокъ и опять укладываться. На семь пуги не встрѣтили ни одной льдины которая занимала-бы пространства болѣе трехъ миль. Прибывъ къ 82° широты , путешественники остановлены были сильнымъ дождемъ (что необыкновенно въ сей высотѣ) и ледъ оказался такъ разломанъ и раздробленъ , что люди и лодки безпрестанно грузли въ промоинахъ и надобно было употребить величайшую осторожность , чтобы избѣгнуть гибельныхъ слѣдствій. Но препятствіе непреодолимое , заставившее путешественниковъ отказаться отъ всякаго покушенія идти впередъ , усмотрѣно было въ чрезвычайно сильномъ направленіи льдовъ къ югу : это движеніе такъ стремительно , что въ одинъ день , пройдя упомянутыхъ осымнадцать миль , увидѣли что увлечены на пять миль назадъ къ югу.

Капитанъ Парри не давалъ знать своимъ со-
путникамъ о семъ обстоятельстве до тѣхъ поръ ,

покуда половина запасовъ не была изстрачена; тогда надлежало оставить всю надежду на успѣхъ. Можно почестъ большимъ счастьемъ, что во время замѣтили направленіе льдовъ и что оно было къ Югу, ибо еслибы ледъ пошелъ къ востоку, то при большемъ числѣ больныхъ, неспособныхъ, по мнѣнію Хирурга, переносить трудности пупи, это имѣло бы слѣдствія пагубныя. Въ послѣдніе дни раціоны были уменьшены до восьми унцій говядины, 4 унцій хлѣба, полусестера рому и одной пинты какао, въ супки.

Вышедши изъ льдовъ, лодки выдержали въ открытомъ морѣ жестокую бурю, сопровождаемую снѣгомъ и продолжавшуюся пятьдесятъ шесть часовъ: съ большимъ трудомъ можно было подвигаться впередъ. Между тѣмъ началъ оказываться скорбутъ и единственнымъ лекарствомъ противъ него было скорое возвращеніе. Среди всѣхъ сихъ препятствій и непредвидѣнныхъ случаевъ, постоянство и мужество начальника предпріятія не измѣнялись ни на одну минуту. Такое твердое и благоразумное поведеніе конечно заслуживало-бы лучшія послѣдствія. 82° 45' есть высшая широта, какой достигли въ сію экспедицію. (*Globe and Traveller.*)

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

В ы д е р ж к а.

Мой умъ колода картъ. — »Вотъ вздоръ !
Но знать не перваго разбора !«
Прибавить, въ видъ приговора,
Журнальной партыи *Матадоръ* ;
Вамъ, господа, и книги въ руки !
Но съ вашей легкой мнѣ руки ,
Спасибо вамъ , могу отъ скуки
Играть въ *носки* и въ *дураки*.

*

Въ моей колодѣ по мастямъ
Разсортированы всѣ люди :
Сдаю я желуди иль *жлуди*
По вислоухимъ игрокамъ ;
Есть *бубны* славнымъ за горами ;
Вскрываю *вины* для друзей ;
Живо-усопшими творцами :
Я вдоволь лакоблю *гервей*.

*

На выдержку-ль играть начну ,
Грецитъ *банкъ* глупосей союзныхъ ,
И банкометь , изъ самыхъ грузныхъ ,
Не усидить , когда зачну ;

Ч. XVII. No 19.

Смиляюшся, берутъ съ испуга
Вновь дольщиковъ въ игру свою . . .
Богъ помощь имъ шопить другъ друга,
А я ихъ гуршомъ всѣхъ топлю.

✱

Что мысли? Выдержки ума! —
А у кого задержки въ эшомъ? —
Тотъ засдается, вѣкъ съ лабешомъ,
Въ игрѣ и рѣчи и письма;
Какой ни сдѣлаешь попытки,
А глупость срѣжешь на просакъ!
Онъ проиграется до нишки
И выйдетъ на чисто дуракъ.

✱

Вотъ паршья дамской игрочки,
Друзья два бѣдные Макара:
На нихъ ошъ каждаго удара
Валятся шишки и щелчки:
Одинъ, съ поблекшими цвѣтами,
Съ *последней жертвой*, на мѣль сталъ;
Тотъ мѣломъ, бѣлыми стихами,
Вписалъ свой проигрышъ въ Журналъ.

✱

Игра честей въ большомъ ходу;
Въ нее играшь не всѣмъ здорово:
Играя на честное слово,
Какъ разъ наскочишь на бѣду.
Тотъ сставишь свѣчку злему духу,
Въ прокъ не пойдетъ того казна,
Кто легкоумье ловить въ *мужу*,
Чтобъ дѣлать изъ нѣс слова.

✱

Не суйтесь къ большимъ шузамъ,
 Вы мнѣ подѣ пару недоростки:
 Игрушки кошке, мышкѣ слезки,
 Давно инвердитъ разсудокъ намъ;
 Поищемъ по себѣ игорку,
 Да игроковъ подѣ нашу масть:
 Кто не по силамъ лѣзетъ въ горку,
 Тотъ можешь и въ просакъ понасть.

*

А какъ играть тому съ плеча,
 Кто заручился у фортуны;
 Онъ лука напаянъ всѣмъ струны
 И бей всѣмъ взяжки съ горяча.
 Другой ведетъ разсчетъ, и строгій,
 Но за безсчетныхъ счастье Богъ,
 И тамъ, гдѣ умный выигралъ ноги,
 Тамъ дурачокъ всѣхъ срѣзалъ съ ногъ.

*

Бѣднякъ, дуракъ и намъ съ руки,
 Зброшенный въ народной давкѣ,
 У счастья и у всѣхъ въ отставкѣ,
 Клянъ, развѣ могъ играть въ плевки;
 Теперь онъ стеръ успѣховъ губкой
 Все, чѣмъ обчелся въ старину,
 Въ игрѣ коммерческой съ прикупкой
 Онъ вскрылъ удачно на жену.

*

Друзья! кто хочетъ быть умнѣ,
 Тотъ по пословицѣ поступитъ:
 Продастъ онъ книги, карты купитъ;
 Такъ древно нажилъ умъ Семень.

Умъ въ картахъ : соглашусь охотно!
 Въ ученомъ мѣрѣ видимъ сплошь,
 Домъ книгами набитъ, и плотно,
 Да каршъ не сыщешь ни на грошъ.

✱

Памфилъ, пустая голова!
 Ты игрокомъ себя не числи:
 Не вскроешь ты на козырь мысли,
 Какъ ни тасуй себѣ слова.
 Не такова твоя порода,
 Игрой ты не убьешь бобра:
 Твой умъ и полная колода,
 Я знаю, до не каршъ игра.

Кн. Вяземскій.

Заколдованный домъ.

(Окончаніе.)

Мы не станемъ рассказывать' повѣсти о *Бурномъ кораблѣ*, пересказанной Герръ Антономъ Дольфу; или все, или ничего: Герръ Антонъ проговорилъ далеко за полночь, и по одному отпрыску вы не могли-бы оцѣнить всей занимательности бесѣды Герръ Антона. Но всему свой чередъ. Самая занимательность разговоровъ уступила могуществу дремоты. «Ты хочешь спать, пріятель!» сказалъ Герръ Антонъ, «доброй ночи!» — Онъ завернулся въ широкій мѣховой плащъ свой, прилегъ къ огню и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Между тѣмъ мѣсяцъ выставилъ серебряные рога изъ закругленной вершины Олдъ-Буль-Гилля и освѣтилъ свѣрые утесы и мрачные лѣса, опсвѣчивая дрожащимъ сіяніемъ на зыбкой поверхности обширной рѣки. Ночная роса пала на землю и облокла всю окрестности свѣрымъ туманомъ. Товарищи Герръ Антона прикинули дровъ въ костеръ, насплали Дольфу постелю изъ сухихъ вѣтвей и листьевъ, подъ скалою, и проспились съ нимъ. Нѣсколько времени прошло, пока Дольфъ могъ заснуть. Онъ разсмапривалъ спранный ночлегъ свой и все его окружавшее: дикіе лѣса и утесы, огонь, бросавшій отблескъ на полудикое общество, на Герръ Антона, Богъ знаетъ

чѣмъ, напоминавшаго ему ночнаго посѣпителя его, старика Заколдованнаго дома. Отъ времени до времени слышалъ онъ рыканье дикихъ звѣрей, раздававшееся изъ лѣса; крикъ пустынной совы, пѣніе дикихъ птицъ, въ множествѣ обитавшихъ по окрестностямъ, или всплескъ осетра, во всю огромную длину свою всплывавшаго на поверхность тихой рѣки. Дольфъ сравнивалъ новый ночлегъ, съ обыкновеннымъ своимъ пребываніемъ на чердакѣ докторскаго жилища, гдѣ ночью только и слышалъ онъ бывало однообразный бой городскихъ часовъ; хриплый голосъ *уэть-жема*, протяжно провозглашавшаго, что въ пустыхъ улицахъ *все благополучно*; храпленіе Доктора, распянувшагося въ старыхъ своихъ креслахъ, или хрустѣнье крысы, подгрызавшей гнилыя панели. Мысли Дольфа обратились къ бѣдной старушкѣ, матери его: что думаетъ она о таинственной пропажѣ своего Дольфа? какъ грустна должна быть ей такая потеря? эта мысль безпрестанно мрачила наслажденіе настоящаго его положенія: она влекла за собою чувство горести и страданія; Дольфъ уснулъ со слезами, навернувшимися на глазахъ его.

Вошъ, если-бы я рассказывалъ небывальщизны, теперь, какой прекрасный случай вернуть въ мою повѣсть страннаго приключенія между этими дикими лѣсами и утѣсами, и потомъ веселіе моего героя

изъ бѣды въ опасность, изъ опасности въ бѣду; высвободить его какимъ нибудь чудомъ . . . но все, что я ни пересказываю, сущая правда: я долженъ довольствоваться прѣстѣмъ повѣствованіемъ, говоришь, что было въ самомъ дѣлѣ и держаться во всемъ безхвостой правды.

Рано поутру, на другой день, порядочно позавтракали наши искатели приключеній, сняли лагерь и поплыли въ лодкѣ Герръ Антона. Вѣтеръ не шевелилъ паруса; Американцы дружно начали работать веслами, развлекая скуку однообразія пѣснями объ одномъ изъ бывшихъ людей. День былъ ясный и теплый; ни одна волна не рябила поверхности воды; только весла, ударяясь объ воду, узорили длинными епруями ея поверхность. Вороны, чуя оспашки ужина охотниковъ, собирались стадами и вились на томъ мѣстѣ, гдѣ синій дымокъ поднимался между деревьями и показывалъ мѣсто вчерашняго ихъ пребыванія. Когда плыли наши путешественники между горами, Герръ Антонъ указалъ Дольфу горнаго орла, властителя здѣшнихъ мѣстъ, сидящаго на сухой вѣтви, свѣсившейся надъ рѣкою, и съ поднятыми къ небу глазами, казалось, любовавшагося величіемъ упреннаго солнца. Приближеніе лодки встревожило размышлявшаго властителя. Онъ расправилъ одно крыло, потопъ другое, уравнившись одно мгновѣніе и покинувъ свое сѣдалище, тихо и вели-

чественно поднялся надъ головами плавателей. Дольфъ схватилъ ружье и выпалилъ въ него: пуля сшибла нѣсколько перьевъ съ крыла; выстрѣлъ опоздался отъ утеса къ утесу и повторился въ тысячу отголосковъ; но властитель пернатыхъ летѣлъ тихо, всходилъ выше и выше, большими кругами, надъ зеленою вершиною лѣсистой горы, пока совсѣмъ пропалъ изъ виду за послѣднимъ высочайшимъ ея утесомъ. Дольфъ оскорбился молчаливымъ пренебреженіемъ орла, и почти упрекалъ самого себя, что такъ безразсудно оскорбилъ величественнаго повелителя пернатыхъ. Герръ Антонъ, смѣясь напомнилъ ему, что они еще не выплыли изъ предѣловъ владычія Дондербергскаго духа, а старый Американецъ покачалъ головою и замѣтилъ, что не на добро тощѣ наскочить, кто станеть стрѣлять въ орла, и что, напрошивъ, охотникъ всегда долженъ оставлять ему часть своей добычи.

Впрочемъ, ничто не останавливало путешествія нашихъ странствователей. Весело проплыли они величественныя, пустынные мѣстоположенія, пока достигли острова Поллополя, находящагося въ окончаніи горнаго хребта: здѣсь былъ привалъ; хотѣли провести въ записи самый жаръ и дать отдыхъ гребцамъ. Одни приготавливали шутъ полдникъ, пока другіе отдыхали въ тѣни густыхъ деревь, любуясь красотою окрестнаго мѣстоположенія. Съ

одной стороны представлялся имъ нагорный берегъ, состоявшій изъ горъ крупныхъ и высокихъ, усѣянныхъ лѣсомъ, далеко по водѣ простиравшимъ мрачную тѣнь; съ другой, обширное пространство водъ, подобное большому озеру, отрѣзано было отъ рѣки зеленѣющимъ мысомъ; наконецъ, въ самой дали синѣлась гора Шаунгунъ, какъ застывшая волна на чистой лазури неба, иногда задерживавшейся дымчатымъ облакомъ.

Но я не стану рассказывать подробностей плаванія подлѣ береговъ рѣки: Бродящее, земноводное житье, плаванье по серебристымъ волнамъ, ходьба по дикому лѣсистому берегу, пирушки на тѣнистыхъ мысахъ, гдѣ зелень деревьевъ шумитъ надъ головой и волны рѣки блещутъ у ногъ; отдаленныя горы, и скалы, и деревья, и бѣлоснѣжныя облака, и лазурь неба, все, облеченное прелестью лѣтнихъ дней, все это, прекрасное въ существованіи, надѣваетъ въ повѣствованіи.

Когда останавливались наши спутники, одна часть ихъ шла въ лѣса охотиться, другіе ловили рыбу, иные забавлялись стрѣляя въ цѣль, прыгали, бѣгали, боролись, и Дольфъ приобрѣлъ величайшую благосклонность Герръ Антона своею ловкостью и искусствомъ во всѣхъ сихъ упражненіяхъ; я сказалъ уже, что Герръ считалъ ихъ совершенствомъ человѣческихъ дарованій.

Такъ весело жили они, выбирая только самые удобные часы для путешествія, иногда на утренней зарѣ, иногда въ тихій вечеръ, иногда-же, какъ только блѣдное сіяніе луны начинало серебрить волны, вокругъ небольшого ихъ суденышка. Никогда Дольфъ не жила въ такомъ призывѣ, никогда не чувствовалъ онъ такого согласія со всѣмъ тѣмъ, что его окружало, какъ теперь, въ дикой, подверженной всякимъ случайностямъ жизни. Онъ оказывался человекомъ совершенно такимъ, какихъ любилъ Герръ Антонъ и безпрестанно болѣе и болѣе заставлялъ любить себя. Сердце стараго весельчака билось отъ радости, видя молодого человека, общавшаго со временемъ быть точно тѣмъ, чѣмъ всегда былъ онъ самъ, и когда приближались они къ концу своего путешествія, Герръ не вытерпѣлъ болѣе и просилъ Дольфа разсказать ему подробности своей жизни. Дольфъ обо всемъ откровенно разсказалъ ему, разсказалъ и свое Медицинское ученіе, и малый успѣхъ свой, и будущій сомнительный жребій своей жизни. Герръ чрезвычайно пораженъ былъ тѣмъ, что такія необыкновенныя дарованія, какія видѣлъ онъ въ Дольфѣ, должны быть погребены и скрыты подъ докторскимъ парикомъ. Онъ совершенно презиралъ искусство лекарское, никогда не знавши другаго лекаря, кромѣ своего здороваго сложенія. Онъ не терпѣлъ даже никакого ученія, съ тѣхъ

Горь, какъ еще бывши мальчишкой, высъ-
ченъ онъ былъ, когда не добрался смысла
въ какой-то учебной книжкѣ. И вообра-
зить, что молодой человекъ, подобный
Дольфу, который такъ славно спрыгиваетъ,
удитъ, бѣгаетъ, прыгаетъ, вздиетъ вер-
хомъ, борется, принужденъ будетъ ка-
зать пилулы и шлочы корни для сво-
его пропитанія: это ужасно! Онъ сожго-
валъ Дольфу не опчаваться и «бросить
ремесло людоморовъ.» Передаю слова,
какъ были они сказаны. «Молодой малый,
съ такими удивительными дарованіями,
всегда съешь себя дорогу въ свѣтъ,»
продолжалъ Герръ Антонъ. «Въ Альбани, у
тебя нѣтъ, кажется, никакого пріюта:
ты можешь пристать прямо ко мнѣ и
оспаться подъ моей кровлей, пока не
вздумаешь воротиться домой, а между
тѣмъ мы поохотимся и поудимъ съ по-
бою: жалъ твоей способности оспавлять
долго въ праздности.»

Дольфъ, брошенный на игру случая,
не затруднился въ согласіи своемъ. Впро-
чемъ, какъ онъ ни начиналъ обдумывать,
какъ ни размышлялъ, онъ не могъ не во-
ображать, что Антонъ-фанъ-дербъ-Гейденъ,
такъ или сякъ, связанъ былъ въ участіи
его съ Заколдованнымъ домомъ, что не-
счастный случай, столкнувшій его съ
Герръ Антономъ въ горахъ, *такъ или сякъ*,
велъ къ чему нибудь хорошему. Всего удоб-
нѣе рѣшить затрудненія словами: *такъ*

или сякъ : эта дорожка , по которой брѣдять всѣ беззаботные люди , крѣпкіе заднимъ умомъ , подобные нашему Дольфу Гейлигеру. Идя по ней , могутъ они весьма легко миришь прошедшее горе съ ожидаемымъ счастьемъ и , правду сказать , обладаютъ тайною счастья столько-же драгоценною , какъ философскій камень ; словомъ , нашъ Дольфъ рѣшился идти по легкой дорогѣ *такъ или сякъ*.

По прѣздѣ въ Альбани , появленіе Дольфа покровителя , казалось , произвело всеобщую радость . Множество поздравленій встрѣтило его на берегу , еще больше на улицахъ : собаки ласпались къ нему , мальчишки кричали отъ радости , цѣлый свѣтъ , казалось , знаетъ Герръ Антона . Дольфъ слѣдовалъ за нимъ въ молчаніи , удивляясь чистотѣ , опрятности прекраснаго города : тогда Альбани былъ еще въ полной славы и обитаемъ почти исключительно одними потомками Голландскаго племени . Въ него не набрелъ еще тогда безпокойный народъ изъ Новой Англіи . Все было спокойно и въ порядкѣ : ни шуму , ни крику , ни толканья ; всѣ жили не сшибаясь другъ съ другомъ . Густая трава росла на немощенныхъ улицахъ и веселила глаза своею свѣжею зеленью . Высокіе сикоморы , или плакуція березы осѣняли дома и покрыты были паутинами гусеницъ , безопасно развѣшавшихъ длинныя нити , или въ видѣ бабочекъ радовавшихся новому своему пре-

образованію. Дома построены были въ старинномъ Голландскомъ вкусѣ, съ превысокими кровлями. Опрятныя хозяйки сидѣли на лавочкахъ передъ дверьми домовъ, въ капорахъ, унизанныхъ большими складками, въ красныхъ юбкахъ, съ бѣлыми передниками и усердно вязали чулки. Мужья сидѣли тутъ-же на другихъ лавочкахъ, покуривая табачокъ; у ногъ хозяевъ сидѣли маленькія Негритянки и шили. Ласточки вились вокругъ кровель и косыми линіями быстро пролетывали вдоль улицъ, унося богатые добычи своимъ маленькимъ крикунамъ; прелестные подкрапывники летали вокругъ своихъ крошечныхъ жилищъ, прилѣпленныхъ къ стѣнамъ дома; коровы шли домой, мычали и останавливались подлѣ воротъ своихъ хозяевъ, дожидаясь, когда начнутъ ихъ доить; маленькіе Негрѣнки подгоняли тоненькими хворостинами лѣнивыхъ и отспававшихъ.

Гдѣ ни шелъ Дольфовъ покровитель, вездѣ встрѣчало его ласковое наклоненіе головы хозяина, привѣтливое слово хозяйки, всѣ за просто называли его Антономъ, ибо въ этомъ уголку патриархальнаго быта всѣ жили росли вмѣстѣ и называли другъ друга просто по именамъ, какое кому дано было при крещеніи. Герръ мало однакожь останавливался для обыкновенныхъ своихъ шутокъ: ему нетерпѣливо хотѣлось видѣть своихъ домашнихъ, и вскорѣ Герръ Антонъ и гости его при-

шли къ мирному своему пристанищу. Домъ Герръ Антона былъ огромное строеніе, въ Голландскомъ вкусѣ, съ огромными желѣзными буквами на переди его, показывавшими годъ, когда онъ построенъ; эпоха построенія его восходила почти до временъ первыхъ переселеній Голландскихъ.

Вѣсть о пріѣздѣ Герръ Антона, предупредила приходъ его и уже весь домашній народъ бѣжалъ встрѣтить своего хозяина. Передъ домомъ стояла толпа маленькихъ и большихъ Негровъ. Спарики, посѣдѣвшіе въ домъ Герръ Антона, хохотали отъ радости, неловко поздравляли его и кривлялись, а маленькіе Негры прыгали вокругъ него. Но самое счастливое твореніе, изъ всѣхъ осчастливленныхъ его пріѣздомъ, была невысокая, миленкая, кровь съ молокомъ дѣвушка, единственное дитя его и отрада его сердца. Она прибѣжала и хотѣла обнять своего отца, но при взглядѣ на неизвѣснаго молодого человека, пришедшаго съ отцомъ, застыдилась и обробѣла, какъ обыкновенно робѣютъ дѣвущины, никогда не оставлявшія отеческаго жилища. Дольфъ съ удивленіемъ и радостію смотрѣлъ на нее: никогда Дольфъ не видывалъ ничего подобнаго. Она одѣта была очень мило, по спаринной модѣ Голландомъ, въ узкомъ корсетѣ и коротенькой, широкой юбочкѣ, нарядъ столь выгодномъ для показанія стройнаго снѣга

и хорошенькой ножки. Волосы ея красиво завиты были вокруг маленькой красной шапочки и оплывали свѣжую близну лица ея; глаза были голубые, блестящіе, станъ прекрасный; ножки... словомъ: это была маленькая Голландская богиня, и Дольфъ, не умѣвшій выдерживать силы каждаго новаго впечатлѣнія, поспѣшавлюбился въ нее до безумія.

Ласковымъ привѣтствіемъ пригласили Дольфа войдши въ домъ. Внутреннее устройство дома представляло смѣшеніе любимыхъ привычекъ Герръ Антона съ великолѣпіемъ его предковъ. Мебель въ комнапахъ была старинная, лучшаго краснаго дерева; буфеты и горки блистали тяжелой серебряною посудой и дорогимъ Китайскимъ фарфоромъ. Надъ каминомъ былъ, по обыкновенію, фамильный гербъ, раскрашенный и въ кружкѣ. Выше его висѣло отличное ружье съ Американскими снарядами и пороховымъ рогомъ. Главная комната убрана была множествомъ Американскихъ орудій, калюмешами мира, томагауками, ножами и поясами изъ уампуна; тутъ-же были разнаго рода рыболовные приборы и два или три охотничьи ружья. Домашнія дѣла вообще ведены были, какъ видѣлось, по прихотямъ хозяина, поправляемымъ, можетъ быть, маленькими заботами его дочки. Патриархальная простота и добродушіе замѣтны были во всѣхъ поспукахъ домашняго народа.

Негры приходили безъ всякаго призыва въ комнапы, только для того, чтобы смотрѣть на своего хозяина и слушать его рассказы: они стояли у дверей, пока онъ продолжалъ говорить, потомъ смѣялись и уходили рассказывать въ кухню, что услышали. Пара маленькихъ Негрѣнковъ играла на полу въ собаками и оппимала у нихъ хлѣбъ, намазанный масломъ. Всѣ люди съ домъ Герръ Антона были веселы и счастливы, а когда накрыли ужинъ, разнообразіе и изобиліе домашнихъ припасовъ показывали, и роскошную щедрость хозяина, и оппичное умѣнье хозяйствовашъ его дочери.

Вечеромъ собралась главнѣйшая Альбанская знать, фанъ-Реннселлеерсы, фанъ-Гансеворпы, фанъ-Розебоомсы и другіе друзья Фанъ-Деръ-Гейдена, слушать рассказы о новомъ его походѣ: онъ былъ Синдбадь Альбани, и подвиги и похождения его были любимымъ предметомъ разговоровъ между жителями Альбани. Когда спарики засѣли подлѣ дверей и рассказывали другъ другу безконечныя исторіи, Дольфъ учтиво подсѣлъ къ дочери Герръ Антона, сидѣвшей на лавочкѣ у кошкой. Они уже успѣли познакомиться между собою: въ тѣ счастливыя времена не знали еще притворной осторожности и пустыхъ околичностей, и притомъ всегда было и есть что-то чрезвычайно благодѣтельное для любовниковъ въ мракѣ длинныхъ

лѣтнихъ вечеровъ: таинственный сумракъ ободряетъ самый несмѣлый языкъ и не даетъ замѣшить щежъ, пышащихъ огнемъ робкой спѣдливости. Однѣ звѣзды блистали на небѣ и фонари проходящихъ, по временамъ, слабо мелькали въ комнатахъ мимобѣгущимъ свѣтомъ.

Что говорилъ Дольфъ на прелестное ушко дѣтки Герръ Антона, пересказать не возможно: слова были такъ тихо, такъ неявно выговариваемы, что ни одно почти слово не дошло до ушей Дольфова историка. Вѣроятно, впрочемъ, что у Дольфа не недостало краснорѣчія. Припомъ, онъ былъ одаренъ природнымъ дарованіемъ нравиться дѣвушкамъ. Дольфъ и сосѣдка его совсѣмъ не замѣтили, что собесѣдники Герръ Антона, одинъ за другимъ, убрался изъ дома; Герръ Антонъ, упомянутый разсказами, дремалъ въ своихъ креслахъ, какъ вдругъ пробудилъ его громкій поцѣлуй, копорымъ Дольфъ Гейлигеръ неосторожно вздумалъ кончить одинъ періодъ своей рѣчи, и копорый опдался въ тишинѣ комнаты, какъ исполненный выспрѣлъ. Герръ поднялся съ кресла, велѣлъ подать огня и замѣтилъ, что пора распаиваться и идти спать; но желая доброй ночи, онъ дружески пожалъ руку Дольфа, смѣючись поглядѣлъ на него и значительнѣе покачалъ головою. Ахъ! добрый Герръ Антонъ хорошо помнилъ, что и самъ онъ бывалъ молодъ.

Комната, гдѣ помѣстили нашего героя, была обширна и обита дубомъ. В ней главную мебель составляли шкафы съ платьемъ и огромные коммоды, чистю вытертые воскомъ и украшенные мѣднымъ скобками; въ нихъ набито было множество бѣлья. Добрыя Голландскія хозяйки изстари любили похвастаться такимъ домашнимъ богатствомъ передъ посѣтителями.

Впрочемъ, душа Дольфа была такъ полна, что нѣкогда ему было замѣчать что за предметы его окружали; но онъ не могъ однакожь удержаться, чтобы не сравнить на досугъ свободное, сердечное житье-бытье Герръ Антона съ запачканнымъ, скучнымъ хозяйствомъ Доктора Ниппергаузена; еще сверкнула у него мысль, разрушавшая всѣ его радости, мысль, что онъ скоро долженъ оставить своего добраго хозяина и милую хозяйку и снова быть одинъ одинѣхонекъ на бѣломъ свѣтѣ. Остаться здѣсь надолго была-бы непростительная глупость: онъ и безъ того уже влюбленъ по уши, а такому бѣднику, каковъ былъ онъ, мечтать о дочери знаменитаго Герръ Антона-фанъ-дерь-Гейдена... и мысль объ этомъ казалась Дольфу сущою глупостью! Самая ласковость, какую показала милая эта дѣвушка, по какому-то размышленіи, заставляла его ускорить отъѣздомъ: завоевать сердце дочери Герръ Антона значило заплатить

му дерзкою неблагодарностью. Словомъ: Дольфъ думалъ и размышлялъ какъ многіе молодые мыслители, съ добрымъ сердцемъ и легкою головою, думаясь сдѣлавши и вѣлаясь иначе нежели придумали: вечеромъ рѣшались превосходнымъ образомъ, а утромъ забудуть на что рѣшились.

«Но, право, мое путешествіе не дурно-же кончилось!» сказалъ Дольфъ, погружаясь въ мягкую постелю и закрываясь вѣдымъ, чистымъ одѣяломъ. «Вмѣсто того, чтобы мнѣ возвратиться домой съ кошломъ денегъ, меня бросило на чужую сторону; въ карманѣ ни одного шпивера, а сверхъ того, я влюбленъ въ такую неровню, что и подумать спрашно! Да что до этого» (прибавилъ онъ, потягиваясь и перевернувшись на одинъ бокъ): «квартира у меня теперь славная, а шамъ . . . будемъ думать о томъ, что есть: придетъ день, будетъ умъ. Не даромъ говорится: *той-ли дорогой, другой-ли, а все къ лучшему.*»

Говоря такъ, онъ протянулъ руку и хотѣлъ запустить свѣчку, какъ вдругъ остановился и испугался: онъ увидѣлъ — привидѣніе Заколдованнаго дома, споявшее передъ нимъ въ темномъ углу комнаты..

Другой взглядъ разувѣрилъ его: онъ узналъ, что принятое имъ за привидѣніе, въ самомъ дѣлѣ было только Голландскій портретъ, висѣвшій надъ коммодомъ въ углу. Впрочемъ, портретъ этотъ былъ

точное изображеніе ночнаго поѣдителя Заколдованнаго дома: такой-же влохъ, такая-же съдая борода и выпученные глаза; такая-же шляпа, съ перомъ на одной споронѣ! Дольфъ вспомнилъ теперь о сходствѣ, какое замѣчалъ онъ столько разъ между Герръ Антономъ и старикомъ Заколдованнаго дома, и вполнѣ убѣдился, что между ними было что-то общее и что какой-то таинственный жребій управлялъ его путешествіемъ. Онъ смотрѣлъ на портретъ почти съ такимъ-же страхомъ, какъ прежде смотрѣлъ на таинственный подлинникъ его, пока звонкій бой стѣнныхъ часовъ не возвѣстилъ ему, что уже давно наступила ночь. Дольфъ потушилъ огонь; но долго оставался онъ въ раздумьѣ о всѣхъ любопытныхъ обстоятельствеяхъ и отношеніяхъ; все вертелось у него въ головѣ, пока онъ не заснулъ. Ему привидѣлся сонъ, и сонъ этотъ былъ сообразенъ бродящимъ его мыслямъ. Снилось Дольфу, что онъ все еще смотритъ на портретъ старика и что портретъ постепенно оживляется, сходитъ со стѣны, идетъ по комнатамъ, а Дольфъ слѣдуетъ за нимъ и оба очутились — у колодца въ Заколдованномъ домѣ! Тутъ старикъ указываетъ пальцемъ на колодезь, ухмыляется и исчезаетъ.

Проснувшись поутру, Дольфъ увидѣлъ у постели своей Герръ Антона. Весело пожелалъ онъ Дольфу добраго утра

и спросилъ: каково гостѣ его ночевалъ? Дольфъ отвѣчалъ ему и скорѣе спѣшилъ разспросить о поршрентѣ, вѣсѣвшемъ на стѣнѣ. «Ахъ!» сказалъ ему Герръ Антонъ, «это поршрентъ стараго Кидіана Фанъ-дерь-Шпигеля, одного изъ бургмейстеровъ Амстердамскихъ, который, по случаю какого-то смѣшенія, оставилъ Голландію и перѣхалъ въ здѣшнюю сторону, во время губернаторства Петра Спюйвезанта. Онъ былъ предокъ мой, по женскому колену, и старый скупяга. Когда Англичане захватили Новый Амстердамъ, въ 1664 г., онъ удалился въ деревню; тамъ впалъ въ задумчивость, безпрестанно мечтая, какъ-бы не опниали у него имѣнія и какъ-бы не сдѣлаться ему подъ старость бѣднякомъ. Онъ обратилъ все въ наличныя деньги и спрячалъ; годъ, или два, послѣ того бродилъ еще по разнымъ мѣстамъ, пересѣдвался, скрывался, все думая, что Англичане его преслѣдуютъ и хотятъ опниять у него деньги. Наконецъ, нашли его однимъ упрямъ мертваго въ его постелѣ, и до сихъ поръ никто не знаетъ, гдѣ спрячалъ онъ большую часть своихъ сокровищъ.»

Герръ Антонъ вышелъ изъ комнаты и Дольфъ нѣсколько времени былъ погруженъ въ размышленія. Вся душа его была наполнена слышаннымъ рассказомъ. Онъ вспомнилъ, что Фанъ-дерь-Шпигель было родовое имя его машери и что ему разска-

зываютъ когда то почто о Киііанѣ Фанъ-деръ-Шпигелѣ, какъ объ одномъ изъ его предковъ. Дольфъ слыжалъ даже отъ матери, что мужъ ея, Дольфовъ отецъ, былъ законный наслѣдникъ этого старика Киііана; но что шарикъ умеръ, не оставя ему ничего въ наслѣдство. Теперь увидѣлъ Дольфъ, что Герръ Антонъ также попомокъ, а можетъ быть и наслѣдникъ этого бѣднаго богача, и что слѣдовательно Фанъ-деръ-Гейденъ и Гейдигеры между собой родни. „Что,“ думалъ Дольфъ, „если послѣ всего этого, вопъ и изъясненіе моихъ сновъ; если я долженъ былъ всдѣлаться счастливымъ повздкой въ Альбани и если я найду забытое богатство старика въ колодцѣ Заколдованнаго дома? Но каковъ-же крюкъ сдѣлалъ этотъ шарый скряга для объясненія своей тайны! Что-бы ему рассказать мнѣ тогда-же у колодца, не заставляя меня плыть въ Альбани, купаться въ рѣкѣ — и все для того только, чтобы выслушать здѣсь разсказъ объ немъ и опсправиться опять шарымъ путемъ?“

Такъ думалъ Дольфъ одѣваясь. Онъ сходилъ по лѣстницѣ, въ нѣкоторомъ сомнѣніи, когда вдругъ мелькнуло передъ нимъ прелесное личико Маріи Фанъ-деръ-Гейденъ и улыбка ея, казалось, разрѣшила всѣ сомнѣнія Дольфа. „Да!“ подумалъ онъ, „шарикъ правъ. Если онъ дѣлаетъ меня своимъ наслѣдникомъ, вѣрно ему хотѣ-

«лось, чтобы и прелестная внучка его также досталась его наследнику. Оба семейства родныя могутъ вновь соединиться и богатство опарика достанется всемъ имъ, кому должно.»

Только что пришло это въ голову Дольфа, какъ онъ былъ уже совершенно убѣжденъ. Теперь нетерпѣливо желалъ онъ поскорѣ вѣхать назадъ и завладѣть богатствами, которыя, какъ не сомнѣвался онъ болѣе, лежали на днѣ колодца; онъ прелепалъ, чтобы прежде его не открылъ ихъ кто нибудь другой. „Кто знаетъ,“ думалъ Дольфъ, «если у этого похитителя Заколдованнаго дома въ обычаѣ являться каждому похитителю и если онъ все разскажетъ такому-же какъ я бродягѣ, а тотъ прогуляется не до Альбани, а только до колодца?» Тысячу разъ желалъ Дольфъ, чтобы на это время спарикъ Заколдованнаго дома сдѣлался такимъ-же сиднемъ, какъ портретъ его на стѣнѣ у Герръ Антона. У Дольфа была точно лихорадка вѣхать. Два или три дня прошло однакожь, пока представился ему случай отправиться въ Мангаштое. Какіе тяжелые были эти дни! Цѣлые вѣка, не смотря на то, что миленькая Марія улыбалась ему весело и что Дольфъ каждый день болѣе и болѣе въ нее влюблялся.

Наконецъ шло, съ котораго такъ удачно слетѣлъ Дольфъ, приготовился къ отплытію. Дольфъ недовко разсказалъ

хозяину своему о причинахъ скорого отъезда. Герръ Аншонъ изумился. Онъ было распорядился уже подюжины поѣздокъ въ окрестности и Американцы его готовились къ большой экспедиціи на одно изъ дикихъ озеръ. Герръ отвелъ Дольфа въ сторону и испощилъ все краснорѣчіе, убеждая его оставить помышленія о дѣлахъ и побыть еще съ нимъ, но напрасно. Герръ принужденъ былъ наконецъ замолчать, и только замѣтилъ, что «жаль, очень жаль, если такой отличный молодой человекъ принужденъ попусту перясть свое время». Впрочемъ, Герръ Аншонъ дружески сжалъ руку Дольфа на прощанье и подарилъ ему любимое свое ружье, вмѣстѣ съ приглашеніемъ: считать его домъ за свой собственный, когда еще вздумается посѣтить Альбани. Марія не сказала ни слова; но когда Дольфъ поцѣловался съ нею на прощанье, щеки ея поблѣднѣли и слезы сверкнули на глазѣнкахъ.

Тотчасъ побѣжалъ Дольфъ на корабль. Паруса подняли, вѣтеръ задулъ; скоро пропалъ вдаль Альбани, съ его зеленѣющими горами и веселыми островами. Быстро проплыли Каапскидльскія горы, у которыхъ очарованныя вершины были на шопъ разъ свѣшлы и безоблачны. Благополучно миновали владѣнія Дондербергскаго духа и его подчиненныхъ. Миновавъ Аверспраусскій заливъ, Крошонскій мысъ,

переплывъ Таппаанское море, на третій день послѣ обѣда плаватели наши увидѣли Обокенъ, чернѣвшій вдали, какъ облако, и вскорѣ послѣ того, крышки домовъ Манганптойскихъ появились изъ волнъ рѣки.

Первая мысль Дольфа была бѣжать къ своей доброй матери; ему покою не давала мысль: какъ перенесла она потерю сына; онъ не зналъ однакожъ и того, какъ и объяснилъ ей опѣздъ свой, не открывая тайны Заколдованнаго дома, а этой тайны онъ никому не хотѣлъ ввѣрять. Въ такомъ-то раздумьѣ Дольфъ вошелъ въ улицу, гдѣ былъ домъ его матери... но каково было изумленіе его, когда на мѣстѣ дома онъ увидѣлъ только кучу развалинъ!

Тутъ узналъ Дольфъ, что во время его отсутствія страшный пожаръ истребилъ множество большихъ домовъ: и бѣдная хижинка госпожи Гейлигеръ подверглась разрушенію вмѣстѣ съ ними. Дольфъ едва могъ распознать нѣкоторые слѣды тѣхъ мѣстъ, гдѣ пропекло его дѣтство. Не смотря на опустошеніе пламени, каминъ подлѣ котораго игрывалъ Дольфъ, еще торчалъ въ обгорѣлыхъ стѣнахъ дома, украшенный Голландскими изразцами, съ разными изображеніями, на которыя съ такимъ удивленіемъ смотривалъ прежде Дольфъ. Между обломками домашняго скарба нашелъ онъ остатки креселъ, на которыхъ сидѣла прежде добрая мать его, давая сыну своему полезныя нравоученія.

Даже и исчитанная книга проповѣдей Гуса Фанъ-деръ-Шлагферштанда, полуобгорѣлая, валялась на родимомъ пепелищѣ.

Страшное зрѣлище это ужаснуло Дольфа, когда онъ подумалъ, что мать его погибла въ пламени. Но скоро вывелъ его изъ ужаснаго сомнѣнія одинъ сосѣдъ, случайно шедшій мимо и сказавшій ему, что госпожа Гейлигеръ еще жива.

Впрочемъ, добрая старушка поперяла все въ этомъ несчастіи. Народъ, сбѣжавшійся на помощь, такъ занятъ былъ тасканьемъ имѣнія изъ домовъ богатыхъ ея сосѣдей, что небольшая хижинка и все что имѣла бѣдная старушка сгорѣло безъ всякой помѣхи; безъ усердной помощи стараго друга, Пипера Грудта, вѣроятно и сама бѣдная мать Дольфа, съ своимъ котомъ не избѣжала-бы участи, постигшей домъ ея и все имѣніе.

Испугъ, горе сразили госпожу Гейлигеръ и она сдѣлалась больна. Публика оказала къ ней Впрочемъ, все свое благорасположеніе. Кромѣ того, что когда спасли все, что было возможно, у богатыхъ сосѣдей ея, люди, тушившіе огонь, рѣшились было помогать и госпожѣ Гейлигеръ, но увидѣвъ, что у нее уже нѣчего спасать, всѣ сошлись къ обгаркамъ дома, жалѣли объ ея участи, и шутъ-же положили собрать ей что нибудь на бѣдность. Несчастный жребій ея сдѣлался предметомъ всеобщаго со-сраданія. Всѣ жалѣли объ ней болѣе не-

желали когда нибудь прежде, и если-бы сожалѣніе можно было перебить въ деньги. . . Боже милостивый! какъ богата сдѣдалась-бы госпожа Гейлигеръ!

Наконецъ, рѣшено было на самомъ дѣлѣ, что надобно чѣмъ нибудь пособить ей въ крайности. Въ слѣдствіе этого Доминусъ торжественно объявилъ въ первое воскресенье, что благочестивые его слушатели не должны отказать въ помощи бѣдной вдовѣ спарушкѣ, и всѣ благочестивые слушатели тотчасъ изъявили самыми разительными словами свое участіе. Даже Альдерменъ Кобужъ Гроссбикъ и Герръ Милльдоллеръ, богатый Голландскій купецъ, встали съ своихъ скамеекъ и присоединили свои голоса къ Доминусову. Само по себѣ разумѣется, что состраданіе столь знаменитыхъ гражданъ было весьма важно. Докторъ Ниппергаузенъ тогда-же посвѣпалъ по званію своему госпожу Гейлигеръ, ссудилъ ее, безъ всякой плашмы, множествомъ добрыхъ совѣтовъ и всѣ хвалили Доктора за его человеколюбіе. А что дѣлалъ старый другъ, Питеръ Грудшъ? Что могъ сдѣлать этотъ бѣднякъ, и къ чему-бы годилось его состраданіе, увѣщаніе и совѣты! Да онъ и не говорилъ ни слова, а сдѣлалъ только что могъ: далъ у себя приютъ бѣдной спарушкѣ.

Къ смиренному жилищу Питера Грудша тихонько побрелъ Дольфъ. Ида, онъ

вспомнилъ всю нѣжность и любовь своей добродушной матери, ея снисходительность къ его проступкамъ, ея забывчивость его шалостей, и когда привелъ она себя на память свою безпечную, шалостливую жизнь, «я былъ негодяй!» вскричалъ онъ и печально опустилъ голову. «Такъ! признаюсь въ этомъ! Но,» прибавилъ Дольфъ, сложа руки и смотря на небо, «но пусть только она останется жива, пусть только будетъ жива . . . я докажу, что я сынъ, достойный своей доброй матери!»

Когда Дольфъ приблизился къ дому Пипера Грудта, старикъ эпошъ вышелъ нечаянно изъ дверей и съ ужасомъ отступилъ отъ Дольфа, не зная: не привидѣніе-ли какое явилось передъ нимъ! Но какъ тогда было еще на дворѣ свѣтлѣхонько, Пиперъ скоро опомнился отъ ужаса, вспомнивъ, что мертвецы въ такую пору не ходятъ. Дольфъ узналъ отъ почтеннаго ключаря о страхахъ и слухахъ, какія произвела въ городѣ нечаянная пропажа его. Единогласно рѣшили всѣ, что Дольфа унесъ нектошной, гостившій въ Заколдованномъ домѣ, и старикъ Абрагамъ фанъ-Дозеръ, жившій неподалеку отъ ужаснаго этого дома, увѣрялъ, что въ ту самую ночь, когда пропалъ Дольфъ, слышенъ былъ въ воздухѣ спрашный крикъ, точно, какъ будто огромное стадо дикихъ гусей летѣло подъ облаками. Въ слѣдствіе всего этого, на Заколдованный домъ начали

смотримъ еще съ большимъ ужасомъ, нежели прежде. Ни за что въ свѣтъ, никто не хотѣлъ уже въ немъ оспаться на ночь, а Докторъ, даже и днемъ переспалъ туда вѣднѣ.

Надобно было взять нѣкоторыя предосторожности, чѣобы мамери сказать о приѣздѣ Дольфа. Бѣдняжка уже считала его погибшимъ, а припомъ душа ея была еще безпреспанно перзаема усердіемъ посьпителей и посьпительницъ, приходившихъ къ ней съ разсказами о мершвецахъ и людяхъ, унесенныхъ нечистыми духами. Дольфъ нашель спарушку въ постелѣ, съ послѣднимъ оспаткомъ величія дома Гейлигеровъ, спарымъ копомъ: бѣднякъ мурныкалъ по прежнему, хотя въ пожарѣ спалилъ свои усы, придававшіе такое величіе его фізіогноміи. Добрая спарушка заплакала, крѣпко обвила руки свои около шеи Дольфа и только могла воскликнуть: «Дитя мое! ты еще живъ!» — На минушу, казалось, она забыла всѣ свои потери и несчастія, отъ радости, при видѣ сына. Спарый котъ шопчасъ показалъ явные знаки, что и онъ радуется возвращенію молодого своего хозяина.

Глаза спарушки еще болѣе оживились, когда она увидѣла, что кромѣ ее самой, есть еще швореніе, которое радуется возвращенію ея сына. «Тибъ узналъ шебя! бѣдняжка!» сказала она, поглаживая шелковистую шерсть своего любимца; но вдругъ

поглядѣла на себя, печально опустила голову и прибавила: «Ахъ! милый мой Дольфъ! матери твоей нечѣмъ будетъ помогать тебѣ! не знаю, какъ я и сама буду питаться! Что-же будетъ съ тобою, дитя мое!»

— Не говорите мнѣ объ этомъ, маменька! вскричалъ Дольфъ. Я долго былъ вамъ въ тягость, и теперь пришелъ мой чередъ успокоить васъ на старости. Ободрились, не грустите! Вы, и я, и Тибъ доживемъ еще до веселыхъ дней. Вы видите, что я молодъ, здоровъ и крѣпокъ. Я не сомнѣваюсь, что все пойдетъ хорошо, и вѣрьте, что *той-ли дорогой, другой-ли, а на свѣтѣ все къ лучшему!*“

Пока все это происходило въ домѣ Пяттера Грудта, вѣсть долетѣла къ Доктору Ниппергаузену, что ученикъ его возвратился живъ и здоровъ по прежнему. Маленькій человѣчекъ самъ не зналъ: радоваться-ли ему или печалиться при этой вѣсти. Правда, появленіе Дольфа опровергало страшные рассказы объ его загородномъ помѣщеніи, но ему, страхъ какъ досадно было, что ученикъ, ошъ котораго онъ почиталъ уже себя освобожденнымъ, опять, какъ съ неба свалился, ему на руки. Такъ колебался Докторъ между двумя различными чувствами, пока совѣты Фрау Илзе рѣшили его, что гораздо выгоднѣе упереться на самовольное отсут-

спыіе Дольфа и захлопнуть ему навсегда двери.

Вотъ, къ тому времени, какъ, по вѣзмъ расчешамъ, бѣглый ученикъ долженъ былъ явиться на старое гнѣздо свое, все приготовлено было къ его принятію. Дольфъ наговорился съ своею матерью, утѣшилъ ее, отправился къ дому своего quondam наставника и дрожащею рукою постучался въ двери. Едва только раздался первый, скромный ударъ его, какъ Докторова голова, въ красномъ спальномъ колпакѣ, высунулась въ одно окошко, а голова управительницы, въ бѣломъ ночномъ чепчикѣ, въ другое. Дольфъ осыпанъ былъ спрашнымъ множествомъ упрековъ и выговоровъ, смѣшанныхъ съ неопѣненными совѣтами, какими люди обыкновенно ссужаютъ друзей въ несчастіи и человека въ бѣдѣ. Черезъ нѣсколько минутъ не было ни одного окошка въ цѣлой улицѣ, въ которомъ не появилась-бы какая нибудь голова въ спальномъ колпакѣ и не слушала звонкое щебетанье Фрау Илзе и хриплое кваканье Доктора Ниппергаузена. Отъ окошка къ окошку летала одна рѣчь: «А! вотъ Дольфъ Гейлигеръ явился и хочетъ приняться за старое ремесло!» — Короче: бѣдный Дольфъ увидѣлъ, что отъ Доктора нѣчего ждать, кромѣ добрыхъ совѣтовъ: этого добра, видно такъ много было у Доктора, что онъ даромъ кидалъ его за окно. Дольфъ по неволѣ ударилъ опбой и

на ночь принужденъ былъ просить себѣ ночлега у честнаго Пипера Грудта.

На слѣдующее утро, чуть забрежжилось, какъ Дольфъ былъ уже въ Заколдованномъ домѣ. Тамъ все осталось точно такъ, какъ было въ послѣдній его ночлегъ. Поле вокругъ заросло густою травою и по всему можно было замѣтить, что ни одна душа человѣческая не приближалась сюда во время Дольфова отсуствія. Съ трепещущимъ сердцемъ подошелъ онъ къ колодезю, заглянулъ въ него и увидѣлъ, что колодезь этакъ глубокъ и что въ немъ есть вода. Дольфъ запасся уже крѣпкою хворостиною, подобною пѣмъ, какими удятъ рыбу на ошмѣляхъ Ньюфаундленскихъ. На ней прикрѣпилъ онъ грузило и крючокъ. Такимъ орудіемъ началъ Дольфъ мѣрять колодезь и удилъ что попадется. Онъ увидѣлъ, что глубина воды въ колодезѣ порядочная и что камни, упавшіе сверху колодца, завалили его. Много разъ крючекъ цѣплялся тамъ за каменья и едва не изломалось удилище. Но вотъ Дольфъ зацѣпилъ и вытащилъ — черепъ конской, еще . . . спремена! Уже давно ловилъ Дольфъ, а ничего еще не поймалъ онъ такого, что-бы могло разогнать его сомнѣнія, или подкрѣпить надежды. »Какой-же я дуракъ“ (вскричалъ онъ)! »повѣрилъ моему бреду“ . . . Дольфъ рѣшился бросить крючекъ свой въ колодезь и опказаться ошъ всѣхъ надеждъ своихъ.

»Еще разъ !« вскричалъ онъ , это будетъ послѣдній !« Дольфъ еще разъ опускаетъ крючекъ, чувствуетъ, что грузильцо понесетъ между камнями, и когда онъ хочетъ тащить свое удилице назадъ , видить , что крючекъ зацѣпился за что-то тяжелое. Со всею осторожностію началъ онъ выпаскивать, боясь чтобы пруть, который такъ и гнется, не изломался. Мало помалу , камни закрывавшіе то, что прицѣпилось къ крючку, развалились на всѣ стороны. Дольфъ вытащилъ свою добычу на поверхность воды и — какова была радость его, видя , что на крючекъ висѣло что-то, блестящее, какъ серебро ! Едва дыша, Дольфъ тащилъ свою добычу, удивляясь необыкновенной ея тяжести и спрашась безпрестанно, что она сорвется съ крючка и бухнетъ опять въ воду. Наконецъ Дольфъ выпаскиваетъ ее изъ колодца благополучно: это большая серебряная миса, старинной формы, богатой ошдаки и съ гербами, точно такими, какіе были на каминѣ въ домѣ госпожи Гейлигеръ. Вся миса эта опущана была накрѣпко проволокою. Дрожащею рукою Дольфъ распушываетъ проволоку . . . распуталъ . . . глядишь: миса полнѣхонька большихъ золотыхъ монетъ, такого чекана, какого Дольфъ до того времени и не видывалъ ! Явно, что онъ нашелъ скрытое мѣсто, гдѣ старый Киліанъ Фанъ-дери-Шпигель спряхалъ свои сокровища.

Боясь, чтобы какойнибудь проходящий его не замѣшилъ, Дольфъ потчасъ убѣжался отсюда тихонько и спрячалъ свою драгоценную мису въ самомъ сокровенномъ мѣстѣ. Онъ побѣжалъ въ городъ и началъ распускать самыя спрашныя исторіи о Заколдованномъ домѣ, осперегая всякаго, что не должно даже и подходить къ нему близко, а самъ между тѣмъ въ ненастные дни, когда никого не было на окрестныхъ поляхъ, всегда бывалъ тамъ, потому что, надобно сказать правду, ночью и самъ Дольфъ не смѣлъ туда показаться. Въ первый разъ въ жизни сдѣлался онъ дѣятеленъ и трудолюбивъ, продолжалъ свое новаго рода ловленіе, постоянно, съ успѣхомъ, и въ самое короткое время наловилъ столько денегъ, что въ тѣ умѣренныя времена, могъ на цѣлую жизнь свою сдѣлаться однимъ изъ богатѣйшихъ бургеровъ.

Разсказывать-ли подробно остальную исторію Дольфа? Сами догадаетесь, что помаленьку постарался онъ перепродать всѣ свои сокровища, не возбуждая ни удивленія ни подозрѣній; что наконецъ, удовлетворивъ всѣ опасенія свои, онъ зажилъ славно, женился на миленькой Маріи Фанъ-деръ-Гейденъ, съ Геррѣ Антономъ жилъ душа въ душу и весело разбѣзжалъ съ нимъ по окрестностямъ Альбани и Мангашпое.

Впрочемъ, не лѣзя не досказатъ вамъ, что Дольфъ взялъ спарушку мать свою къ себѣ въ домъ и, какъ самый добрый сынъ,

лелѣяла ее въ преклонныхъ лѣтахъ. Госпожа Гейлигеръ насладилаcь наконецъ шую радостью, что о сынѣ своемъ ни опть ко-го не слыкала зловѣщихъ толковъ; напротивъ, онъ каждый день болѣе и болѣе приходилъ въ общее почтеніе, всѣ хорошо говорили объ немъ и объ его винахъ, и самый гордый бургмейстеръ никогда не отказывался опть приглашеній къ Дольфову обѣду. Часто Дольфъ за столомъ рассказывалъ о своихъ шалостяхъ, заставлявшихъ цѣлый городъ ненавидѣть его; но пущь всѣ соглашались, что эптѣ шалости были самыя остроумныя шутки, и гости, самыя степенные и важныя, хохотали до упаду, слыша рассказы весельчака Дольфа. Никто такъ не былъ изумленъ неожиданными достоинствами Дольфа, какъ старый наставникъ его, Докторъ Ниппергаузенъ, но Дольфъ такъ былъ не злопамятенъ, что сдѣлалъ его своимъ домашнимъ Докторомъ, взявъ однакожь предосторожность выкидывать за окошко все, что ни предписывалъ Докторъ. Мать Дольфа часто собирала въ зимніе вечера старыхъ знакомыхъ своихъ пить чай, въ веселой небольшой комнаткѣ своей, и когда Ниптеръ Груднѣ, сидя пущь у огонька и качая на колыняхъ внучка ея, поздравляла ее съ тѣмъ, что Дольфъ сдѣлался такимъ великимъ человекомъ, добрая старушка всегда съ удивленіемъ покачивала головою и опивчала: «Ахъ, шны сосѣдъ сосѣдъ! Да не говорила-ли жѣ

тебѣ всегда, что Дольфъ право будешь лучше всякаго другаго ?

Такъ-то поживалъ Дольфъ, радостно и благополучно, и чѣмъ старѣе и умнѣе онъ становился, тѣмъ веселѣе былъ и совершенно разрушилъ старое повѣрье, что *кладъ нейдетъ въпрокъ*. Онъ употреблялъ свои деньги на добрыя дѣла, сдѣлался почетнѣйшимъ гражданиномъ, а наконецъ и членомъ правительства. Онъ былъ великій покровитель всѣхъ полезныхъ общественныхъ учрежденій, какъ то: *Общества библиотекса и Клуба пѣсельниковъ*; почетное мѣсто отводили ему на всѣхъ общественныхъ обѣдахъ; онъ первый ввелъ въ употребленіе черепаховые супы, улучшилъ породу скаковыхъ лошадей и драчливыхъ пѣшуховъ, и всегдашнимъ былъ покровителемъ скромныхъ дарованій: кто умѣлъ спѣть застольную добрую пѣсню или рассказать хорошую исторію, могъ быть твердо увѣренъ, что за Дольфовымъ столомъ вѣрно найдетсѣ для него мѣсто.

Дольфъ былъ также членомъ Общественнаго Комитета, издавашаго полезныя учрежденія объ усприцахъ, и подарилъ городовому совѣту большую пуншевую чашу, сдѣланную изъ той серебряной мисы, кошорую Дольфъ выпатилъ прежде всего изъ колодца; чаша эта и теперь хранишся, какъ драгоценный подарокъ.

Наконецъ, тихо и весело скончался нашъ Дольфъ въ глубокой старости и съ величайшею почестью погребенъ былъ на кладбищѣ маленькой Люшеранской кирхи въ Садовой улицѣ, гдѣ можете еще и теперь видѣть его памятникъ, съ скромною эпитафіею, написанною въ Голландскихъ стихахъ другомъ его Герръ Юспусомъ Бенсономъ, стариннымъ и превосходнымъ поэтомъ Мангапштойской области.

Повѣсть, слышанная вами отъ меня, основывается на самыхъ вѣрныхъ фактахъ, какіе едва-ли можно предъявить для всякой другой повѣсти въ этомъ родѣ. Почтенный дворянинъ Іосія Фанъ-деръ-Мееръ слышалъ ее отъ своего дяди, слышавшаго ее отъ самого Дольфа. Окончаніе своего разсказа Дольфъ довѣрялъ только, за величайшую тайну, немногимъ испытаннымъ друзьямъ, за собственнымъ своимъ споломъ, и за большою, вышеозначенною, пуншевою чашею, и какъ спранны и неимовѣрны ни были по видимому подробности разсказа, но никогда и ни одинъ изъ слышавшихъ не показывалъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Да! я и забылъ было сказать вамъ, что Дольфъ почитался однимъ изъ самыхъ искуснѣйшихъ спрѣлковъ изъ лука, въ цѣлой области.

(Сб Англіѣск. F.)

II. С М Ъ С Ъ.

Журналистика.

Подписчикамъ *Журнала Преній* присланъ былъ въ прошломъ мѣсяцѣ пробный листокъ *Вѣстовщика* (le Nouvelliste), Ахенской Газеты, ежедневно издаваемой Боваромъ, Редакторомъ и типографщикомъ. Этошъ журнальный образчикъ не прельстителенъ и вѣроятно никого у насъ не соблазнитъ на подписку. Такъ и-быть, ради домашняго издѣлья, можно подписываться на свои и худые Журналы; но кто-же велишъ за свои деньги покупать чужое, когда оно нехорошо? *Вѣстовщикъ* наружностью походитъ на Франкфуртскій Журналъ, но хуже напечатанъ; порядокъ внутренній, кажется, очень сбивчивъ; тому, который спроситъ о духѣ этой Газеты, можно отвѣчать, что образчикъ, намъ доставленный, надушенъ пространною спашею о происхожденіи, родословіи, качествахъ, и проч. и проч., трюфелей, которою, или которыми поживился одинъ изъ ученѣйшихъ Журналистовъ нашихъ. Вотъ что называется лакомиться добромъ на перехватъ и не давашь ничему спуска!

Между провинціальными Французскими Журналами встрѣчаются такіе, которые могутъ поспорить въ достоинствѣ и съ столичными, или, по крайней мѣрѣ, идти непосредственно за ними. Вотъ замѣчательнѣйшіе изъ выходившихъ въ свѣтъ въ прошломъ году: *Просвѣтитель Роны* (l'Éclaircisseur du

Rhône), *Независимый* (*l'Indépendant*), печатались въ Лионѣ; *Указатель Бордосскій* (*l'Indicateur Bordelais*), *Журналъ Тулузскій* (*le Journal de Toulouse*), *Сѣверное Эхо* (*l'Echo du Nord*), *Другъ Харти* (*l'Ami de la Charte*), выходившіе въ Клермонъ - Фарами и въ Нантъ и *Листокъ Камбрейскій* (*la Feuille de Cambrai*). Впрочемъ, провинціальные Журналы, также, какъ и Парижскіе, раздѣлены на мнѣнія. Правительство, по числу подписчиковъ каждого Журнала, можетъ такимъ образомъ, безъ лишнихъ издержекъ и трудовъ, судить о большинствѣ голосовъ за такое-то или другое мнѣніе. Периодическія изданія, здѣсь упомянутыя, были въ большомъ расходѣ, за постоянное направленіе ихъ къ пользѣ общественной, за неуклонное служеніе истины распространеніемъ мнѣній благонамѣренныхъ, тѣсно сопряженныхъ съ благосостояніемъ гражданскимъ и государственнымъ.

Подписчики *Кормтаго*, прекращеннаго, получаютъ въ возмездіе *Французскую Газету* (*la Gazette de France*); слѣдовательно: подозрѣнія наши и опасеніе, что подписныя деньги пропадутъ безъ зачета, оказались несправедливыми. *Французская Газета* слыветъ во Франціи Іезуитскою газетою. У насъ, слава Богу, Іезуитовъ нѣтъ, и по этому намъ до еееокрашическихъ мнѣній ея дѣла мало. Но все-же имѣетъ она болѣе правъ на любопытство наблюдателей, потому, что она рѣшительнѣе и въ своемъ направленіи прямѣе *Кормтаго*, который всегда лавировалъ и держался береговъ. Мы будемъ во временахъ знакомить читателей Телеграфа

съ листками Французской Газеты, а на первый раз почерпнемъ въ ней примѣчательный отрывокъ изъ Исторіи Наполеона, В. Скоптомъ изданной. Читателямъ Журналовъ извѣстно, что новый Историкъ нанесъ въ сочиненіи своемъ тяжкое обвиненіе на Генерала Гурго, приверженца Наполеона, товарища его въ ссылкѣ и извѣстнаго военными сочиненіями; что Генераль написалъ очистительное опроверженіе; что В. Скоптъ подтвердилъ свой приговоръ и представилъ историческіе доводы. Изъ Журналовъ не видимъ полного слѣдствія и производства любопытной пляббы, и потому не прислаемъ ни къ шой, ни къ другой сторонѣ, хотя для чести человечества и шоржества неизмѣнной вѣрности несчастію, желаемъ Генералу Гурго оправдаться и разсѣять подозрѣнія, затмѣвающія блескъ его прежней жизни. Вотъ пока сущность пляббы:

„Генераль Гурго (слѣдуя за Наполеономъ на островъ Св. Елены) оставилъ во Франціи мать и сестру, нѣжно его любившихъ и къ которымъ онъ былъ сердечно привязанъ. Изъ дружбы къ нимъ и въ слѣдствіе желанія ихъ увидѣться съ нимъ, Генераль Гурго захотѣлъ возвратиться въ свое отечество. Ревносіе и несогласія, господствовавшія между имъ и Графомъ Берпираномъ, еще болѣе утвердили его въ этомъ намѣреніи: онъ просилъ Губернатора и получилъ отъ него позволеніе ѣхать прямо въ Лондонъ. Оставляя островъ Св. Елены, говорилъ онъ Сирь-Гудзонъ-Доу и Барону Стюрмеру, Австрійскому Коммисару, о тайныхъ надеждахъ и планахъ, коими занимались въ Лонгвудѣ. Приѣхавъ въ Англію, весною 1818 года, онъ не менѣе опкровененъ былъ къ Правительствомъ и уведомилъ его о разныхъ

предположеніяхъ побѣга, кои были представлены Наполеону, о удобствахъ и затрудненіяхъ сихъ плановъ и о причинахъ, побуждавшихъ Наполеона предпочесть пребываніе на островѣ покушеніямъ побѣга. Тогда думали, что Генералу Гурго хотѣлось попасть въ милость у Короля Французскаго; какъ-бы то ни было, какія ни были-бы его собственныя намѣренія, но черновыя подлинныя извѣщеній, данныхъ имъ Сиръ Гудзонъ-Лоу, Барону Спюрмеру и послѣ въ Лондонѣ Вице - Секретарю военному, хранятся въ архивахъ; извѣщенія сіи сходствуютъ между собою и достоверность ихъ не подлежитъ сомнѣнію (*et leur authenticité ne sauroit être mise en question*). Всѣ подробности означены съ величайшимъ тщаніемъ; но въ именахъ соблюдена строжайшая осторожность, съ тѣмъ, чтобы никто не могъ подпасть отвѣстственности по приведеннымъ показаніямъ. Вообще эти подлинныя черновыя носятъ на себѣ, какъ и ожидать должно, отпечатокъ чистоты и правды.

„Намъ часто будетъ случай ссылаться на сіи документы, съ тѣмъ, чтобы читатель могъ противопоставить истинныя намѣренія Наполеона, рѣчамъ, способствующимъ ему для достиженія своей цѣли. Мы узнаемъ, что Генераль Гурго, возвратившись на твердую землю, принялся за прежнюю свою нѣжность къ памяти Императора, и вѣроятно теперь жалѣетъ, что сообщилъ тайны заоченія его, ушамъ не совѣтъ дружелюбнымъ; но сія перемѣна въ чувствахъ не можешь ни сколько ослабить истины свидѣтельства его, ни уничтожить права нашего предавать гласности доставленные отъ него свѣдѣнія“ (томъ XVIII, глава 5, изданіе in 12).

»Генераль Гурго (прибавляеть къ тому Газета Лионская, изъ коей почерпнута статья сія во Французскую Газету) не можеть-ли къ оправданію своему сказать, что личная преданность особи Наполеона не ослѣпляла его до той степени, что онъ готовъ былъ принести въ жертву сему чело-
вѣку спокойствіе и выгоды Европы, которую новое покушеніе, подобное Эльбскому, могло еще разъ предать пламени?»

Едва-ли и это оправданіе очистило-бы обвиняемаго. Генераль Гурго могъ, не входя въ разногласіе съ совѣстью своею, отклонить-ся отъ соучастія въ исполненіи предположеній, которыя казались ему предосудительными, но ничто не должно было побудить его предать чело-
вѣка, уже и такъ судьбою справедливо преданнаго, когда этотъ чело-
вѣкъ, уповая на свидѣтельства самоотверженія и величайшихъ пожертвованій, ему въ дань приписе-
ныхъ Генераломъ Гурго и малымъ числомъ его то-
варищей, повѣрялъ имъ тайныя помышленія свои, какъ друзьямъ испытаннымъ въ горнилахъ несчастія, имъ общаго. Довольно найдется людей, которые во всѣхъ случаяхъ готовы поступать по разсчетамъ
благоразумія и такъ называемой повелительной не-
обходимости, но весело и утѣшительно встрѣчать изрѣдка исключенія, увлекающіяся романтизмомъ сердца, когда дѣло идетъ о своей собственной опа-
сности и о вѣрности къ благодѣтелю въ не-
счастіи.

Какъ-же не признать, что есть *согласіе геніевъ*, до крайней мѣры эпитетскихъ! Господа Кришкики! судите сами. Едва появилась у насъ *Александронда*— и у Французовъ печатные станки шакже застопорили подѣ поэмою въ двадцати четьрехъ пѣсняхъ: *Александронда или отомщенная Греція*, сочиненіе Сильвана Фаланшея. Александръ Македонскій, герой Фаланшея-Омира. Не только *согласіе* въ подвигѣ, но и въ пріемахъ: и Французской поэмы на первый случай показалась только голова, изъ десяти пѣсней составленная, а хвостъ попявешся въ непродолжительномъ времени. *Французская Газета* отзывается съ похвалою о представленномъ образцѣ: но отзывается-ли кто съ похвалою о лишттературномъ вкусѣ Французской Газеты? Вотъ вопросъ. И у насъ одинъ Журналь ахаль въ посхищеніи . . . Вотъ и здѣсь *статка* журнальная! »Н. Н. ругается за умъ такого-то, «говорилъ Н. . . , а кто ругается за умъ Н. Н.?» спросилъ онъ съ живостью.

На горизонтѣ Литтературы Французской еще носится эпическая туча: *Кловисиада*, героическая поэма, въ двадцати четьрехъ пѣсняхъ. Охота было Омиру подавать такой несчастный примѣръ! Сочинитель этой поэмы какой-то *Дародъ-де Лильбомъ*. Откуда берутся эти дородные Эпики? Достойно замѣчанія, что худые поэты принимаютъ охотнѣе хорошихъ запоземы, трагедіи и Геркулесовскіе подвиги поэтического міра. Какъ часіно тотъ, кто не чувствуетъ въ себѣ силы написать изящное посланіе, остроумную эпиграмму, замысловатую пѣсню, приступаетъ къ комедіи въ пяти актахъ,

въ стихахъ, чтобы запугать огромнымъ предпріятіемъ добросердечныхъ судей, которые спѣшатъ посторониться почтительно предъ пышнымъ цугомъ Парнасскаго Бригадира, только не Фонъ-Визинскаго.

Журнальный сыщикъ.

*П а р и ж с к і я   м о д ы   (*).*

Le gros de Naples uni ou broché, le mérinos broché, la popeline unie, la bourre de soie, sont les étoffes des robes et des redingotes. On voit plus de robes à carreaux que de robes à raies et à pois. Les étoffes rayées, dites *osagiennes* ou *missouriennes* ressemblent beaucoup aux *calmandes* qui étaient à la mode dans la jeunesse de la plus que centenaire Elisabeth Durieux. — Ventre de girafe, ou brun-osage, vert-antique sont les couleurs à la mode pour les robes de mérinos. Les volans sont brodés en soie de la même nuance. — Le matin, en négligé, les merveilleuses et les jeunes personnes portent des tabliers très-étroits et très-courts, à la *provençale*, en taffetas à carreaux. Ces tabliers, froncés du haut, sont dentelés tout autour, ou bordés d'une ruche découpée; ils ont deux petites poches. — Déjà, le soir, au spectacle, et même l'après-midi à la promenade, les élégantes ont repris leur *boa* de martre. — Les chapeaux de satin noir commencent à devenir nombreux: les uns sont garnis d'un grand biais qui entoure la forme et qui est doublé, ainsi que la passe, en satin couleur de feu.

(*) До 10 Октября, 1827 г.

Souvent ce biais figure par devant, un croissant. A droite et à gauche, au bas de la forme, sont placés deux plumets couleur de feu, en plumes lisses. — Quelques chapeaux habillés, en velours noir ou jaune-girafe ont, au haut de la forme, deux plumets blancs, et entre ces plumets une longue plume blanche. Une rosette, ou plutôt une large cocarde en ruban de satin agrafe à la fois les plumets et la plume — Parmi les fleurs de fantaisie qui servent à orner des chapeaux et des bérêts, nous citerons de l'avoine à feuilles d'or et à grains noirs; de la fougère dont la tige est en soie jaune-orange, et dont les feuilles sont en plumes noires; enfin une fleur, dont les tiges nombreuses et menues sont terminées par de petites boules noires et brillantes. — Grand nombre de bérêts en gaze-mousseuse, en gaze-neige, en gaze-damassée, sont composés de grand plis, qui forment comme trois éventails. Entre ces plis on place les fleurs de fantaisie que nous venons de décrire, et de plus des cerceaux de ruban ou des rouleaux de satin. — Les merveilleux portent des boutons de chemise en cornaline rouge taillée à facettes. — Les nouveaux lorgnons sont à deux verres, se plient et se replient, pour entrer dans un étui d'écaille, d'où on les fait sortir en poussant un petit bouton d'or. L'étui doit être très étroit; les verres doivent le dépasser de chaque côté. On ne dit plus mon lorgnon, mais mon binocle.

Гроденаль, гладкій или вышитый, меринсовая ткань, вышитая, поплинь гладкій, бур-де-суа — вотъ матеріи для платьевъ и реденгошовъ. Платьевъ изъ матерій съ квадратами болѣе видно, нежели изъ матерій съ полосками и кружечками. Матеріи полосатыя, называемыя *Озажскими*, или *Миссурскими*, походятъ на *Кальмандскія*, бывшія въ модѣ за спо. — Цвѣтъ : *брюхо жирафа*, темно-озажевый и зеленый цвѣтъ змѣвика — вотъ модныя цвѣта для платьевъ изъ меринсовой ткани. Воланы на нихъ вышиваются шелкомъ такого-же оштѣнка, какъ платье. — Упромъ, *запросто*, щеголихи и молодые особы носятъ узенькіе, коротенькіе передники *Провансальскіе*, изъ пафты съ квадратами : они дѣлаются съ двумя карманчиками ; сверху въ складкахъ ; края ихъ вырѣзаны зубчиками, или обшиты сръзаннымъ рюшемъ. — По вечерамъ, въ театрѣ, и даже послѣ обѣда на прогулкахъ, щеголихи начали уже носить тумакковыя *боа*.

Апласныя, черныя шляпки входятъ болѣе и болѣе въ употребленіе ; иныя изъ нихъ убираются большимъ косякомъ, окружающимъ тулью и подбитымъ, также, какъ и поля шляпки, апласомъ огненнаго цвѣта ; иногда косякъ этотъ составляетъ напередѣ шляпки полумѣсяцъ. Направо и налево, внизу тульи, два плюмажа изъ гладкихъ перьевъ, огненнаго цвѣта. — На нѣкоторыхъ нарядныхъ шляпкахъ, изъ бархата, цвѣта чернаго, или желшо-жиратоваго, въ верху тульи, видите два бѣлые плюмажа и между ними длинное бѣлое перо. Розетка, или лучше скажешь, широкая кокарда изъ апласныхъ лентъ служишь аграфомъ, и плюмажамъ и перу. — Изъ

исла выдуманныхъ цвѣшовъ, служащихъ къ украше-
нію шляпокъ и беретовъ, упомянемъ объ овсѣ, съ золо-
тыми листочками и черными зернушками; о папо-
ютникѣ, у котораго стебелекъ шелковый, цвѣща
желто-оранжеваго, а листочки изъ черныхъ перьевъ;
законецъ, объ одномъ цвѣточкѣ, у котораго много-
численные тоненькіе стебельки оканчиваются чер-
выми, блестящими шариками. — Большое число
беретовъ изъ *пѣнистаго газа*, изъ *газа смѣжнаго*,
изъ *газа камтатнаго*, состоятъ въ большихъ склад-
кахъ, образующихъ, какъ будто три вѣра. Между
ними складками находятся выдуманные цвѣты, о
коихъ мы говорили, и сверхъ того, обручки изъ
ленгъ, или апласные выпки.

Щеголи носятъ на рубашкахъ пуговицы изъ
краснаго, граненнаго à facettes, сердолика (корнали-
на). — Новые лорнетсы, съ двумя стеклами, скла-
дываются такъ, что легко можно помѣстить ихъ
въ черепаховый футлярчикъ; стекла выходятъ, если
подавите золотую пуговку на футлярчикѣ, копо-
рый долженъ быть весьма плоскій. Стекла должны
быть видны изъ него съ обѣихъ сторонъ. Теперь
нѣтъ уже въ употребленіи слова: *lorgnon*, но гово-
рятъ: *binocle*.

На страницѣ 119 ж No 18 го Телеграфа, въ строкѣ 29 ж,
вмѣсто: *зелено-сѣрый цвѣшомъ* должно быть: *цвѣтомъ*
аримбдлки.

На приложенной картинкѣ :

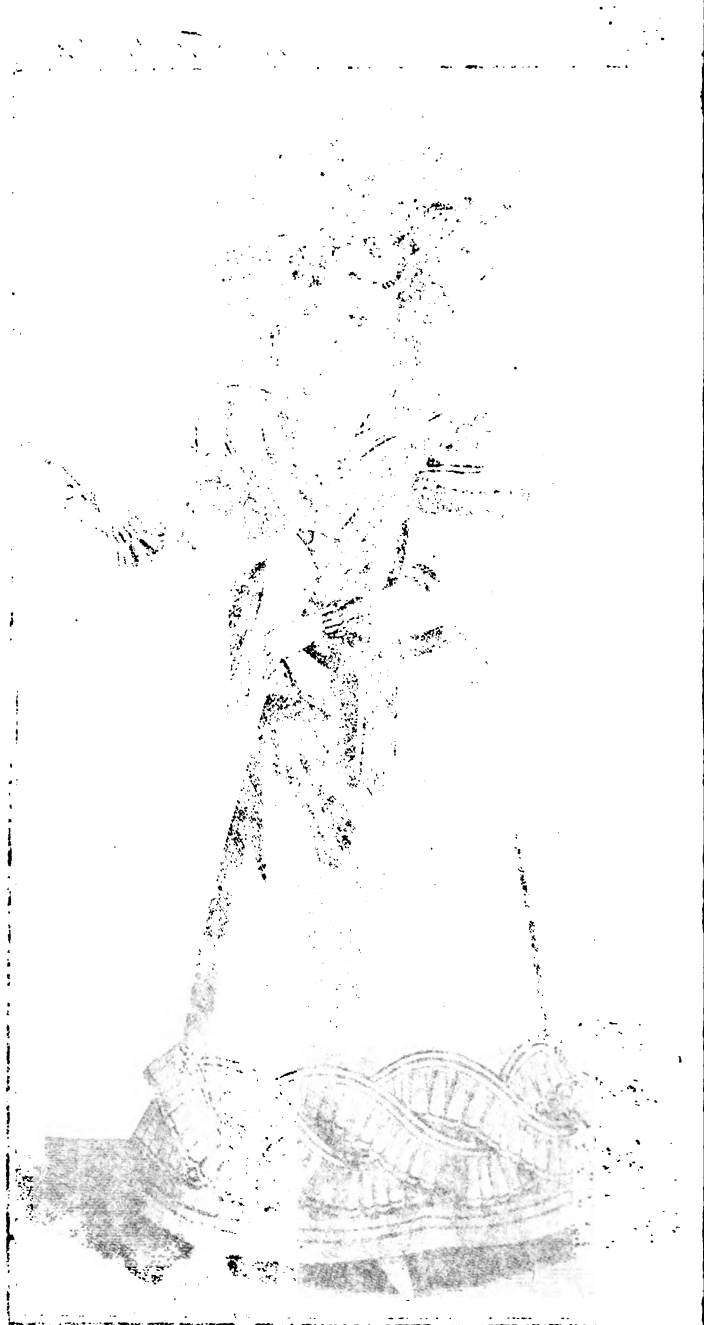
Апласная шляпка, убранная блондами, перьями
и вѣнкомъ изъ гранатъ. Платье изъ морелевой ма-
теріи ; уборка : воланы, окруженные дугами изъ
шелку.

Въ Петербургъ 10 Октября, 1827.

The person in the dress is standing next to the plant.

ИЗВѢЩЕНІЕ

О ВНОВЬ ВЫШЕДШЕМЪ МЕДИЦИНСКОМЪ СОЧИНЕНІИ ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ВРАЧЕБНЫЯ ЗАПИСКИ,

издаваемыя Докторомъ Медицины М. Маркусомъ, Надворнымъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ, Московской Голицинской больницы Инспекторомъ.

Врачебная Наука и Искусство, основываясь на познаніи законовъ природы и ея дѣйствій на человеческое шло, какъ въ здоровомъ станѣ и болѣзненномъ состояніи, — представляешь въ наши времена кругъ свѣдѣній, распространяющій свои предѣлы ежедневно болѣе и болѣе ошъ умножающихся наблюдений и опытовъ. На сихъ послѣднихъ сѣ ошдаленнѣйшихъ временъ основывалось искусство врачевать, а посему, всякой новый опытъ, всякое новое наблюдение, должно необходимо упрочивать сие основаніе. Врачъ, преслѣдующій усовершеншвованіе своей науки, долженъ необходимо знать перемѣны, случающіяся въ кругу оной; но часшо встрѣчаешь къ шому большія затрудненія; ибо новѣйшія. наблюдения и опыты заключаются, или въ особыхъ швореніяхъ, или въ періодическихъ иностранныхъ сочиненіяхъ, коихъ приобрѣшеніе шѣишъ значительныхъ издержекъ.

Желая, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать къ усшраненію шоль важнаго препяшшвія къ распространенію врачебныхъ свѣдѣній въ нашемъ Ошечествѣ, нижеподписавшійся намѣренъ издавать Медицинское сочиненіе подѣ заглавіемъ: Врачебныя Записки, коего главнѣйшею цѣлію будетъ: собирая истинно-полезныя врачебныя свѣдѣнія,

разсѣянные по многочисленнымъ Иностраннымъ, особенно же періодическимъ сочиненіямъ передавать ихъ въ крашнихъ, но объемлющихъ сущность предмѣша извлеченіяхъ на языкъ ошечешвенномъ.

Другое, не менѣе полезное назначеніе сихъ Записокъ есть то: чшобы сдѣлать оныя со временемъ хранилищемъ наблюдений ошечешвенныхъ Врачей.

Предмѣшомъ сихъ Записокъ будущъ Врачебная Наука и Искусство во всей обширности, съ шѣмъ однакожъ, чшобы Праншическая часть Медицины какъ полезнѣйшая предшавлялась преимущественно внимацію чшашеля, Теоретическая же ограничивалась бы шольно необходимымъ изложеніемъ шѣхъ предмешовъ, кои нужны для Медицины основанной на опытахъ и наблюденияхъ, пушеводимыхъ здоровымъ и сшрогимъ сужденіемъ.

Источники, изъ коихъ почерпнутся сообщаемыя свѣденія, кромѣ оригинальныхъ классическихъ швореній, будущъ всѣ лучшія иностранныя Періодическія изданія, Медицинскаго содержанія.

Сшашьи помѣщающся въ двухъ слѣдующихъ отдѣленіяхъ: первое отдѣленіе, заключаая науки собственно Медицинскія, будешъ содержать сшашьи: изъ Паталогіи, Терапіи, Хирургіи, Акушерства, Судебной Медицины, Медицинской Полиціи, Науки о Женскихъ, Дѣшскихъ и Глазныхъ болѣзняхъ. Во второе отдѣленіе, предназначаемое для вспомогаельныхъ наукъ Медицины, помѣщающся сшашьи изъ разныхъ ошраслей Естешвовѣденія, какъ въ ошношеніи Физиологическомъ шанъ и Фармакологическомъ.

Въ заключеніи сообщаемы будущъ Литературныя, библіографическія. и разнаго содержанія любольшіи извѣстія.

Сочиненіе сіе издаваемо будетъ въ неопредѣленное время книжками, заключающими не менѣе 12 лисповъ. — Благосклонное принятіе онаго опредѣлишь число книгъ, долженствующихъ выдти въ продолженіи будущаго 1828 года, впрочемъ Издашель предполагаетъ издавать оныхъ до шрехъ.

Цѣна каждой книжки или часши 5 руб. ассигнац.

Первая часшь уже выпла,изъ печати и роздаешся у Гна Полеваго, въ Коншоръ Московскаго Телеграфа, на большой Дмишровѣ въ домѣ Г. Селивановскаго, гдѣ принимаешся подписа и на слѣдующія часши. —

Д. М. Маркусъ.

ПРОДОЛЖЕНІЙ

МОСКОВСКАГО ТЕЛЕГРАФА.

Ободренный шрехъ-лѣтнимъ, постояннымъ вниманіемъ Публики и Лишперашоровъ отечественныхъ и иностранныхъ, нижеподписавшійся будещъ продолжашъ изданіе *Московского Телеграфа* и въ будующемъ 1828 году.

Цѣль сего Журнала остаеиъся прежняя: по возможности полное изображеніе современнаго состоянія Наукъ и просвѣщенія, въ Россіи и иностранныхъ государствахъ, и взглядъ на успѣхи ума человеческого по главѣйшимъ отраслямъ знаній. Но абы соединить пользу съ удовольствіемъ, Телеграфъ заключаеиъ въ себѣ оиѣдленіе Изящной словесности, Разныя Извѣстія и Сибъсѣ.

Расположеніе Телеграфа, заслужившее одобреніе просвѣщенной Публики, остаеиъся прежнее.

I. НАУКИ И ИСКУСТВА. Оригинальныя и переводныя изъ новѣйшихъ иностранныхъ книгъ и Журналовъ сшашъи, касашельно Изящныхъ Искусствъ, Историческо - Политическихъ знаній наиъ-шо: Истории собственно, Исторической Критики, Археологии, Сшашистики, Политической Экономіи, и прочъ).

II. КРИТИКА. Разборы важѣйшихъ новыхъ сочиненій, отечественныхъ и иностранныхъ, касашельно историческихъ и другихъ знаній; шакже разборы важѣйшихъ произведеній Изящной Словесности, въ Лишперашурахъ: Русской, Французской, Нѣмецкой, Англійской, Польской.

III. БИБЛІОГРАФІЯ. Извѣстія о новыхъ книгахъ, издаваемыхъ въ Россіи, съ вращими о нихъ замѣчаніями.

Библиографическія извѣстія о замѣчательнѣйшихъ явленіяхъ иностранныхъ Лишперашуръ.

Журналистика или разсмотрѣніе современныхъ Журналовъ, отечественныхъ и иностранныхъ.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ. Историческія обзорѣнія важѣйшихъ событій современныхъ; біографіи и некрологи знаменитыхъ современниковъ; ученія извѣстія; новыя открытія, изобрѣшенія; пушешествія. Вообще, въ семъ оиѣдленіи приложено будещъ сшараніе (исключая политическія извѣстія и изслѣдованія) предсшавить картину современной Истории, Географіи и Сшашистики.

V. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Произведенія, въ стихахъ и прозѣ, ошечесивенныхъ Лишшерашоровъ; Русскія повѣсти; ошрывни изъ новѣйшихъ романовъ и повѣсти извѣстныхъ иноошранныхъ писателей; нравы и проч.

VI. СМѢСЬ. Разныя лишшературныя извѣстія; переписка; извѣстія о шеапахъ, о замѣчательныхъ событіяхъ въ Москвѣ, Пешербургѣ и другихъ мѣстахъ нашего ошечесшва; Французскія и Англійскія моды, съ каршинками новѣйшихъ модныхъ кошшюмовъ, дамскихъ и мужскихъ. *Картинокъ приложено будетъ (какъ прежде) въ теченіе года тридцати шесть.*

Въ 1-мъ отдѣленіи, Издашель, сверхъ другихъ предмешовъ, обратишъ вниманіе чашателей на ошечесшвенныя фабрики, заводы, мануфакштуры и коммерцію. — Военная исторія также досшавишъ много матеріаловъ. — Событія прежнихъ временъ будущъ иногда предшавляемы въ занимательныхъ историческихъ повѣствованіяхъ.

Въ 3-мъ отдѣленіи, Издашель посшараетъ, сколько возможно полнѣе, помѣстишъ библіографію *всѣхъ Русскихъ книгъ и Журналовъ*, включая книги и Журналы, выходящія въ Остѣ-Зейскихъ и Польскихъ обласшяхъ Россійской Имперіи, для чего приняшы Издашелемъ предварительныя мѣры.

Телеграфъ въ шеченіе шрехъ лѣшъ былъ украшаемъ произведеніями ошличнѣйшимъ Лишшерашоровъ нашихъ. Издашель надѣешся, что и на будущее время они не ошавяшъ украшашъ Телеграфъ своими произведеніями. — Издашель имѣешъ нѣсколько драгоцѣнныхъ и донынѣ неизвѣстныхъ произведеній прежнихъ знаменишыхъ нашихъ писателей, также многіе историческіе акты и памятники, кои будущъ помѣщены въ Телеграфѣ.

Съ Новаго года будущъ еще издаваемо, при каждой книжкѣ Телеграфа, особенное Привавленіе подѣ названіемъ: *Изображенія новѣйшихъ мебели, экипажей, уборокъ комнатъ, образцовъ матерій, узоровъ для шитья*, и проч. и проч. — Самое названіе показываешъ цѣль сего прибавленія: она состоишъ въ томъ, чшобы нашимъ фабриканшамъ, масшерамъ мебели и экипажей и другимъ художникамъ досшавишъ образцы, могущіе руководшвовашъ ихъ вкусомъ и показывашъ имъ новѣйшія произведенія фабриканшовъ и художниковъ Парижскихъ, Лондонскихъ и Вѣнскихъ. При усовершенствованіи ошечесшвенныхъ издѣлій, мы чувствуемъ цедосшашокъ подобнаго изданія. У насъ ешъ превосходныя

исшера и художники; шольно за недосшашкомъ новыхъ фасоновъ и образцовъ, они ошсшають и иностранныхъ. Желая принесть всевозможную пользу въ семъ ошношеніи, Издашель Телеграфа полагаесть такую цѣну за Прибавленіе, ношья шольно ошупила-бы собсшвенныя его издержки на выписку иностранныхъ журналовъ, нарочно для того предмеша, гравировку и раскрашиванье рисунковъ. Прибавленіе можно получать и отдѣльно отъ телеграфа.

Цѣна Телеграфа, отдѣльно отъ Прибавленія, шаесть прежняя: за 24 книжки, съ 36 картинками Парижскихъ модъ, дамскихъ и мужскихъ, и другими гравюрами, ошними почерковъ, поршрешаи и каршами, въ Москвѣ, тридцать пять рублей ассигнаціями; съ пересылкою, во все другіе города Россійской Имперіи, сорокъ рублей ассигнаціями.

Цѣна Прибавленія, отдѣльно отъ Телеграфа, 4 картинки, хорошо гравированныя и раскрашенныя, съ описаніями), въ Москвѣ, десять рублей ассигнаціями; съ пересылкою, во все другіе города Россійской Имперіи, пятнадцать рублей ассигнаціями.

Но особы, выписывающія Телеграфъ, въ Москвѣ съ пересылкою, платять за Прибавленіе только пять рублей ассигнаціями, шо ешь: за Телеграфъ и прибавленіе въ Москвѣ сорокъ рублей; въ пересылкою рокъ пять рублей.

Желая привесть въ лучший порядокъ разсылку телеграфа и досшавишь болѣе удобсшва подписчикамъ при раздачѣ книжекъ, Издашель учредилъ въ Москвѣ особенную Контору Телеграфа, въ парширѣ своей, состоящей на Дмитровкѣ, въ домѣ жи Селивановской, подъ № 58; входъ въ Коншору на улицы, подлѣ ворошъ. Въ сію Коншору благовошть адрессовашь особы живущія въ Москвѣ и иногородныя, шошорыя могушъ также выписывать телеграфъ чрезъ Газетную Экспедицію Московскаго Почшамша. Въ Санкшпешербургѣ подписка ошнимашься у Книгопродавца А. Ф. Смирдина, въ аблюшекѣ для чшенія, подлѣ Синяго моста. Все шсьма, посылни и шребованія на имя Издашеля телеграфа, благовошть адрессовашь въ вышеознашненную Коншору Телеграфа.

Н. Полесой.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ И ИСКУСТВА.

Содержаніе и форма Изящной Словесности (*).

Если Изящная Словесность возможна, какъ наука, то она должна имѣть извѣстное содержаніе и форму.

Мы принимаемъ изящное за совокупность истины и доброты; а изящными произведеніями почитаемъ тѣ творенія духа, въ которыхъ видимъ совокупность безконечныхъ идей съ конечными формами. Изъ сего начала предлежитъ намъ вывести рѣшеніе нашего предложенія.

Первое дѣйствіе разумаго существа, начало всѣхъ прочихъ дѣйствій, есть самопознаніе; безъ самопознанія мы не могли-бы отличать себя отъ предметовъ, насъ окружающихъ. Въспомни съ познаніемъ о томъ, что мы существуемъ,

---

(*) Статья, содержащая продолженіе изслѣдованій о Теоріи Изящныхъ Искусствъ, начатыхъ въ No XVI. Изд. Гел.

рождается познаніе и о томъ, что въ насъ существуютъ предметы. Изъ сего заключаемъ, что познавать и существовать, или знаніе и бытіе сливаются и одно другимъ опредѣляется; такіа понятія называются *тождественными*.

Самопознаніе, обнаруживающееся въ умъ, волю и чувствъ, называемъ *мыслью*; ибо познавать, дѣйствовать и чувствоваться есть потребность мыслящаго существа. Мысли, служащія первообразами во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣческаго духа, суть идеи. Разсмотримъ все разнообразіе человѣческихъ наблюденій, дѣяній и произведеній: найдете, что мудрецы изыскиваютъ предвѣчныя идеи въ видимой природѣ; законодатели стремятся обратить дѣянія въ идеи; наконецъ писатели и художники соединяютъ безконечныя идеи съ конечными формами. Какая цѣль трудовъ и подвиговъ Великаго Петра или Фридриха? Приведеніе всѣхъ и cadaго къ совершенству идеальному. Какое заключеніе всѣхъ изслѣдованій Ньютона и Лапласа? Существованіе въ природѣ единого закона, по которому вращаются тѣла небесныя и происходятъ явленія на нашей планетѣ и котораго идея первоначально существуетъ въ умѣ нашемъ. Что представляють намъ произведенія Омира, Рафаеля, Моцарта? Безконечныя идеи истины и доброты, выраженныя или словомъ, или образами, или звуками. Въ дѣяніяхъ веда-

кихъ, въ наукахъ, словесности и искусствахъ, видно развитіе мыслящаго существа; простолюдины почитаютъ оныя токмо средствами для пріятностей жизни, а просвѣщенные принимаютъ ихъ за цѣль жизни духовной.

Мысль, обращенная на природу и согласующая представленія свои съ бытіемъ всего насъ окружающаго, становится способностью познавательною, умомъ, котораго характеръ есть истина. Мысль, обращенная на себя отъ существенности, переходитъ въ способность хотѣнія, волю, которой отличительное свойство добродѣтели. Соединеніе мысли съ видимыми формами предметовъ природы есть твореніе искусства, котораго признакъ издѣлство.

Видимые предметы заключаются въ извѣстномъ пространствѣ; ощущаемыя явленія происходятъ въ извѣстномъ времени: отъ того мы называемъ и тѣ и другія конечными. Мысль, свѣтъ міра духовнаго, внѣ пространства и времени, и потому называется безконечною. Сверхъ сего міръ физическій представляется въ разнообразіи; духъ всегда являетъ единство. По симъ предположеніямъ, мы можемъ выразиться такимъ образомъ: истина есть отношеніе безконечнаго къ конечному, или единства къ разнообразію; добродѣтель — конечнаго къ безконечному, или разнообразія къ единству; наконецъ издѣлство —

совокупность безконечнаго съ конечнымъ, или единство въ разнообразіи.

Изъ сего явствуетъ, что изящное не есть истина; оно не есть также и доброта, но полное соединеніе той и другой. Высокія умозрѣнія и добродѣтельные подвиги еще не составляютъ произведенія изящнаго; для сего потребны такія явленія, въ коихъ соединяются силы умственные и нравственные. Если истинѣ приписываемъ мы условіе необходимости, добротѣ — условіе пользы: то изящное и необходимо и полезно.

Совершеннѣйшее выраженіе мысли есть слово; но мысленіе заключаетъ въ себя дѣйствія ума, воли и чувства; посему въ словѣ выражается умъ, воля и чувство. Система таковыхъ выраженій или знаковъ составляетъ языкъ. Выраженіе мысленія всѣхъ и каждого, говорящаго какии-либо языкомъ, содержится въ Словесности.

Все, происходящее во времени и являющееся въ пространствѣ, равно самое пространство и время, могутъ быть предметомъ Словесности. Всякое мысленіе по какому-либо изъ сихъ предметовъ есть произведеніе *Словесности*. Но таковыя произведенія представляютъ одни только снимки съ человека или природы; напропавъ творенія, носяція на себѣ отпечатокъ духа и выраженные способами, изъ природы заимствованными — сіи творенія принадлежатъ къ искусству изящ-

наго. Подражаніе звукамъ, какіе слышимъ, и очерпаніямъ, какія вспрѣчаемъ въ природѣ, не составитъ Музыки и Живописи; но Гайденова мысль сотворенія міра, звуками выраженная, или Рафаелева Мадонна, въ образъ смертнаго представленная — суть изящныя произведенія Музыки и Живописи. Такъ и сочиненія по Натуральной Исторіи, Анатоміи, Психологіи, Физикѣ, Математикѣ, заключающіяся въ области Словесности, не принадлежатъ къ Изящной Словесности: это изложеніе представленій и понятій, составляющихъ область ума. Но мысль наша имѣетъ высшія созерцанія, кои будучи облечены въ формы видимыхъ предметовъ, представляють идеалы: *изображеніе сихъ идеаловъ посредствомъ слова есть предметъ Изящной Словесности*. Очевидно, что здѣсь нѣтъ подражанія; напротивъ, это отраженіе человѣческаго духа, безсмертнаго, безконечнаго.

Разсматривая произведенія Изящной Словесности, находимъ, что они обращены прочимъ произведеніямъ Словесности: въ нихъ поступаемъ не отъ предметовъ къ представленіямъ, не отъ многообразія къ единству, но отъ созерцанія къ предметамъ, отъ единства къ многообразію. Сочиненія, взятые по всемъ отраслямъ знаній человѣческихъ и содержащіяся въ области Словесности, заключають или описанія того, что суще-

ствуетъ, или того, что должно быть; произведенія же Изящной Словесности показывають вмѣстѣ и что есть, и что должно быть, или короче, что возможно; ибо возможность есть совокупность дѣйствительности существенной и необходимости умственной. Характеры эпопей, чувствованія оды, дѣйствія драмы, не имѣя ничего совершенно соотвѣтственнаго въ дѣйствительной природѣ и человѣкѣ, однако кажутся возможными. Духъ нашъ, созерцающій человѣчество и міръ физическій, носящій въ себѣ не понятія окружающей насъ видимости, а идеи вселенной, не довольствуясь ни явленіями природы, ни дѣйствіями человѣка: стремясь къ совершенству, онъ творитъ и свою природу, и свое человѣчество. Сей новый міръ, населенный иными существами, твореніе духа, образъ и подобіе божества имѣющаго, есть *міръ эстетическій*. Предметы, изъ сего міра заимствованные и выраженные словомъ, составляютъ произведенія Изящной Словесности; тѣ же самыя идеи, выраженные образами и звуками, производятъ Изящныя Искусства.

Возможность, сказали мы, отличительное свойство произведеній Изящной Словесности, включаетъ въ себѣ условія и необходимости и дѣйствительности: отсюда происходитъ, что и произведенія Изящной Словесности носятъ отпечатокъ преимущественно или необходимо-

сти, или дѣйствительности: одни составляютъ *Поэзію*, другія — *Витійство*. Въ однихъ видимъ представленія характеровъ, чувствованій и дѣйствій, какія должны быть по превосходству духа нашего; въ другихъ характеры, чувствованія и дѣйствія изображаются особенно такими, какими они являются по ограниченности вещественнаго нашего бытія.

Для описанія того, что происходитъ во времени и пространствѣ, довольно одного наблюденія; описанія того, что должно быть, производится умозрѣніемъ; творенія же изъ міра эстетическаго отличаются *изобрѣтеніемъ*, дѣйствіемъ творческой мыслящей способности.

Съ перваго взгляда разность между Исторіей и Эпосею, разсужденіемъ и дидактической поэмой, рѣчью и драмой, разность, говорю, между сими произведеніями споль велика, что они, кажется, въ одной категоріи находиться не могутъ. Это подтверждается и обыкновеннымъ предубѣжденіемъ вразсужденіи вымысла, или изобрѣтенія стихотворнаго и цѣли Поэзіи, несправедливо ограниченной удовольствіемъ. Но имѣя высшее воззрѣніе на изящное и изящныя произведенія, убѣждаемся, что Изящное Искусство, какъ твореніе духа, заключаетъ въ себѣ условія не одного скоропреходящаго удовольствія, а необходимости и пользы. Изъ сего же происхожденія Изящной Словесности и

Изящныхъ Искусствъ заключаежъ и о должности поняшя, какое нѣкоторыя имѣють о вымыслѣ въ искусствахъ. Представляють людей съ конскими ногами, или съ рыбьимъ хвостомъ не значить вымышлять; такихъ представлений нѣтъ въ природѣ и они существовать не могутъ, пока существуютъ извѣстные намъ законы природы. Напротивъ человекъ со всеми совершенствами тѣла, сердца и души хотя не находится въ природѣ; но идеаль его существуетъ въ духѣ нашемъ — и, отвлекая отъ человека все брешное, увѣряемся, что совершенный человекъ былъ-бы возможенъ. Сей идеаль человека не пропигорѣчитъ идеъ человека вообще: и это не вымысль, а швореніе духа, его изобрѣтеніе. Изображеніе шакowychъ идеаловъ называется не для удовольствія, а для облагородшвованія нашего, возвышенія, совершенствования.

Такимъ образомъ обозначаются сами собою предѣлы изобрѣтенія въ изящномъ, а вмѣстѣ съ симъ опредѣляется *содержаніе Изящной Словесности*. Міръ эстетическій, видимъ изъ предыдущаго, касается съ одной стороны видимости, или того, что есть; съ другой простирается до того, чего нѣтъ въ природѣ и бытъ не можетъ; въ немъ все возможное, шо есть все, что умъ представляетъ необходимымъ и въ тѣхъ формахъ, какія существуютъ. Отсюда выводятся об-

ширнѣйшее значеніе изобрѣтенія въ Изыщной Словесности. Исторія природы и человѣка входитъ въ область эстетическаго міра, когда творческій умъ, оставляя внѣшнія явленія въ пространствѣ и времени, проникаетъ въ сокровенную сущность предметовъ и дѣяній человѣческихъ, открывая взаимную связь существъ въ природѣ и сдѣяніе происшествій въ человѣчествѣ. Такъ Бернаденовы Ученія природы и Гердерова Исторія человѣчества принадлежатъ къ произведеніямъ изыщнымъ. Цицероновъ Ораторъ, въ которомъ изображенъ идеалъ вишіи, и Гораціево Посланіе къ Пизонамъ суть творенія изыщныя. Димосеенова Рѣчь о вѣнцѣ и Томасово Похвальное слово Декарту также изыщны: здѣсь видимъ человѣка не только такимъ, каковъ онъ дѣйствительно есть или былъ, но какимъ онъ-бы могъ быть. Произведенія Поэзіи, Живописи, Музыки и другихъ Изыщныхъ Искусствъ исключаютъ все, что отрицается умомъ, какъ несуществующее и недолженствующее существовать. Невидимки, Волшебныя стрѣлки, олдѣля ихъ отъ Музыки, Радклифины романы, не могутъ назваться изыщными; потому что они не заключаютъ изображеній совершенства.

Еще возразятъ: Исторія занимается происшествіями истины; какъ-же согласить цѣль ея съ опредѣленіемъ Изыщной

Словесности? Но изящное, сказали мы, именно состоить изъ истины и доброты. Исслѣдованія одной истины въ событіяхъ чловѣка и народовъ не составляютъ Исторіи: это будетъ лѣтопись; соединеніе-же всѣхъ частныхъ происшествій въ одно цѣлое есть твореніе духа. Такія творенія видимъ въ Фукидидѣ, Тацитѣ, Гюмѣ, Миллерѣ, Карамзинѣ. Въ сихъ писателяхъ, изучая народы въ ихъ дѣйствительномъ состояніи, заключаемъ и о томъ, каковыми они - бы должны быть при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Исторія также различествуетъ отъ эпопеи, какъ различіе мужество отъ юности: въ одной болѣе величія и спокойствія; другая отличается блескомъ и движеніемъ; Исторія ближе къ дѣйствительности, эпопея — къ изобрѣтенію; въ одной преимущественно господствуетъ чувство, въ другой фантазія. Таково различіе между Боссюэтовой Исторіей и Фенелоновымъ Телемакомъ, не говоря о формѣ изложенія.

Сближая различные роды Изящной Словесности, мы можемъ съ большею точностью опредѣлить обширность изобрѣтенія въ изящномъ. Мысль, сказано прежде, обнаруживается въ умѣ, воля и чувства; посему высшее, духовное созерцаніе, или эстетическое изображеніе объемлетъ всѣ сія дѣйствія мыслящей способности. Димосеенъ, возбуждающій Аем-

инъ противъ Филиппа, Сократъ, въ Платоновыхъ разговорахъ рассуждающій о вѣсмертіи души, Пиндаръ, воспѣвающій обѣды на Олимпійскихъ играхъ, различны и по существу предметовъ, и по формѣ, и наконецъ по цѣли; но источникъ нереклонной воли одного, умствованій другаго и чувствованій третьяго, источникъ, говорю, одинъ и тотъ-же: самопознаніе, самосозерцаніе духа, святилище всѣхъ идеаловъ. Симъ еще болѣе убѣждаемся въ ложности мнѣнія, по которому изящныя Искусства называются подражаніемъ природѣ. Напротивъ о превосходствѣ естественныхъ произведеній судимы единственно, примѣняя оныя къ тѣмъ идеаламъ изящества, кои въ насъ существуютъ; ибо въ насъ самихъ предначертано мѣрило изящнаго.

Поелику всякое изящное выраженіе, посредствомъ - ли образовъ, или звуковъ, или слова, есть не иное что, какъ совокупность сущности и формы, то явствуетъ, что изобрѣтеніе въ области изящнаго обнаруживается и въ сущности, и формѣ, наконецъ въ ихъ совокупности, или въ выраженіи. Это обыкновенно разумѣютъ подъ названіемъ изобрѣтенія, расположенія и украшенія, и оно относится равно къ Изящной Словесности и къ Изящнымъ Искусствамъ. Моцартовъ Донъ - Жуанъ, Мартовъ Манинъ и Пожарскій, Озерова Димитрій Дон-

екой, составлены по законамъ изобрѣтѣнія, расположенія и украшенія.

Гдѣ-же, спросятъ, общіе законы изящнаго и правила, изъ нихъ выводимыя? Одни указываютъ на Аристотеля, извлекающаго правила изъ образцовъ; другіе, вѣстѣ съ Цицерономъ, предписываютъ условія для такого вѣщія, какой еще не существовалъ. Изъ чего-же составитсѣ наука Изящной Словесности? Отвѣчаемъ: въ изящномъ произведеніи заключается теорія изящнаго; она къ произведенію относится, какъ части къ цѣлому. Въ умѣ творца *Иліады* находились и законы, по коимъ сія эпопея, какъ твореніе ума, должна была выразиться. Иной, одаренный высшимъ созерцаніемъ, проникаетъ въ святилище сихъ законовъ и доходитъ до возможности изящнаго по онымъ произведенія. Такъ написанъ Цицероновъ Орапоръ. Другой, разлагая изящное произведеніе, обратнымъ путемъ доходитъ до первоначальнаго дѣйствія мыслящей способности. Такъ написана Аристотелева *Піипика*. Въ мірѣ физическомъ и нравственномъ все происходитъ по извѣстнымъ законамъ. Если мы удивляемся инымъ писателямъ, которые, по видимому, не слѣдовали правиламъ нашихъ Риторикъ и Піипикъ: то это ни мало не отвергаетъ необходимости правилъ, а обличаетъ Риторики и Піипики въ недоспазкахъ и несовершенствѣ. Исслѣдовать идеаль, по которому дре-

зведено изящное твореніе, значить показать его правила, или, выходя из самопознанія, вывести законы, по коимъ производится изящное твореніе. Вотъ *форма Изящной Словесности*, какъ науки.

Содержаніе и форма Изящной Словесности, убѣждающія въ возможности оной, какъ науки, опредѣляютъ и ея *цѣль* или *предметъ*. Показать законы изящныхъ произведеній, единство ихъ во всѣхъ Изящныхъ Искусствахъ и Изящной Словесности, связь различныхъ родовъ ея, зависящую отъ сего единства, и обратно опредѣлить содержаніе и форму для каждого сочиненія, дабы по сему судить о превосходствѣ сочиненій: въ этомъ состоятъ предметъ Изящной Словесности, какъ науки.

Изъ сего начертанія содержанія и формы Изящной Словесности заключаемъ, что наука оной будетъ имѣть двѣ части: *общую*, или теоретическую, и *частную*, или прикладную. Въ первой должно быть изъяснено изящное вообще; во второй — Изящная Словесность въ особенности. Изящное можетъ быть разсматриваемо: 1) въ духѣ человѣческомъ, какъ часть нравственнаго его бытія; 2) въ произведеніи искусства; отсюда 3) выведутся общіе законы изящныхъ произведеній. Въ Изящной Словесности надобно показать: а) общіе законы оной, какъ слѣдствіе законовъ изящнаго; б) изслѣдовать роды Высшій-

ства и с) Поэзіи. Первая часть, общая, есть не иное что, какъ часть Идеальнаго Любомудрія, именно *Эстетика*; во второй заключаются такъ называемыя: *Риторика*, *Ораторія* и *Піитика*.

Но какъ совершенная теорія должна доводить до первоначальной мысли, служащей основаніемъ: то обратное преслѣдованіе таковыхъ размышленій составили теорію *Эстетической Критики*.

Не говоря о прочихъ писателяхъ, упомянутыхъ въ предыдущемъ разсужденіи о возможности *Изящной Словесности*, какъ науки, сдѣлаемъ одно замѣчаніе объ Астѣ и Бутервекѣ. По первому ни Димосеенъ, ни Цицеронъ, ни Тацитъ, не принадлежатъ къ писателямъ *Изящной Словесности*, хотя Астъ имѣетъ высшій взглядъ на изящное. Второй нерѣшимельно даетъ имъ право на писателей *изящной прозы*, какъ онъ выражается. Если бы, говоритъ Бутервекъ, Поэзія могла опдѣляться отъ прозы явственною чертою, тогда бы не было *изящной прозы*; ибо все, что можетъ назваться *изяществомъ рѣчи*, соединяется въ Поэзіи. Дале онъ не почитаетъ Краснорѣчіе *изящнымъ искусствомъ*; прозу приписываетъ только правильность языка, чистоту, ясность. По этому Димосеенъ и Платонъ должны-бы стоять въ одной категоріи съ *Эвклидомъ* и *Гиппократомъ*. Затрудненіе въ рѣшеніи сего вопроса состоитъ именно

въ назначеніи предѣловъ Изящной Словесности, опредѣленіи отличительныхъ признаковъ оной и настоящемъ понятіи объ изобрѣшеніи Эстетическомъ, что было предметомъ изслѣдованій сего разсужденія.

Рѣчь, при закладкѣ перваго шлюза на соединительномъ каналѣ между Москвою и Волгою, 29 Сентября 1827 года (*).

Мм. Гг.

Мы находимся теперъ на оплодой высотѣ, опдѣляющей бассейнъ рѣки Москвы отъ Волги; сія высота есть отрасль той великой плоской возвышенности въ сѣверовосточной части Смоленской Губерніи, изъ коей текутъ воды Западной Двины и Волги и почти изъ одного мѣста берутъ направленіе къ Балтійскому,

---

(*) Съ совершенною благодарностію къ Сочинителю, спѣшу помѣстить сію Рѣчь въ Телеграфъ. Каждое новое, для блага Отечества предназначенное предпріятіе, должно получать всевозможную и быструю извѣстность: радуя сыновъ Отечества, оно веселитъ ихъ надеждами на благодѣтельное вниманіе Правительства, не упускающее ничего, что можетъ увеличить благосостояніе и пользы народа. Изъ сташъ, помѣщенной въ No 86 Московскихъ Вѣдомостей, читатели видѣли предназначеніе и средства сооруженія соединительнаго канала между Вол-

Черному и Каспійскому морямъ; сія высота простирается между Волгою, Москвою и Клязьмою, до Нижняго-Новгорода, и на хребтѣ своемъ имѣетъ многія озера, коихъ истоки обращены, то къ Волгѣ, то къ Москвѣ рѣкѣ.

По сдѣланнымъ измѣреніямъ, мѣсто, на коемъ мы находимся, есть самый низкій пунктъ, по протяженію сей высоты; но за всѣмъ тѣмъ, оно до 34 сажень выше Москвы рѣки, противъ Кремля, и болѣе 35 сажень надъ Волгою, при впаденіи Дубны.

Озеро Гущино и Печеникова болото, за Подсолнечною горою простирающіяся, составляютъ одинъ изъ тѣхъ природою образованныхъ водоемовъ, кои, наполнены будучи весенними водами и разными потоками; могутъ снабжать судоходство, въ теченіе лѣта, водою. И сіе-то озеро и болото, посредствомъ огромной плотины, обращаются въ пространное водо-

---

гою и Москвою; съ большею подробностію они исчислены въ присланной намъ Рѣчи Господина Подполковника Сомова. Каналы и рѣки суть жилы, по коимъ переливается народное богатство, и нигдѣ столько не чувствуютъ потребности сихъ государственныхъ жилъ, какъ въ Россіи, гдѣ величайшія пространства столь много препятствуютъ свободному обращенію произведеній земли и народа. Соединительный каналъ Волги съ Москвою производится подъ главнымъ надзоромъ Господина Маіора Корпуса Инженеровъ пушей сообщенія, М. Н. Бугайскаго. *Изд. Тел.*

хранялище для новаго сообщенія. Изъ него вытекаетъ рѣка Сестра, идущая мимо города Клина въ Дубну, впадающую въ Волгу, а здѣсь по близости течетъ рѣка Сестра и идетъ мимо Воскресенска въ Москву.

Пространство, между рѣками Сестрою и Истрою, на разстояніи семи верстъ прорѣзано каналомъ (почти уже оконченнымъ), коего часть вы могли обозрѣть на пути къ сему мѣсту; каналъ пересѣкаетъ Петербургское шоссе, и сія часть онаго, какъ самая возвышенная, составляетъ раздѣльный бассейнъ.

Малыя рѣки Сестра и Истра, мѣстами расчистятся и изгибы оныхъ прорѣзаны будутъ каналами; вода задержана будетъ въ надлежащей глубинѣ плотинами и шлюзами, для пропуска судовъ вверхъ и внизъ. Посредствомъ таковыхъ водяныхъ уступовъ, отдѣленныхъ плотинами и соединенныхъ шлюзами, откроется новый судоходный путь чрезъ сію высоту, получающей воду изъ общаго водохранилища, въ самомъ возвышенномъ мѣстѣ лежащаго.

Плотинъ и каменныхъ шлюзовъ, подобныхъ устройству нынѣ закладываемому, потребно вообще 37; длина всего водянаго пути, отъ рѣки Москвы до Волги, составляетъ 214 верстъ. Издержки на устройство, по смѣннымъ исчисленіямъ,

Ч. XVII. No 20.

С

простираются должны до 5 милліоновъ 340 т. рублей.

Размѣръ судовъ принять шопъ - же, какой употребляется на Тихвинскомъ каналѣ, для того, чтобы Тихвинскія лодки, приходящія изъ С. Петербурга въ Рыбинскъ, могли, поднявшись Волгою до устья Дубны, идти чрезъ сей каналъ въ Москву, безъ перегрузки.

Ограничиваясь симъ краткимъ обзорѣніемъ, не смѣю оспанавливать вниманія вашего на техническихъ подробностяхъ сего великаго и сложнаго предпріятія: оно есть плодъ великихъ трудовъ и соображеній, и приведеніе его въ дѣйствіе должно распространить по строительной части многія открытія полезныя, но у насъ неизвѣстныя досель. Сими изобрѣтеніями обязаны мы знаменитымъ инженерамъ, кои въ послѣднее время съ такимъ успѣхомъ трудились при важныхъ гидравлическихъ сооруженіяхъ въ Англіи, Франціи, Германіи и Россіи. Они счастливыми трудами своими заставили науку сдѣлать великіе и невѣроятно быстрые шаги къ совершенству.

Успѣхи сей общепользной науки тѣмъ болѣе утѣшительны, что послѣдствіями ихъ должно быть не одно рѣшеніе трудной задачи, не одно удовлетворенное умозрѣніе, не одно открытіе новыхъ истинъ; но практическое приложеніе сихъ истинъ и умозрѣній къ общественной жизни и

дѣйствительная, существенная польза чело-
вѣчества. Сии успѣхи даютъ средства
употребить въ пользу руки и способно-
сти бѣднаго и трудящагося класса наро-
да, а богатства природы, вездѣ съ из-
быткомъ, но въ грубомъ видѣ у насъ на-
ходящійся, обратить въ капиталы обще-
ственного благосостоянія. Они доставля-
ютъ возможность ободрить и вознагра-
дить трудъ землепашца, развернуть про-
мышленность и дать новую силу и жизнь
торговлѣ.

Возможно-ли предусмотрѣть заранее
всѣ полезныя дѣйствія судоходства, въ
краю, гдѣ его прежде не было! Возможно-
ли исчислить, какой разнообразный и жи-
вой размѣнъ произведеній и издѣлій оп-
крылся можетъ, когда устройство кон-
чится, если самое производство работъ,
самое начало оныхъ, родило такую жи-
вость и дало движеніе трудолюбію, раз-
счетовитости и капиталамъ!

Лѣсъ, камень, известъ, глина, оипъ
вѣковъ безъ пользы лежавшіе, получили
цѣнность; множество рукъ трудятся для
обработанія, доставленія и употребленія
ихъ въ пользу; множество способныхъ лю-
дей практически образуются для предбу-
дущихъ великихъ предпріятій того рода,
въ коемъ пространная и юная Россія имѣ-
етъ толикую нужду. Сколько новыхъ
полезныхъ введеній, основанныхъ на удач-
ныхъ опытахъ краевъ отдаленныхъ, вой-

душъ у насъ. въ общее употребленіе; сколько трудныхъ и сложныхъ изобрѣтеній иностранныхъ, при исполненіи на самомъ дѣлѣ и очевидности примѣра, сдѣлаются достояніемъ всякаго способнаго ремесленника и, вѣроятно, по сродной Русскимъ людямъ догадливости, у насъ послѣ изыщутъ средствъ сдѣлать тоже простѣе и дешевле.

Нужно-ли послѣ сего распространяться о пользѣ судоходства, и не довольно-ли будетъ упомянуть объ одной, опытомъ дознанной истинѣ, что по хорошему водному пути, лошадь въ 40 разъ болѣе можетъ везти, нежели по хорошей дорогѣ? По сей-то причинѣ, даже въ древнія времена, когда Россія имѣла сообщеніе съ Европою только чрезъ Архангельскъ и Новгородъ, доставленіе тяжестей производилось по возможности вдоль судоходныхъ рѣкъ, какъ и понынѣ въ Сибири. Товары отъ Новгорода въ Москву шли сперва рѣкою *Мстою*, вверхъ до Боровицкихъ пороговъ, гдѣ перевозились въ первый разъ и продолжали путь до *Вышняго Воложка*; путь перепаскивались на *Тверцу* и по ней плыли въ Волгу; изъ Волги-же поднимались въ *Шошу* и по рѣкѣ *Ламѣ* вверхъ до *Волока-Ламскаго*; путь снова переправлялись на рѣку *Рузу* и по сей рѣкѣ уже плыли въ Москву рѣку. Нынѣ учреждаемое сообщеніе лежитъ почти въ направленіи сего древняго торговаго пути, соединяя и

ту выгоду, что идешь ближе къ большому сухопутному тракту, отъ Москвы къ Санктпетербургу.

Наконецъ, для удостовѣренія въ истинѣ, что никогда сообщенія не могутъ быть излишними, и что потребность въ нихъ всегда возрастаетъ, по мѣрѣ учрежденія новыхъ путей и по мѣрѣ распространенія отъ того промышленности и торговли, споймъ только бросить взоръ на Великобританію. На семъ островѣ, столь малаго пространства, не смотря на пособіе самаго свободнаго и оживденнаго мореплаванія вокругъ береговъ, найдено нужнымъ прорѣзать хребетъ горъ, по всей длинѣ его простирающійся, *двадцатью* *однимъ* судоходнымъ каналомъ, для чего пробито сквозь горы 48 подземныхъ судоходныхъ галлерей и выкопано до 3600 верстъ открытыхъ каналовъ, и хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ теченіе не болѣе 50 лѣтъ, кончено устройство до 30 т. верстъ новыхъ искусственныхъ дорогъ, но потребность въ сообщеніяхъ не уменьшалась и усердіе Британцовъ не охладѣло. И нынѣ, сверхъ великихъ суммъ, употребляемыхъ для сего предмета Правительствомъ, 33 коммерческія компаніи занимаются устройствомъ новыхъ каналовъ, по разсчитливой предусмотрительности изъ собственныхъ выгодъ.

Первою мыслию о вновь учреждаемомъ у насъ судоходномъ каналѣ одолжены мы

женію Петра Великаго; въ царствованіе же блаженныя памяти ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I, мысль сія обработана, созрѣла и составленъ проектъ, который, по дозволу, совокупно поднесенному отъ Главнуправляющаго Путиами сообщенія, Герцога Александра Виртембергскаго и Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора, Князя Голицына, въ 1825 году удостоенъ ВЫСОЧАЙШАГО утвержденія.

Нынѣ благополучно царствующій ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I, по восшествіи на Престолъ Предковъ Своихъ, усмотрѣвъ выгоды сего предпріятія, даровалъ всѣ нужные способы и повелѣлъ приступитъ къ исполненію, а въ прошломъ 1826 году, Самъ удостоилъ обозрѣніемъ начатія работы. Одушевленные присутствіемъ Великаго МОНАРХА и ободренные милостивымъ ЕГО вниманіемъ, храбрыя Россійскія войска, геройскими подвигами и доблестію своею удивлявшія Европу, съ новымъ рвеніемъ приступили къ новому мирному подвигу на пользу отечества. Ихъ мощными руками раздвинуты горы и чрезъ непроходимые лѣса и болота проложенъ путь для плаванія. Природа побѣждена! и благодарное потомство, съ чувствомъ благоговѣнія, вспоминать будетъ о тѣхъ легіонахъ, кои среди мира совершили сіи благодѣтельные завоеванія.

И такъ, исполняя волю трехъ великихъ Государей, мы собрались здѣсь для

вложеніа въ первомъ шлюзѣ канала дски, долженствующей возвѣспитъ опдаленному потомству благополучное царствованіе, льто, день закладки и имена исполнителей сего важнаго предпріятія. Принесемъ моленіе Всевышнему! Да поможетъ Онъ совершить сіе, споль великое для пользы общей, дѣло; да ниспошлетъ Онъ щедроты свои на главу Вънценоснаго Монарха, любезное отечество, добродѣтельныхъ вельможъ, радѣющихъ о благѣ народа, храброе Россійское воинство и всѣхъ трудящихся для общаго блага!

II. КРИТИКА.

Хозяйственная Статистика Россіи, составленная Васильемъ Андроссовымъ, и проч. М. 1827 г. in 8.

Хотя кругъ Историческо-Политическихъ знаній опредѣленъ уже въ наше время общими рѣзкими чертами, но мы еще не видимъ почнаго распредѣленія сихъ знаній, вѣрныхъ границъ ихъ и полноты взаимныхъ отношеній. Такъ Политическая Экономія подвергается различнымъ системамъ; такъ и Статистика доннѣ не опредѣлена и не отдѣлена вполне и безспорно. Французскіе ученые почти не принимаютъ сего знанія, соединяя его съ Политическою Географіею; Англичане относятъ его къ весьма ограниченному, а Нѣмцы къ весьма обширному кругу. Ахенваль, почитаемый родоначальникомъ Стати-

опиковъ, называемъ ее (*) *познаваніемъ дѣйствительныхъ достопамятностей* какого нибудь государства; Мейзель наукою настоящаго состоянія государства (**); не приводимъ другихъ опредѣленій, ни остроумнаго (но несправедливаго) опредѣленія, что *Статистика есть остановившаяся Исторія, такъ какъ Исторія есть текущая Статистика*. Мы видимъ, что въ понятіи Нѣмецкихъ ученыхъ предѣлы Статистики чрезвычайно раздвигаются. Англичане, какъ мы сказали, сближаютъ ихъ. Со времени Дж. Синклера (1790 г.), оказавшаго столько заслугъ на поприщѣ Политическихъ Знаній, почти устояновилось у Англичанъ опредѣленіе Статистики, и сіе опредѣленіе можно выразить такъ, что *Статистика составляетъ у нихъ практику Политической Экономіи*, точно, какъ Полит. Экономія составляетъ теорію Статистики. Со временъ Адама Смита тѣмъ легче можно было опредѣлить такимъ образомъ Статистику, ибо основныя предѣлы Полит. Экономіи были означены симъ великимъ писателемъ. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ Французскихъ писателей, какъ то: Дюпенъ, Шапталъ и другіе, принимаютъ почти подобное опредѣленіе. Здѣсь не встрѣчаемъ такой темноты, какъ у Ахенвалля и его послѣдователей, ибо къ чему другому, если не къ смѣшенію понятій, ведутъ предметы, включенныя въ Статистику Ахенвалемъ: Исторія, Право наследства, Государственное чиновничество, или Шле-

(*) *Abriß der Staatswissenschaft der Europäischen Reiche.* Геттингенъ, 1749 г.

(**) *Anleitung zur Kenntniß der europäischen Staaten-historie.* Лейпцигъ. 1810 г. (5 изд.).

перо остроумный парадоксъ, что предметы Статистики определяются словами: *vires unitae agunt*? — Отнеся въ объемъ Политической Географіи полный *status* государства, должно необходимо *собственно-Статистику* назвать начертаніемъ *вещественной жизни народа*. Иначе, должно совершенно уничтожить Географію, отнеся къ Космографіи Географію Математическую, къ Геологіи Естественную и къ Статистику, въ обширнѣйшемъ смыслѣ, Политическую.

Не входя въ разсмотрѣніе удобствъ и неудобствъ того и другаго раздѣленія, скажемъ, что можно разсматривать Статистику тѣмъ и другимъ образомъ; въ сочиненіяхъ иностранныхъ ученыхъ мужей находимъ оба рода воззрѣнія. У насъ въ Россіи, гдѣ всѣ знанія еще не такъ зрѣлы, ничего общаго и положительнаго о Статистикѣ не было издано донынѣ и тѣмъ менѣе не было полнаго приложенія Статистики къ Россіи. Наши курсы Статистики суть сокращенные, и большею частію неудачные переводы Нѣмецкихъ, а иногда смѣсь изъ множества разнородныхъ книгъ. Всѣ-же труды нашихъ Статистиковъ, касательно приложеній къ Россіи, суть частные опыты. Такихъ опытовъ мы имѣемъ довольно и довольно есть изъ нихъ удачныхъ. Сочиненія Германа, Шторха и Зябловскаго заслуживаютъ наше *преимущественное* вниманіе, особенно двухъ первыхъ, обработывавшихъ отдѣльныя части точно и систематически. Есть-ли нынѣ возможность сослѣдствовать что нибудь общее, полное о Россіи? По нашему мнѣнію у насъ матеріаловъ можно сыскать весьма большое количество и весьма драгоценныхъ. Множество актовъ издано ошъ

Правительства; много находится важныхъ извѣстій въ Путешествіяхъ по Россіи, Газетахъ, Журналахъ Русскихъ и проч. и проч.

Но при всемъ томъ, не лѣзя не сознаваться, что сочиненіе статистическаго описанія Россіи есть дѣло весьма немаловажное. Кромѣ того, что должно собирать матеріалы изъ множества отрывковъ и свѣдѣній, разбросанныхъ въ тысячѣ книгъ (впрочемъ на это и жаловаться не надобно, ибо какой ученый предметъ можно обработать порядочно, если не будемъ имѣть подъ рукою сколько возможно большаго количества матеріаловъ?), важнѣйшее заключается въ приготовленіи самаго статистика нашего. Ему въ высшей степени должно знать теорію политическихъ знаній вообще и опредѣлить себѣ вѣрную систему науки. Этого большею частію недостаетъ у насъ. Мы, кажется, донинѣ думаемъ, что безъ всякаго приготовленія можно сдѣлаться историками, географами, статистиками: совершенно несправедливое предположеніе, которое вредитъ успѣхамъ знаній! Статистикъ долженъ имѣть глубокія предварительныя познанія вообще и кромѣ того большую опытность въ способахъ воззрѣнія на предметы; быть чуждъ многихъ народныхъ предразсудковъ, простительныхъ въ простомъ гражданѣ и неизвинительныхъ въ ученомъ наблюдателѣ; сверхъ всего этого, не должно ли ему и практически знать изслѣдуемый имъ предметъ?

Мы думаемъ, что безъ сихъ предварительныхъ приготовленій не лѣзя приниматься за Статистику Россіи, ибо, иначе Авторъ умножитъ число книгъ, безпрестанно выходящихъ у насъ подъ именемъ Статистикъ, Географій, Исторій, заключаю-

цихъ повтореніе стараго , сборники , безъ системы і цѣли , ни сколько не распространяющіе круга познаній нашихъ и не приводящіе насъ ни къ какимъ важнымъ результатамъ.

Ученое сочиненіе есть рѣшеніе какой нибудь задачи. Что слѣдуетъ рѣшить статистику Россіи? Настоящее состояніе государства сличить съ способами и средствами его ; руководствуясь фактами, представить Россію , какъ она есть , дабы политики могъ рѣшить , что она можетъ быть , а полит. экономъ , какъ она должна достигать высшей степени жизни государственной , если не живетъ еще полною жизнью въ настоящемъ времени.

Обозрѣвая книгу, изданную Г-мъ Андроссовымъ подъ названіемъ : *Хозяйственная Статистика Россіи*, мы надѣялись найти въ ней цѣль, подобную предположенной нами и стараніе достичь сей цѣли, стараніе всегда похвальное, хотя-бы оно и не было сопровождаемо полнымъ успѣхомъ. Судя по объему книги Г-на Андрossoва, подробностямъ въ нее включеннымъ и образу воззрѣнія на предметы , не лзя предполагать , чтобы Авторъ хотѣлъ составить только легкую ручную книгу для учениковъ. Такимъ образомъ , будемъ мы разсматривать сочиненіе Г-на Андрossoва , какъ *сочиненіе ученое*.

Авторъ принимаетъ Статистику въ меньшемъ объемѣ, слѣдуя статистикамъ Англійскимъ ; но названіе книги его довольно темно. Разумѣется , что называя свою Статистику *хозяйственной*, Авторъ имѣлъ въ виду *Государственное хозяйство*; въ такомъ случаѣ, главное, намъ кажется, что онъ не обмилъ своего предмета вполне. Въ Государственномъ

хозяйствъ представляются два отношенія: *производящее*, т. е. Правительство и народъ, дѣйствующія на физическія средства общественнаго благосостоянія, и *производимое*, т. е. самыя средства сіи, рассматриваемыя какъ отдѣльный предметъ отъ производящаго. Въ такомъ объемѣ входимъ въ Статистику разсмотрѣніе государства, какъ члена семейства народовъ, по времени его существованія и *мѣсту*, имъ занимаемому; потомъ *status in statu*, части государства, какъ члены общей махины его; послѣ того, средства физическія, коими и чрезъ кои дѣйствуетъ государство. Наконецъ, *образъ дѣйствія* (*промышленность* во всѣхъ отношеніяхъ).

Авторъ объясняется во Введеніи, что предметъ его гораздо сокращеннѣе: *дѣйствительная степень хозяйственныхъ отношеній государства, настоящій бытъ народной промышленности*, отъ чего совершенно *отдѣляется* (по мнѣнію Автора) *политическій составъ государства, постановленія, коими дѣйствуетъ Правительство для достиженія цѣли гражданственности*. — О политическомъ состояніи ни слова; но какимъ же образомъ можно отдѣлить статистическое образованіе производящаго отъ производимаго? Анатомія, рассматривающая мертвое тѣло, будетъ изображеніемъ такой Статистики, когда напротивъ, Статистика должна походить на Физиологію, говорить о вещественности, но вмѣстѣ и объ оживляющемъ ее духѣ. Видимъ, что Авторъ не отдалъ себѣ полного ошчета о цѣли своей книги. Вотъ весь объемъ его:

А. *Мѣстность*: положеніе, величина, горы, равнины, воды, почва, климатъ.

Б. Промышленность; 1-е, производящая; 2-е, обрабатывающая; 3-е, передающая. Подъ именемъ 1-й Авторъ разумѣтъ промышленность, собственно такъ называемую, *агрикольную*; подъ именемъ 2-й *мануфактурную*; подъ именемъ 3-й *Торговлю*. Вотъ все содержаніе хозяйственной Статистики Г-на Андроссона. Изъ онаго можно уже видѣть недостатокъ плана. Авторъ не ввелъ главнѣйшаго въ свое сочиненіе, именно: *народа*. Мѣстность есть *производимое*; промышленность образъ *произведенія*; но гдѣ же *то, что производитъ*? Гдѣ мѣрило духовнаго дѣйствователя на вещьсвѣченность? А безъ него, можно-ли изобразить картину быта государственнаго? Это завело Автора въ дальнѣйшую сбивчивость. Предложивъ географическое описаніе мѣстности, на которой существуетъ Россія, онъ не говоритъ потомъ отдѣльно, *что на этой мѣстности производитъ природа*. Прямо отъ географическаго обзора переходитъ онъ къ *промышленности*, и исчисляетъ состояніе земледѣлія, садоводства, лѣсоводства, скотоводства, звѣроловства, птицеводства, пчеловодства, шелководства, рыболовства, горныхъ и соляныхъ промысловъ, что все входитъ у него въ *производящую* промышленность. Опъ этого терзается изъ вида, *что дѣлается и что можетъ дѣлаться въ Россіи*; Статистика сбивается въ рѣзсыры поствовъ и обработки полей и высшіе взгляды потеряны для Автора и читателей его.

Если-бы Авторъ, обозрѣвши мѣстность *статистически*, обозрѣлъ потомъ, что производятъ всѣ при царства природы на сей мѣстности; одушевилъ картину, изобразивъ намъ состояніе, граж-

данскій бытъ народа, и наконецъ, перешель къ изобразженію промышленности народной, обративъ взоръ первоначально на *производителей и потребителей*, и потомъ, раздѣливъ производимость на агрикольную, мануфактурную и торговую, разсматривалъ все, и часнино и обще, Россію, какъ гражданина въ семействѣ народовъ и каждое званіе Русскихъ, какъ гражданъ одного часнаго семейства, тогда все пришло-бы у него въ свой порядокъ и сочиненіе его могло-бъ быть предметомъ особеннаго вниманія; въ наспоющемъ-же его видѣ и расположеніи оно мало обогащаетъ нашу Литтературу. Думаемъ, что почтенный Авторъ убѣдился нашими замѣчаніями и почтя книгу свою первымъ опыномъ Хозяйственной Статистики Россіи, постарается со временемъ усовершенствовать ее и тѣмъ сдѣлать истинный подарокъ своимъ соотечественникамъ. Въ сей пріятной надеждѣ мы осмѣливаемся на нѣсколько частныхъ замѣчаній.

Мы сказали, что Авторъ описываетъ мѣстность *географически*. Разность Географіи отъ Статистики собственно въ томъ, что Статистика смотритъ на все относительно къ *statum* государства, и поному номенклатура рѣкъ и горъ совсѣмъ не относится къ Статистикѣ, и ей нѣтъ дѣла, на прим. до 37 названій рѣкъ (спр. 18), впадающихъ въ Волгу, а надобно знать только сообщенія по рѣкамъ приволжскимъ. Не спрашно-ли, что вводя въ Статистику Географическую подробность, совсѣмъ ненужную, Авторъ только *наименовываетъ* моря Россійскія; не вводитъ въ Статистику острововъ Тихаго и Сѣвернаго океановъ; забываетъ Цар-

ство Польское, Бессарабію, Грузію, Финляндію? У него находимъ, напротивъ, исчисленіе земледѣльческихъ орудій, рыболовныхъ снастей, рѣчныхъ судовъ (стр. 75, 133, 233), и проч., какъ будто это Статистика!

Отъ неполноты системы произошло то, что всѣ почти статьи у Г-на Андрossoва перемѣшиваются, повторяются и вездѣ замѣненъ недостатокъ. По видимому Авторъ, не то, чтобы хотѣлъ упустить что нибудь, но не имѣлъ плана, въ слѣдствіе коего все спало-бы на свое мѣсто. За чѣмъ ему было вводить въ торговлю исчисления, съ кѣмъ торгуетъ Россія, если нѣтъ взгляда на физическія средствія торговли нашей? Къ чему представлять реэстры таможенъ, портовыхъ городовъ, Управленія путями сообщенія, тарифовъ, обществъ торговыхъ, обществъ для поощренія промышленности, если нѣтъ взгляда на гражданское состояніе была народнаго и степень образованности; или статьи о банкахъ и монетной системѣ, если нѣтъ обзора капиталовъ народныхъ; или представлять таблицы привоза и вывоза товаровъ изъ Россіи въ 1825 и 1826 гг., если нѣтъ общихъ обзоровъ Россійской торговли?

Система, высшій взглядъ: вопль два требованія наукъ, необходимыя въ нынѣшнемъ ихъ высокомъ состояніи. Вообще, выходящія у насъ учебныя сочиненія страдаютъ недостаткомъ въ семъ отношеніи. Мы привыкли повторять одно и то-же; не раздвигаемъ предѣловъ знанія; мало трудимся сами, мало стараемся не отставать отъ современнаго состоянія наукъ въ другихъ странахъ. Но списываніе стараго не есть новое приобрѣтеніе, повтореніе обветшалаго не можетъ обогатить,

нась. Потому и Авторъ Хозяйственной Статистики заслуживаетъ строгій приговоръ Критики, за тошъ способъ, какимъ онъ собралъ факты своей книги. Надобно сказать откровенно, что Авторъ соспавилъ большую часть своей книги, просто списывая у своихъ предшественниковъ, слово въ слово, цѣлыми страницами, дополняя кое-гдѣ вставками изъ новѣйшихъ журналовъ, газетъ и акшовъ, безъ всякой системы. Отъ этого находимъ у него противорѣчія, особливо потому, что Авторъ сокращаетъ многое, выкидываетъ, и отъ того-то что у предшественника его было ясно, дѣлаетъ темнымъ и сбивчивымъ. Статья: *Погода*, вся цѣликомъ, на 18 страницахъ, выписана изъ статьи Германа: *Sur l'état actuel de l'agriculture en Russie*, помѣщенной въ I-мъ Т. *Mémoires de l'académie de S. Pétersbourg* (см. стр. 685—711). Изъ сей-же статьи взято описаніе Земледѣлія въ Россіи. Но все это, въ иныхъ мѣстахъ невѣрно переведено; въ другихъ перемѣшано съ прибавками, такъ, что оставляетъ читателя въ совершенномъ недоумѣніи. На прим. Германъ говоритъ: *Les terres des Cosaques du Don forment une plaine élevée où l'on ne voit de collines qu'aux bords des rivières*; Авторъ переводитъ: »Земля Донскихъ Казаковъ образуетъ возвышенную равнину, гдѣ видны только холмы при берегахъ рѣкъ.« Германъ, говоря единственно о Европейской Россіи, систематически раздѣлилъ всю поверхность ея на семь равнинъ (*plateaux*); Авторъ, списывая у Германа, переводитъ слово: *plateau*, *полосой*, чрезъ это совсѣмъ сбиваетъ понятія, и кромѣ того, высчитавъ шесть равнинъ, уничтожаетъ седьмую, считаемую Германомъ, и присовокупляетъ свою;

о какую же? всю Сибирь; втройшно, выписывая ту прибавку из какой нибудь книги, ибо въ одной этой новоприбавленной равнинѣ находимъ у Автора *четыре*. Авторъ забылъ между тѣмъ, что въ 13 страницъ, онъ уже описывалъ Сибирь и Южную Россію, въ статьѣ: *равнины*, и какъ то описаніе втройшно выписка еще изъ какой нибудь книги, то и насчиталъ онъ *девять* равнинъ въ одной Сибири и Сѣверной и Южной Россіи!

Описанія фабрикъ взяты Авторомъ изъ сочиненія Г-на Зябловскаго: *Статистическое описаніе Россійск. Имперіи*, 5 частей, 2 е издание Спб. 1815 г. — Къ нимъ прибавляетъ Авторъ иногда новыя свидѣнія. Но все это сдѣлано въ совершенномъ безпорядкѣ, сокращено, измѣнено, такъ, что едва-ли можетъ дать полное понятіе о фабричной нашей промышленности.

Не входя въ дальнѣйшія подробности, скажемъ, что такое смѣшеніе разнородныхъ выписокъ составило довольно странную пестроту, особливо при выпускахъ Автора. Для бѣльшаго понятія, какъ заимствовалъ Авторъ, приводимъ примѣръ.

Хоз. Стат. (стр. 1). «*Не имѣя картъ, точно означающихъ весь берегъ Сѣвернаго Ледовитаго моря, восточныхъ острововъ и южныхъ границъ государства, географы не согласились въ пространствѣ Россіи.*»

Это выписано изъ статьи Германа (Mémoir. de l'Acad. de S. Pétersbourg., т. I, стр. 663); но Германъ писалъ въ 1807 г., а послѣ того въ *теченіе 20-ти лѣтъ* вышли прекрасныя карты, и если только *неимѣніе картъ Ледовитаго моря* и проч. препятствовало узнать пространство Россіи, то

препятствіе это давно уничтожено. За тѣмъ Авторъ выписываетъ далѣе изъ Германовой статьи: »Крафтъ полагаетъ оное (пространство Россіи) въ 330,000, Эбелингъ въ 350,000, Жоржъ — неопредѣленно — вдвое противъ Европы; Германъ въ 320,000.« — Вотъ подлинныя слова Германа: »Büsching (1787) lui donne 309,000 mill. carrés, »Hermann (1790) 320,000, Krafft 330,000, Ebeling »350,000, Georgi (1797) se borne à dire que la »Russie est au moins deux fois aussi grande que toute »l'Europe.« Тутъ Г-нъ Андроссовъ, по ошибкѣ, Академика *Георги* называетъ *Жоржемъ*. Германъ далѣе упоминаетъ объ исчисленіи пространства Россіи, коимъ занимался Шубертъ въ 1794 году, и которое помѣщено было въ *Tableau de la Russie*, Шторха, а также объ исчисленіи приобретений Русскихъ, съ 1794 по 1803 г., которое сдѣлалъ Генераль Опперманъ. Изъ обоихъ вычисленій Германъ все пространство Россіи выводитъ въ 310,113 милъ кв. — Г-нъ Андроссовъ оставляетъ здѣсь на время Германа и предлагаетъ отъ себя слѣдующее: »Зябловскій въ 310,000; Мальтебрёнъ, Европ. часть въ 75,154, Сибирь съ посторонними владѣніями (?) въ 295,339. . . .«

Это говоритъ совсѣмъ не *Мальтебрёнъ* а *Гассель*, у котораго заимствовалъ Мальтебрёнъ (см. *Précis de la géogr.* Мальтебрёна, Т. VI, стр. 680); Гассель-же опять взялъ у Крафта, Максимовича и Зябловскаго (см. Гассель, *Vollständiges Handbuch der neuesten Erdbeschreibung*, Т. XI, стр. 9).

За симъ Авторъ опять переводитъ Германа, слѣд. образомъ: »А Шубертъ, по послѣднимъ исчисленіямъ, . . . Но въ выпискѣ изъ Германовой

статьи мы видели, что этому *последнему* *исчисленію* прошло 24 года. Гдѣ же собственные соображенія Автора? И при томъ тутъ, на 2-й стр., Авторъ находитъ въ Европейской Россіи 476,652,604 десятины, а на 76-й стр. 420,353,431 дес. — Куда дѣвались 50,000,000 десятинъ?

Много можно-бы сдѣлать подобныхъ замѣчаній на книгу Г-на Андроссова; но не входя въ подробности, мы заключимъ, что всѣ *ошибки въ подробностяхъ* происходятъ отъ того, что Авторъ мало прудился самъ, не соображалъ старыхъ извѣстій съ новыми и переписывалъ все безъ дальнѣйшихъ справокъ. Такъ не должно дѣлать! Мы сказали уже, что Царство Польское, Грузія, Финляндія, Бессарабія, какъ будто и не составляютъ частей Россіи, если судить по Статистикѣ Г-на Андроссова, а отъ чего это? Отъ того, что предшественники ничего не говорили, а самъ Авторъ не потрудился сообразить и изложить всѣхъ статистическихъ фактовъ заново.

При будущемъ изданіи Автору непременно должно привести въ большій порядокъ расположеніе, улучшить систему, свѣдѣнія сообразить, исправить, поновить, обратить вниманіе на выводы, уничтожить противорѣчія. Надобно, чтобы все составило у него нѣчто цѣлое, и чтобы въ этомъ цѣломъ не было видно слѣдовъ компіляціи. Не худо-бы вообще на точность ученыхъ сочиненій обратить болѣе вниманія. Для чего въ нашихъ ученыхъ сочиненіяхъ не прилагаютъ реэстра матеріяламъ, изъ коихъ что взято? Это необходимо и важно для показанія цѣны свѣдѣній. Извѣстно-ли нашимъ Историкамъ, Статистикамъ и Географамъ, что взглянув-

ши только на такой реэспрь, можно уже судить о достоинствѣ сочиненія? Г-нъ Андроссовъ не хотѣлъ приложить даже означенія страницъ въ реэспрь статьямъ, отъ чего въ книгѣ его съ трудомъ сьскиваете, что надобно. Замѣтимъ еще удобство нѣтъ забытое: цыфирные выводы непременно должно печатать въ видѣ таблицъ, ибо помѣщаемые въ текстъ исчисленія и неясны и запрудняютъ въ соображеніяхъ. Всѣ подобныя, такъ сказать, *типографическія* удобства давно извѣстны въ Европѣ; долго-ли мы еще будемъ не знать ихъ?

Мы хотѣли-было поспорить съ Г-мъ Андроссовымъ о мнѣніяхъ его касательно теоріи Государственной промышленности Россіи, на примѣръ, нашедши на стр. 47, будто *Россія есть Государство земледѣльческое*. Не уже-ли у насъ должно еще опровергать такія устарѣлыя мнѣнія? Автору Статистики должно знать основанія Политической Экономіи. Иначе это похоже будетъ на нѣкоторыя частныя ошибки въ книгѣ Г-на Андроссова, когда, на примѣръ, онъ подробно описываетъ неуспѣшное шелководство наше въ Южной Россіи и забываетъ, что у насъ *матка шелку* Грузія; заставляеть Рускихъ торговать въ Кантонѣ (стр. 120); заставляеть ловить *Камчатскихъ бобровъ* въ Архангельской и Вятской Губерніи (стр. 119); полагаетъ, что рыбная ловля потому важна для Россіи, что у насъ много постныхъ дней (стр. 127), и полагаетъ привозъ сельскихъ издѣлій на Коренную ярмарку въ 30 т. р., когда самъ-же говоритъ, что однихъ крестьянскихъ кушаковъ продается въ ней на 150 т. рублей (стр. 242). Такія ошибки слишкомъ явны, и ихъ можно извинить развѣ только

госпѣшностью работы, хотя, кажется, никакой причины не было Автору спѣшить своимъ трудомъ,

Н. П.

III. БИБЛІОГРАФІЯ.

1826 года.

213. *Mémoires de l'Académie IMPÉRIALE des Sciences de St. Pétersbourg*, avec l'Histoire de l'Académie, pour les années 1821 et 1822 (*Записки ИМПЕРАТОРСКОЙ Санктпетербургской Академіи Наукъ*, съ присовокупленіемъ Исторіи сей Академіи за 1821 и 1822 гг.). Т. X. Спб. 1826 г., in 4, 48 и 819 стр., съ 22-ми рисунками и чертежами и двумя географич. картами.

Девятый томъ Записокъ Академіи выданъ былъ въ 1824 г. (Тел. Т. II, стр. 36). Съ удовольствіемъ можемъ объявить гротѣщеннымъ читателямъ о выходѣ въ свѣтъ *десятаго* тома трудовъ нашего знаменишаго Ученаго Сословія.

И сей томъ начинается, по принятому порядку, въ какомъ съ 1807 г. издаются Записки Академіи, обзорніемъ занятій и важнѣйшихъ событій въ Исторіи Академіи. Въ числѣ ихъ означены потери Академіи: смерть Почетныхъ Членовъ, Аббата Р. Ю. Гайю, сконч. въ Парижѣ, 1822 г. Іюня 1-го; славныхъ Астрономовъ: *І. Б. І. Деламбра*, скончавш. въ Парижѣ, 1822 г. Августа 24, н. с. и *Гершеля*, сконч. въ Англіи, 1822 г. Августа 27 д. — Изъ Академиковъ скончались

въ 1821 и 1822 гг. *Карлъ Габлицъ*, извѣстный своими описаніями Тавриды, и *В. М. Рихтеръ*, Авторъ Исторіи Медицины въ Россіи и другихъ сочиненій. Изъ Корреспондентовъ Академія лишилась: *І. Э. Ф. Гизе*, бывшаго Профессора Химіи въ Харьковѣ и Дерпштѣ, Коллеж. Сов. и Кавалера, сконч. въ Митавѣ, 1821 г. Мая 22 д. — *І. Х. Шваба*; *Р. А. Сикара* (преемника Аббата Л'Эпе), сконч. въ Парижѣ 1822 г. Мая 16 д. и *А. І. Араухо*, Лиссабонскаго Профессора. Вновь, въ 1821 и 1822 гг., приняты были въ Адъюнкты Академіи: Зоологъ, Докторъ *Пандеръ* и элевъ Академіи, Астрономъ, *Тархановъ*, совершившій путешествіе вокругъ свѣта, съ Капитаномъ Васильевымъ, возвратившимся 1822 г. Августа 28 д. Изъ представленныхъ въ Академію ученыхъ диссертаций особенно замѣчательны слѣд. сочиненія: Академика Круга — *Замѣчанія на Ибнъ-Фоцланово описаніе языка, религіи, нравовъ и обычаевъ идолопоклонныхъ Руссовъ, въ X вѣкѣ; Изысканія объ островѣ Левкѣ, на Эксинскомъ морѣ; Идеи о древнемъ устройствѣ и управленіи Русскихъ государствъ; О языкѣ Руссовъ въ IX и X вѣкѣ (всѣ на Нѣмецкомъ языкѣ).* Академика Френа: *Критическое изслѣдованіе извѣстій, переданныхъ Арабскими писателями, о Руссахъ древнихъ временъ и Географіи Россіи и сопредѣльныхъ стѣверныхъ областей (на Нѣмецк. языкѣ); Inscriptiones Arabicae vel primo explanatae vel novis curis retractatae; Veteres memoriae Chasarorum ex Ibn - Fozlano, Ibn-Haukale et Schems-ed-dino-Damasceno. Item de Baschkiris, etc. De Choresmia, etc.; О происхожденіи названія Хазарскаго города Саркела (на Нѣм. яз.); Изыска-*

ція о времени жизни и сочиненіяхъ многихъ, о древней Россіи писавшихъ, большею частію, Мугаммеданскихъ писателей (на Нѣм. яз.). Академика Севастьянова: Описанія нѣкоторыхъ новыхъ рыбъ, въ Россіи водящихся; Описанія двухъ новыхъ породъ млекопитающихъ, приобретенныхъ въ путешествіе Беллинсгаузена. Академика Вишневецаго: Определенія долгощы Оренбурга, Екатеринбурга, Кіева и Тамбова. Академика Шерера: Ueber die chemische Verbindung in Beziehung auf die chemische Proportionslehre; Оригноситетскія замѣчанія о Неломѣ Царскаго Села; Матеріалы для составленія систематическаго обозрѣнія цѣлебныхъ водъ Россійск. Государства; О естественной системѣ минераловъ (всѣ на Нѣмец. языкѣ). Академика Кёллера: Ueber die Murhhee und die Murhbinischen Gefässe; Die Königl. Burg des Eumelus und die Stadt Gargaza. Не исчисляемъ другихъ важныхъ диссертацій, Г-дъ Грефе, Шпорха, Шульцена, Загорскаго, Базена, весьма любопытныхъ для Математиковъ, Физиологовъ, Полишич. Экономовъ и проч. — Изъ числа замѣчаній и опытовъ, сдѣланныхъ Академіею, или сообщенныхъ въ Академію, въ 1821 и въ 1822 гг., чрезвычайно замѣчательны опыты надъ несгораемою соломенною кровлею, устроенною Г-мъ Цигрою; опыты доказаль, что сіе изобрѣтеніе можетъ быть весьма важно и полезно (спр. 39); извѣстіе Г-на Добронравова о льдѣ въ Грузіи (въ Горійскомъ уѣздѣ, при подошвѣ Оссеинскихъ горъ, въ двухъ верстахъ отъ городка Дзхинвала), представляющемъ снѣжное явленіе, ибо въ жаркое время оный является, а въ холодное пропадаетъ; извѣстіе Г-на Рикорда, о землетрясеніи въ Камчаткѣ.

дѣ, бывшемъ 1821 г. Мая 31 д. — Г-нъ Шереръ представилъ свои опыты надъ кускомъ бѣлаго золота, присланнымъ изъ Бразиліи; слѣдствіемъ опыта было открытіе, что бѣлое золото есть смѣсь плашины съ обыкновеннымъ золотомъ. Академикъ Кругъ представилъ мнѣніе свое о переводѣ Герберштенновыхъ Записокъ о Россіи, сдѣланномъ Г-мъ Фовитскимъ. »Какъ ни желанельно (говорить Г-нъ Кругъ), чтобы явился вѣрный и обогащенный разъяснительными примѣчаніями переводъ сего классическаго сочиненія о Россіи,“ но изданіе перевода Г-на Фовитскаго, сей ученый мужъ не почитаетъ полезнымъ и еще менѣе находитъ приличнымъ изданіе его на счетъ Правительства, ибо такое опліяніе могло-бъ бытъ свидѣтельствомъ его превосходства, между тѣмъ, какъ онъ невѣренъ, сдѣланъ съ большою небрежностью и при недостаточномъ знаніи языка Латинскаго, такъ, что все показываетъ въ семъ переводѣ трудъ молодаго челоуѣка, который имѣлъ хорошую мысль заняться полезнымъ и похвальнымъ трудомъ, но не имѣлъ дарованій исполнить надлежащимъ образомъ свое предпріятіе, или не хотѣлъ употребить ихъ, какъ-бы слѣдовало. Мнѣніе Г-на Круга можетъ подтвердить пользу и важность предпріятія Московскаго Общества Исторіи и Древностей Русскихъ, которое, болѣе года тому, положило приступить къ переводу и изданію Герберштенновыхъ записокъ, съ примѣчаніями. Жаль, если сіе прекрасное предпріятіе не будетъ исполнено; по крайней мѣрѣ, донынѣ, ни мало не приступлено къ его исполненію. Другое замѣчаніе Г-на Круга касается надгробія, найденнаго на старинномъ памятникѣ, близъ Мин-

на, и которое касается относящихся ко времени Владимира Святославича, Г-нь Кругъ объясняетъ, что надпись оія не восходитъ далѣе XVI или, по крайней мѣрѣ, окончанія XV вѣка.

Сочиненія, находящіяся въ семь томахъ Записокъ Академіи, по обыкновенію, раздѣляются на *четыре* отдѣленія: *Знанія Математическія* (15 статей), *Знанія Физическія* (8 статей), *Знанія Политическія* (3 статьи) и *Знанія Историческо-Филологическія* (4 статьи). Имена Г-дъ Сочинителей суть: Л. Эйлеръ, Н. Фуссъ, Вишневскій, Шубертъ, Шульцъ, Пауккеръ, Петровъ, Тунбергъ, Эшшольцъ, Маннергеймъ, Тилезіусъ, Триніусъ, Шпорхъ, Френъ, С. С. Уваровъ и Кёллеръ. Подробное разсмотрѣніе 28 статей, ученаго и важнаго содержанія, не можетъ быть предметомъ краткаго библіографическаго извѣстія.

Н. П.

214. *Опытъ руководства къ судно-врачебной наукѣ*, съ соображеніемъ существующихъ по сему предмету Россійскихъ узаконеній и начальственныхъ предписаній, Сочиненіе Василья Тиле, Доктора Медицины, и проч. *Отдѣленіе первое*, содержащее введеніе и часть обрядную. М. 1826 г. in 8, IV, IV и 100 стр.

Россійская Врачебная Литтература конечно обогатилась симъ новымъ сочиненіемъ Г-на Доктора Тиле, который, приступивъ къ изданію Опыта руководства къ судоврачебной наукѣ, съ соображеніемъ существующихъ по сему предмету Россійскихъ узаконеній и начальственныхъ предписаній выдалъ нынѣ *Отдѣленіе первое* своего сочиненія. Сочиненіе сіе

будетъ первое въ семь родѣ въ Россіи и весьма важно для судебныхъ врачей Отечества нашего. Оно не безъ недостатковъ, какъ на пр. въ исчисленіи Липпературы своего предмета Авторъ не упомянулъ о вѣкопородныхъ хорошихъ сочиненіяхъ; также упомянуто имъ только о правилахъ, которыя при наружномъ осмотрѣ труповъ наблюдать должно, а тѣ правила, которыя касаются до различныхъ полостей, Сочинителемъ оставлены для другаго Отдѣленія его сочиненія, когда по сущности предмета о нихъ обонхъ слѣдовало-бы упомянуть вмѣстѣ; многое въ семь сочиненій почерпнуто изъ важныхъ сочиненій, какъ-то: Генке, Клоссе и проч., но слогу могъ-бы быть чище. Сказавъ о недостаткахъ сей книги, съ другой стороны должно отдать Сочинителю полную справедливость за предпринятый имъ трудъ, которымъ онъ не только первый открываетъ путь къ подобнымъ сочиненіямъ, но и замѣняешь величайшій по сей части недостатокъ нашей Липпературы. Россійскій Судебный Врачъ не только найдетъ въ книгѣ Г-на Тиле правила для руководства, почерпаемыя изъ врачебныхъ наукъ, но и все до сего предмета относящіяся Указы и предписанія Начальства. Кромѣ сего, читатель встрѣтитъ въ семь сочиненій много любопытнаго, какъ-то: историческіе отрывки, относящіеся до Судебной Медицины въ Россіи, объясненіе относящихся къ ней законовъ и п. п.; словомъ сказать, видно, что Сочинитель не только теоретикъ, но и свѣдущій практикъ по своей части. Искренно благодаря его за полезный трудъ, мы съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать послѣдующихъ отдѣленій.

А. П — ь.

215. *Искусство быть любимым своею женою.* Соч. Графа П***. Перев. съ Французскаго. М. 1826 г. in 16, 90 стр.

1827 года.

112. *Добрый совѣтъ при избираниі невесты въ законное супружество, или искусство быть счастливымъ супругомъ.* Соч. Амн. М. 1827 г. въ шип. А. Семена, in 16, 137 и 111 стр.

Теорій бывало на бѣломъ свѣтѣ такъ много, что многіе нынѣ совсѣмъ не вѣряшъ теоріямъ. Покажи намъ на опытѣ! твердяшъ эти недоверчивые люди. Но какъ-же намъ узнать: практически-ли знаетъ Графъ П*** искусство быть любимымъ своею женою, а Г. Амн искусство быть счастливымъ супругомъ? Повѣрьте имъ на слово, Мм. Гг. Впрочемъ, въ переводѣ названій книгъ вмѣшалась, кажется, привычка нашихъ переводчиковъ передѣлывать названія. Слова: *Добрый совѣтъ при избираниі невесты въ законное супружество* отзывается что-то Русскою придѣлкою. Читателямъ вѣроятно извѣстно, что на Руси безъ или, названіе не въ названіе и книга не пойдетъ съ рукъ, а кому не хочется, напечатавши книгу, продать?

Сочиненіе Графа П*** должно быть въ подлинникѣ поэма, хотя по-Русски является въ прозѣ. Графъ поетъ Искусство быть любимымъ своею женою. Что-жь? Если писывали поэмы на коровью оспу, слезы, жалость, три царства природы, солнце, Астрономію, почему Графу П*** не воспѣвать Искусства быть любимымъ своею женою, если онъ мастеръ въ этомъ искусствѣ и мастеръ въ поэзіи? Переводчикъ погрѣшилъ одна-

дожь, не сказавъ своимъ чипашелямъ, что переводъ поэму, а не учебный курсъ.

Другая книга есть систематическое изложеніе правилъ, какъ выбирать себѣ жену. Сочинившемъ (или переводчикъ) говоришь, что «выборъ сурруги есть самое важное обстоятельство мужчины, вѣщо жена прилгестаетъ своему мужу тогда, когда она не можетъ быть прилжна другому», совѣтуешь выбирать жену хорошую, здоровую; бѣдному брать съ деньгами, богатому безъ денегъ; блондину брать брюнешу, брюнешу блондинку, моложе себя, изъ хорошаго семейства; на лѣто имѣть деревню, гдѣ можно-бы жить весело и удалапъ жену отъ молодыхъ вѣшренниковъ; не влюбляться въ свою невѣсту, выбирать не по любви и не одному, а съ помощію родни и друзей, и — много кой-того еще. Бездѣлица! Архимедъ хотѣлъ повернуть землю, но включалъ только небольшія условія, Г-нъ Ами выдаетъ Искусство быть счастливымъ супругомъ: эшо пошруднѣ Архимедовскаго подвига; правда, но и условія Г-на Ами пошажеле условій Архімеда. Русскій переводъ напечатанъ прекрасно.

113. *Хозяйственная Статистика Россіи*, составленная Васильемъ Андроссовымъ, ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства Дѣйствишельнымъ Членомъ. М. 1827 г. въ шип, С. Селивановскаго, in 8, X и 282 стр.

Разборъ сей книги помѣщенъ выше сего, въ ошдѣленіи *Критики*.

114. *Le tombeau d' Alexandre*. Par C. Lamartinière Ex. adjud. maj. de cavalerie et chev. de la légion d'honneur. М. 1827 г. въ шип. А. Семена, in 4, 6 стр.

115. *Trois odes* par St. Thomas. М. 1827 г. в тип. А. Семена, in 8, 27 стр.

Прекрасно напечатанная книга. Въ первой Одѣ описываетъ, бывшее въ 1824 году, наводненіе Петербургское; во второй онъ удивляется, Кремлю, видѣть на вершинѣ башни какую-то молнію: это *тѣнь Пожарскаго*, которая говоритъ поэту, что Москва скоро помрачитъ великолѣпіемъ своимъ Петербургъ.

L'airain sacré résonne et se mêle à sa voix;
Silence! . . Je l'entends, et, *la tête inclinée*,
Il écoute, avec respect, quelle est la destinée
 Dont Moscou doit subir les immuables loix.

Въ третей Одѣ, какой-то иностранецъ (*étranger*) жалуется, что ему все худо кажется на свѣтѣ и плохо приходитъ жить, бросается въ Волгу и — утопаетъ.

116. *Езоповы басни*. Mesor's Fabeln. *Fables d'Esopre*. Часть I, книжка 1. У Фердинанда Эльцнера. 1827 г. в тип. С. Селивановскаго, in 8, XX и 18 стр., съ 6 ю картинками.

Г-нъ Эльцнеръ издаетъ весьма полезную книгу для дѣтей: выборъ изъ Езоповыхъ басенъ, на Русскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ. Не смотря на то, что нынѣ больше прежняго является книгъ, полезныхъ и необходимыхъ для дѣтей, хорошее у насъ долго еще не будетъ лишнимъ, а Г-нъ Эльцнеръ началъ свое предпріятіе очень хорошо: рассказъ басенъ на всѣхъ трехъ языкахъ простъ и понятенъ для дѣтей. Картинка слѣдуетъ при каждой баснѣ, и по расположенію и исполненію онѣ такъ хороши, что мы немного ви-

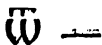
дѣтъ подобныхъ гравюръ въ нашихъ и не дѣтскихъ книгахъ : всѣ картинки гравированы въ Вѣнѣ , по заказу Издателя. Мы нѣсколько разъ уже говорили о неудобствѣ давать дѣтямъ для изученія языковъ читать и выучивать разговоры , и порадуемся , когда родители и наставники , обдумавши причины нашего мнѣнія , изгонятъ совершенно изъ курсовъ ученія разговоры старые Вегелиновскіе и всякіе. Напротивъ , не лѣзя не сказать , что выборъ повѣстей или басенъ нравоучительныхъ полезенъ для дѣтей во всѣхъ отношеніяхъ. Г-нъ Эльцнеръ предполагаетъ издать 30 басенъ , въ I-й части. Нынѣ вышедшая 1-я книжка заключаетъ 6 басенъ. Книга напечатана весьма опрятно , и можно пожелать , чтобы предпріятіе Г-на Эльцнера было ободрено благосклоннымъ вниманіемъ публики , отъ чѣго зависить изданіе другихъ частей сего собранія , могущаго составить довольно большую , но недорогую ручную книжку для дѣтей.

Н. П.

117. *Едуардъ*. Сочиненіе Герцогини Дюра , Автора Урики. Переводъ съ Французскаго. 2 Части. М. 1827 г. въ тип. А. Семена, in 12, 143 и 129 стр.

Русскіе читатели поблагодарятъ Переводчика за то , что онъ потрудился передать имъ прекрасный эпическій романъ. Мы говорили уже о подлинникѣ (см. Телегр. X, 169); переводъ *могъ бы* быть лучше : излишнее стараніе передать точнѣе подлинникъ , кажется , много вредитъ слогу Русскаго переводчика , и вообще замѣтны у него въ слогѣ неясность и неловкость , особливо въ раз-

говорахъ. Приведемъ нѣсколько строкъ. (Ч. II стр. 104): »Изъясненія безполезны между нами, сказалъ мнѣ Маршалъ; дочь моя открылась мнѣ во всемъ. «Ея подруга, узнавъ прежде меня о клеветахъ, которыми ее огернили, пріѣхала изъ Голландіи, что-бы избавить ее отъ бездны, въ которую она готова была повергнуться.» . . . Будто такъ говоряшь, особливо люди высшаго образованія!

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

О послѣднемъ необыкновенномъ переломѣ въ Англійской торговлѣ и промышленности (*). Причины не обыкновенныхъ переломовъ, отъ времени до времени потрясающихъ мануфактурныя земли и приводящихъ въ упадокъ богатыхъ негоціантовъ и мануфактуристовъ туземныхъ: вошъ важнѣйшій предметъ, о которомъ всего необходимѣе публикѣ имѣть надлежащее понятіе. Но какъ ни важно разысканіе о семъ предметѣ, онъ, кажется, донынѣ мало обращалъ на себя настоящее вниманіе. Замѣчательно, что послѣдній переломъ въ нашей торговлѣ и промышленности, столь тяжко нами испытанный, печальныя слѣдствія коего, по вида-

(*) Сочиненіе Мак' коллока; сокращенно взятое изъ Edinburgh Review. Мы не совсѣмъ соглашаемся съ Авторомъ и потому въ окончаніи позволяемъ себѣ нѣсколько замѣчаній. Изд. Тел.

тому, еще долго будутъ для насъ продолжаться, не были предвидѣны нашими негоціантами, и нынѣ встрѣчаемъ мы величайшее разногласіе въ мнѣніяхъ о причинѣ его. Все это рѣшило насъ предложить публикѣ слѣдующія замѣчанія; за неимѣніемъ другихъ достоинствъ, они, по крайней мѣрѣ, теперь очень къстати.

Прежде всего различимъ два рода необыкновенныхъ переломовъ въ промышленности и торговлѣ: одни происходятъ отъ политическихъ обстоятельствъ, и слѣдственно могутъ быть разсматриваемы, какъ совершенно случайные; другіе происходятъ отъ ошибочныхъ соображеній частныхъ людей. Первые не входятъ въ кругъ Политической Экономіи. Она можетъ указывать путь, по которому должно слѣдовать для приобрѣтенія богатствъ государству; но невозможно ей а priori сказать, по какому пути они будутъ слѣдовать. Она не можетъ, ни предвидѣть мѣръ, которыя кому нибудь угодно будетъ принять, не можетъ и предупредить, что произойдетъ отъ принятія сихъ мѣръ. И такъ, мы не будемъ здѣсь говорить о коммерческихъ бѣдствіяхъ, необходимо слѣдующихъ изъ того или другаго, вольнаго или невольнаго стеченія, политическихъ обстоятельствъ, и ограничимся единственно тѣми, которыя встрѣчаются при обыкновенномъ теченіи дѣлъ, и, какъ мы горестнымъ опытомъ узнали, бывають столь-же неожиданны, какъ и тѣ, которыя происходятъ отъ неожиданной войны или страшной революціи.

Сии переломы могутъ быть: 1 а отъ ложныхъ расчетовъ мануфактуристовъ; 2 е, отъ ошибоч-

ныхъ спекуляцій торговцовъ; 3е, отъ возвышенія цѣнъ, причиняемаго перемѣною въ количествѣ, и слѣдственно, въ цѣнности денегъ. Изслѣдуемъ себѣ каждую изъ сихъ причинъ.

Перевероты отъ ложныхъ расчетовъ производителей бывають вообще въ тѣ времена, когда произойдетъ перемѣна въ обыкновенной пропорціи требованій и количествъ готовыхъ товаровъ. Положимъ, на примѣръ, что по причинѣ открытія новыхъ торжищъ для сбыта, появленія новой моды, или по другой какой причинѣ, бумажныя ткани болѣе прежняго потребовались: слѣдствіемъ сего будетъ мгновенное возвышеніе цѣнъ и большіе барыши фабрикантамъ. Но, расчетъ прибылей въ разныхъ производствахъ заключаетъ въ самомъ себѣ постоянное стремленіе *уравниваться*, и если монополія не предупредитъ или не попрепятствуетъ дѣйствию состязанія, расчетъ прибылей не можетъ долго оставаться, выше или ниже известной мѣры, въ одномъ какомъ-либо родѣ производства, противъ другихъ. Такъ, если возвысится цѣна бумажныхъ тканей, то немедленно начнутъ производители употреблять новые капиталы на ихъ выдѣлку, извлекая большую или меньшую часть капиталовъ изъ другихъ производствъ, дабы дать имъ новое выгодное направленіе.

Къ несчастію извѣстно, что сіе перемѣщеніе капиталовъ никогда не остановится на надлежащей степени, для возстановленія прежнихъ цѣнъ, и всегда будетъ произведено съ такимъ увеличеніемъ,

Ч. XVII. No 20.

У

что скоро обременить торжища, и въ послѣдствіи причинитъ переломъ, бѣдственный для производителей. Множество причинъ споспѣшествуютъ сему результату. Прибыли, полученныя какими нибудь фабрикантами отъ приращенія требованій на ихъ товаръ, всегда бывають увеличены, какъ тѣмъ изъ нихъ, которые стараются умножить свой кредитъ увѣреніемъ, что они получили барыши значительные, такъ и фабрикантами другихъ произведеній. Люди характера зыбкого и предприимчиваго, особенно - же расположенные почитать *отпе ignotum pro magnifico* (все неизвѣстное за великое), не замедлять пуститься въ такое занятіе, въ которомъ, кажется имъ, видятъ они вѣрнѣйшее и скорѣйшее средство разбогатѣть. Толпы подражателей поторопятся въ свой чередъ слѣдовать ихъ примѣру и броситься по ихъ слѣдамъ. Увѣренный въ своемъ счастіи и своей ловкости, каждый спекулянтъ оставитъ занятіе, въ которомъ воспитанъ, которое хорошо знаетъ, и пойдетъ на новое поприще, между тѣмъ, какъ люди, прежде еще на сіе поприще вступившіе, стараются пользоваться своимъ кредитомъ, сколько возможно разпространить дѣла свои и увеличить количество произведеній. Всякій здравомыслящій легко можетъ предвидѣть, каковы должны быть слѣдствія сего порядка вещей. Увеличеніе капиталовъ въ одномъ родѣ дѣлъ, скоро будетъ послѣдуемо заваломъ торжищъ и упадкомъ цѣнъ, неминуемымъ слѣдствіемъ излишка.

Негоціанты никогда не должны терять изъ вида сихъ истинъ. Истинны сіи непреложны, и кто

изучить Исторію промышленности, въ той или другой землѣ, тогдѣ убѣдятся, что необыкновенное преуспѣяніе въ какой нибудь торговой частной отрасли всегда предвѣстникъ сильнаго перелома. Земледѣліе можетъ намъ представить неоспоримое доказательство того, что мы здѣсь утверждаемъ. Высокія цѣны 1800 и 1801 гг. дали сильный порывъ земледѣльской промышленности. Въ 1802 г. почти вдвое, противъ предшествовавшихъ годовъ, выдано было опъ Парламента позволеній осушать болота и разчищать мѣста. Распространеніе земледѣлія и усовершенствованныя методы, принятыя мѣзниками, унизили въ 1804 г. цѣны хлѣба ниже обыкновенныхъ и жалобы земледѣльцовъ рѣшили Парламентъ издать актъ, коимъ оказано было преимущественное покровительствованіе отечественному земледѣлію, противъ состязанія иностранцовъ. Высокія цѣны 1810, 1811, 1812 и 1813 гг. имѣли слѣдствія точно такія-же. Новые капиталы были обращены на обрабатываніе земли, и земледѣльство такъ раздвинулось, что въ 1812 и 1813 гг. собственнаго хлѣба доставало было для нашего потребленія. Неминуемо послѣдовалъ значительный упадокъ цѣнъ, хотя гавани наши совершенно заперты были для привозовъ иностраннаго хлѣба. Слѣдующая таблица среднихъ цѣнъ пшеницы въ Англіи и числа позволеній, Парламента на разчиску мѣстъ и осушеніе болотъ, выдаваемыхъ ежегодно съ 1791 по 1820 г., въ ясномъ свѣтѣ подтверждаютъ истину замѣчаній нашихъ. Направленіе, даваемое высокими цѣнами минувшаго года распространять земледѣліе въ слѣдующемъ году, было неизмѣнно, въ чемъ можно увѣриться по увеличенію позволеній, или биллей, Парламента.

Годы.	Цѣна.	Число биллей.	Годы.	Цѣна.	Число биллей.
1791—	47	2 — {38	1806—	79	0 — 71
1792—	42	11 — {	1807—	73	3 — 76
1793—	48	11 — 46	1808—	79	0 — 91
1794—	51	8 — 42	1809—	95	7 — 92
1795—	74	2 — 39	1810—	106	2 — 122
1796—	77	1 — 75	1811—	94	6 — 107
1797—	53	1 — 86	1812—	125	5 — 133
1798—	50	3 — 52	1813—	108	9 — 119
1799—	67	6 — 65	1814—	73	11 — 120
1800—	113	7 — 63	1815—	64	4 — 81
1801—	118	3 — 80	1816—	75	10 — 47
1802—	67	5 — 122	1817—	94	9 — 34
1803—	56	6 — 96	1818—	84	1 — 46
1804—	60	1 — 104	1819—	73	0 — 44
1805—	87	10 — 25	1820—	65	7 — 40

Исторія Вестъ-Индской торговли также служить подкрѣпленіемъ нашихъ мнѣній. Разрушеніе прекрасныхъ Сень-Домингскихъ плантацій, взбуштовавшимися Неграми, сначала уменьшивши, а потомъ совсѣмъ уничтоживши выходъ 115,000 екр. сахару, который Франція и твердая земля Европы получала изъ сей обширной колоніи, причинило необыкновенное возвышеніе цѣнъ на сахаръ и дало соразмѣрное побужденіе къ увеличенію произведенія сахара на другихъ островахъ. Сіе побужденіе было такъ сильно, что Ямайка, въ прежнее время не выпускавшая болѣе 83,000 екр., выпустила 286,000 въ 1801 и 1802 гг., слѣдовательно по 143,000 на каждый годъ! Но сіе преуспѣяніе было столь-же кратковременно, сколь блестяще; одинакая причина скоро произвела

одинакія слѣдствія въ колоніяхъ твердой земли Европы, какъ равно и на Англійскихъ Антильскихъ островахъ. Количество сахара и кофе, выпущенное Кубою, Порторико, Мартиникою, Гваделупою, Бразилією и другими мѣстами, не замедлило пополнить недосташокъ, причиненный возмущеніемъ Сень-Домингскимъ, и даже завалилъ торжища. Значительныя требованія, сдѣланныя иностранцами на сахаръ нашихъ плантацій, уменьшались со дня на день въ 1805 и 1806 гг., и мало помалу совсѣмъ прекратились. Изъ сего вышло, что почти вся сложность Ямайкскаго сахара была ввезена въ Англію, и то что въ 1798 г. стоило 66 шиллинговъ, въ 1806 г. продавалось не дороже 34: цѣна недостаточная, не только принести барышъ хозяевамъ плантацій, но даже окупить ихъ издержки. Въ слѣдствіе нѣкоторыхъ мѣръ, принятыхъ Парламентомъ, дабы торговлѣ дать насильственный ходъ, очень нехотати поддерживали огромное произведеніе сахара, безъ всякаго соображенія съ настоящимъ его требованіемъ, такъ, что за исключеніемъ небольшихъ промежутковъ, хозяева плантацій не выходили изъ безконечной цѣпи затрудненій и убытковъ, и это состояніе не кончилось для нихъ донинѣ.

Такія же доказательства можно найти въ исторіи дистиллировки вина въ Шотландіи. И теперь Шотландскіе дисциллашоры находятся въ величайшемъ замѣшательствѣ, не зная: куда дѣть безмѣрное количество спиртовъ, приготовленныхъ ими, въ надеждѣ, что послѣднее уменьшеніе пошлинъ чрезвычайно увеличитъ потребленіе оныхъ въ Англіи. Пошребленіе дѣйствительно увеличилось, но не

въ такой пропорціи, какой ожидали дистилляторы наши.

Всеобщее правило: чѣмъ болѣе вдругъ начнетъ преуспѣвать какая нибудь частная отрасль промышленности, тѣмъ сильнѣе и страшнѣе будетъ переломъ, всегда почти слѣдующій за необыкновеннымъ распространеніемъ. Если увеличеніе требованій на товаръ возвысило цѣну его на 10 процентовъ болѣе цѣны обыкновенной, его скоро произведутъ въ большемъ количествѣ, а это необходимо причинитъ ему обратный переворотъ. Если возвышеніе сдѣлалось на 30 или 40 процентовъ, капиталисты тотчасъ бросятся на это дѣло съ своими капиталами, и тогда переворота должно ожидать и скорѣйшаго и раззорительнѣйшаго.

Переломы, о коихъ мы говоримъ, могутъ быть скорѣе или медленнѣе, смотря потому, какая система управляетъ общимъ ходомъ торговли государства. Ничто не уменьшало-бы столько числа и жестокости переломовъ, какъ свободная торговля. Будь торговля свободная, мы занимались-бы только такими дѣлами, въ которыхъ видимъ свое естественное или приобретенное превосходство, и которыя по сему самому болѣе безопасны отъ неблагоприятныхъ переворотовъ, нежели тѣ, кои поддерживаются натянутыми средствами и ограниченіями. Положимъ, на прим., что торговля шелковыми тканями не подвержена никакимъ ограниченіямъ: въ такомъ случаѣ, мы вывели-бы за границу часть тканей изъ широкъ шерстяно-шелковыхъ, нашихъ чулковъ и перчатокъ, въ которыхъ намъ приходится несомнѣнный барышъ, и въ тоже время, изъ за гра-

ицы привезли-бы къ намъ тѣхъ шелковыхъ тканей, которыя выдѣлываютъ иностранцы лучше или дешевле. Если при семъ предположеніи, новая мода, или другая какая нибудь причина, вдругъ увеличили-бы требованіе на сіи ткани, состязаніе иностранныхъ купцовъ воспрепятствуетъ имъ дойти до необычайной цѣны, и слѣдственно предупредить напряженное расширеніе нашихъ фабрикъ и замѣшательства, въ которыя неминуемо вводитъ сіе расширеніе. Если-бы напротивъ, требованіе на шелковыя ткани уменьшилось внутри государства, множество внѣшнихъ торжищъ, на которыхъ продавали-бы наши фабриканты, дало-бы имъ способы распорядить излишествомъ своихъ товаровъ, по цѣнамъ, гораздо болѣе выгоднымъ, противъ тѣхъ, какими они ограничиваются, сбывая ихъ только на своихъ торжищахъ. Сіи основанія не тщетныя теоріи, и они подтверждены самыми обширными опытами. Нѣтъ въ Лондонѣ ни одного негоціанта, который не согласился, что измѣненія въ цѣнахъ хлѣба были-бы гораздо постояннѣе и состояніе нашихъ земледѣльцовъ болѣе улучшилось, если-бы ограниченія, законами нашими предписываемыя торговлѣ хлѣбомъ, были уничтожены. Точно тоже со всѣми другими опрадами. Ограниченія и запрещенія всегда приводили торгующихъ въ затруднительное положеніе касательно цѣны, и производили потрясенія болѣе или менѣе сильныя. Искусственныя возбужденія, къ какой-бы они опрадали промышленности ни прилагались, непосредственно производятъ неблагопріятныя дѣйствія на всѣ другія опрады, и всегда оканчиваются вредомъ, даже и той, которой посредствомъ ихъ хотѣли благопріят-

существовать. Никакое установление, никакой законодательный акт не может увеличить капитала государственного; разлить его въ новые каналы: вотъ все, что они могутъ сдѣлать. Но когда сіи каналы довольно наполнены, отъ этого начинается только противудѣйствіе. Если нѣтъ торжищъ внѣшнихъ, каждый разъ, когда перемѣна во вкусъ потребителей причиняетъ уменьшеніе требованій, магазины заваливаются товарами, кошорыхъ, при свободной торговлѣ, и не заготовляли-бы. Невѣжды и люди увлекаемые корыстными видами не обвиняясь приписываютъ излишество произведеній употребленію машинъ и недостаточному покровительству отечественнымъ произведеніямъ противъ состязанія иностранцовъ. Напротивъ: это есть слѣдствіе необходимое и неизбѣжное запретительныхъ системъ и приложенія тѣхъ опасныхъ лекарствъ, кошорыя безпрестанно измѣняютъ ходъ промышленности, ко вреду внутренней экономіи политическихъ тѣлъ.

Не нужно сказывать, что наши замѣчанія касаются только излишества произведеній, въ нѣкоторыхъ частныхъ отрасляхъ. Относительно-же *произведенія вообще*, мы увѣрены, по несомнѣннымъ доказательствомъ, что оно никогда не можетъ быть излишне и идея о *всеобщемъ излишкѣ* есть противорѣчіе здравому смыслу. Всякій согласился, что каковъ-бы ни былъ объемъ произведенія, оно всегда потребится, ибо иначе должно предположить произведеніе безъ цѣли, дѣйствіе безъ причины. Только тогда, когда товары назначаются для перевозки на какое нибудь торжище, они могутъ излишне скопляться. Но когда они уже пере-

зены на торжище, значить, что они назначены в промѣну, и если ихъ будетъ излишекъ, это безспорное доказательство, что не ихъ излишекъ много, но товаровъ, на которые ихъ промѣнять должно, напротивъ, количество недостаточно. Тутъ же въ этомъ ошибка, что *много произвели*, но что *суду произвели*, ибо произвели то, что не требуется тѣми, кому хотѣли продать, а мы сами употребить произведеннаго не можемъ. Завалка всегда происходитъ отъ того, что люди, занимающіеся какимъ нибудь родомъ произведеній, умножаютъ количество ихъ въ пропорціи, несоразмѣрной съ потребностями. Это было причиной замѣшательства, испытанныхъ хозяевами плантацій Антильскихъ въ 1807 г., Англійскими земледѣльцами въ 1816 г. и фабрикантами шелковыхъ тканей въ последнее время. Произведенія сихъ людей представляются во всѣхъ означенныя эпохи въ пропорціи несоразмѣрно огромной противъ тѣхъ товаровъ, на которые должно было мѣняться.

Установивши свободную торговлю, чтобы еще лучше воспрепятствовать переломамъ торговли, Правительству Англійскому надобно-бы поставить правиломъ, кромѣ необыкновенныхъ случаевъ не выѣшиваться въ торговлю и промышленность и не помогать тѣмъ частнымъ производителямъ, которые безразсечно входятъ въ дѣла. Такое правило, конечно, покажется излишекъ суровымъ, но однакожъ, это единственное правило для Правительства, которому можно послѣдовать съ успѣхомъ. Вся почти ограниченія и монопольныя запрещенія, снѣсняющія свободу движеній Англійской торговли

и подкрѣпляютъ духъ спекуляцій, происходятъ отъ того, что Правительство наше излишне заботится помогать тѣмъ производителямъ, которые затѣваютъ спекуляціи неудачныя или безразсудныя. Отъ того, значительная часть Англійской промышленности установилась на невѣрныхъ основаніяхъ, и негоціанты и фабриканты, освобождаясь отъ естественной отвѣтственности, съ которою каждый долженъ дѣйствовать, научились полагаться на пособіе Правительства, когда ихъ спекуляціи пойдутъ худо. Если-бы Правительство могло помогать частнымъ людямъ безъ вреда остальному обществу, путь нѣчего было-бы и спорить; но дѣлается напротивъ, а потому Министръ, здравомыслящій политикъ и филантропъ, долженъ отказать въ пособіи при семъ случаѣ, ибо пособія во сто разъ причиняютъ болѣе вреда, нежели отвращаютъ его. Съ удовольствіемъ приводимъ здѣсь въ доказательство мнѣніе практика, знаменитаго негоціанта нашего, А. Беринга (A. Baring), столь извѣстнаго всѣмъ важнѣйшимъ негоціантамъ Европы и Америки по его обширнымъ дѣламъ. Вотъ что говорилъ Г-нъ Берингъ, въ небольшомъ сочиненіи своемъ, изданномъ въ 1808 году: «Вообще покровительствовать во время войны и мира, уничтожать договорами запрещенія другихъ державъ и ни подъ какимъ предлогомъ не дѣлать ограниченій и запрещеній: вопль все, чего должна требовать торговля отъ Правительства. Если-бы установленія нынѣшнія, касательно внѣшней и внутренней торговли, были уничтожены, нѣтъ сомнѣнія, что отъ того произошли-бы величайшія выгоды для всей Англіи и для купцовъ Ан-

ійскихъ въ особенности. Твердая рѣшительность : доставить всѣ обстоятельства торговли естественному ихъ ходу, не вмѣшиваясь въ нихъ по юсьбѣ того или другаго званія гражданъ, когда ошибка въ расчетѣ заводитъ ихъ въ невыгодныя мѣста, сія рѣшительность, скорѣе, нежели искусственныя лекарства, установила-бы настоящее равновѣсіе между произведеніемъ и требованіемъ. Если жадность къ прибыли часто нарушаетъ равновѣсіе, таже причина, когда оставлятъ торговлю промышленность свободно дѣйствовать, непременно возстановитъ его.

«Когда политическіе уравниватели вмѣшиваются въ дѣла какой нибудь отрасли промышленности, это не только вредно другимъ отраслямъ, но и той, которой хотятъ пособить. Положимъ, на примѣръ, что въ Ямаикѣ надѣлали много сахару а въ Манчестерѣ много бумажныхъ тканей : потеря людей, погнавшихся за корыстью, скоро остановитъ зр. Но если Правительство употребитъ искусственную помощь, дабы доставить, первымъ изъ нихъ средство къ необыкновенному сбыту ихъ произведенія, средство, коего ничто не можетъ упрочить на будущее время, то, хотя косвенно, оно ободритъ ихъ продолжать свои дурныя спекуляціи и чрезъ то, пособивъ на время, приведетъ ихъ къ гораздо худшимъ и болѣе гибельнымъ послѣдствіямъ. Съ другой стороны, если оно постарается отвлечь слѣдствія неблагоприятныхъ распоряженій фабрикантовъ бумажныхъ тканей, оно сдѣлаетъ только вредъ фабрикамъ суконъ, полотенъ, или шелковыхъ

шканей, но ничѣмъ не оградить бѣдствія фабрикантовъ Манчестерскихъ.

«Если какой нибудь классъ фабрикантовъ или негоціантовъ просить помощи Правительства, обыкновенно съ величайшимъ великолѣпіемъ выставляютъ онѣ заслуги, оказанныя имъ отечеству. Остъ-Индская и Вестъ-Индская торговля, оружейники, суконные фабриканты, и проч., и проч., поспешенно успѣвали заговорить Правительство симъ образомъ въ свою пользу; но слушая ихъ, должно-бы помнить, что выгоды государства состоятъ въ общемъ благоденствіи; что не должно помогать развитію какой нибудь отрасли, иными средствами, кромѣ тѣхъ, кои она заключаетъ въ самой себѣ, а тѣмъ менѣе помогать ей на счетъ другихъ отраслей, и что, дабы заключить ее въ надлежащихъ границахъ, надобно предоставить ей самой попеченіе о своемъ направленіи.»

Намъ нѣчего прибавлять къ симъ превосходнымъ замѣчаніямъ опытнаго гражданина, и мы обращаемся къ переломамъ торговли и промышленности другого рода, т. е. происходящимъ отъ ложныхъ расчетовъ негоціантовъ, или, чтобы выразиться не такъ точно, но болѣе употребительнымъ образомъ, отъ слишкомъ обширной торговли.

Сего рода переломы бываютъ въ то время, когда продажныя цѣны, или цѣнность, какую они представляютъ, находятся въ надлежащемъ состояніи и держатся на прочномъ основаніи; и въ то вре-

и, когда цѣнность сія находится въ величайшемъ
 превышеніи и худо обезпечена, слѣдственно, подвер-
 гнута испытанію разительныхъ измѣненій въ своемъ
 курсѣ, прибавкѣ и убавкѣ.

Множество причинъ способствуютъ перело-
 амъ, когда они бывають при состояніи продаж-
 ой цѣны въ надлежащемъ положеніи. Если купцы
 полагають, что товаръ, коего потребленіе повсе-
 ѣстно, производится не въ достаточномъ коли-
 ествѣ, или, если и дѣйствительно недостаточно
 ываютъ имъ снабжены торжища, спекулянты ста-
 аюцца требовать его вездѣ, гдѣ только добыть
 ожно. Тоже бываетъ, если вдругъ откроются для
 зего новыя и значительныя торжища. Подобное
 величеніе требованій необходимо причиняетъ воз-
 ышеніе цѣнъ, и разумѣется, что большое число
 покупателей, вдругъ появившихся на торжища, вы-
 ведетъ цѣны изъ надлежащихъ границъ, а это не
 замедлитъ произвести противоположное, болѣе или
 менѣе сильное.

Переворотъ, коему подвергаются люди, дающіе
 необыкновенныя цѣны за товаръ, бываетъ отъ труд-
 ности или совершенной невозможности дѣйствитель-
 но утѣрипья, что этого товара недостаетъ, или что
 требованіе на него прибудетъ. Въ способъ, какимъ
 рѣшаетъ сіи вопросы истинно-умный негоціантъ, мож-
 но видѣть его ловкость. Последнія спекуляціи, на при-
 мѣръ, хлопчатую бумагою произведены были отча-
 сти потому, что необдѣланную бумагу полагали въ
 большомъ требованіи, и въ Англію и на твердую

землю Европы. Если-бы сія предположенія были точны, если-бы состязаніе покупателей не слишкомъ возвысило цѣны, спекуляціи кончились-бы хорошо. Но въ самомъ дѣлѣ было совсѣмъ не то, и ничто не было такъ ложно, какъ предположеніе спекулянтовъ: не только что не настало недостатка въ хлопчатой бумагѣ, а напротивъ вышло ее огромное излишнее количество; да если-бы и въ самомъ дѣлѣ урожай ея былъ недостаточенъ, то необыкновенное возвышеніе цѣнъ долженъ было уменьшить потребление оной, а это должно было обратнo произвести величайшее пониженіе цѣнъ.

По вѣрному счету выходитъ количество, хлопчатой бумаги, ввезенной въ Англію въ 1823, 1824 и 1825 годахъ, ужасное, а именно:

Въ 1823 г.	_____	191,402,593
— 1824 „	_____	149,380,122
— 1825 „	_____	228,005,291

Напротивъ, вывезено же было:

Въ 1823 г.	_____	9,318,403
— 1824 „	_____	13,299,505
— 1825 „	_____	18,004,953

Слѣдовательно, осталось для внутренняго потребления:

Въ 1823 г.	_____	182,184,100
— 1824 „	_____	136,090,617
— 1825 „	_____	210,000,338

Не смотря на сей огромный привозъ, возвышеніе цѣнъ было такъ велико, что сорть бума-

ги Американской (Georgie), продававшийся въ 1823 году по $10\frac{1}{2}$ ден. за фунтъ, въ 1825 г. продавался $18\frac{1}{2}$; сорты Индійской (Бенгалъ и Суратъ), отъ цѣны 1823 г., $8\frac{1}{4}$ д., дошли въ 1825 г. до $13\frac{1}{2}$ д. Со времени упадка, первый остановился на 7, а другіе на 5 д. Потеря, какую спекулянты должны были понести въ три года, по самому малому разсчету, должна простирается до $2\frac{1}{2}$ милліоновъ ф. с.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

---

*Вновь найденныя стихотворенія
Ломоносова (*).*

I.

Опмщашъ завистнику меня вооружаютъ,
Хотя мнѣ отъ него вреда совѣмъ не чаютъ.
Когда Зоилова хула мнѣ не вредишь,
Могу-ли на него за то я быть сердитъ?
Однакожь, осержусь! Я всталъ, ищу обуха;
Ужь поднялъ, я махну! А кпо сидишь пущь? Муха!
Какъ жаль мнѣ для нее напраснаго труда;
Бѣдняжка, ты лешай, ты пой: мнѣ нѣтъ вреда!

II.

Искусные пѣвцы всегда въ напѣвахъ щцаются,
Дабы на буквѣ А всѣхъ долъ остояться;
На Е, на О припомъ умѣренность имѣшь;
Чрезъ У и черезъ И съ поспѣшностью лешѣшь:

(*) Мы получили отъ одной почтенной особы сіи, дѣйствительныя, бывшія неизвѣстными стихотворенія Ломоносова и спѣшнымъ сообщеніемъ ихъ публикѣ, предполагая, что самыя малыя подробности жизни и твореній сего великаго человека важны для каждаго уважающаго память людей, коими гордится наше отечество. Сообщенный намъ подлинникъ сихъ стиховъ весь писанъ самимъ Ломоносовымъ. *Изд. Тел.*

Чтобъ онымъ нѣжному была пріятность слуху,
 А сими не привести несносной скуки уху.
 Великая Москва въ языкъ шоль нѣжна,
 Что А произносить за О велишь она.
 Въ музыкѣ что распѣвъ, то надъ словами сила;
 Природа насъ блюсти законъ сей научила.
 Безъ силы *береги*, но съ силой *берега*
 И *снѣги* безъ нея мы говоримъ *снѣга* :
 Довольно кажутъ намъ шоль ясные доводы,
 Что ищетъ нашъ языкъ вездѣ отъ И свободы.
Или ужъ стало *иль*; *коли* ужъ стало *коль*;
Изволи нынѣ всѣ вездѣ твердятъ *изволь*.
 За *спиши*, *спишь* и *спать* мы говоримъ за *спати*.
 На что-же, Трисотинъ, къ намъ тянешь И не
 кстапи?
 Напрасно злобный сей ты предпріалъ совѣтъ,
 Чтобъ льстя тебѣ когда Россійскій принялъ свѣтъ
Свинны визги вси и дикіи и злыи
И истинныи ти и лживы и кривыи.
 Языка нашего небесна красота
 Не будетъ никогда поправна отъ скота.
 Отъ яда твоего онъ самъ себя избавить,
 И вредъ сей выплюнувъ, повѣрь, тебя заставишь
 Скончатъ твой скверный визгъ спонаніемъ совы,
 Негоднымъ въ Русскій стихъ и пропащнымъ *увы!*

Подражанія Корану.

I.

Богачъ, своимъ гордись имѣньемъ,
 Забывъ Всесильнаго Творца,
 Какъ нищему сказалъ съ презрѣньемъ:
 Мое блаженство безъ конца. . . .
 Въ моихъ садахъ древа съ плодами
 Теуведаемо цвѣтуть! . . .
 Имъ-ль Бога умолять дѣлами:
 Те вѣрю я въ Господній судъ! . . .
 — Онъ мещетъ громъ рукою смѣлой —
 Теу смиренно нищій рекъ. . .
 Смотри, строптивый человекъ,
 Ибо надъ тобой не загремѣло! . . .
 Та то, что длань Его дама
 Тебѣ дары свои обильно. . . .
 А ты строптиваго чела
 Те преклонилъ предъ дланью сильной! . . . —
 Минула ночь; возставъ съ зарей,
 Богачъ увидѣлъ горделивый
 Опустошенные грозой
 Сады цвѣтушіе и нивы!
 Онъ вспомнилъ близость дня,
 Въ который вѣрують народы,
 Въ которой будетъ вся земля
 Равна, какъ равны моря воды! . . .

О Мугаммедъ ! благое слово ;
Какъ древо пальмы возрастетъ !
Его услышавъ , твой народъ
Да укрѣпится силой новой ! : . .
Мной посланъ дивный Соломонъ ,
Да озаритъ онъ землю свѣтомъ :
И въ сердцѣ мною разогрѣтомъ
Ко мнѣ горѣлъ любовью онъ !
Ему , избранному со славой ,
Созданья тайну я открылъ ;
Ему я бурю покорилъ ;
Безгласенъ сталъ предъ нимъ лукавой :
Онъ погружался въ глубь морей ,
По мановенью Соломона ,
Или прикованный у прона
Онъ трепеталъ Царя Царей !
О Мугаммедъ ! реки шворенью :
»Сильна Великаго рука !«
Да не созиждутъ храмъ спасенья
На брегѣ зыбкаго песка !

A. Pomzest.

Три брата.

Китайская сказка (*).

Есть и добро и зло,
За ними идутъ чувствительное благополучіе или несчастіе;
Вотъ что отвращаетъ отъ порока,
Вотъ что оживляетъ добродѣль!

Бѣдная званіемъ семья жила въ Ву-си, городкѣ, зависящемъ отъ округа Чангъ-чу, въ области Кіангъ-Нань. Эта семья состояла изъ трехъ братьевъ: старшій назывался Лю-ю (или *яшма*); второй Лю-пао (или *драгоценный*); третій Лю-чинъ (или *жемчужина*). Последний еще не созрѣлъ для женитьбы, а двое другихъ были женаты. Жена первого называлась Вангъ, жена второго Янгъ. У обоихъ были всѣ прелести, украшающія женщинъ.

Лю-пао страстно любилъ только игру и вино; никакой склонности къ добру въ немъ не замѣчали; жена его была та-

(*) Переводъ изъ *Contes Chinois*, изданныхъ Абель-Ремюза, знашомъ Китайскаго языка. (Парижъ. 3 Т. 1827 года.) Любопытство, возбуждаемое Китайскою Литтературою, обратилось у Французовъ, нѣкоторымъ образомъ, въ моду. Это новое доказательство жадности нашего вѣка къ свѣдѣніямъ и вмѣстѣ причина, побудившая насъ помѣстить произведеніе Китайской Литтературы, хотя, правду сказать, мы видимъ въ немъ только предметъ любопытства и хотимъ только показать читателямъ нашимъ, что нравятся нынѣ Парижанамъ. *Пер.*

кая-же : совсѣмъ не заботилась о добродѣтеляхъ, и весьма оплывалась она отъ Вангъ своей невѣстки ; та была примѣръ скромности и порядка въ жизни. Такимъ образомъ, хотя эти двѣ женщины жили довольно согласно, но сердца ихъ были соединены слабо.

У Вангъ былъ сынъ по имени Ги-элъ (сынъ наслажденія). Этому ребенку считали еще не болѣе шести лѣтъ, когда в одинъ день, остановившись на улицѣ съ другими сосѣдскими дѣтьми, посмотрѣвъ одно торжественное шествіе, онъ исчезъ въ толпѣ и вечеромъ не возвратился домой.

Такая потеря ужасно опечалила отца и мать : они велѣли вездѣ прибить записочки; не осталось ни одной улицы, гдѣ бы не поискали ; но всѣ разысканія ихъ были напрасны : они не могли услышать никакого извѣстія о своемъ миломъ сынѣ Лю-ю, отецъ его, былъ неутѣшимъ. В такой тяжести печали онъ вздумалъ удалиться изъ своего дома, гдѣ все безпрестанно приводило ему на память милаго его Ги-эля. Онъ занялъ у одного изъ друзей своихъ деньги на производство небольшой торговли, въ той и другой сторонѣ вокругъ города, льстясь, что въ краткія и частыя поѣздки, онъ найдетъ наконецъ свое потерянное сокровище.

Будучи занятъ только своимъ сыномъ онъ мало чувствовалъ удовольствія отъ

выгодъ, какія приносила ему торговля. Однакожь, онъ продолжалъ ее въ печеніе пяти годовъ, не слишкомъ удаляясь отъ своего дома; наконецъ, не находя своего сына, послѣ столькихъ лѣтъ, и почиая его потерявшимся безвозвратно, къ тому-же видя, что жена его Вангъ не приноситъ ему другихъ дѣшей, вздумалъ онъ разсѣять свои печальныя мысли, и какъ онъ собралъ маленькій запасецъ, то и рѣшился повѣхать торговать въ другой области.

Дорогой, онъ присоединился къ одному богатому купцу, который, узнавъ его способности и ловкость въ торговлѣ, далъ ему выгодную долю. Желаніе разбогатѣть избавило его отъ безпокойствъ.

Только что приѣхали они, тотъ и другой, въ область Шань-си, какъ все удалось имъ по желанію: они скоро сбыли свои товары и получили порядочный барышъ. Платежи, затянувшіеся по причинѣ двухъ-лѣтней засухи и голода, посѣтившаго ту землю, сверхъ того продолжительная болѣзнь, постигнувшая Лю-ю, все это, удержало его въ сей области три года; поправивши свое здоровье и получивъ деньги, онъ повѣхалъ отсюда въ свою сторону.

Во время пути онъ остановился подлѣ одного мѣста, называемаго Чинъ-ліу, отдохнувъ отъ усталости, и увидѣвъ поясъ изъ голубаго полотна, сдѣланный

наподобіе небольшого мышка, длиннаго и узкаго, какіе носятъ вокругъ шѣла, подъ плащемъ, и гдѣ бываютъ деньги. Поднявши мышокъ эптомъ, онъ почувствовалъ въ немъ что-то довольно тяжелое. Тогдашъ опощель онъ въ сторону, открылъ мышокъ и нащель въ немъ около двухъ-сошъ таэльсовъ (*).

При видѣ сего сокровища онъ подумалъ: «Счастливая судьба моя даетъ мнѣ въ руки эптъ деньги; я могу удержатъ ихъ и употреблять на свои надобности, не боясь ничего непріятнаго. Однакожъ, шоптъ, кто поперялъ ихъ, какъ скоро замѣнитъ свою потерю, то будешь въ ужасномъ спрахѣ и какъ можно скорѣе ворошится опыскашь ее. Не говорятъ развѣ, что наши праотцы, находя деньги, не смѣли почти допрогивахъся до нихъ и бради ихъ только для того, чптобъ возврашшь прежнему хозяину? Эта справедливость кажетъся мнѣ прекрасна, хочу подражатъ ей, шѣмъ болѣе, что я уже старъ и у меня нѣтъ наслѣдниковъ. Чптобы и сдѣлалъ я изъ денегъ, которыя приходатъ ко мнѣ непрямими пушями!»

Въ ту же минуту, ворошясь назадъ, онъ сѣлъ подлѣ того мѣста, гдѣ нашель деньги; и ждалъ тамъ весь день: не придетъ-ли кто за ними? Никто не показы-

---

(*) Таэльсъ есть унція серебра и стоить около $7\frac{1}{2}$ франк. *Аб. Рсм.*

зался, и на другой день онъ продолжалъ свой путь.

Послѣ пяти дней путешествія, прибывши около вечера въ Су-чу, онъ остановился въ гостинницѣ, гдѣ было много другихъ купцовъ. Въ разговорѣ рвчъ пала на выгоды торговли и одинъ изъ собесѣдниковъ сказалъ: »Пять дней тому, какъ ѣхавши изъ Чинь - лиу, я потерялъ двѣсти таэльсовъ, хранившихся у меня въ нижнемъ поясѣ. Я снялъ этотъ поясъ и положилъ подлѣ себя, во время небольшого отдыха; но вдругъ увидѣлъ, что ѣдетъ Мандаринъ, со всѣмъ своимъ поѣздомъ. Боясь обиды, я удаляюсь съ дороги и забываю взять свои деньги. Уже при захожденіи солнца, скидая свои платья, я замѣшилъ сдѣланную мною потерю. Я зналъ, что мѣсто, гдѣ я потерялъ свои деньги, посѣщается споль многими людьми, что напрасно замедлилъ-бы я свое путешествіе нѣсколькими днями, воролившись опыскивать то, чего конечно не найду.“

Каждый жалѣлъ о немъ. Лю-ю тотчасъ спросилъ его объ имени и мѣстѣ жительства. »Вашъ слуга называется Чинь,“ отвѣчалъ купецъ, »и живетъ въ Янгъ - чу, гдѣ у него есть лавка и довольно хорошій амбаръ. Но смѣю-ли я, въ очередь свою, спросить: съ кѣмъ имѣю честь говорить?« Лю-ю назвалъ себя и сказалъ, что онъ житель города Ву-си. »Самая ближайшая дорога шуда,“ прибавилъ онъ, »ведешь меня

въ Янгъ-чу; если вамъ угодно, я буду имѣть удовольствіе проводить васъ до вашего дома.“

Чинь, какъ слѣдовало, отвѣчалъ на эту учтивость. »Очень охотно,“ сказалъ онъ, »повѣдемъ вмѣстѣ; почишаю себя счастливымъ, что нашелъ такого пріятнаго сопутника!“ На слѣдующій день, очень рано утромъ, они повѣхали вмѣстѣ. Путешествіе не было продолжительнымъ и они скоро прибыли въ Янгъ-чу.

Послѣ обыкновенныхъ вѣжливостей, Чинь пригласилъ своего дорожнаго повара ласково къ себѣ въ домъ и велѣлъ подать небольшой завтракъ. Тогда Лю-ю обратился разговоръ на деньги, потерянные въ Чинь-лиу. »Какого цвѣта,“ сказалъ онъ, »былъ поясъ, въ который спрятали вы свои деньги, и какъ былъ онъ сдѣланъ?“ — Онъ былъ изъ голубаго полотна, отвѣчалъ Чинь. А чѣмъ онъ былъ очень примѣнителенъ, то, это буквой *Чинь*, означающей мое имя; она была вышита на одномъ концѣ бѣлымъ шелкомъ. —

Послѣ сихъ объясненій сомнѣнія не осталось никакого, и Лю-ю воскликнулъ съ веселымъ лицомъ: »Я попомню спрашиваю васъ, что провѣждалъ черезъ Чинь-лиу и нашелъ тамъ такой поясъ, какой вы описали.“ Въ то-же время онъ вынимаетъ его. »Смотрите,“ говоритъ онъ: »вашли это?“ — Онъ самой, говоритъ Чинь. Тутъ Лю-ю, держа еще поясъ въ своихъ

рукахъ, съ почтеніемъ передаетъ его насмѣяющему хозяину.

Чинъ, исполненный признательности, сильно настоялъ, чтобы Лю-ю принялъ половину той суммы, которою дарить его; но убѣжденія были напрасны: Лю-ю не хотѣлъ ничего принять. «Сколько одолжаете вы меня!» возразилъ Чинъ. «Гдѣ найдти подобную вѣрность и великодушіе!» — Онъ тотчасъ велѣлъ набрать богатый столъ, за коимъ оба съ величайшими изъясненіями дружбы приглашали другъ друга пить.

Чинъ сказалъ самъ себѣ: «Гдѣ найдти нынѣ человѣка столь честнаго, какъ Лю-ю? Такіе люди очень рѣдки. Но что? получивъ отъ него столь великое добро, не уже-ли не найду, чѣмъ ему доказать мою признательность? У меня есть дочь двѣнадцати лѣтъ: пусть союзъ дѣтей соединитъ меня съ столь честнымъ человѣкомъ. Но есть-ли у него сынъ? Вотъ этого я не знаю. „Любезный другъ!“ сказалъ онъ Лю-ю, „сколько лѣтъ теперь вашему сыну?“

При этомъ вопросѣ слезы потекли изъ глазъ Лю-ю. — Увы! у меня былъ одинъ только сынъ и безконечно мнѣ драгоценный! отвѣчалъ онъ. Семь лѣтъ тому, какъ это юное дитя, вышедши изъ дому, посмотрѣвъ торжественное шествіе, исчезло, такъ, что съ тѣхъ поръ я не могъ получить о немъ никакого извѣстія. Для

пополненія несчастья, жена моя не приноситъ мнѣ болѣе дѣтей. —

При этомъ повѣствованіи Чинъ на минуточку задумался, и потомъ сказалъ: «Братъ мой и благодѣтель! Какихъ лѣтъ было это милое дитя, когда вы потеряли его?» — Шести лѣтъ, отвѣчалъ Лю-ю. — «Какъ называли его? Какой онъ былъ изъ себя?» — Мы называли его Ги-эль, сказалъ Лю-ю. Онъ избѣгалъ отъ опасностей оспы: никакого слѣда ея не было на его лицѣ, цѣлущемъ и бѣломъ. —

Такія подробности принесли великую радость Чину, и онъ не могъ скрыть ея: радость явилась въ его глазахъ, во всей его осанкѣ. Онъ тотчасъ призвалъ одного изъ слугъ своихъ и сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо. Слуга, сдѣлавъ знакъ, что немедленно исполнитъ приказанія своего господина, идетъ во внутренность дома.

Лю-ю, внимательно наблюдая связь вопросовъ и веселость, явившуюся на лицѣ его хозяина, перевозимъ былъ различными подозрѣніями, какъ вдругъ увидѣлъ, что входитъ молодой слуга, возрастомъ лѣтъ тринадцати. Онъ одѣтъ былъ въ длинное плаще и въ балахонъ, простой, но опрятный. Его прекрасный станъ, его видъ, осанка, правильныя черты лица, прекрасныя черныя брови, подъ которыми видны были живые и проницательные

глаза, прежде всего поразили сердце и глаза Лю-ю.

Когда эпомъ юноша увидѣлъ, что за споломъ сидитъ чужой человекъ, онъ обратился къ нему съ глубокимъ почтеніемъ и учтивыми привѣтствіями; потомъ, приближившись къ Чину и скромно ставъ противъ него, сказалъ нѣжнымъ и пріятнымъ тономъ: »Отецъ мой! вы призвали Ги-эля. Что угодно вамъ приказать мнѣ?« — Я тотчасъ это объявлю тебѣ, возразилъ Чинъ; въ ожиданіи этого стой подлѣ меня.

Имя: Ги-эль, какъ называлъ себя юноша, возродило новыя подозрѣнія въ умѣ Лю-ю. Тайное впечатлѣніе объяло его сердце; удивительными дѣйствіями природы сердце въ минушу изобразило передъ нимъ образъ его сына, его станъ, лицо, видъ и всѣ приемы. Онъ видитъ все это въ томъ, котораго разсматриваетъ. Только одно названіе отца, данное имъ Чину, разсприваетъ предположенія. Не лично было спросить у Чина: точно-ли это сынъ его, что однакожь очень могло быть, потому что не невозможно двумъ дѣтямъ получить одинакое имя и походить другъ на друга.

Лю-ю такъ былъ занятъ сими размышленіями, что совсѣмъ не думалъ о томъ, какъ прекрасно его угощали. На лицѣ его можно было читать странное недоумѣніе, въ коемъ онъ находился. Какое-то очарованіе привлекало его къ этому

юношѣ: онъ безпрестанно глядѣлъ на него и не могъ никуда болѣе отвести глазъ своихъ. Ги-эль съ своей стороны, не смотря на робость и скромность своего возраста, неподвижно смотрѣлъ на Лю-ю и, казалось, сама природа открывала ему въ сію минуту, что это его отецъ.

Наконецъ Лю-ю не могъ долѣе удерживать волненія своего сердца и вдругъ прервалъ молчаніе, спросивъ у Чина: Точно ли это его сынъ? — Не отъ меня получилъ онъ жизнь, опѣчалъ Чинъ, хотя я почтиаю его какъ-бы собственнымъ моимъ сыномъ. Семь лѣтъ назадъ одинъ чело-вѣкъ, проходилъ черезъ нашъ городъ, вель за руку это дитя и случайно обратился ко мнѣ съ просьбою: помочь ему въ чрезвычайной его нуждѣ. Жена моя умерла, сказалъ онъ, и оставила мнѣ одно это дитя. Худое состояніе моихъ дѣлъ заставило меня на время оставить свою землю и удалиться въ Гоай-Инганъ, къ одному моему родственнику. Отъ него надѣюсь получить сумму денегъ для своего возстановленія; но мнѣ нечѣмъ продолжать путешествія до этого города. Будете ли сострадательны и дадите ли мнѣ впередъ три шаэльса? По возвращеніи моемъ я вѣрно опдамъ ихъ вамъ, а въ залогъ моего слова оставляю здѣсь то, что у меня есть драгоценнѣйшаго въ свѣтѣ, то есть, моего единственнаго сына. Только что

дойду я до Гоай-Ингана, какъ возвращусь
взять обратно это милое дитя.

Довѣренность незнакомца пронула
меня; я далъ ему въ руки сумму, какую
онъ просилъ для себя. Оставляя меня, онъ
залился слезами, доказывая тѣмъ, что
разстается съ сыномъ въ чрезвычайной
горести. Удивило меня то, что при
этомъ разставаньи, дитя, казалось, со-
всѣмъ не было въ смущеніи; но видя, что
называвшій себя опцомъ его не возвра-
щается, я сталъ подозрѣвать и хотѣлъ
объяснить свои подозрѣнія. Призвавъ ди-
тя, разными вопросами я узналъ отъ
него, что онъ родился въ городѣ Ву-си;
что однажды, смотря на торжественное
шествіе въ своей улицѣ, онъ удалился отъ
дома, былъ обманутъ и похищенъ незна-
комцомъ. Онъ сказалъ мнѣ также имена
своего отца и матери: имя отца его при-
надлежитъ вамъ. Я тотчасъ понялъ, что
это бѣдное дитя было похищено, и продано
мнѣ какимъ нибудь плутомъ, почувство-
валъ къ нему состраданіе и онъ умѣлъ со-
вершенно привлечь къ себѣ мое сердце. Съ
тѣхъ поръ обходился я съ нимъ также,
какъ съ моими собственными дѣтьми, и
посылалъ его въ школу вмѣстѣ съ моимъ
сыномъ учиться. Много разъ намѣревал-
ся я нарочно ѣхать въ Ву-си, дабы освѣдо-
миться о его родинѣ; но всегда было
у меня какое нибудь дѣло, заставлявшее
откладывать это путешествіе, отъ ко-

пораго однакожь и не навсегда отказывался. Къ счастью, за нѣсколько минутъ, вы случайно сказали мнѣ о вашемъ сынѣ. Нѣкоторыя слова, случаемъ брошенныя, пробудили мои мысли. По удивительному отношенію того, что я зналъ, съ тѣмъ, что вы сказали мнѣ, я велѣлъ придти Ги-элю, желая видѣть, узнаете-ли вы его.

При сихъ словахъ Ги-эль началъ плакать отъ радости, а его слезы скоро заставили Лю-ю пролить обильныя слезы. „Его можно узнатьъ,“ сказалъ Лю-ю, „по странному знаку: немного выше локтя у него есть двойной знакъ чернаго цвѣта.“ Ги-эль тотчасъ поднимаетъ рукавъ своего плаща и показываетъ два знака, выше локтя, о которыхъ была рѣчь. Увидя это, Лю-ю бросился на шею къ юношѣ, обнялъ его и поднялъ на своихъ рукахъ. „Мой сынъ!“ вскричалъ онъ, „мой милый сынъ! Какое счастье для моего отца снова найдти тебя послѣ столь долгаго отсутствія!“

Изловить иглу въ глубинѣ воды: чудо;
Но потерять сокровище, бывшее въ рукахъ, и снова найдши его послѣ: это другое чудо, гораздо большее!
О, прекрасенъ шовъ ниръ, гдѣ происходитъ сладостное
узнаніе!
Оба они еще боялся, что-бы это не было только сонъ.

Можно-ли постигнуть, какимъ восторгамъ радости предались въ сіи сладостныя минуты отецъ и сынъ! Послѣ тысячи

нѣжныхъ обниманій, Лю-ю вырвался изъ объятій своего сына и подошелъ съ при-
вѣспствіями къ Чяну. „Сколько обязанъ я
вамъ,“ сказалъ онъ, „за то, что вы приня-
ли къ себѣ и воспитали съ такою бла-
госпью эту драгоцѣнную часть самого
меня! Быль-ли-бы я когданибудь съ нимъ
вмѣспъ, если-бы не вы!“

— Любезный мой благодѣтель, — отвѣ-
чалъ Чинъ, вспавалъ, — вы поступили со мною
такъ великодушно, добродѣтельно, воз-
вративъ мнѣ двѣспи таэльсовъ, что это
пронуло Небо; оно привело васъ ко мнѣ,
и вы обрѣли то, что потеряли и что
напрасно искали въ продолженіе столькихъ
лѣспъ. Теперь я знаю, что это прекра-
сное дитя принадлежитъ вамъ, и жалѣю,
что не оказывалъ ему еще болѣе друж-
бы. — „Поклонись, мой сынъ,“ сказалъ Лю-ю,
„и благодари твоего несказаннаго благо-
дѣтеля.“

Положеніе пѣла, какое принималъ
Чинъ, показывало, что онъ хотѣлъ оп-
вѣчать поклонами на поклоны ему дѣлае-
мые; но Лю-ю, смущенный этимъ изли-
шеспвомъ учтивости, тотчасъ прибли-
жился и не допустилъ его наклониться.
Окончивъ сіи обряды, снова сѣли за столъ
и Чинъ посадилъ Ги-эля на сѣдалище подлѣ
Лю-ю, отца его.

Тогда Чинъ, снова обратившись къ
Лю-ю, сказалъ: „Братъ мой! у меня есть
дочь двѣнадцати лѣспъ; я намѣренъ от-

дашь ее за швоего сына и эплмъ залогомъ шѣснѣ соединишься съ шобою.“ Предложеніе сдѣлано было съ такимъ искреннимъ видомъ, что Лю - ю не почелъ нужнымъ употреблять обыкновенныхъ извиненій, требуемыхъ учтивостію; онъ пренебрегъ ими и шопчасъ изъявилъ свое согласіе.

Было уже поздно и они разлучились. Ги-эль легъ въ шой - же комнаѣ, гдѣ и отецъ его. Можно судить, сколько утѣшительнаго и нѣжнаго говорили они другъ другу во время ночи. На другой день Лю-ю хотѣлъ проспаться съ своимъ хозяиномъ, но не могъ воспротивиться привѣпливости, съ какою его удерживали. Чинъ велѣлъ приготовить другой пиръ, гдѣ не пощадили ничего, для лучшаго угощенія будущаго свекра дочери и новаго зятя его, также и для утѣшенія въ ихъ отъѣздѣ. Пили хорошо и предавались радости.

При окончаніи спола Чинъ вынимаетъ свертокъ съ двадцатью шаэльсами и шопря на Лю - ю, говоритъ: «Любезный мой зять конечно претерпѣлъ безъ моего вѣдома и намѣренія нѣкоторыя непріятности въ шо время, какъ жилъ у меня. Вотъ небольшой подарокъ отъ меня, въ ожиданіи того времени, когда могу шественнѣ изъявить ему мою нѣжную привязанность; не желаю, что-бы онъ отказалъ мнѣ.“

— Какъ! возразилъ Лю-ю, когда я заключаю споль почешный для меня союзъ, и по обычаю долженъ-бы самъ дать брачные дары за моего сына, увольняю себя опъ нихъ попому шолько, что я въ дорогъ, вы осыпаете меня вашими подарками? Это уже слишкомъ! это приспыжаепъ меня.“

„Э,“ сказалъ Чинъ, „кто думаетъ подноситъ вамъ такую бездѣлицу? Не свекру моей дочери, но зяпю моему хочю отдать эпошъ небольшой подарокъ. Однимъ словомъ: если вы станете упорснвовашъ въ своемъ опказѣ, я почти эпо вѣрнымъ знакомъ, что вамъ непріятенъ союзъ со мною.“

Лю-ю увидѣлъ, что непременно надобно согласишься и что упорство будетъ бесполезно: онъ принялъ подарокъ, велѣлъ своему сыну встать изъ за стола и пойдти поблагодарить Чина, отдавъ ему поклонъ. — „Что даю вамъ теперь,“ сказалъ Чинъ поднимая Ги-эля, „это бездѣлица, не спокующая благодаренія.“ Послѣ сего Ги-эль пошелъ во внутренніе покои, благодарить свою тещу. Весь день прошелъ въ пированіи и увеселеніяхъ; одна ночь разлучила бесѣдующихъ.

Лю-ю совершенно предался размышленіямъ, родившимся у него опъ сихъ происшествій. „Надобно признахъся,“ вскричалъ онъ, „что обрапная отдача найденныхъ мною денегъ естъ дѣло, очень угодное Небу, попому

что чрезъ нее нашелъ я моего сына и заключилъ столь почетный союзъ. Это счастье къ счастью ; это золотые цвѣты на прекраснѣйшей шелковой ткани. Чѣмъ я изъявлю признательность за такія милости? Вотъ двадцать таэльсовъ, подаренные родственникомъ моимъ Чиномъ : что могу сдѣлать лучшее, какъ употребишь ихъ на поддержаніе жизни нѣсколькихъ добродѣтельныхъ бонзовъ? Это значить бросишь ихъ въ землю благословенную.“

На другой день, хорошо позавтракавъ, отецъ и сынъ готовятъ свою поклажу и прощаются съ своимъ хозяиномъ. Они идутъ къ пристани и нанимаютъ тамъ барку. Едва они отъѣхали полмили, какъ приблизились къ одному мѣсту рѣки, откуда происходилъ ужасный шумъ, какъ будто возмущенная вода кипѣла. Это была барка съ путешественниками; она тонула. Бѣдные несчастливцы кричали: *Помогите ! спасите насъ !* Жители ближняго берега, встревоженные симъ крушеніемъ, кричали съ своей стороны многимъ близъ стоявшимъ лодочникамъ и просили спѣшить скорѣе на помощь несчастнымъ, оспаривавшимъ у волнъ свою жизнь; но лодочники, грубые и корыстолюбивые люди, преобладали, чтобы ихъ увѣрили напередъ въ хорошей наградѣ.

Видя этотъ споръ, Лю-ю сказалъ самъ себѣ: «Спасать жизнь человеку есть дѣло не менѣе славное и не менѣе доброе, какъ

украшеніе храмовъ и содержаніе бонзовъ. Посвятимъ двадцать таэльсовъ на это доброе дѣло; поможемъ бѣднымъ утопающимъ людямъ! — Тотчасъ онъ объявляетъ, что даетъ двадцать таэльсовъ тѣмъ, кто приметъ въ свою лодку сихъ полуутопшихъ людей.

При этомъ предложеніи всѣ лодки въ минуту покрыли рѣку; даже нѣкоторые изъ зрителей, бывшіе на берегу и умѣвшіе плавать, поспѣшно бросающіяся въ воду, и безъ исключенія всѣ утопавшіе тотчасъ были спасены. Лю-ю раздалъ послѣ этого обѣщанное лодочникамъ награжденіе.

Бѣдные люди, извлеченные изъ среды ны волнъ, подошли благодарить своего избавителя. Одинъ изъ нихъ, поглядѣвъ на Лю-ю, вдругъ воскликнулъ: «Какъ? Это ты, мой старшій братъ! Какимъ благополучіемъ встрѣчаю тебя здѣсь?» Лю-ю, обратившись къ незнакомцу, узналъ своего третьяго брата Лю-чина. — Какое чудо! какое счастье! — воскликнулъ онъ, сложивъ руки. Небо привело меня сюда въ назначенный часъ спасти жизнь моему брату. — Тотчасъ онъ протягиваетъ къ нему руку, приводитъ его на свою барку, помогаетъ ему скинуть измокшее платье его и даетъ другую одежду.

Пришедши въ себя, Лю-чинъ кланяется своему старшему брату, а послѣ, послѣ взаимнаго привѣтствія, приказываетъ Гиэлю ошдаты почтеніе дядѣ; потомъ раз-

сказываетъ ему исторію пояса, возвращеннаго первому хозяину, и то, какимъ образомъ онъ нашелъ своего сына. Лю-чинъ не могъ придти въ себя отъ изумленія при этомъ разсказѣ. — Располкуй мнѣ наконецъ, сказалъ ему Лю-ю, что привело тебя въ эту спрану?

«Невозможно нѣсколькими словами исчерпать подробностей, которыхъ желаешь ты», отвѣчалъ ему Лю-чинъ. «Три года уже, какъ ты оставилъ свой домъ, и къ намъ пришло печальное извѣстіе, что ты умеръ отъ болѣзни въ области Шанъ-си. Впорой братъ мой освѣдомлялся и увѣрялъ, что извѣстіе справедливо. Это было ударомъ грома для моей невѣстки: она была неунышима и потчасъ облеклась въ глубокій трауръ. Что касается до меня, я не сколько не хотѣлъ вѣрить этому извѣстію.

«Черезъ немного дней, мой второй братъ спалъ напоминать моей невѣсткѣ, что ей надобно думать о новомъ замужествѣ. Она всегда далеко отъ себя отвергала это предложеніе; наконецъ заставила меня съѣздить въ Шанъ-си, для поисковъ и полученія извѣстій о тебѣ. Когда я совсѣмъ не предполагалъ, когда готовъ былъ погибнуть въ волнахъ, встрѣчаю моего возлюбленнаго брата, спасающаго меня отъ смерти. Неожиданное счастье это не есть-ли благодѣяніе Неба? Но, братъ! повѣрь мнѣ, что не лѣзя терять времени:

спѣвши возвратиться домой и успокоить мою невестку. Малѣйшее замедленіе можетъ быть причиною невозвратныхъ несчастій.»

Этотъ рассказъ ужаснулъ Лю-ю: онъ велѣлъ призвать хозяина барки, и хотя было очень поздно, приказалъ поднять парусы и плыть во всю ночь.

Спѣшенное сердце лепитъ, какъ опрѣла и негодуешь на медленность;
Лодка бѣжитъ какъ челнокъ ткача, и бѣтъ ей все еще слухомъ шихъ.

Услышавъ печальную вѣсть о смерти своего мужа, Вангъ сначала сомнѣвалась въ истинѣ этого сказанія; но наконецъ, когда Лю-пао успѣлъ увѣрить ее въ томъ, надѣла траурное платье.

У Лю-пао было дурное сердце и онъ способенъ былъ къ самымъ злымъ дѣламъ. «Я не сомнѣваюсь: братъ мой точно умеръ», сказалъ онъ. «Невестка моя молода и прекрасна; къ тому-же, теперь нѣкому поддерживать ее. Мнѣ надобно принудить ее снова выйти за-мужъ, а это доставитъ мнѣ деньги.»

Тотчасъ рассказываетъ онъ о своемъ намѣреніи женѣ своей Янгъ, и заставляетъ ее говорить объ этомъ невесткѣ. Но Вангъ съ ужасомъ отвергаетъ такое предложеніе; Лю-чинъ, своими безпрестанными упреками, представляетъ также новыя препятствія этому браку. Такъ, всѣ упо-

изребленные хитрости оспавались безъ уеиѣха. «Издѣспіе, пересказанное тысячулю челоуѣкъ», говорила Вангъ сама себѣ, «не стоишь показанія одного личнаго свидѣтеля. Хотя говоришь, что мужъ мой умеръ за тысячулю описюда; но, кто знаеешь? можешь бытъ эптоиъ слухъ, пришедшій споль издалека, не имѣеиъ никакого основанія? Попрошу моего деверя Лю-чина самого повѣхашъ въ область Шанъ-си и забратиъ на мѣстѣ досповѣрныя свидѣнія. Если въ самомъ дѣлѣ я споль несчастлива, что поперяла своего мужа, то, по крайней мѣрѣ, деверъ принесешъ мнѣ драгоцѣнныя остатшки его.

Она просила Лю-чина вѣхашъ и онъ отправился. По опѣвѣдѣ его, Лю-пао спалъ безпокойнѣе въ своихъ преслѣдованіяхъ. Сверхъ того, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, приведенный въ отчаяніе несчастливою игрою, онъ самъ не зналъ, что дѣлать и гдѣ достать денегъ. Въ такомъ замѣшательствѣ, онъ встрѣтился съ купцомъ изъ Кіангъ-си, который лишился жены и искалъ себѣ другую. Лю-пао воспользовался этимъ случаемъ и предложилъ ему свою цевѣстку. Купецъ соглашается на его предложеніе, впрочемъ, принявъ предосторожность, то естъ, осведомившись, тихонько, молодали и хорошали предлагаемая особа. Какъ скоро онъ увѣрился въ эиомъ, то не теряя времени, вручилъ тридцать шаэльсовъ для заключенія дѣла.

Получивъ эту сумму, Лю-пао сказалъ купцу: «Я долженъ васъ предупредить, что невестка моя горда и надменна: она окажется много затрудненій, когда придется ей оставить домъ, и очень трудно будетъ вамъ заставить ее рѣшиться на это. И потому, волея что должны вы сдѣлать: сего дня, при наступленіи ночи, будьте съ портпешезомъ, идите тихонько и спаньте подлѣ нашихъ воротъ. Если покажется женщина въ праурномъ головномъ уборѣ, то знайте, что это моя невестка; не говорите ей ни слова и не слушайте того, что она вздумаетъ вамъ сказать; но потчасъ схватите ее, бросьте въ портпешезъ, опнесите на вашу барку и плывите.» Этою способъ очень понравился купцу, и исполненіе его показалось ему легко.

Между тѣмъ Лю-пао возвратился домой, и не желая подать какого-либо подозрѣнія невесткѣ о своемъ намѣреніи, умѣлъ хорошо притвориться въ ея присутствіи. Какъ скоро Вангъ вышла, онъ вѣрилъ женѣ то, что имъ задумано, и наименовавъ свою невестку, съ презрительнымъ движеніемъ сказалъ: «Надобно, чтобы этотъ товаръ сего дня ночью вышелъ изъ нашего дома; но я не хочу быть свидѣтелемъ ея слезъ и воздыханій и выйду напередъ; какъ-же скоро наступитъ ночь, то одинъ купецъ изъ Кіангъ-си придетъ похитить ее и унесетъ въ портпешезъ на свою барку.»

Едва Лю-пао окончилъ сіи слова , какъ вдругъ услышалъ шумъ , производимый кѣмъ-то , шедшимъ подѣ окошками. Онъ поспѣшилъ выйти , и скоростію , съ какою онъ удалился , не позволила ему прибавить подробности о траурномъ головномъ уборѣ. Безъ сомнѣнія , по особенному провидѣнію Неба это обстоятельство было имъ упущено.

Вангъ легко замѣтила , что Лю-пао вдругъ принужденъ былъ прервать разговоръ , услышавъ шорохъ ея шаговъ подѣ окошкомъ. Выраженіе голоса его ясно показывало , что ему надобно было сказать еще что-то ; но она уже довольно слышала , попомню , что когда Лю-пао входилъ въ домъ , она по виду его узнала , что ему хотѣлось сказать женѣ своей нѣчто въ тайнѣ и сдѣлала видъ , будто вышла , но тихонько , приложивъ ухо къ окну , ясно разслушала сіи слова : *«Ее похитятъ, ее бросятъ въ пустыне».*

Послѣ сихъ словъ увѣрилась она въ своихъ подозрѣніяхъ , и вошедши въ комнату , приблизилась къ Янгъ. Сначала она объявляетъ ей о своихъ безпокойствахъ. «Сестрица !» сказала она , «ты видишь несчастную вдову , соединенную съ тобою самыми тѣсными узами дружбы , всегда бывшей искреннею. Заклинаю тебя нашею старинною дружбою , объяви мнѣ откровенно : не упорствуетъ-ли мой деверь въ прежнемъ своемъ намѣреніи принудить

иеня къ замужеству, ополь для меня пясноному?»

При такой рѣчи Янгъ сначала приняла смущеніе, покраснѣла; потомъ, съ видомъ болѣе увѣреннымъ, сказала ей: «Что ты вздумала ты, сестрица, и что за мысли у тебя въ головѣ? Если-бы дѣло о второмъ замужествѣ твоемъ, не же-ли ты думаешь, что опъ этого бы-и-бы въ большомъ замѣшательствѣ? Къ чему бросаешься въ воду, прежде нежели барка готова разрушиться.»

Какъ скоро Вангъ услышала эту пословицу о баркѣ, то еще лучше поняла смыслъ тайнаго разговора своего деверя. Тотчасъ начинается она жаловаться, вздыхать, и предавшись всей своей горести, запирается въ своей комнатѣ, плачетъ тамъ, спрадаешь, рыдаешь. «Какъ я несчастлива!» восклицаетъ она, «я не знаю, что сдѣлалось съ моимъ мужемъ! Мой деверь и другъ Лю-чинъ, на котораго я могла положиться, въ дорогѣ. Отецъ мой, мать, родсвенники, далеко опъ здѣшней земли. Если это дѣло пойдетъ скоро, то могу-ли я дать знать имъ о немъ? Опъ сосѣдей нѣчего и ожидать, потому, что Лю-цао навелъ собою ужасъ на весь околошокъ и никто не осмѣлится поддержать меня или защитить. О я несчастная! Я не избѣгну опъ сѣшей, и если не попадусь въ нихъ сего дня, то это сдѣлается завтра, или очень скоро, какъ нибудь. Окон-

чимъ эту слишкомъ шаткоstinную жизнь, умремъ одинъ разъ: лучше умереть, нежели спрaдaтъ тысячею смертей.

Такъ рѣшилась она, но исполненіе этой рѣшимости отложила до вечера. Какъ скоро настала ночь, она удалилась въ свою комнату и заперлась тамъ; послѣ этого, взяла веревку; одинъ конецъ ея привязала къ переводникъ, а изъ другаго сдѣлала петлю; придвинула скамью, взошла на нее и вскричала: «Всемогущее Небо! опомнись за меня!» Послѣ сихъ словъ и нѣсколькихъ вздоховъ, вылетѣвшихъ изъ груди ея, она сбрасываетъ свой траурный головной уборъ, влагаетъ голову и шею въ петлю, наконецъ отпалкиваетъ ногою скамью и виситъ на воздухъ.

Кажется, все кончилось для этой несчастной женщины. Случилось однакожъ, что веревка, на которой она повѣсилась, вдругъ оборвалась. Янгъ, полумертвая упала на землю; ея паденіе произвело ужасный шумъ.

На шумъ прибѣжала Янгъ, но нашедши дверь накрѣпко задвинутою, подумала, что это не можетъ быть хитрость полупомѣшанной женщины. Тотчасъ схвативъ ломъ, она вышибла дверь. Ночь была очень темная; вошедши въ комнату, Янгъ запуталась ногами въ платье своей невестки, и упала навзничь. Опъ этого головной уборъ ея слетѣлъ съ нее и она пришла въ такой ужасъ, что нѣсколько

минушъ находилась въ безпамятствѣ. Пришедши въ себя, она шопчасъ вспала, пошла сыскасть лампу и возвратившись въ комнату, нашла Вангъ, лежащую на землѣ безъ движенія и почти безъ дыханія.

Но вдругъ услышала она, что кто-то стучится тихонько у воротъ. Не сомнѣваясь, что это купецъ изъ Кіангъ-си, пришедшій за купленною имъ женою, она бѣжипъ скорѣе принялъ его и ввести въ комнату, чтобы онъ могъ быть свидѣтелемъ случившагося. Но подумавши, что на ней не было головного убора и что неприлично являться просповолосою, она поспѣшно схватила валявшійся у ногъ ея траурный головной уборъ Вангъ и побѣжала узнать, что такое тамъ было.

Она узнала купца изъ Кіангъ-си, который, исполняя приказанія Лю-пао, явился похитивъ обѣщанную ему женщину. У него былъ готовъ брачный поршшезъ, украшенный шелковыми тканями, лентами, цвѣтами и множествомъ прекрасныхъ фонарей; его окружали слуги съ зажженными факелами и толпа музыкантовъ съ дудками и свирѣлями. Весь эшотъ повздъ дожидался на улицѣ, не играя на инструментахъ и не дѣлая никакого шума. Купецъ спукнулъ легонько въ ворота, и нашедши ихъ оппертыми, вошелъ въ домъ съ нѣсколькими людьми, освѣщавшими ему дорогу.

Какъ скоро Янгъ показалась, **Купецъ**, увидя на ней траурный головной уборъ, бывшій условленнымъ знакомъ, усстремился на нее, какъ жадный ласпробъ на маленькую пшичку. Прибѣжали его люди, схватили Янгъ и заперли ее въ портшезъ, уже совсѣмъ приготовленный. Напрасно кричала она: *ошибаются, не меня искали!* Тотчасъ раздался звукъ инструментовъ и заглушилъ ея голосъ. Между тѣмъ носильщики лепѣли, а не шли, желая поскорѣ принести ее къ баркѣ.

Толпа музыканшовъ входитъ на барку чужестранца;
Ошибка въ траурномъ головномъ уборѣ имѣешь свѣдѣніемъ
бракъ.

Когда супруга плачетъ и рыдаетъ, выходя за другаго мужа,
Въ то время и судьбу и наслощаго мужа своего прокла-
наетъ она.

Между тѣмъ, Вангъ, облегченная спараніемъ своей невѣстки, опомнилась и снова спала различать предметы. Сумапоха, которая слышалась ей у воротъ дома, возобновила ея безпокойство и привела ее въ смертельное смущеніе; но замѣтивъ, что звукъ музыки и смѣсь голосовъ и инструментовъ ежеминутно удалялись, она разувѣрилась, и по происшествіи почти полу-четверти часа, осмыслилась даже пойдти посмотришь: въ чемъ заключалось дѣло?

Тщешно кликнувши два или три раза свою невѣстку, она поняла, что купецъ обманулся и увезъ не ту, кого искалъ. Но

страшась какой нибудь новой неприятности, если Лю-пао узнаетъ объ этой ошибкѣ, заперлась она въ своей комнатѣ и подобрала съ полу шпильки, серьги и головной уборъ. Послѣ этого хотѣла она опдохнуть, но не могла сомкнуть глазъ во всю ночь.

На разсвѣтъ встаетъ, умывается, и въ то время, когда ищетъ своего траурнаго головнаго убора, вдругъ слышитъ она шумъ у воротъ дома. Тамъ сильно стучатся и кричатъ: *отворите!* Это былъ почто Лю-пао: она узнала его по голосу. Тотчасъ рѣшившись и давши ему волю стучать, она не отвѣчала ничего. Лю-пао заклиналъ, шумѣлъ, кричалъ до того, что охрипъ. Наконецъ Вангъ подошла къ воротамъ и не отворяя ихъ сказала: «Кто тамъ стучится и шумитъ такъ ужасно?» Лю-пао совершенно узналъ голосъ своей невѣстки и спалъ кричать еще сильнѣе; но видя, что она не хочетъ отпереть ему воротъ, онъ рѣшился на такое средство, которое удалось ему. «Сестра (сказалъ онъ)! Добрая и счастливая новость: младшій братъ мой Лю-чинъ возвратился, а старшій находится въ полномъ здоровьи; отвори скорѣе.»

При словахъ, что Лю-чинъ возвратился, Вангъ побѣжала надѣтъ головной уборъ, оставленный ей невѣсткою, и послѣ этого тотчасъ отворила ворота; но тщетно глаза ея ищутъ милаго Лю-чина: она видитъ одного Лю-пао, который прежде

всего вошелъ въ свою комнату; но не видя памъ жены, и сверхъ того видя чернѣйшій головной убора на своей невѣсткѣ, снова впалъ въ страшныя подозрѣнія. Наконецъ онъ воскликнулъ: „А гдѣ-же швоя невѣстка?“ — Ты долженъ это знать лучше меня, отвѣчала Вангъ, пошому что ты самъ сплелъ эту прекрасную свѣть. — „Но скажи мнѣ,“ возразилъ Лю-пао: „почему ты теперь уже въ черномъ головномъ уборѣ? Развѣ ты сняла трауръ?“ Вангъ рассказала ему все, что безъ него случилось.

Едва окончила она слова свои, какъ Лю-пао жестоко ударяетъ себя въ грудь и мечется, какъ отчаянный. Но оправившись мало помалу, онъ говоритъ самъ себѣ: „У меня еще осталось средство въ этомъ несчастіи. Продамъ опять невѣстку и на вырученныя за нее деньги куплю себѣ другую жену; никто не узнаетъ моего несчастія, никто не узнаетъ, что я продалъ мою собственную жену!“

Онъ игралъ всю прошедшую ночь и проигралъ тридцать пѣэньсовъ, полученные отъ купца изъ Кіангъ-си, который былъ уже далеко съ новою своею супругою.

Лю-пао готовъ былъ выйти изъ дому, для того, чтобы устроить это дѣло, когда увидѣлъ, что къ воротамъ подъѣхали пять или шесть человекъ и спѣшили войти въ домъ. Это были старшій братъ его Лю-ю, младшій Лю-чинь, племянникъ его Ги-эль и двое слугъ съ поклажею. Уви-

дл ихъ, Лю-паю пришелъ въ ужасъ, и не имѣя силъ выдержать ихъ присутствія, вышелъ изъ дому по задней двери и исчезъ, какъ молнія.

Вангъ, въ восторгѣ радости, выходя встрѣтивъ своего милаго мужа. Но какъ увеличилась ея радость при видѣ своего сына, котораго едва узнала она: такъ онъ выросъ и спалъ хорошо. „Какимъ счастливымъ,“ вскричала она, „привели вы этого милаго сына? Я почитала его потеряннымъ!“

Лю-ю подробно разсказалъ свои приключенія, а жена его Вангъ очень продолжительно пересказала, въ свою очередь, всѣ обиды ошъ Лю-пао и гибель, къ какой онъ приводилъ ее.

Лю-ю отдавалъ справедливую хвалу вѣрности своей жены. „Если-бы“ вскричалъ онъ, „по слѣпой спраски къ богатству я удержалъ двѣсти таэльсовъ, случайно найденные мною, какъ могъ-бы я найти нашего милаго сына? Если-бы скупость помѣшала мнѣ употребить двадцать таэльсовъ на спасеніе упавшихъ, мой милый братъ погибъ-бы въ волнахъ, и я никогда бы не увидѣлъ его; если-бы, по неожиданному спеченію обстоятельствъ, я не встрѣтилъ этого любезнаго брата, то могъ-ли бы во время узнать о смятеніи и безпорядкахъ, какіе происходили въ моемъ домѣ? Безъ этого, милая жена моя, мы никогда-бы не увидѣлись! Все это

ѣсть дѣйствіе особеннаго провидѣнія Неба, управлявшаго сими различными происшествіями. Что касается до моего другаго брата, брата безчувственнаго, продавшаго собственную жену свою, не зная того, онъ справедливо привлекъ на себя несчастье, его обременяющее: всесильное Небо награждаетъ людей по достоинству; да не думаютъ злые избѣгнуть ошъ его правосудія!“

Научимся изъ сего, какъ выгодно быть добродѣтельнымъ. Ошъ добродѣтели съ каждымъ днемъ болѣе процвѣтаетъ домъ.

Въ послѣдствіи времени Ги-эль похвалъ за своею супругой, дочерью Чина. Заключенный ими бракъ былъ очень счастливъ. У нихъ было много дѣтей; они видѣли у себя толпу внучатъ, изъ коихъ многіе возвысились на пути знаній и достигли выгодныхъ должностей.

Такъ прославилось это семейство.

Должный возвратъ способствуетъ найти потеряннаго сына; Продавая невѣстку, братъ теряетъ свою собственную жену. Пути Неба въ дѣлахъ міра истинно удивительны: Оно умѣетъ различать добрыхъ ошъ злыхъ: его не обмануть!

II. С М Ъ С Ъ.

Журналистика.

Вотъ любопытныя литературныя извѣстія, найденныя нами во Французскихъ Журналахъ. Король Баварскій, покровитель всего изящнаго и великаго, нечаянно обрадовалъ старца Гёте: онъ приѣхалъ въ Веймаръ, совсѣмъ неожиданно, въ самый шотъ день, когда цѣлый городъ праздновалъ шамъ 76-й годъ рожденія Гёте. Просвѣщеннымъ читателямъ конечно извѣстно, что Гёте наслаждается въ Германіи славою, какой бывало немного примѣровъ: вся Германія ежегодно торжествуетъ день его рожденія! Какимъ восторгомъ должно было исполниться сердце маститаго Поэта, когда явился къ нему неожиданный, знаменитый гость его! Король обнялъ Гёте, крѣпко прижалъ его къ груди своей и потомъ спросилъ: «Не осталось-ли на груди Гёте мѣстечка для скромнаго Баварскаго ордена?» снялъ съ самого себя ленту и надѣлъ ее на Гёте. Возвратясь въ Минхенъ, онъ написалъ прекрасныя стихи и послалъ ихъ къ Гёте. Къ сожалѣнію, мы должны перевести ихъ съ Французскаго перевода, желая поскорѣ доставить читателямъ удовольствіе видѣть восхищительное изъясненіе чувствъ дѣятельнаго Поэта.

«Оболеніе прекрасной жизни, дни протекшіе въ Веймарѣ! съ какимъ наслажденіемъ шѣснишесь въ душу мою. Все измѣнилось окрестъ меня: шаконъ законъ времени; но память моя сохранить вѣрно оболѣстительное воспоминаніе, и придастъ прошедшему всю прелесть настоящаго.

»И что-же? Блѣдный отблескъ воспоминанія: не въ немъ-ли все счастье, сужденное здѣсь человѣку? Яркій лучъ, играющій на поверхности воля, что ты другое, какъ не померкшій лучъ солнца? И гласъ великаго Поэта, по мѣрѣ того, какъ онъ раздается въ мѣрѣ, теряешь свое очарованіе и могущество.

»Я былъ на семъ великомъ зрѣлищѣ, гдѣ могъ видѣть генія величайшаго, почтеннаго, любимаго тѣмъ, кто всѣхъ достойнѣе понять всю цѣну такого сокровища! Я видѣлъ Августа, и видѣлъ — болѣе нежели Виргилія. Ихъ благородный союзъ будетъ вѣченъ на землѣ. Нѣтъ! его ничто не разрушитъ, кромѣ неумолимаго кадуцея Эрміева, когда придетъ время воззвать на мрачные берега великаго старца, или его порфиророднаго друга!

»Прелестныя воспоминанія обвилися вокругъ сердца моего, какъ вѣнокъ, сплеченный изъ всего, что есть въ мѣрѣ изящнѣйшее: Римъ, прославленный пребываніемъ Гёте, Веймаръ, гдѣ цвѣла юность и зацвѣтають преклонныя лѣта его, вы, счастливые берега Рейна! гдѣ впервые опознался голосъ Поэта великаго!

»Солнце, скрывши лучезарную главу свою въ нѣдрахъ Океана, могущественнымъ гласомъ вѣщаетъ землѣ, еще не остывшей отъ полудневнаго зноя, вѣщаетъ, что придетъ вновь живошворить его. Такъ и въ глаголахъ Поэта, мы чувствуемъ силу, кошорая, вопреки времени и пространству, покорить ему позднѣйшее потомство!

»Такъ, великіе мужи! Родъ человѣческій навсегда обогащенъ благодѣяніями, какія получили онъ въ Веймарѣ! Ваша слава покорила вамъ безсмертіе и не-

гибнущимъ величіемъ одѣла мѣста, гдѣ вы существоете! Туда придуть нѣкогда народы и поколѣнія. Привѣтствую тебя, Веймаръ, привѣтствую вѣчное святилище Германіи!

Еще другое замѣчательное стихотвореніе помѣщено теперь въ разныхъ Журналахъ: *Despedida de mi esposa Fernando para sa viage a Cataluna* (*Прощанье съ супругомъ моимъ Фердинандомъ, при отъѣздѣ его въ Каталонію*), сочиненное Королевою Испанскою, когда Король Фердинандъ недавно самъ отправился усмирить буйныя толпы мяшежниковъ Каталонскихъ. Стихи сіи помѣщены были въ придворной Мадридской Газетѣ и отрывками переведены въ Русскихъ нашихъ Газетахъ. Говоряиъ, что во Франціи сочинили на нихъ прекрасную музыку. Полагая, что подлинникъ не можетъ быть любопытенъ въ Россіи, гдѣ Испанскій языкъ такъ мало извѣстенъ, мы помѣщаемъ, для читательницъ Телеграфа, Французскій переводъ сего романа, трогательнаго и унылаго, какъ звуки Золовой арфы.

Du départ déjà l'heure sonné. . .
 Ferdinand! reçois mes adieux,
 Faisons au peuple, à ta couronne,
 Un sacrifice impérieux.
 Vas! mon époux, sauver l'Espagne
 Des partis en proie aux fureurs:
 Toujours l'Eternel accompagne
 Les princes pacificateurs.

Et malgré ma paupière humide,
 Qui trahit l'impuissant effort

D'une femme aimante et timide ,
 O Dieu ! je me sou mets au sort.
 C'est sur mon époux que j'appelle ,
 Et tes grâces et tes bienfaits.
 Ah ! puisse une gloire éternelle ,
 L'immortaliser à jamais.

Que sont des torrens de mes larmes ,
 Au prix du sang de tes vassaux ;
 Lorsque par tes royales armes ,
 Tu voles terminer leurs maux ?
 D'un pas ferme , suis ta carrière ,
 Illuminé par l'Esprit Saint ,
 Et qu'à l'aspect de ta bannière
 Le fatal brandon soit éteint.

Réunis sous ton sceptre auguste ,
 Ce peuple , égaré dans sa foix ,
 Qu'il sente la main forte et juste
 D'un roi libre , agissant en roi.
 De l'olivier , doux présage ,
 Va donc ceindre ton front royal ,
 Moi , je demeure . . . comme un gage
 D'amour public et conjugal.

Au pied de la croix prosternée
 Je reste . . . implorant à genoux
 Mon Sauveur sur la destinée
 De l'Espagne et de mon époux ;
 Dieu remplira mon espérance :
 Les peuples rendus à la paix ,
 Sauront , que sans l'obéissance
 Le bonheur n'existe jamais.

D'un trône tranquille et prospère ;
 Bientôt, Fernand, tu jouiras ;
 Et, sur tes sujets, comme un père,
 Monarque aimé tu régneras.
 Puisse, de l'antique Hespéride,
 Bientôt renaître l'âge d'or,
 Et que l'Eternel, qui nous guide,
 Ne nous sépare qu'à la mort.

Валтеръ Скоптъ издавъ уже новый романъ : *Кенонгетскія Лѣтописи*, о которомъ говорили мы въ No 17 Телеграфа. Все сочиненіе состоитъ изъ двухъ томовъ, по крайней мѣрѣ, во Французск. переводѣ, вышедшемъ въ одно время съ подлинникомъ. Тутъ, въ первомъ томѣ опять В. Скоптъ мистифируетъ читателя : является новый Джедедія Клейшбошемъ, мастеръ рассказывать старицу, какой - то Крейстель Крафшенгри, лѣтописатель Кенонгетскій. Слѣдуютъ три повѣсти ; между прочими : *Вдова Гейглендская* и *Дочь лекаря*. Но самое любопытное, какъ пишутъ Французы, объясненіе В. Скопты, которымъ письменно признаетъ онъ себя *Авторомъ своихъ романовъ* и объявляетъ причины, по которымъ таился онъ отъ публики. »Знающимъ Исторію Италіискаго театра (говоритъ онъ) извѣстно, что Арлекинъ Италіянскихъ комедій не былъ, такъ какъ нынѣ на Англійскихъ театрахъ, простой прыгунъ, иногда колдующій своею деревянною шпагою ; но что сначала былъ онъ умный и колкій товарищъ другихъ лицъ, забавлявшій шутками и острыми словами зрителей. Дословѣрно неизвѣстна эпоха, когда

надѣлъ онъ на себя черную маску, закрывающую лицо его; но маска эта, придающая ему физиогномію кошки, одѣлалась неотъемлемою и всегдашнюю принадлежностью его костюма, особенно послѣ слѣдующаго анекдота. Одинъ изъ актеровъ Италіанскаго театра, игравшій роль Арлекина на Сень - Жерменской ярмаркѣ, славился удачными и умными своими шутками. Кто-то, изъ людей болѣе снисходительныхъ, нежели смѣшливыхъ, совѣтовалъ ему снять маску, не разчитывая того, что противоположность между неподвижностью чернаго лица Арлекинова и живостью разговоровъ и колкостью шутокъ его, составляли почти главное его достоинство. Что-жъ вышло? Актеръ показался холоднѣмъ; увѣренность его на самого себя пропала и онъ принужденъ былъ снова надѣть маску. Что случилось съ Арлекиномъ, можетъ случиться и съ *Асторомъ Веврелемъ*, который, можетъ быть, повредитъ извѣстности, уже нѣсколько заслуженной сими именемъ, когда самъ перестанетъ быть неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ опытъ дѣлается не по волѣ, какъ было съ Арлекиномъ, ибо намѣреніе мое было, во время жизни моей никогда не признавать своихъ сочиненій; для того - то рукописи мои тщательно берегались (не мною, правда, а другими), съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ надлежащее время доказать ими истину моего признанія послѣ моей смерти. Но въ послѣднее время дѣла издателей моихъ романовъ перешли въ чужое управленіе; я не могъ уже полагаться на сохраненіе тайны съ ихъ стороны, и маска моя начинала спадать съ меня; тогда захошѣлось мнѣ лучше снять ее самому, пока

не сорвали другіе. Но, что касается до того, какимъ образомъ открылъ я мою тайну, увѣряю, что открытіе это не было приготовлено, и все, что произошло при семъ открытіи между мною и моимъ почтеннымъ и ученымъ другомъ, Лордомъ Медоубанкомъ, было-нечаянно. 23 Февраля, помнишь, положили мы собраться для установленія кассы, предназначенной поддержать Эдимбургскій театръ. Не задолго передъ обѣдомъ, Лордъ Медоубанкъ спросилъ меня: »Не уже-ли я всегда хочу сохранять мое incognito, въ разсужденіи *Повѣстей Автора Веверлея*?« Я не понялъ вдругъ цѣли вопроса, хотя легко можно было разгадать ее, и отвѣчалъ, что тайну эту знаетъ уже столько народа, что я долженъ быть равнодушенъ въ этомъ отношеніи. Послѣ такого отвѣта Лордъ Медоубанкъ сдѣлалъ мнѣ честь, предложивъ постъ за мое здоровье, и сказалъ нѣсколько словъ о повѣстяхъ моихъ, прибавивъ мое имя, такъ, что я былъ въ необходимости: или отвѣчая ему, признать ихъ, или, что еще было хуже, остаться въ подозрѣніи, что я принимаю похвалу, безъ всякаго права. Такимъ образомъ, безъ приготовленій, вдругъ приведенъ я былъ, какъ будто къ исповѣди: имѣлъ только время сообразить, что меня привела къ ней дружеская рука, и что можетъ быть я не найду уже лучшаго случая сбросить мое переодеванье, начинавшее походить на узнанную маску. Такимъ образомъ принудили меня, предъ собраніемъ, столь-же почтеннымъ, сколь и многочисленнымъ, къ признанію, что я, единственный, безъ всякаго посторонняго пособія, сочинитель повѣстей, объ Авторѣ коихъ было не мало споровъ. Почитаю необходимымъ сказать, что

принимая на себя все, что есть хорошаго и дурнаго въ сихъ произведеніяхъ, я съ благодарностію долженъ объявить о предметахъ и преданіяхъ, мнѣ переданныхъ и служившихъ мнѣ, смотря по надобности, основною, или эпизодомъ, во многихъ моихъ произведеніяхъ. Особенно должно мнѣ упомянуть о благосклонности Г. Іосифа Трайна, смотрителя Думфрійской цѣркви, которому одолженъ я многими любопытными преданіями и важными ошашками старины. Г-ну Трайну особенно обязанъ я исторіею, послужившею основною для *Шотландскихъ Пуритановъ*, хотя послѣ его разсказовъ я вспомнилъ еще много подробностей объ этомъ, слышанныхъ мною давно отъ знаменитаго путешественника Петерсона. Другой долгъ надобно заплатить мнѣ неизвѣстному корреспонденту, дамѣ, сообщившей мнѣ описаніе характера и поступковъ Дженни Динсъ, въ *Эдмбургской тюрьмѣ*: ея отказъ спасти жизнь сестры своею ложью и путешествіе въ Лондонъ, переданы были мнѣ, какъ истинныя событія, любовною, обязательною особою и дали мнѣ мысль о возможности сдѣлать интереснымъ выдуманное лицо, за простое благородство его характера, вѣрность правилъ, здравый разсудокъ, не давая ему ни обширнаго ума, ни красоты, ни пріятности, словомъ: ни одного изъ тѣхъ преимуществъ, коими такъ щедро надѣляютъ своихъ героинь сочинители романовъ. Если я успѣлъ въ этомъ, отдаю честь, кому она принадлежитъ, и жалѣю, что не могу сдѣлать извѣстнымъ оригинальное, прелестное повѣствованіе, служившее основною моею повѣсти. Старинныя книги и легенды представляли мнѣ столько матеріаловъ, что скорѣе могли истощиться силы

романиста, нежели сіи драгоценныя матеріалы. Такъ, на примѣръ, ужасное окончаніе *Ламмермурской невесты*, есть истинное происшествіе, бывшее въ одной Шотландской фамиліи, высшаго званія; но всѣ подробности происшествія были мною только вѣроятно, но не исправно описаны, и я могу отдать самому себѣ справедливость, что бравши въ основаніе разсказовъ замѣчательнѣйшія по мнѣнію моему черты истинныхъ событій, никогда не нарушалъ я тайнъ семейственныхъ.“

В. Скоптъ упоминаетъ о разныхъ подробностяхъ происшествій, служившихъ ему матеріалами, и прибавляетъ потомъ: »Когда я открылъ (ибо для меня это точно было открытіе), что, находя удовольствіе въ самомъ трудѣ моемъ, я могу также доставить другимъ занимательное развлеченіе, я боялся быть постигнутымъ завистью и мѣлочными сплетнями, которыя часто безобразятъ и унижаютъ характеръ многихъ Литтераторовъ: другъ простой жизни, я рѣшился оградить себя такимъ оплотомъ, который не могли-бы разрушить, даже досада и грусть, слѣдующія за литтературными неуспѣхами. Пусть припишутъ грубой нечувствительности или смѣшному чванству, но я признаюсь, что не столько былъ я чувствителенъ къ похваламъ и признательности, какихъ удостоились мои сочиненія, сколько радовался тѣмъ дружескимъ связямъ, какія они мнѣ доставили, связямъ, какъ я люблю вѣрить, утвержденнымъ нынѣ на основаніи болѣе прочномъ, нежели тѣ слабыя побужденія, какія были ихъ причиною. Питая глубокое чувство уваженія и признательности къ публикѣ; могу сказать, что я циль взя упоц-

тельной чаше похвалъ со всею скромностію и никогда ни словами, ни письмами, не старался возбуждать литературныхъ преній на мой счетъ. Въ успѣхи литературные, по моему мнѣнію, вмѣшивается — столько моды, въ нихъ бываетъ такая непродолжительность времени, что глупо было-бы ими тщеславиться.

«Сочинитель, столько долгое время и такъ громко призываемый, наконецъ, повинувшись публикѣ, являюсь я передъ нею. Въ надеждѣ, что читатель, теперъ меня уже знающій, продолжитъ ко мнѣ свое благорасположеніе, которыми пользовался я, когда меня не знали, осмѣливаюсь, подписывая сіи замѣчанія, объявить себя моимъ читателямъ покорнымъ и благодарнымъ слугою. *Валтеръ Скоттъ. Абботсфордъ, 1-го Октября 1827 года.*

Надобно признаться, что умнѣе и добродушнѣе не лѣзя было, кажется, написать подобнаго объявленія; и мы охотно вѣримъ, что В. Скоттъ говоритъ искренно. Какъ не повторить послѣ этого словъ извѣстнаго писателя: »Слава! слава! что такое? Какъ гоняется слава за тѣмъ, кто о ней не думаетъ, и какъ бѣжитъ она отъ тѣхъ, кто гонится за нею!« Сколько явочныхъ прошеній подавано было о бѣгствѣ славы отъ людей, которые цѣплялись за нее обѣими руками! И сколько людей спали спокойно, а слава молча подкрадывалась къ нимъ!

Мы вѣрно не наскучимъ читателямъ, выписавши еще отрывокъ изъ письма В. Скотта (отъ 2-го Августа, 1827 года, изъ Абботсфорда) къ другу его Фергуссону, который рекомендовалъ ему Италіянца Бальмано, желавшаго выгравировать

эстампъ, съ картины, писанной славнымъ Вилькіе м бывшей на выставкѣ Королевской Парижской Академіи Живописи, въ 1818-мъ году. На этой картинѣ изображенъ былъ В. Скоптъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Г-нъ Бальмано (пишетъ В. Скоптъ) требуетъ отъ меня еще рассказовъ о самомъ мнѣ и моихъ ближнихъ, желая, какъ говоришь онъ, исполнить и безъ наряда показать меня: жаль, что у меня нѣчего рассказать такого, что было-бы достойно вниманія публики. Ей, вѣроятно, мало нужды знать, что, на примѣръ, въ послѣднюю потѣдку мою въ Парижъ перемѣнилъ я старую мою *robe de chambre* на прекрасную *douillette*. Право, нѣтъ человѣка, сколько нибудь извѣстнаго въ Литтературѣ, котораго частная жизнь была-бы ипакъ незамѣчательна какъ моя; мнѣ ничего не случилось преодолѣвать, ни по рожденію, ни по воспитанію моему, и у меня столько-же найдется предметовъ для рассказа, сколько у того человѣка, кошорый говаривалъ: «Моя исторія? Слава Богу! у меня нѣтъ исторіи разсказать вамъ!»

«Что касается до людей, изображенныхъ на картинѣ, изъ нихъ . . . такъ всегда почти бываешь съ бѣдными смертными, когда оглядываешься они на прошедшее! . . . изъ нихъ, въ пять или шесть лѣтъ, уже нѣсколькихъ не стало: они оставили намъ только грустное воспоминаніе.

Вилькіе представилъ мое семейство, въ жостюмѣ обитателей южной Шотландіи, занятое приготовленіемъ небольшого праздника. Мѣсто дѣйствія терраса Кейсидская, откуда прекрасный видъ

на Эйльдонскіе холмы. Я, Сирь В. Скопшъ, сочинилъ нѣсколькихъ дюжинъ помовъ, владѣтель Абботсфортскаго помѣстья, въ Графствѣ Руксбургскомъ, занимаю первое мѣсто въ картинѣ; Но 2 й, напередъ картины, добрый другъ мой, Сирь Фергуссонъ, хранитель Королевской Шотландской печати; Но 3 й, почтенный старикъ, бывшій почти 84-хъ лѣтъ, въ то время, какъ писана картина, и принадлежавшій къ обширному клану Скопшовъ: онъ изображенъ въ платьѣ Шотландскаго пастуха и всегда оплечался между ими тѣмъ, что въ жизнь свою не бывалъ ни разу боу, не ударилъ никого въ досадѣ, и всегда имѣя много денегъ, которыми давали ему для раздачи другимъ, употреблялъ ихъ всегда хорошо. Онъ недавно умеръ въ Абботсфортѣ.

»Слѣдующъ изображенія трехъ особъ женскаго пола. Одна изъ нихъ была мать, оплакиваемая нынѣ всѣмъ семействомъ. Подлѣ нее Миссъ Софія, Шарлотта Скопшъ, нынѣ Г-жа Локкартъ, и младшая сестра ея Миссъ Анна Скопшъ, обѣ въ костюмахъ молочницъ.

»Что касается до двухъ мальчиковъ, изображенныхъ на картинѣ, одинъ теперь Капитанъ гусарскій; другой, Карлъ Скопшъ, младшій изъ всего нашего семейства, учится въ Оксфордскомъ Коллегіумѣ. Живописецъ не забылъ и двухъ большихъ собакъ, бывшихъ любимицами всей семьи; изъ нихъ одна называлась *Мадда* и была изъ старинной породы Гейглендскихъ собакъ, нынѣ весьма рѣдкихъ, а подарена была мнѣ Глейрерскимъ снаршпюю; другую звали *Урискъ*: это Гейглендская ищейная собака, особенной породы, также рѣдкой, а

подарена была мнѣ Мистриссою Спьюаршъ Маккензи.»

«Бѣдная Мадда, увы! не существуетъ болѣе! Она преселилась къ знаменитымъ собакамъ, каковы были: Бренъ, Луанъ, и проч., и, также какъ онъ, удостоилась надгробія, въ которомъ, къ чести надгробной Словесности Шотландской, въ двухъ строчкахъ, только одна ложь.»

Журнальный сыщикъ.

*П а р и ж с к і я   м о д ы   (*).*

Une des couleurs à la mode pour le gros de Naples, ainsi que pour la popeline unie ou brochée, pour le mérinos broché, surtout pour la popeline, est *biche*.

Les élégantes portent en demi-toilette, tant à la promenade qu'au spectacle, et en soirée, des robes en foulard des Indes. Il y en a de toutes nuances, de tous dessins.

Quelques jeunes personnes portent des spencers de velours noir plain, à corsage en guimpe, et lacés par derrière. Les merveilleuses joignent à un spencer pareil une pélerine en dentelle d'Angleterre, froncée du haut et terminée par une grosse ruche de tulle.

Il y a des turbans nouveaux dont la calote est en velours noir plain, et la torsade en velours noir à raies de cachemire. Cette torsade comme séparée en deux, est, à gauche, beaucoup moins grosse que du

(*) Дѣ 31 Октября (ш. в.), 1827 г.

côté opposé. Deux gances en or passementé, terminées par des glands, tombent sur l'épaule gauche.

Les modistes font beaucoup de bérêts en petit velours jaune-girafe, à grandes losanges rose vif en satin: une rosette orne le milieu de la calote; et, par devant, deux oiseaux-de-paradis sont placés de manière que la queue s'incline vers l'oreille gauche.

Toutes les élégantes ont déjà leur manteau au spectacle; on voit même des *colliers* en fourrure et des *boas*. En chinchilla, un boa coûte 150 francs.

Les nouvelles pélinines, pareilles aux robes pour l'étoffe, ont les pointes du derrière et du devant assez longues pour que la ceinture passe par dessus. Au haut des manches, ces pélinines sont fendues comme un *jockey à la persane*.

Цвѣтъ *лаки* — вотъ модный цвѣтъ для гренаппа, попелина, гладкаго и узорчатаго, мериносовой ткани узорчатою, особенно-же для попелина.

Въ полунарядѣ, на прогулкахъ, въ театрѣ и на вечера, щеголихи являются въ платьяхъ изъ Оспъ-Индской тафты. Узоры и цвѣта оной различные.

Нѣкоторыя изъ молодыхъ особъ носятъ спенсеры изъ гладкаго, чернаго бархата, у которыхъ корсажъ до самой шеи, и зашнуровывается на спинѣ. Щеголихи прибавляютъ къ такому спенсеру пеллерину изъ Англійскихъ кружевъ, со складками въверху и большимъ тюлевымъ рюшемъ на краяхъ.

Появились новые тюрбаны: тулья у нихъ изъ чернаго гладкаго бархата, торсада изъ чернаго бархата, съ шалевыми полосами. Торсада, какъ-бы раздѣлена надвое и на правой сторонѣ гораздо огром-

нѣе, чѣмъ на лѣвой. Двѣ петлицы изъ золотого галуна, съ шариками на концахъ, падаютъ на лѣвое плечо.

Модныя торговки дѣлаютъ много беретовъ изъ бархата желто-жирафоваго цвѣта, съ большими атласными ромбоидами ярко-розоваго цвѣта; по срединѣ тульи сихъ беретовъ розетка, а напередѣ двѣ райскія пшички, приколотыя такъ, что хвосты ихъ склоняются къ лѣвому уху.

Въ спектакляхъ, всѣ щеголихи являются уже въ плащахъ; нѣкоторые носятъ даже мѣховые воротники и *боа*. Шиншиловая боа стоитъ 150 франковъ.

Углы новыхъ пеллеринокъ, дѣлаемыхъ изъ той же матеріи, какое бываетъ платье, такъ длинны, что напередѣ и назадѣ поясъ идетъ сверхъ ихъ. На плечахъ сіи пеллерины разрѣзаны какъ *jockey à la persane*.

На приложенныхъ картинкахъ :

1. *Дама*. Гроденаплевая шляпка, съ углами изъ газовыхъ лентъ, соспавляющими наискось кружокъ около всей тульи. Гроденаплевое платье, украшенное воланами. Кисейная каньзу. Галстухъ, шелковый платочикъ, спереди прикрепленный эмалевою бабочкою. *Озажскій* поясъ.

2. *Мужина*. Пуховая шляпа. Фракъ съ однимъ рядомъ металлическихъ пуговицъ. Казимировый жилетъ съ позолоченными пуговками. Казимировые брюки, застегнутые внизу перламутровыми пуговками.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СЕМНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Стр.

Театральное Искусство.

- ✓ Нѣсколько мыслей о Лекенѣ и Театральномъ
Искусствѣ (Соч. Тальми). - - 5 и 149

Исторія.

Піемонтская кампанія Французовъ, въ 1796 г.

(отрывокъ изъ Исторіи Наполеона, соч. В.

Скоттснъ). - - - - 69

Теорія Изящ. Иск.

Содержаніе и форма Изящной Словесности. 237

Статистика.

Рѣчь, при закладкѣ перваго шлюза, на соеди-
нительномъ каналѣ, между Москвою и Вол-
гою, 29 Сентября 1827 г. (соч. Г-на Под-
полковника Сомова). - - - - 251

II. КРИТИКА.

Замѣчанія на статью: Coup-d'oeil sur l'histoire
de la langue slave, et sur la marche progressive
de la civilisation et de la littérature en Russie
(Взглядъ на Исторію Славянскаго языка
и постепенный ходъ просвѣщенія и Лит-
тературы въ Россіи). - - 23 и 102

Критическое обозрѣніе Русской Литтера-
туры, помѣщенное въ *Revue Encyclopédique*. 182

Хозяйственная Статистика Россіи, составл.

В. Андроссовымъ. М. 1827 г. - - 259

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

Русская Литтература 1826 и 1827 годовъ.

38, 129, 197 и 273

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Общій взглядъ на путешествія для откры-
тій, оконченныя въ теченіе послѣднихъ
годовъ и вновь предполагаемыя. 52, 137 и 226
О послѣднемъ, необыкновенномъ переломѣ
въ Англійской торговлѣ и промышленности. 283

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія

	Стр.
В—о М. —	Отрывокъ изъ Байронова сочиненія: <i>Манфредъ</i> (съ Англ.). - - - 65
Вяземскаго, Князя П. А. —	Выдержка. - - - 122
Илларионскаго А. А. —	Куплеты. - - - 72
Л. М. Н. —	Пѣсня Миньоны (изъ Гёшера <i>Видзельма Мейстера</i> ; съ Нѣм.). - 74
Ломоносова М. В. —	Вновь найденныя стихотворенія. - - - 169
Ротчева А. Г. —	Подражанія Корану. 171

Цвѣты изъ Греческой Анеологіи (съ Греческаго). - - - - 3

Проза.

✓ Заколдованный домъ (Повѣсть Ирвинга Вашингтона). - - - 14, 75 и 125
✓ Три браша. Китайская сказка. - - - 173

II. СМѢСЬ.

Отрывки писемъ изъ Парижа (Я...Т.). 52 и 106
Литтературныя извѣстія. - - - 54 и 112
Журналистика. - - - 55, 114, 158 и 203
Парижскія моды (на Французскомъ и Русскомъ языкахъ). - - - 63, 119, 164 и 215
Къ сей части принадлежатъ: <i>шесть картинокъ Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ, портреты: Байрона и Георга Каннинга, бывшаго Министра Великобританскаго.</i>

APR 21 1931

